

ISBN 978-5-6052652-2-1

9 785605 265221 >

М. Ю. Нечаева

Екатеринбургский Ново-Тихвинский монастырь. 1796–1917 гг.

М. Ю. Нечаева

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ
НОВО-ТИХВИНСКИЙ
МОНАСТЫРЬ
1796–1917

Институт истории и археологии
Уральского отделения
Российской академии наук

М. Ю. Нечаева

**Екатеринбургский
Ново-Тихвинский монастырь
1796–1917 гг.**

Екатеринбург
2024

УДК 94(47)“17/19”:271
ББК 63.3(2)5
Н 59

Рекомендована к изданию ученым советом
Института истории и археологии Уральского отделения РАН

Научный редактор:
доктор исторических наук Л. А. Дашкевич

Рецензенты:
доктор исторических наук А. В. Мангилева
(Екатеринбургская духовная семинария)
кандидат исторических наук И. Л. Манькова
(Институт истории и археологии УрО РАН)

Н 59 Нечаева М. Ю.

Екатеринбургский Ново-Тихвинский монастырь. 1796–1917 гг. /
М. Ю. Нечаева. – Екатеринбург, 2024. – 340 с.: илл.
ISBN 978-5-6052652-2-1

Книга посвящена крупнейшему на Урале и одному из крупнейших в России монастырю – Екатеринбургскому Ново-Тихвинскому женскому. История уральского монастыря воссоздается на фоне общероссийской церковной политики и состояния российского монашества конца XVIII – начала XX вв. Монография содержит большое количество биографических материалов, описаний повседневной жизни, церковных практик обители.

Книга адресована специалистам-историкам, краеведам, всем интересующимся российской историей и историей Русской Православной Церкви.

ISBN 978-5-6052652-2-1

9 785605 265221 >

© М. Ю. Нечаева, 2024

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Община при кладбищенской церкви	8
Глава 2. Учреждение монастыря	33
Глава 3. Заштатная обитель на своем содержании	65
Глава 4. Первоклассный монастырь	111
Глава 5. Наследие игуменьи Таисии	135
Глава 6. Монастырь «высшей степени процветания и благоустройства»	177
Глава 7. Итоги столетнего существования	216
Заключение	254
Приложения	259
1. Описание крестного хода 1813 г.	259
2. Из рапорта епископа Пермского и Екатеринбургского Иустина в Синод от 1 июня 1821 г.	262
3. Замечания на проект устава Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря, 1821 г.	269
4. Описание священной церемонии, происходившей в Екатеринбурге 1822 года декабря в 12 день	276
5. Описание храмов Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря, 1875 г.	280
6. Церемония заложения храма во имя праведного Симеона Верхотурского на Булзинской заимке Ново-Тихвинского монастыря 12 мая 1881 г.	293
7. Празднование столетнего юбилея Ново-Тихвинского женского монастыря в г. Екатеринбурге, 24–26 июня 1910 г.	297
Словарь церковных и исторических терминов	309
Список источников и литературы	317
Иллюстрации	325

Предисловие

«Ново-Тихвинский монастырь занимает южную, несколько приподнятую местность в городе, поэтому имеет вид со всех почти сторон открытый и довольно красивый, особенно при въезде в город через сибирскую заставу», — так писал об обители в 1875 г. ее первый летописец В. Иконников¹. От сибирской заставы к монастырю пролегал Александровский проспект, ныне ул. Декабристов, а от Главного проспекта (ныне ул. Ленина) шла ул. Успенская, названная так по Успенской церкви, возле которой и началась история обители. Ныне Успенская — это ул. Вайнера, а параллельная ей ул. Хохрякова прежде была Тихвинской. Обе они доходили из центра старого Екатеринбурга до каменной ограды монастыря. Ограда, конечно, уже перестроена, но и сегодня она осталась на ул. Народной Воли. Раньше это была улица Монастырская.

В ландшафте современного Екатеринбурга Ново-Тихвинский монастырь стоит несколько особняком. Совсем недалеко от одной из центральных улиц города — но в некотором уединении. Стена из жилых корпусов с выступающими апсидами встроенных храмов, кажется, отделяет какой-то другой мир от шумной и суетной жизни большого города. Жизнь в трудах и молитвах, отречение от мирских соблазнов...

Монашество всегда составляло небольшую часть духовенства, но монастыри являлись и являются своеобразными идеальными матрицами религиозной жизни. И как идеал — доступными не для всех. Монастыри — традиционная форма религиозной организации, сохраняющая свои основы на протяжении столетий. История христианского монашества началась еще в IV в. в пустыне Египта, и основные его начала — аскетическая уединенная жизнь, обеты нестяжания, послушания и целомудрия — остаются нерушимыми до наших дней. Но монастыри — часть общества, и меняющаяся историческая ситуация не может не коснуться их. Непростой была история и российских обителей.

История Екатеринбургского женского Ново-Тихвинского монастыря началась в конце XVIII в. Через 100 лет после учреждения в монастыре жило более тысячи человек, это был крупнейший монастырь

---

¹ *Иконников В.* Историческое описание Екатеринбургского Новотихвинского первоклассного девичьего монастыря. СПб., 1875.

на Урале и один из крупнейших в стране. Кто они — екатеринбургские монахини? Как жил монастырь в эпоху своего стремительного роста? Что значил он для города?

К сожалению, архив монастыря не сохранился, и его историю приходится воссоздавать по отдельным документам, имеющимся в фондах Синода, Верхотурского Николаевского и Далматовского Успенского монастырей, Пермской и Екатеринбургской духовных консисторий, Екатеринбургской городской думы, Главной конторы Екатеринбургских казенных горных заводов, Екатеринбургской городской полиции, Горного начальника екатеринбургских заводов и др.

Существенным подспорьем является наличие дореволюционных публикаций по истории монастыря, в которых достаточно пространно цитировались ныне не сохранившиеся документы. Наиболее систематизированным было изложение истории обители, сделанное в 1875 г. В. Иконниковым в жанре популярных в XIX—начале XX в. «исторических описаний». Его книга была составлена на основе монастырского архива и бесед автора с монахинями. В 1892 г. С. В. Керским была издана небольшая брошюра, кратко излагающая историю обители². В 1901 г. аналогичная брошюра была написана Н. П. Штейнфельдом³. Наибольшую ценность в брошюрах С. В. Керского и Н. П. Штейнфельда представляют сведения, относящиеся к истории обители после 1875 г., почерпнутые из документации монастыря и бесед с насельницами.

Обширная подборка архивных документов по истории Ново-Тихвинского монастыря была опубликована в 1905–1910 гг. в неофициальном отделе «Екатеринбургских епархиальных ведомостей»⁴. Публикация осталась незаконченной, а ее составитель не был указан. Документы сопровождалась достаточно критичными замечаниями. Вероятно, автором был один из екатеринбургских священников, поскольку тональность замечаний, характер подбора документов близки к опубликованной в 1900 г. «от редакции» статье, вызванной необходимостью обсуждения на предстоящем епархиальном съезде обстоя-

---

² Керский С. Новотихвинский монастырь в городе Екатеринбурге. СПб., 1892.

³ Штейнфельд Н. П. Исторический очерк столетия Екатеринбургского Новотихвинского первоклассного девичьего монастыря. Екатеринбург, 1901.

⁴ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря // Екатеринбургские епархиальные ведомости (далее: ЕЕВ). Отд. неофиц. 1905. № 4. С. 95–102; № 5. С. 129–133; № 7. С. 193–198; № 10. С. 299–305; № 12. С. 398–405; № 13. С. 434–438; № 14. С. 468–474; № 15. С. 497–501; 1906. № 24. С. 808–814; 1907. № 3. С. 53–59; № 5. С. 95–103; № 7. С. 153–162; № 11. С. 246–252; 1910. № 5. С. 121–136; № 7. С. 163–176; № 9. С. 204–215.

тельств передачи монастырем зданий епархиальному училищу и взаимоотношений между монастырским и епархиальным свечными заводами⁵. Публикация документов в епархиальной газете была закончена в марте 1910 г., за несколько месяцев до празднования столетия монастыря.

Комплекс монастыря неоднократно привлекал внимание уральских историков архитектуры. Особенности композиции монастырского ансамбля и его храмов стали одним из основных объектов анализа в работах М. В. Голобородского⁶. Справочные материалы о монастырских храмах содержатся в работах С. И. Ворошилина и протоиерея В. Лавринова⁷. Л. А. Козинец и А. М. Раскин дали характеристику монастырского ансамбля как части городского ландшафта Екатеринбурга XIX—начала XX вв., В. М. Слукин описал состояние выявленных подземных коммуникаций на городской территории обители и на его загородных владениях⁸.

Насельницы современного Ново-Тихвинского монастыря, скрупулезно занимаясь реконструкцией биографических данных и сведений о молитвенных подвигах верующих, подвергшихся репрессиям при советской власти, трепетное внимание уделили настоятельницам своего монастыря Магдалине (Досмановой), управлявшей обителью с 1895 г. (скончалась в 1934 г.). Ими составлены жизнеописания схиигумении Магдалины, в которых особое внимание уделено духовной жизни обители начала XX в. В основу этих жизнеописаний положены не только письменные источники, но и бережно собираемые насельницами воспоминания родственников и знакомых новотихвинских монахинь, переживших закрытие обители после революционных событий начала XX в.⁹ Жизнеописания Магдалины (Неустроевой) и игу-

---

⁵ Постановления съездов в историческом порядке относительно устройства Епархиального женского училища в зданиях монастырских и мероприятия к постройке нового здания для училища // ЕЕВ. 1900. № 18. Отдел неофиц. С. 551–563.

⁶ *Голобородский М. В.* Архитектура храмов Екатеринбурга (XVIII–XIX вв.) Дисс. ... кандидата архитектуры. Т. 1–2. Екатеринбург, 2004; Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Том 1. Екатеринбург. Отв. ред. В. Е. Звагельская. Екатеринбург, 2007. С. 179–187.

⁷ *Ворошилин С. И.* Храмы Екатеринбурга. Екатеринбург, 1995. С. 67–80; *Лавринов В., прот.* Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург, 2001.

⁸ *Раскин А. М.* Архитектура классицизма на Урале. Свердловск, 1989; *Козинец Л. А.* Каменная летопись города. Свердловск, 1989; *Слукин В. М.* Тайны уральских подземелий: легенды, реальность, поиск. Изд. 2-е. Екатеринбург, 2005.

⁹ Жизнеописание настоятельницы Ново-Тихвинского монастыря схиигумении Магдалины (Досмановой). Екатеринбург, 2002; Молитву пролию ко Господу. Екатеринбургская старица Магдалина (Досманова). М., 2022.

мении Таисии (Костроминой) были включены также в подготовленную Комиссией по канонизации святых Екатеринбургской епархии книгу «Жития святых Екатеринбургской епархии» (в раздел «непрославленные подвижники») ¹⁰.

История монастыря, начавшаяся в 1796 г., продолжается и сейчас. Эта книга посвящена рождению и расцвету обители в период до 1917 г. (имперский период, применительно к истории церковных организаций чаще используется термин «синодальный период»). После революционных событий 1917 г. Екатеринбургский монастырь, хотя и продолжал еще существовать некоторое время, оказался вырван из условий мирного времени и вынужден был выживать в менявшихся идеологических условиях. С утверждением советской власти православная вера, ради которой насельницы пришли в монастырь, стала гонима, а существование монастыря предрешено. Судьбы насельниц, оказавшихся в горниле антирелигиозной борьбы, многие годы изучают сестры возрожденного в 1994 г. монастыря. Будем ждать книгу (или несколько книг), в которой они сами расскажут об этой, трагической, и нынешней, благополучной, страницах истории их родной обители.

---

¹⁰ Жития святых Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 2008. С. 608–656, 759–790.

Глава 1. Община при кладбищенской церкви

Екатеринбург своим рождением обязан металлургическому заводу, который был запущен 7 ноября (18 ноября по современному стилю) 1723 г., что традиционно и считается датой основания города. Строили город люди многих национальностей и конфессий, но большинство из них были православными, и одновременно с городом и заводом они возводили церкви. Но монастырь появился только почти через столетие. И это было неслучайно.

Ко времени основания города уже четко сложилось и было оформлено рядом указов отношение императора Петра I к «чину монашескому». В Прибавлении к Духовному регламенту мая 1722 г. был приведен целый ряд конкретных правил к его «исправлению»¹¹, а в именном указе Синоду от 31 января 1724 г. «пространно» изложен смысл реформы¹². С уважением относясь к раннехристианскому монашеству, Петр I считал, что уже через сто лет появились «монахи ленивые», и смысл иночества «извратился». Возможность бытования в России истинного монашества, следующего идеалам иноческой жизни и обеспечивающего себя своими трудами, Петр I отвергал: «сего весьма климат северный наша страна не допускает». Необходимость сохранения монашества он признавал только ради двух «вин»: для восполнения высшей церковной иерархии («архиерейства») и «ради удовольствования прямою совестию оное желающих». Для первой задачи достаточно было двух монастырей, где бы обучали богословским наукам, проповедничеству, а наиболее отличившихся предлагали бы к избранию в архимандриты «знатных» монастырей и в архиереи¹³.

Особая польза для мирян иноческой молитвы Петром I не признавалась: «А что говорят, молятся, то и все молятся». Современное ему российское монашество в массе своей Петр I не считал принявшим иноческий сан «прямой совестью» и усматривал в уходе в монастырь не бегство от мирской суеты, а бегство от обязанностей в миру. Свой долг государя император видел в исправлении монашества. Полагая корень всех бед в праздности иночества, Петр I считал, что его существование может быть оправдано конкретной «прибылью» обществу

---

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830 (далее: ПСЗ-1). Т. VI. СПб., 1830. № 4022.

¹² Там же. Т. VII. № 4450.

¹³ Там же.

путем обращения монастырей к благотворительному подвижничеству. Мужские монастыри должны были заниматься служением отставным военным и нищим, а женские – призрением нищих и воспитанием сирот обоюбого пола. Поскольку численность монашествующих значительно превышала потребности в таких благотворительных подвижниках, временно предполагалось оставить излишних монашествующих как добывающих пропитание трудами своих рук (монахов – сельскохозяйственными работами, монахинь – рукоделиями). Постригать вновь в число трудящихся на земле монахов было запрещено, а в число служащих монахов постриг мог быть открыт только после полного исчерпания ресурса в виде пашенных монахов.

Намерением Петра I было установить штаты монастырей: определить их количество и списочный состав, количество монашеских мест в каждом и положенное содержание в зависимости от исполняемых послушаний. Для того, чтобы иметь возможность собрать сведения о наличном составе иночествующих, а также исходя из тезиса об излишнем количестве имеющихся монастырей, был введен запрет строить новые монастыри без ведения Синода (сформулированный в Прибавлении к Духовному регламенту)¹⁴ и запрет на постриг (именным указом 28 января 1723 г.)¹⁵. Таким образом, ко времени основания Екатеринбурга строить монастыри и принимать постриг было запрещено.

Смерть императора в 1725 г. не дала осуществиться его планам относительно монашества в полной мере. Но преемники Петра на российском троне продолжали готовить введение штатов, сохраняя одновременно социальные и возрастные ограничения на постриг, введенные Петром (хотя и сделав в них некоторые исключения), практически полностью перекрывавшие доступ в ряды иночества представителей податных слоев российского общества, из которых в предыдущий период в основном и формировалось монашество. Численность монашествующих, не имеющая пополнения, сокращалась, а уже принявшие постриг с годами дряхлели и имели меньше возможностей исполнять необходимые послушания в обителях и в монастырских вотчинах. К тому же, отставные военные предпочитали жить в монастырских владениях, а не в богадельнях в самих обителях. Петровский замысел исправления монашества путем обращения на благотворительное служение ближним на практике провалился. Уже со времен императрицы Елизаветы Петровны возобладало отношение к монашеству

---

¹⁴ Там же. Т. VI. № 4022.

¹⁵ Там же. Т. VII. № 4151.

как к кругу требующих государственного призрения лиц, что еще больше закрепило тенденцию к введению штатов монастырей: светская власть собиралась взять на себя заботы и об отставных военных, и о самих монахах, регулируя численность, размещение, содержание и тех и других. И монастырские владения тоже взять в пользу государства, мотивируя это тем, что за счет доходов с этих земель и будут выдаваться штатные средства монастырям и содержание отставным военным¹⁶.

Императрица Екатерина II указом от 26 февраля 1764 г. провела секуляризацию церковных владений во всех великороссийских епархиях. Для монастырей вводились штаты, определявшие численность духовных лиц, на которых давалось государственное содержание, при этом из их управления изымались земельные владения и крестьяне¹⁷. Из числа монастырей, имевших земельные владения и крестьян, были выделены 162 мужских и 67 женских, которым были определены штаты. Предполагалось оставить 3918 штатных мест: 1366 для монахинь и 2552 для монахов¹⁸. 31 марта 1764 г. императрица утвердила доклад Комиссии о церковных имениях, предлагавший оставить в качестве заштатных еще 161 мужской монастырь, выбрать которые могли епархиальные архиереи, «из самых лучших... точно б были такие, кои бы неоскудное к содержанию своему довольство от мирского подаяния иметь могли», причем земли и прочие угодья, прежде им принадлежавшие, изымались, а милостыню просить заштатным монахам запрещалось. Женские заштатные монастыри не предусматривались¹⁹. Не попавшие в число заштатных и штатных обители подлежали закрытию.

Общая численность монашествующих, предусмотренная екатеринскими штатами, была примерно в 2,5 раза меньше той, которая имела к 1764 г.²⁰ Сокращение численности должно было произойти со временем по мере вымирания монашествующих (новые постриги

---

¹⁶ Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания. Царствование Государыни Императрицы Елисаветы Петровны. Царствование Государя Императора Петра Феодоровича. Т. IV. 1753–28 июня 1762 гг. СПб., 1912. № 1566.

¹⁷ Там же. Т. XVI. № 12060.

¹⁸ Там же. Т. XLIV. Ч. II. Отд. III. К № 12060.

¹⁹ ПСЗ-1. Т. XVI. № 12121.

²⁰ По данным на 1759 г., в монастырях проживало 10.092 монашествующих, по штатам оставалось 3.918 мест (см.: *Комиссаренко А. И.* Разработка законодательных актов секуляризационной реформы 1764 г. // Проблемы истории России. Вып. 2: Опыт государственного строительства XV—XX вв. Екатеринбург, 1998. С. 35).

были запрещены до окончания разведения наличного состава по обителям, а сами условия получения разрешения на постриг еще более регламентированы и ужесточены). Перевод монашествующих из закрываемых монастырей на штатные места носил отчасти формальный характер, поскольку престарелых и немощных, которым не по силам был переезд, согласно указу 27 ноября 1769 г. оставляли на прежних местах и только зачисляли в штат на бумаге²¹. В 1786 г. реформа была распространена и на монастыри Малороссии²², а в 1788 г. — на монастыри Харьковской, Екатеринославской, Курской и Воронежской губерний²³. Пока шло перераспределение монашества с учетом и этих регионов, создание новых монастырей и постриги в имеющихся также были невозможны, хотя это перераспределение уже на практике и не затрагивало большинство великороссийских епархий. Введение штатов монастырей в юго-западных землях, присоединенных в Российской империи в конце XVIII в., и Грузии, проводившиеся вплоть до середины XIX в., уже осуществлялось в рамках этих регионов²⁴. Всего по подсчетам П. Чудецкого, в ходе реализации реформы было закрыто до конца XVIII в. 637 монастырей из 1072, имевшихся к 1764 г. (60 %), в том числе 508 мужских (из 863) и 129 женских (из 209)²⁵.

XVIII век стал периодом не созидания новых монастырей в России, а уничтожения имевшихся²⁶. Не удивительно, что монастырь в Екатеринбурге не мог возникнуть в это время.

Жители Екатеринбурга, теоретически, могли принять монашество (если соответствовали социальным, возрастным ограничениям) в одном из уже существовавших к синодальному периоду монастырей региона. Из мужских ближайшими к городу были Далматовский Успенский, Невьянский Богоявленский, Верхотурский Николаевский. Из

---

²¹ ПСЗ-1. Т. XIX. № 13721.

²² ПСЗ-1. Т. XXII. № 16374, 16375, 16411, 16721; Т. XLIV. Ч. 2. Отд. 3. С. 54—55.

²³ Там же. Т. XXII. № 16649.

²⁴ ПСЗ-1. Т. XXXI. № 24696; Т. XXXIX. № 30010; Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (далее: ПСЗ-2). Т. XVII. Отд. 1. СПб., 1843. № 15188; Отд. 2. СПб., 1843. Приложения. К № 15188; *Чудецкий П. И.* Опыт исторического исследования о числе монастырей русских, закрытых в XVIII и XIX веках. Киев, 1877. С. 29; *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем: в 3 т. СПб., 2007. С. XI.

²⁵ *Чудецкий П. И.* Указ. соч. С. 35—37. Попытки определить количество закрытых монастырей в XVIII в. в целом и за отдельные периоды предпринимались неоднократно и несколько расходятся в показателях, но все они строятся на неполных и недостаточно проверенных данных, поэтому до сих пор носят ориентировочный характер.

²⁶ Подробнее о политике относительно монастырей и практике ее реализации в XVIII в. см.: *Нечаева М. Ю.* Монашество Среднего Урала синодального периода: принципы формирования и социальный состав. Екатеринбург, 2019. С. 37—114.

женских – Далматовский Введенский, Верхотурский Покровский. К сожалению, сохранились лишь некоторые ведомости о монашесствующих этих обитателей за XVIII век, но в них не упоминаются пришедшие из Екатеринбурга лица²⁷.

Но административные предписания не могли воспрепятствовать желанию посвятить свою жизнь служению Богу, уйдя от мирской суеты под сень монастыря. Несколько десятилетий спустя после переломного указа о секуляризации местные городские и горнозаводские власти тоже стали ощущать необходимость заведений, способных взять на себя заботу о наиболее нуждающихся вдовах и сиротах, оставшихся без мужчин-кормильцев. Для Урала эта проблема была актуальна вдвойне. Работники горных заводов были подвержены высокому травматизму и ранней смертности, а посему число вдов и сирот из таких семей было весьма велико.

Начало монастырю в Екатеринбурге было положено в самом конце XVIII в., но в первые годы существования небольшой женский социум, стоявший у его истоков, определялся как богадельня, а вовсе не монастырь.

Выбор между богадельней и монастырем

В конце XVIII в. в Екатеринбурге при кладбищенской Успенской церкви, находившейся, как считалось, уже за городом (ныне это центр Екатеринбурга), поселились несколько женщин. Сколько их было поначалу и когда они там появились — точно не известно. Известно, что с 1796 там жили как минимум трое. Самой старшей была Анастасия Самойлова Никитина — крестьянская девица из с. Горнощитского (в 20 км от Екатеринбурга) 1735 г. рождения²⁸. Двое других были выходцами из семей мастеровых уральских заводов: вдова мастерового и дочь доменного подмастерья Каменского казенного завода (в 100

---

²⁷ Государственный архив в г. Шадринске (далее: ГАШ), Ф. 224. Оп. 1. Д. 167. Л. 33–34 об.; 37–42 об., 51 об. – 54; Д. 520. Л. 1–11; Д. 533. Л. 2 об. – 16; Д. 555. Л. 1 об. – 8; Д. 609. Л. 51 об. – 60; Д. 653. Л. 8 об. – 18, 71 об. – 75, 78 об. – 83; Д. 687. Л. 8–11; Д. 520. Л. 1–11; Государственный архив в г. Тобольске (далее: ГАТ). Ф. 156. Оп. 1. Д. 2777; Оп. 2. Д. 2885; Оп. 3. Д. 2727, 2926; Оп. 4. Д. 167, 347, 2054.

²⁸ Первые документы, касающиеся общины, полны разночтений. Так, фамилия Анастасии Самойловой указывается и как Никитина, и как Сапожникова, а дата ее рождения по одним данным — 1735, по другим — 1738 г. (Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 65 об.; Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 5. Отдел неофиц. С. 130).

км от Екатеринбурга) Татьяна Игнатъева Филинкова (в девичестве — Казанцова) 1742 г. рождения²⁹ и жена солдата Екатеринбургской горной роты³⁰ с Березовских золотых приисков Петра Сергеева Митрофанова Татьяна Андреева. Последняя родилась в 1763 г. в семье мастерового частного Верх-Исетского завода господ Яковлевых, расположенного в окрестностях Екатеринбурга.

Именно Татьяна Андреева, несмотря на то, что была моложе остальных, стала неформальным лидером небольшой женской общины. В 1796 г. ей было 33 года, к этому времени ее муж находился на военной службе 14 лет, и она не ведала, жив ли он, поэтому предпочитала называться девичьей фамилией — Костромина. Детей у них не было, хотя при Верх-Исетском заводе у Татьяны оставались родственники. Ее муж вплоть до своей кончины 22 декабря 1806 г. пребывал на военной службе: поступил на военную службу рядовым 24 ноября 1782 г, до 9 января 1790 г. служил в Выборгском мушкетерском полку, после — в Кольванском мушкетерском полку, дослужился до унтер-офицера³¹. Примерно в 1805 г. он пришел в «домовой отпуск», повидался с женой и, по воспоминаниям племянника и воспитанного сына Татьяны мастерового Павла Григорьевича Костромина, «когда сознав истинное расположение своей жены в богоугодном деле, доказанном о сооружении в городе Екатеринбурге общины, не только [не] требовал ее к себе, [но] даже и себя от нее усторонял и наконец дал ей для свободного где пожелает жительство вечное увольнительное письмо»³². После этого никаких сведений о себе он жене не присылал³³.

Год спустя, в 1797-м, к насельницам кладбищенской общины присоединилась Евдокия Иванова Портнягина, 29-ти лет, с Уктусского казенного завода³⁴.

---

²⁹ Биографические данные о Татьяне Игнатъевой также противоречивы: она указывается то вдовой мастерового, то солдата, причем в одних документах сказано, что она ранее проживала при Каменском заводе, в других — что ее муж служил при Екатеринбургском монетном дворе (РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 65; Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 5. Отдел неофиц. С. 130).

³⁰ По иным источникам — мастерового.

³¹ Дело по прошению дочери мастерового Татьяны Костроминой... // РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 211; Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 5. Отдел неофиц. С. 130; 1907. № 11. Отдел неофиц. С. 248–249.

³² РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 67–68; Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1907. № 11. Отдел неофиц. С. 248–249.

³³ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 3924. Л. 16 об. — 18 об.

³⁴ Сведения о Евдокии Портнягиной тоже противоречивы: ее отчество указывается то как Иванова, то как Елисева или Алексева, возраст — то 29, то 25 лет, она была родом из семьи то ли солдата, то ли мастера Уктусского завода (РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255).

В 1798 г. община пополнилась новыми насельницами. Четверо девиц пришли из самого Екатеринбурга и его окрестностей (в радиусе 50-ти км): дочь мастерового из Екатеринбурга Екатерина Иванова Логинова, 28-ми лет³⁵; дочь мастерового частного Полевского завода Фекла Евтефеева Орлова, 50-ти лет³⁶; крестьянская дочь из Арамильской волости Анна Васильева Коптякова, 30-ти лет³⁷; крестьянская дочь из с. Шитовского Екатеринбургской волости Александра Афанасьева Костарева, 20-ти лет³⁸. Тогда же появились первые насельницы из более отдаленных мест. Так, пришла семидесятилетняя вдова капитана, дочь соликамского купца Евдокия Иванова Шарыгина (в девичестве Зырянова)³⁹.

Все эти насельницы прожили при кладбищенской церкви не менее десяти лет и дождалась официального учреждения монастыря в 1809 г. В первые годы пребывания при Успенском храме они могли временно отлучаться из общины, уезжая, например, к родственникам. Так, в декабре 1798 г. члены Екатеринбургского духовного правления во время своего визита обнаружили при церкви из вышеперечисленных только Никитину, Филинкову, Костромину, Портнягину и Коптякову. Кроме них в кладбищенском доме тогда находились «богомолницы» девица Ирина Тимофеева из с. Горнощитского, 24-х лет, слепая вдова Христина Яковлева из Арамиля, 48-ми лет, соликамская девица Наталья Козмина, 61-го года, вдовая попадьа из с. Горнощитского Евдокия Смородинцева, 50-ти лет⁴⁰. Таким образом, к концу 1798 г. в кладбищенской общине проживало не менее 13 человек.

В сентябре 1798 г. эти «сиротствующие» вдовы и девицы обратились в Екатеринбургскую градскую думу с доношением, в котором просили выделить им из общественных сборов необходимую на приобретение дров, свечей, одежды и обуви сумму, а также официально

Л. 66 об.; Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 5. Отдел неофиц. С. 130).

³⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 66 об.

³⁶ По одним источникам она значится дочерью мастерового, по другим — крепостного крестьянина, фамилия имеет два варианта: Орлова или Орловых (Там же. Л. 66; Государственный архив Свердловской области (далее: ГАСО). Ф. 35. Оп. 1. Д. 39. Л. 35).

³⁷ Фамилия имеет два варианта — Коптякова или Коптелова, возраст тоже указывается по-разному: 30 или 35 лет (РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 66; ГАСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 39. Л. 33–33 об.; Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 5. Отдел неофиц. С. 130).

³⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 66 об.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 5. Отдел неофиц. С. 130. Позднее их присутствие в общине по историческим документам не прослеживается.

разрешить им жить там, поскольку «все оне бедного состояния и не имеют в пропитании к содержанию себя никакой надежды» и «имеют оне желание, чтоб молить Бога за вся православные христиане каждой по день смерти безотлучно»⁴¹.

Градская дума исполнила желание богомолиц: определила им денежное пособие в размере 4 рубля в месяц, передала все необходимые документы для ходатайства об официальном признании пред епархиальным начальством и даже выразила намерение городского общества построить для них каменный келейный корпус вместо имевшегося деревянного дома, к чему сразу и приступили⁴².

Так в Екатеринбурге появилась первая богадельня при церкви. К тому времени в городе уже имелись небольшие благотворительные учреждения: в 1789 г. Петр Харитонов создал городскую богадельню, была и горнозаводская богадельня, однако они, по-видимому, не могли принять всех нуждающихся⁴³. Были богадельни и при церквях Тобольской епархии, но большинство из них находилось в самом Тобольске, и жители Урала редко могли найти там себе признание. Существовали все эти учреждения либо на частные пожертвования, либо на средства архиерейского дома⁴⁴.

Екатеринбургская кладбищенская богадельня должна была существовать за счет своих трудов, пожертвований и сумм, выделяемых из средств градской думы. Екатеринбургское градское общество в 1799 г. приговорило увеличить пособие богадельне до 10 руб. в месяц из расчета на 15 человек⁴⁵. Насколько можно судить по более поздним документам, это пособие в 120 руб. в год было назначено за счет некоторой суммы, единовременно внесенной в градскую казну. Вероятно, это были собранные среди горожан пожертвования, которые по постановлению думы были зачислены в градскую казну, а за

---

⁴¹ Цит. по изд.: *Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря...* 1905. № 5. Отдел неофиц. С. 129.

⁴² Там же. С. 130–131.

⁴³ См.: *Благотворительность на Урале*. Екатеринбург, 2001. С. 30.

⁴⁴ Самая большая в епархии женская церковная богадельня существовала при архиерейском доме в Тобольске: в 1799 г. в ней было 60 человек, им выдавалось жалованье по 5 руб. в год каждой (ГАТ. Ф. 156. Оп. 5. Д. 212. Л. 8–9 об.). Сведения о других церковных богадельнях епархии конца XVIII в. достаточно отрывочны, и это неслучайно: богадельни были невелики, могли временами закрываться и целиком зависели от нерегулярных пожертвований благотворителей (Там же. Оп. 3. Д. 440).

⁴⁵ *Иконников В.* Указ. соч. С. 2. Вероятно, к моменту принятия решения в богадельне и находилось 15 человек. Известно, что в 1799 г. в кладбищенскую богадельню пришла крестьянская девица из Бобровской волости Екатеринбургского уезда Василиса Ивановна Чурова, 29-ти лет, которая прожила в ней вплоть до учреждения монастыря в 1809 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 66).

это насельницам стали выплачивать ежегодное содержание. Размер пожертвований, обеспечивших существование «сиротствующих», неизвестен⁴⁶.

Указом архиепископа Тобольского Варлаама от 17 января 1799 г. женщинам официально позволялось жить при Успенской церкви. В Екатеринбурге об этом узнали 28–29 января⁴⁷. Архиепископ предписал Екатеринбургскому духовному правлению «смотреть того, дабы для жития во оном при церкви доме дозволения давались немалолетним вдовам и девицам, и сверх того не чуждающимся церкви святой, а которые повсегодно бывают у исповеди и святого причастия у православных священников». Екатеринбургская градская полиция обязана была надзирать за наличием у насельниц кладбищенской общины официальных разрешений («видов») от властей на проживание здесь, а также наблюдать «о добропорядочной их жизни»⁴⁸. Численность богадельщиц в указе архиепископа Варлаама определялась словами «сколько оных общество содержать согласится»⁴⁹. Отныне небольшая община «сиротствующих» (так и не получившая официального названия в документах) подлежала контролю со стороны духовных и гражданских властей.

Насельницы, «посвятив себя благочестивым подвигам и уединенной жизни», как писали впоследствии в одном из прошений, проводили время в трудах и молитвах, «упражняясь в пощении, молитвах и хождении в церковь, когда совершается в ней служение; ибо в помянутой церкви не всегда бывает оное совершаемо; а только тогда, когда, как она состоит при кладбище, отправляется погребение, другие же церкви, по жительству нашему за городом, от нас отдалены»⁵⁰.

«Упражнения» в благочестивой жизни с 1799 г. были поддержаны духовным советом протоиерея городской Богоявленской церкви Николая Вологодского. Вероятно, именно его духовное правление назначило согласно предписанию тобольского архиерея духовником насельниц кладбищенской богадельни.

Спустя десять лет, когда решался вопрос о назначении духовника в монастырь, сестры просили оставить им именно этого батюшку, от-

---

⁴⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 46 об.

⁴⁷ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 5. Отдел неофиц. С. 130–131; ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 82. Л. 7; Д. 83. Л. 48.

⁴⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 34–35.

⁴⁹ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 5. Отдел неофиц. С. 131.

⁵⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 1.

мечая, что он «с минувшего 1799-го года, как мы нижайшие поселились на сие место к Успенской церкви [имеется в виду официальное разрешение на проживание при церкви – *М. Н.*], ... начав нас посещать, наставлял на спасительный путь, нередко нашему сословию говорил поучения о подражании монашескому житию... и весьма часто божественную при церкви нашей отправлял службу; а также своими убедительными просьбами склонял градоначальников и екатеринбургских жителей к поданию нам, сирым, помощи к жизненному удовольствию и прочим нашим потребам, а паче к построению каменного двухэтажного дома»⁵¹.

Градское общество опекало богадельню, назначало попечителей из числа состоятельных купцов и чиновников. Так, с 1803 г. попечителем был купец Ефим Старцов (Старцев), который и наблюдал за ходом строительства дома для насельниц. В 1806 г., когда он скончался, насельницы просили назначить им другого попечителя, отмечая, что «они без него остаются без всякого призрения и в потребном случае защищения»⁵². Попечительницей считалась и Татьяна Костромина⁵³.

Кладбищенское происшествие

Место, где обитала кладбищенская община, по-прежнему оставалось довольно глухим и даже небезопасным для смиренных богомолиц. Оно находилось за городом, вдали от жилых строений. Близ кладбища была только караульная застава «на Уктусском въезде».

Время от времени в общине случались происшествия, нагонявшие страх на насельниц, хотя сейчас, с дистанции двух веков, они воспринимаются как исторические курьезы. Зато порожденные этими событиями следственные документы содержат колоритные детали о быте и даже характерах екатеринбургских богадельщиц. Одно из таких происшествий случилось вечером 29 декабря 1801 г.

В тот вечер после обычной вечерней молитвы в «богомольном покое» они уже стали расходиться, как вдруг в 6-м часу пополудни раздался громкий стук в дверь. Неизвестные «пришел[ши] к богадельне к дверям, стучались у оных, не давая о себе знать, кто они таковые, по каковому сомнительству, да и так как уже было позднее время, они тех людей пускать в богадельню не стали». Испуганные женщины хотели запереть «богомольный покой», но грабители, отбив запор одного из окон, «вышибли стекольчатую из рам окончину» и, «скача во

---

⁵¹ Там же. Л. 225–225 об.

⁵² Там же. Л. 47 об.; *Иконников В.* Указ. соч. С. 2–3.

⁵³ *Иконников В.* Указ. соч. С. 2–5; *Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря...* 1905. № 4. Отдел неофиц. С. 102.

оное», ввалились в дом. Грабители загасили огонь, и дальнейшее происходило в кромешной тьме. Впоследствии насельницы не вполне уверенно утверждали, что грабителей было трое, но описать могли лишь одного — того, который бил «бесчеловечно».

Преступник прихватил у ограды «деревянную лопатку» и, ворвавшись в дом, бросился на Настасью Самойлову Никитину, «ударил ее оной по голове, отчего ее изломал» (то есть поранил) и «вышиб из ума». «Девушка Настасья» (66-ти лет) на время потеряла сознание, а когда пришла в себя, то «от страха и удара, так как огня не было, просидела в переднем углу, и оной ее не видал, а как он пошел ломать сундуки, то она тихим образом вышла из той богомольни, убежала в хлев и до приходу караульных солдат пролежала между коровами».

Увидев, как грабитель бьет Настасью, остальные насельницы «устрашась такового битья, и хотели спасти жизнь свою, побежали из той комнаты на улицу». Воры кинулись за ними и смогли ухватить девицу Марию Селиверстову, дочь мастерового Верх-Исетского завода, и крестьянскую девицу Татьяну Миронову. Мария оказалась неробкого характера, и когда грабитель «схватил ее за волосы, притащил обратно в ту богомольню и бил бесчеловечно, давил за горло, и прося у нее денег ассигнациев, от коего она оборонялась, царапая его лицо, и нечаянно попался правой ее руки большой перст к нему в рот, то он прокусы его до крови, и более ее стал за горло давить. Между тем прочие его товарищи стали в той богадельне разбивать сундуки, то [и] он, думая, что ее задавил, и оставя в той богомольной, бросился к ним же, а она, между тем выйдя в двери, и побежала для объявления караульным на Уктусском въезде». Мария и привела караульных солдат.

Татьяна Мироновой не повезло: грабители избивали ее, притащили за волосы в комнату и потребовали зажечь огонь, «но так как у той печи не было лучины, и ей добыть было огня нечем, а они думали, что она не повинуюсь их воле, и так начали ее бить, коим она тогда сказала, что у них другая печь, в которой де она им огонь достанет. И как она оной стала доставать, то те грабители, дабы она их не могла признать, при самой добыче огня закрыли сзади у нее зипуном глаза и спрашивали ее, где у них сундуки и деньги». Перепуганная Татьяна пролепетала, что у нее лично денег нет, где хранят деньги другие — она не знает, а «картельных» пожертвований в наличии всего десять рублей. Грабители, не желавшие поверить в подобный крах авантюры, кинулись разбивать все сундуки, на всякий случай придержав и Татьяну, но в это время один из воров, прибежав с улицы, крикнул,

«чтоб брали поскорее шапки и бежали», после чего грабители исчезли, а Татьяна, развязав глаза, обнаружила себя в крошечной тьме.

Остальные насельницы в это время прятались как могли. Слепая 53-летняя Фекла Орлова «от страха могла успеть скрыться в той богадельне за трубу, где до самого приходу караульных солдат просидела безо всякого истязания». Еще трое успели спрятаться в небольшом темном чулане, где вскоре к ним присоединилась Акулина Зубринская, которая в темноте сама налетела на грабителей, но они, «ударя ее по голове раза с три», поняли, что имеют дело с малолетней, и «брося ее на пол к стене и приказывали лежать, а как стали разбивать сундуки, то она в беспамьятстве тихим образом уползла».

Мария Селиверстова быстро привела караульных с Укутского въезда, но грабителей они не застали. Караульный унтер-офицер послал солдата к приставу первой части Чехонину, и Чехонин тотчас отправился лично осматривать место происшествия вместе с городничим и приставом второй части, но отыскать в темноте преступников не смогли. Расспросили перепуганных женщин, но они мало что могли поведать, поскольку не разглядели в темноте грабителей. Лишь те, кого «бесчеловечно» били, смогли указать приметы «на ощупь», которые отразили, отбиваясь от нападавших. Так, Мария Селиверстова припомнила, что «когда же он ее давил, хотя было и темно, но она могла уприметить, что тот человек был большого роста, говоря высокой речью, платье ж на нем шуба нагольная, на голове волосы спереди стрижены, лицо завязано по глазам платом или тряпицею, а когда она его для знаку царапала, [на – М. Н.] лице была борода, большее ж в рассуждении страху и темноты опознать его не могла». Настасья Самойлова дала такое же описание, но уловила еще одну деталь: «на голове длинный солдатский колпак, то есть фуражная шапка». Относительно других грабителей, разбивавших сундуки, Татьяна Миронова отметила, что «какого ж они лица, росту и в каком платье по темноте, а более от страху, уприметить не могла, кроме того, коей ее держал, ощупывала, что был в шубе и говоря в нос». Даже точное количество грабителей женщины указать не могли, получилось, что не менее трех.

Пристав Чехонин изложил все эти обстоятельства в рапорте, поданном в Екатеринбургскую градскую полицию и получил оттуда приказ «учинить незамедлительное исследование и по исследовании

представить в полицию»⁵⁴. Одновременно полиция отрапортовала пермскому гражданскому губернатору К. Ф. Модераху и Пермскому губернскому правлению.

Пристав освидетельствовал причиненный ущерб: «из одного окна стеклянная окончина и с рамами вышибена, и той богадельни в разных чуланах у живущих богадельщиц разбито пять ящиков, и бывшей в них разной скарб разбросан по полу, но что унесено, те богадельщицы объявили, что об оном они знать еще не могут, по причине той, что некоторых сундуков хозяйки отлучились из богадельни к своим родственникам, и объяснить обстоятельно имеют в завтрашнее число»⁵⁵. На следующий день они уже смогли посчитать ущерб и указали, что грабители унесли «денег медными десять рублей да ассигнация в пять рублей», принадлежавшие «девице Катерине» (отсутствовавшей на момент ограбления), 4 рубля 60 копеек из денег также отсутствовавшей девицы Анны Коптеловой, «да общественных подаваемых от доброхотных дателей десять или более рублей», разбито пять сундуков (не все поддались грабителям) и «более ничего не унесено»⁵⁶.

По скудному описанию примет Чехонин попытался найти воров. Подозрение пало на отставного мушкетера Ивана Пахтусова. Доказать ничего не удалось, 14 февраля 1802 г. Екатеринбургский уездный суд постановил снять обвинения с мушкетера⁵⁷.

---

⁵⁴ Приведенные выше цитаты взяты из следственного дела, которое завели в Екатеринбургской градской полиции на основании рапортов Чехонина и проведенных допросов пострадавших, подозреваемых и свидетелей (ГАСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 39. Л. 31–39).

⁵⁵ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 157. Л. 7.

⁵⁶ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 39. Л. 33–33 об.

⁵⁷ По упоминанию «на голове длинный солдатской колпак, то есть фуражная шапка», выходило, что хотя бы один грабитель был из числа солдат мушкетерской роты, квартировавшей в Екатеринбурге. Фельдфебель Иван Екимов стал свидетелем драки, происходившей в проломском питейном доме, одним из участников которой был Иван Пахтусов. Прибежавшие мушкетеры потащили Пахтусова на ротный двор, но он «упорствовал», падая «в пьяном образе» на землю. Когда Пахтусова все-таки притащили, у него на лице красовались «цапины» и «синевица» под глазом. «Цапины» на левой щеке и стали главным сюжетом следствия. Ивана Пахтусова предъявили насельникам богадельни для опознания, и те «по росту его и имеющимся на нем платье, как-то нагольной шубе, фуражной длинной шапке и волосам на голове стриженным, а больше при присылке его во оную часть и щека была исцарапана, признают, кои видели за бывшего их грабителя, но тот ли действительно, утверждать не могут». Сам Иван категорически отрицал свое участие в грабеже. На заключительном этапе следствия обратили внимание и еще на одно несоответствие: «а тем паче, что сказанная девица Селиверстова в показании своем объявила, что у того человека, которой ее давил, была борода, но у того Пахтусова бороды нет». Но других подозреваемых у полиции не было. В мушкетерском полку не нашли другого человека «в солдатском колпаке» с «цапинами» на лице (или не желали сообщить, храня честь мундира). Насельницы богадельни, со

Кстати, это следственное дело, как ни странно, один из самых ранних документов, который высвечивает персональный состав богадельни, положившей начало Екатеринбургскому Ново-Тихвинскому монастырю. И что еще более ценно, поскольку редко встречается в исторических источниках, это дело рисует гамму характеров екатеринбургских богадельщиц.

Анастасия Никитина, Татьяна Филинкова, Фекла Орлова, Катерина Логинова, Анна Коптякова, упоминаемые в деле, — те самые старейшие насельницы богадельни, пришедшие в 1796–1798 гг., о которых уже было сказано выше.

Упоминаемая в деле «Василиса Иванова, деревни Ключей государственного крестьянина Иванова дочь девица» (по другим источникам, ее фамилия Патрушева), появилась при Успенской церкви в 1800 г. Год ее рождения имеет разночтения: по материалам дела 1801 г., ей было 25 лет, т.е. она родилась в 1776 г., а по данным 1808 г. — в 1786 г.⁵⁸ Все они дожили до официального учреждения монастыря в 1809 г.

Другие же фигуранты дела 1801 г. больше не упоминаются в источниках, связанных с историей Екатеринбургского монастыря: 19-летняя Мария Селиверстовна Селиверстова, дочь мастерового Верх-Исетского господина Яковлева завода, так яростно сражавшаяся с грабителем и даже царапавшая его не только со страху, но и дабы поставить «знак» на нем для последующей поимки, та самая, что привела солдат с Уктусской заставы и наиболее подробно описала грабителя; 14-летняя дочь мастерового камнерезной фабрики Акулина Егоровна Зубринская, с перепугу налетевшая на грабителей; 26-летняя дочь государственного крестьянина из д. Копыриной Некрасовской волости Камышловской округи Татьяна Емельяновна Миронова, тоже натерпевшаяся при нападении; 62-летняя вдова мастерового заводской команды Федосья Меркульева Бегунова. Кто знает, быть может страх того вечера повлиял на то, что они покинули богадельню?

Первые годы фактического существования община при кладбищенской церкви не вела строго монашеского образа жизни, ее члены временами отлучались к родственникам, да и сам состав менялся достаточно динамично.

своей стороны, видимо не побуждали полицию к более активным поискам грабителей, со смирением признав, что запомнили слишком мало примет, чтобы с уверенностью обвинять кого-либо (Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 157. Л. 15, 27, 30 об. – 32).

⁵⁸ РГИА. Ф.796. Оп. 88. Д. 255. Л. 65 об.

Это ограбление было не единственным в истории кладбищенской общины. В декабре 1805 г. из Успенской церкви были украдены серебряная ложка и чеканной работы под золотом ковшик, да так и не найдены⁵⁹. Однако эти мелкие неприятности не могли поколебать решимости насельниц жить по-монашески.

Судя по делу 1801 г., богадельщицы уже жили в доме, построенном при Успенской кладбищенской церкви «от общества для сирот и убогих женского пола», с двумя печами, несколькими комнатами, одна из которых — моленная. Дом с хозяйственными постройками (упоминаются чуланы, хлев, где находятся несколько коров) обнесен оградой. Скарб насельниц хранится в персональных сундуках, а кроме «общественных» денег есть и личные средства — у кого какие. Кстати, описание богаделенного дома, каким он предстает в деле 1801 г., сложно согласуется с другими данными, согласно которым каменный двухэтажный дом для богадельни градское общество начало строить в конце 1798 г., а к 1803 г. закончило только 1 этаж и достраивало второй. Этот каменный дом Г-образной формы длиной 11 сажен и шириной первый этаж 7,5 и второй этаж 5 сажен состоял из 8 комнат (4 на первом и 4 на втором этажах). К нему были пристроены кирпичные «службы»: пекарня с кладовыми, погреб, чулан⁶⁰.

Однако, судя по описанию в деле 1801 г., они живут в уже построенном доме, по видимости, одноэтажном, но построенном «от общества». До возведения этого дома насельницы жили в деревянном доме для причта, построенном на средства купца Хлепетина в 30 саженях к западу от Успенской церкви «вблизи угла ограды каменной».

Паломничество Татьяны Костроминой

Во время этого ночного происшествия Татьяны Костроминой в богадельне не было — она отправилась в паломничество в Киев для поклонения святым мощам. Вероятно, целью Татьяны было не только поклонение святыням, но и поиск примера и благословения на создание монастыря.

Как писалось выше, в документах конца XVIII в. поселившихся на кладбище вдов и девиц именовали «сиротствующими». Когда и у кого возникла мысль преобразовать богадельню в женский монастырь, сказать сложно. Возможно, такую перспективу подсказал духовник

---

⁵⁹ Материалы для истории Екатеринбургского монастыря... 1906. № 24. Отдел неофиц. С. 809.

⁶⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 73 об. — 77.

насельниц протоиерей Николай Вологодский, возможно, эта мечта и раньше была у них.

Вероятно, еще до отправления в 1801 г. в Киев, Татьяна Костромина побывала в близлежащих монастырях, но найти там пример монашеской жизни в то время было невозможно. Монастыри Среднего Урала, как, впрочем, и в других регионах, переживали весьма непростой период своей истории.

Последствия екатерининской секуляризации проявились в полной мере. В регионе были уже закрыты все заштатные монастыри, а оставшиеся штатные мужские (Далматовский Успенский, Верхотурский Николаевский, Пермский Преображенский, Соликамский Истобенский Троицкий) не могли заполнить даже имевшиеся по штату места: в 1794–1795 гг. в них было только 14 монахов и 24 бельца. Получить разрешение на постриг в то время реально могли отставные военные и приходские священнослужители, но и те, и другие не слишком этого хотели в силу жизненных ситуаций. Принудить отставных военных к постригу возможности не было, а вот оказать давление на приходское духовенство (особенно вдовое, поскольку согласно православной традиции служить на приходе должны были женатые священники) епархиальные власти могли и вынуждены были это делать, дабы монастыри совсем не обезлюдели и не закрылись. Впрочем, у этого принуждения была обратная сторона: оказавшиеся в обителях не по собственному желанию отнюдь не показывали образцов истинно иноческой жизни. Оказавшись в монастыре, они не торопились стать монахами, годами оставаясь в статусе послушников и надеясь вернуться в мир. Они вели почти такой же образ жизни, как и приходское духовенство, а единственным послушанием оставалось служение в монастырских храмах. Распространившиеся в монастырях необщественные порядки еще более способствовали разладу в рядах братии⁶¹. В 1819 г. послушник одного из уральских монастырей, Верхотурского Николаевского, четко оценил его внутреннее состояние, ответив на предложение принять постриг: «принять же оный по причине несуществующего в здешнем монастыре благочиния и братолюбия ныне не могу»⁶². В таких условиях сестры Екатеринбургской общины мало полезного могли воспринять от местных обителей, тем более, что те были уже положены в штат и имели обеспеченный минимум,

---

⁶¹ Подробнее о состоянии штатных монастырей Среднего Урала в конце XVIII в. см.: *Нечаева М. Ю.* Монашество Среднего Урала... С. 134–135, 139–145.

⁶² ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 80. Л. 132–132 об.

да и своеобразный круг послушаний в качестве иеромонахов и иеродиаконов, для женщин невозможный. Следовало найти иные принципы обустройства и существования для будущего монастыря.

Женских же монастырей на Среднем Урале уже не было, хотя к 1795 г. еще жили 8 далматовских монахинь, официально причисленные в штат Енисейского монастыря⁶³. Каких-либо сведений о встречах Татьяны Костроминой и последних далматовских насельниц нет, возможно, Татьяна и не знала о них.

Из посещенных Татьяной во время паломничества в 1801–1802 гг. упоминаются только киевские святыни и Саровская пустынь. Конечно, были и другие обитатели на ее пути, но она не считала нужным впоследствии упоминать о них: видимо, как и уральские монастыри, они не стали для нее духовными ориентирами. А вот паломничество в Саровскую пустынь стало благословением екатеринбургским богалещицам на создание монастыря⁶⁴.

Саровская Успенская мужская пустынь была одним из самых почитаемых монастырей России. В конце XVIII—начале XIX в. в пустыне процветало старчество, и за духовными советами к наиболее умудренным монахам пустыни приходили тысячи паломников из всех концов России. Из замечательной плеяды саровских старцев наиболее почитаем был иеромонах Серафим (1759–1833). Наставником Татьяны в Сарове стал настоятель Исайя (1794–1806 гг.). Татьяна Костромина не оставила письменных воспоминаний о встрече с ним, но получила устав пустыни и благословение старца на создание обители⁶⁵.

Татьяна Костромина никогда не упоминала о своих встречах с преподобным Серафимом Саровским. Их и не могло быть: в 1801–1802 гг. он находился в самом строгом затворе в дальней пустыньке, не принимая посетителей⁶⁶. Но почтительные рассказы о нем и о других пустынножителях Сарова она, конечно, слышала от насто-

---

⁶³ ГАТ. Ф. 156. Оп. 4. Д. 2054. Л. 5 об. – 6, 9.

⁶⁴ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря 1905. Отдел неофиц. № 5. С. 132; № 10, С. 300; 1907. Отдел неофиц. № 7. С. 154; *Иконников В.* Указ соч. С. 3; РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 2–2 об.

⁶⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 2–2 об.; Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 10. Отдел неофиц. С. 300; 1907. № 7. Отдел неофиц. С. 154.

⁶⁶ *Поселянин Е.* Преподобный Серафим, Саровский чудотворец. (С новыми сведениями о старце). М., 1991 (репринт с издания 1908 г.), С. 9–10; *Серафим (Чичагов), архимандрит.* Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губ. Ардатовского уезда с жизнеописанием основателей ее: преподобного Серафима Саровского и схимонахини Александры, уржд. А. С. Мельгуновой. Краснодар, 1991 (репринт с издания 1903 г.). С. 59–62.

ителя Исайи, духовника Серафима. Известно, что именно Исайю преподобный Серафим считал последним саровским старцем, который был духовно близок ему⁶⁷.

Вернувшись из богомолья, Татьяна в 1802 г. посетила Пермь и передала Саровский устав на утверждение епископу Иустину (с 1799 г. Екатеринбург входил в состав новообразованной Пермской епархии)⁶⁸. Этот устав и был введен в кладбищенской общине.

В отличие от существовавших тогда на Урале монастырей, в которых была лишь общая трапеза, а братия получала штатное жалование в зависимости от сана, Саровская пустынь была общежительной, все нужды ее насельников удовлетворялись из общей монастырской казны по мере надобности. Приняв в своей общине Саровский устав, екатеринбургские насельницы стали жить по нормам общежительного монастыря, более строгим, чем те, которых они придерживались прежде.

Поскольку службы в кладбищенской церкви шли нечасто (но их насельницы никогда не пропускали), они «в установленные по означенному Саровскому уставу часы в особенной богомолной келии по имеющимся священным книгам производят сами по себе богослужение, каковым своим подвигом заслуживают особенное внимание всего градского общества да и окрестных жителей»⁶⁹.

А нужен ли монастырь Екатеринбургу?

Едва вернувшись в Екатеринбург, Татьяна в январе 1802 г. отправила епископу Пермскому Иоанну от своего имени и от имени всех своих соратниц прошение об основании при кладбищенской церкви монастыря с копией Саровского устава и правил. Теперь в переписке она именовала себя уже «настоятельницей». Однако епископ Иоанн к тому времени скончался, и ходатайство не было рассмотрено.

---

⁶⁷ О строителе Исае см.: *Серафим (Чичагов)*. Указ. соч. С. 36–37, 59–62, 92–94, 317; *Авель [Ванюков]*. Общежительная Саровская пустынь и достопамятные иноки, в ней подвизавшиеся. М., 1853. С. 100–106; *Саровская общежительная пустынь*. Подробное описание. М., 1908. С. 98–109.

⁶⁸ *Иконников В.* Указ. соч. С. 3. В «одобрении» горожан, данном Татьяне Костроминной в 1806 г. для учреждения монастыря, значится, что устав был прислан после рассмотрения его епископом в Екатеринбургское духовное правление, откуда возвращен в общину (РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 2). К сожалению, указ епископа Пермского Иустина относительно устава до сих пор среди архивных документов не обнаружен, возможно, имеется в виду ответ Пермской консистории насельницам общины на их прошение об учреждении монастыря, рекомендовавший обратиться с этим вопросом в Синод, а Саровский устав при этом был просто возвращен в общину без всякого одобрения.

⁶⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 2 об.

Как только на Пермскую кафедру был назначен новый епископ – Иустин, насельницы кладбищенской богадельни обратились к нему вновь с прошением об учреждении девичьего монастыря, напомнив и о давнем желании иметь постоянный причт при кладбищенской церкви «с приписанием к ней от других градских церквей прихода, дабы она церковь не могла быть без богослужения по имению в ней, кроме случающихся по усопшим обеден, службы»⁷⁰.

Насельницы общины были несведущи в российском законодательстве и не знали, что к монастырским церквям приходские дворы не приписывают, причт таких церквей находится на монастырском содержании. Не ведали они и того, что решить вопрос об учреждении монастыря епископ не властен, о чем вскоре и получили официальное определение Пермской консистории, рекомендовавшее им обратиться в Синод. Консистория также напомнила, что по штату в Пермской епархии ни одного женского монастыря не предусмотрено⁷¹: епархия была создана совсем недавно, и в монастырские штаты 1764 г. никаких изменений при этом внесено не было.

Богадельщицы составили прошение в Синод, о чем Татьяна сообщила в Екатеринбургское духовное правление 1 июля 1802 г. Однако никаких сведений об отправке прошения не осталось ни в архиве Екатеринбургского духовного правления, ни в бумагах Синода⁷².

Вероятно, кто-то из образованных екатеринбуржцев, сочувствующих желанию насельниц кладбищенской общины, проконсультировал их относительно сложившейся практики учреждения монастырей, и они поняли, что в прежнем виде прошение в Синод получит отказ. И прежде чем отправлять его, постарались заручиться дополнительными доводами в пользу своего стремления.

Рассчитывать на учреждение штатного монастыря им не приходилось — список обителей, получающих государственное содержание, редко пересматривался, и новые монастыри попадали в него разве что взамен одного из штатных монастырей, по каким-то причинам упраздненного. Поскольку штаты были утверждены императорским указом, любые изменения в них также были в компетенции императорской власти.

Кладбищенские насельницы могли надеяться лишь на учреждение заштатного монастыря — находившегося на своем содержании. Хотя по указу 31 марта 1764 г. женские заштатные монастыри и не были

---

⁷⁰ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 5. Отдел неофиц. С. 133.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. № 7. С. 193; РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255.

предусмотрены, практика их существования все-таки была. Например, в Тобольской епархии в таком статусе был сохранен Тобольский Рождественский монастырь⁷³. Но для учреждения заштатного монастыря надо было доказать, что имеются достаточные средства для его содержания (не меньше, чем для штатного монастыря третьего класса), а также предъявить «одобрение» местного общества, подтверждающее его заинтересованность в устройстве обители и благонравие насельниц. Для живущих при кладбищенской церкви богадельщиц был и еще один нюанс: в каждом монастыре, а особенно в женском, должна была быть своя церковь, поскольку законодательство предписывало монахиням «не мешаться» в церкви с прихожанами во избежание лишних искушений. Успенская церковь была единственной в городе кладбищенской, и общение с мирянами в ней было неизбежно. Надо было изыскивать возможность обустройства отдельной монастырской церкви.

Для начала Татьяна Костромина заручилась рекомендательными письмами об учреждении монастыря от настоятеля Саровской пустыни Исайи и от Екатеринбургского градского общества. Эти рекомендации были представлены на рассмотрение епископа Пермского Иустина, поскольку официальный порядок требовал и его мнения на этот счет, без чего вопрос не мог быть рассмотрен в Синоде. Рекомендации были отправлены епископу в мае 1803 г. Епископ Иустин написал Екатеринбургскому духовному правлению собрать более детальную информацию: «отобрать согласие как от духовных, так и от дворян, купцов и мещан екатеринбургских, желают ли они иметь девичий монастырь в Екатеринбурге, и на чей кошт он будет строиться? Также и монахинь кто обяжется содержать, и какого поведения и звания ныне живущие в богадельне женщины и девицы, и нет ли из них замужних и беглых, и нет ли из них приверженных к старым обрядам, и сколько числом таковых ныне налицо находится, и какое число их впредь составлять будет для положения штата, да нынешнее место к устройению монастыря пристойно ли и выгодно ли?»⁷⁴.

Духовное правление 13 июня обратилось в Екатеринбургскую градскую полицию с просьбой собрать «письменные показания» екатеринбургских горожан, а также предоставить сведения о живущих

---

⁷³ ПСЗ-1. Т. XVII. № 12479. Монастырь просуществовал до 1788 г. (Тобольская епархия. Часть вторая. Отдел второй. Описание церквей и монастырей Тобольской епархии. Выпуск четвертый. Омск. 1892. С. 8).

⁷⁴ Цит. по изд.: Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 7. Отдел неофиц. С. 193.

в общине. 25 августа полиция прислала все подписки горожан в духовное правление, сообщив при этом и данные о 12 насельниках, которых уже именовали «монахинями» из уважения к их образу жизни, хотя иноческого сана они и не имели. Полиция сообщила, что среди них беглых, раскольников и замужних не имеется⁷⁵.

«Показания» горожан выражали взгляды местного общества на то, каким должен стать женский монастырь в Екатеринбурге.

Чиновники в своем отзыве отметили, что «монастырь иметь желаем, тем более что в Пермской губернии такового не имеется, который может послужить вечным прибежищем и покровом сиротствующим, а притом благолепие города тем может приумножиться».

Купцы и мещане положительно отозвались о возможности устройства монастыря на месте существования богадельни: «ныне мы, признавая, со своей стороны, вышеписанное для пребывания таковых сиротствующих или монахинь место удобным, не предвидим надобности для того строить особый монастырь [то есть устраивать монастырь на другом месте — *М. Н.*].

Мещане и купцы, так и «благородное общество» Екатеринбурга были единодушны относительно материального содержания монастыря: «ныне жительствующие сиротствующие таковым от общества нашего на содержание их положением почитаются весьма довольными, к тому же некоторые еще из них уповают содержать себя и от собственного своего трудолюбия».

Екатеринбургское духовное правление 23 сентября 1803 г. вызвало городское духовенство и дополнило «показания» мирян подписками приходских священнослужителей:

«1) по согласию здешних дворян и по обязательствам купцов и мещан иметь девичий монастырь в сем городе желаем и мы, но с тем, ежели особливых в нем не будет священно-церковнослужителей и оный останется в таковом же положении, как и ныне кладбищенская церковь, не отъемля у нас по усопшим ни панихид, ни литургии, от чего мы пропитание имеем;

2) если оный монастырь иногда и нашего звания сиротам и вдовам престарелых лет, не имеющим себе никакого пропитания, будет служить прибежищем;

3) место, избранное здешним обществом к устройению монастыря, хотя и отнимает в кладбищенской ограде часть земли, нужную для погребения усопших, но ежели более 20-ти человек никто не будет

---

⁷⁵ Там же. С. 194. Вероятно, Татьяна Костромина указала, что она вдова, хотя ее муж был еще жив.

находиться, то уже и довольно для них строения, так что многие кельи остаться должны пустыми».

Нельзя не заметить, что городское духовенство уже видело в создании монастыря возможный ущерб своим материальным интересам. Тем не менее, о нравственных качествах «сиротствующих» они отзывались положительно: «Сии богоделицы, сколько мы могли приметить, поведения, кажется, хорошего». В своих «подписках» священники уточнили, что Татьяна Костромина, почитаемая «прочими богоделицами в виде настоятельницы», «имеет мужа».

В конце 1803 г. вся собранная документация была отправлена епископу Пермскому Иустину. Дело было рассмотрено им только в июне 1806 г. на основании собранных в консистории выписок из российского законодательства:

«...женских общежительных монастырей ни в штатах 1764 г., ни в росписи 1797 г. о прибавке на духовные места жалованья, не значится, на содержание же женского 3 класса монастыря ежегодно по штатам отпускается сумма более 800 руб. и к тому отведены еще уголья, рыбные ловли, мельницы, сенные покосы и пашенные земли.

А из показаний екатеринбургских граждан, яко то благородных, купцов и мещан, явствует, что на содержание назначаемых ими 12 монахинь полагается только из градской думы на каждую ежегодно по 10 руб., всего 120 руб., какового количества к содержанию помянутых 12 чел[овек] весьма недостаточно.

Таким же образом и на построение монастыря, и, по построении, на содержание оно и церкви никакой суммы не назначают, да и священнику с причтом, которые необходимо нужны, ничего не полагают же. Притом же и церковь особую для монастыря, кроме кладбищенской, построить ни желанья, ни обязательства не предъявили.

Следовательно, по сим обстоятельствам в удовлетворение благочестивого желанья екатеринбургских граждан о учреждении в г. Екатеринбурге женского монастыря представления в Св[ятейший] Синод учинить довольных причин нет. Для того в просьбах помянутым женщинам и девицам, равно и екатеринбургским гражданам, о дозволении построить общежительный женский монастырь отказать, для объявления чего им в Екатеринбургское духовное правление послать указ». Этот указ и объявили екатеринбуржцам в 20-х числах июля 1806 г.⁷⁶

---

⁷⁶ Там же. С. 194—196.

Ответ огорчил, но не обескуражил сестер. Они верили в будущее своей обители. И добивались необходимых материальных оснований учреждения монастыря.

Их было уже 25 человек⁷⁷. Состав общины пополнялся в основном выходцами из семей крестьян и мастеровых, несколько человек были родом из семей солдат и мещан. Поступали они в богадельню в самом разном возрасте – от трехлетних детей до 69-летних старушек. Появились в общине и родственницы самой Татьяны: в 1801 г. пришли двое Костроминых – Матрена и Татьяна Александровы, вероятно, дочери мастерового Верх-Исетского завода. Матрене было 15 лет, Татьяне — 5⁷⁸. Появление в общине с 1800 г. малолеток натолкнуло Татьяну на мысль о необходимости обучения их грамоте: сама она писать не умела⁷⁹, но мечтала научиться грамоте и научить других.

Из вновь пришедших в общину Татьяна Костромина особо выделяла двоих — Агафью Иудову (как тогда писали, Юдину) Котугину (Котухину), дочь сержанта из г. Соликамска, пришедшую в кладбищенскую общину в 1801 г. в возрасте 28 лет, и Параскеву Алексееву Исакову, вдову губернского секретаря из г. Туринска, появившуюся в общине в 1804 г. в возрасте 56 лет⁸⁰. Обе были грамотны и помогали ей вести деловую переписку.

Теряясь в догадках относительно долгого молчания епархиальных властей, богадельщицы, вероятно, обсуждали возможные причины заминки с более сведущими в законодательстве екатеринбуржцами. По крайней мере действия, которые предпринимала Татьяна Костромина еще до получения ответа из консистории, были направлены на устранение именно тех причин, по которым они и получили отказ.

В мае 1806 г. Татьяна подала прошение в Екатеринбургскую градскую думу о необходимости увеличения содержания богадельни в связи с ростом числа насельниц, а также для определения к кладбищенской церкви священника для регулярного богослужения.

К этому времени Татьяна уже заручилась добровольными подписками горожан в том, что они готовы внести единовременные пожертвования для составления «вскладку» необходимой для содержания священника и дьячка суммы. К маю 1806 г. имелись подписки на

---

⁷⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 2–2 об., 32 об., 65–66.

⁷⁸ Там же. Л. 65 об.

⁷⁹ Все прошения Татьяны Костроминой писали другие лица, а она лишь неумело ставила свою подпись, и этому, надо полагать, научилась лишь в Петербурге: еще в марте 1807 г. за «неумением ее грамоте» документы подписывала другая насельница общины, а в июне 1808 г. она ставит подпись сама (Там же. Л. 1 об., 15 об., 17).

⁸⁰ Там же. Л. 65, 66 об.

сумму 946 руб. Екатеринбургская градская дума своим постановлением от 28 мая 1806 г. соглашалась увеличить содержание общины с 120 рублей в год до 300, но не переменным условием этого выставляла передачу заявленной суммы (946 руб.) в градскую казну, с обращением ее в общественный доход, и подписание официального приговора градского общества об увеличении содержания богадельне до 300 руб. в год постоянно. Однако сбор подписок затягивался, многие из прежде подписавшихся стали отказываться от своих намерений⁸¹. Под «приговором» в ноябре 1806 г. подписались только 46 человек, согласившиеся сделать единовременные пожертвования в размере от 25 коп. до 25 руб., всего 222 руб. 25 коп. (вместо ранее заявленных 946 руб.). Лишь трое обещались выделять средства и впредь. Среди подписавшихся были военные, чиновники, купцы, мешане, служащие контор частных заводов, даже один крестьянин, но не было ни одного представителя екатеринбургского духовенства⁸². Это объяснимо: приходское духовенство и раньше возражало против определения отдельного причта к кладбищенской церкви, не желая упускать доходы, поэтому хлопоты богадельщиц об изыскании средств на отдельного священника были встречены городским духовенством негативно.

Официальное «одобрение» желанию создать в Екатеринбурге монастырь горожане в июле 1806 г. дали, отметив, что жизнь свою богадельщицы проводят в «неусыпных трудах» по чтению Псалтири по умершим и в рукоделиях. В общине было «довольство святых икон и священных книг, и даже самое их поведение согласует[ся] монашескому пребыванию. Недостает только того, чтоб от вышнего правительства было благоволено утвердить сие место и именовать уже пустынножительною обителью; почему мы все, нижеподписавшиеся, свидетельствуя сим о их поведении и богоугодном житии, от всего сердца своего желаем и просим даже Всевышнего Творца, дабы он благоволил в сем нами обитаемом граде при церкви своєю Пречистыя Матери собравшихся уже оных вдов и сирот... по позволению Главного Правительства ныне утвердить их и укрепить на прославление Пресвятого своего имени во век века и на пользу всех нас, пожелавших здесь им поселиться, надеясь притом получить от богоугодной и спасительной их жизни и себе пользу и спасение»⁸³.

---

⁸¹ Там же. Л. 56–71.

⁸² Там же. Л. 41–46.

⁸³ Там же. Л. 2 об. – 3.

Удалось Татьяне продвинуться и в решении вопроса о монастырском храме. 27 декабря 1806 г. екатеринбургский купец 2 гильдии Семен Захарович Калашников передал ей прошение в Синод от своего имени и от имени купца 3 гильдии Якима Федоровича Мартынова, а также от мещанина Ивана Бронникова о разрешении им построить близ дома, в котором обитают богадельщицы, каменную церковь во имя святого благоверного князя Александра Невского (небесного покровителя царствующего императора Александра I) и о назначении в эту церковь священника с дьячком, содержать которых, якобы, градское общество уже обещается (хотя этот вопрос еще совсем не был решен). Свое намерение благодетели мотивировали тем, что «означенные вдовы и девицы препровождают жизнь наподобие монашеской по уставу Саровской общежительной пустыни и отправляют в молитвенной комнате славословие Божие, для слушания коего стекается к ним из жителей немалое количество народа, так что иногда в означенной комнате бывает и невместительно»⁸⁴.

Получив эти документы, Татьяна Костромина в конце 1806 г. собралась в столицу лично добиваться учреждения монастыря. Видимо, к такому решению насельниц подтолкнул предыдущий, весьма затянувшийся по времени, опыт подачи прошения через Пермскую консисторию. Возможно, с пребыванием в столице Татьяна связывала и планы изыскания дополнительных пожертвований, поскольку екатеринбургское градское общество явно неготово было выделять общине необходимую для учреждения монастыря сумму.

---

⁸⁴ Там же. Л. 4.

Глава 2. Учреждение монастыря

Преодолевая административные преграды

Перед отъездом Татьяна Костромина заручилась согласием протоиерея Николая Вологодского опекать духовно общину и помогать в управлении насельнице Параскеве Исаковой, которая оставалась старшей — попечительницей в общине⁸⁵. Агафью Котугину Татьяна взяла с собой в Петербург. Отъезд состоялся, вероятно, в январе-феврале 1807 г. В марте Татьяна Костромина и Агафья Котугина уже находились в столице⁸⁶.

В столице екатеринбурженки довольно быстро нашли высоких покровителей. Известно, что уже к началу апреля 1807 г. (а возможно и раньше) они жили в доме флотоводца Федора Федоровича Ушакова, который при жизни снискал себе славу не только победителя турок, но и человека благочестивого, не жалевшего усердия и средств для благоустройства церкви (в 2000 г. он причислен Русской Православной Церковью к лику святых).

Адмирал Ушаков 4 июля 1807 г. получил отставку, которой добивался несколько месяцев. Он собирался уехать в свое имение Алексеевка Темниковского уезда Тамбовской губ., но задержался до мая 1810 г. в столице, оформляя документы на наследование своего имущества племянникам. Он скромно, по-холостяцки, проживал в собственном доме, расположенном в 4-й части Измайловского полка, впрочем, из уважения к заслугам, отставного адмирала по-прежнему приглашали на приемы в Зимнем дворце⁸⁷.

«Сия госпожа Костромина живет в его доме, столом и всем отечески не оставляема», — информировал епископа Пермского Иустина статский советник из Екатеринбурга Александр Раздеришин, оказавшийся в столице одновременно с Татьяной Костроминой и старавшийся способствовать учреждению монастыря⁸⁸. Возможно, под опекой известного флотоводца и было составлено прошение насельниц

---

⁸⁵ Там же. Л. 43–44, 236–239.

⁸⁶ Там же. Л. 1 об.

⁸⁷ *Шторм Г.* Страницы морской славы. М., 1954. С. 403; *Скрицкий Н. В.* Самые знаменитые флотоводцы России. М., 2000. С. 218–219; *Сацкий А. Г.* Федор Федорович Ушаков // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 76; *Овчинников В. Д.* Святой адмирал Ушаков (1745–1817). Историческое повествование о земном пути святого праведного воина. М., 2003. С. 350.

⁸⁸ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1907. № 5. Отдел неофиц. С. 99–100.

екатеринбургской кладбищенской общины, поданное Татьяной в Синод в марте 1807 г., вскоре по приезде в столицу. Прошение «сочинял и писал коллежский регистратор Лев Неклюдов; вместо помянутой Татьяны Андреевой дочери Костроминой, за неумением ее грамоте, послушница вышеозначенной общины Агафия Юдина Котугина руку приложила»⁸⁹.

Сестры просили «утвердить помянутое общежитительство по образцу других общежительных монастырей; а буде не последует на сие Высочайшего разрешения, то не благоугодно ли будет Святейшему Синоду повелеть воздвигнуть церковь во имя святого Александра Невского. И при которой по мере избытков, выручаемых с рукоделий наших и приносимых добротными дателями, во исполнение дел милосердия устроится призрение бедным и немощным, привозимым из города и окрестностей оного, за коими будет иметься хождение и попечение собственно тутошними послушницами (что и ныне исполняется на прославление имя Божия). И дабы увековечить сие, общество снабдить на сие построение разрешением, повелев определить к оной священника с причтом»⁹⁰.

Учитывая, какие именно доводы могут склонить высшие власти удовлетворить прошение, Татьяна не преминула сообщить о согласии екатеринбургских купцов построить указанную церковь на свой счет и о согласии градского общества выделять общине 300 руб. ежегодно на содержание причта и сестер (хотя этот вопрос в то время еще не был решен).

Как свидетельствует текст прошения, екатеринбургские насельницы не были уверены в том, что Его Императорское Величество согласится на учреждение монастыря, посему указывали в прошении и альтернативный, более скромный вариант: разрешить строительство церкви и содержание богадельни при ней.

Татьяна предпринимала все усилия к тому, чтобы добиться поддержки влиятельных при дворе лиц. 10 апреля того же года чиновник Раздеришин сообщил, например, епископу Пермскому: «Вдова Костромина, посвятившая себя церкви и с подобными ей сестрами, приобрела здесь (Петербурге) довольное внимание Святейшего Синода, господ членов и обер-прокурора. Особенно же к ней благоволят высокопреосвященнейший митрополит [митрополит Новгородский Амвросий Подобедов — *М. Н.*] и преосвященные — Мефодий, Ириней

---

⁸⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 1 об.

⁹⁰ Там же.

и прочие... Генералы Лебзин [Лабзин — *М. Н.*], и Петр Иванович Рузановский, член попечительного комитета⁹¹, и прочие многие во благонамерении ей способствуют. Словом, она приобрела по благочестию ее уважение, и все ее знакомые желают скорейшего успеха»⁹².

Перечисленные имена были весьма известны в столичных кругах. Обер-прокурором Синода в 1803–1817 гг. был князь Александр Николаевич Голицын (1773–1844), друг детских лет императора Александра I и его ближайший сподвижник. С 1810 г. он стал членом Государственного совета. Покровительствовал А. Ф. Лабзину и сам стал масоном⁹³.

Митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский Амвросий (в миру Андрей Подобедов, 1742–1818) являлся первенствующим членом Синода. Петербургскую епархию он возглавлял с 1799 г., много сил отдавал развитию духовного образования в России, славился своей благотворительностью⁹⁴.

Преосвященный Мефодий (в миру Михаил Алексеевич Смирнов, 1761–1815) был членом Синода и архиепископом Тверским (1803–1814). Он написал ряд богословских и церковно-исторических сочинений, являлся хорошим организатором духовных учебных заведений⁹⁵.

Преосвященный Ириней (в миру Иоанн Андреевич Клементьевский, 1753–1818) также был членом Синода и архиепископом Псковским, Лифляндским и Курляндским (1798–1814), состоял членом Российской Академии, занимался литературной деятельностью, сделал много переводов отцов церкви с греческого языка, славился как хороший проповедник⁹⁶.

Генерал Александр Федорович Лабзин (1766–1825) был масоном и очень популярным проповедником мистицизма, к которому он обратился, желая усилить влияние церкви, поскольку принятые в то время формы проповеди считал чрезмерно сухими и потому малодей-

---

⁹¹ Вероятно, имеется в виду Попечительный комитет о тюрьмах.

⁹² Цит. по изд.: *Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря...* 1907. № 5. Отдел неофиц. С. 100–101.

⁹³ Император Александр Павлович и его двор в 1804 г. (сообщил Шиман Ф. Ф.) // *Русская старина*. 1880, декабрь. С. 802; О судьбе православной церкви русской в царствование императора Александра I-го. (Из записок А. С. Стурдзы) // *Русская старина*. 1876. Т. XV. С. 267–288.

⁹⁴ *Булгаков С. В.* Настольная книга для священно-церковно-служителей. Ч. II. М., 1993. С. 1411–1412.

⁹⁵ Там же. С. 1414.

⁹⁶ Там же. С. 1410.

ственными. Лабзин стал издателем журнала «Сионский вестник», выходившего ежемесячно в 1806, 1817–1818 гг. Генерал слыл личным другом обер-прокурора Синода князя А. Н. Голицына, являлся членом Академии художеств, занимался переводческой деятельностью и естественными науками⁹⁷.

6 апреля 1807 г. Святейший Синод рассмотрел прошение екатеринбургских насельниц и, следуя официальному порядку, запросил от епископа Пермского Иустина подтверждение желания екатеринбургского градского общества иметь женский монастырь и выделять средства на его содержание, а также согласия купцов на строительство своим коштом церкви. Синод интересовался мнением самого епископа и местного общества о необходимости постройки новой церкви. В Перми синодальный указ был получен 27 апреля⁹⁸.

Для побуждения епархиальных властей к более оперативному и благожелательному ответу на запрос Синода, Александр Раздеришин 10 апреля отправил епископу Иринею свое письмо, в котором, недвусмысленно указав на высоких покровителей в столичных кругах, пытался показать, сколь глубоко екатеринбургские насельницы чтят мнение епархиального архиерея: «но всего оно у совершенствование предоставлено и зависит от воли и благоволения Вашего Преосвященства. Да соблаговолит Господь Бог, а Ваше Архипастырство благословит соорудить святое дело и устроить там обитель к распространению веры и спасения. И сие-то останется вечностью и будет славною эпохою пастования Вашего в стране великопермской»⁹⁹.

Адмирал Федор Ушаков 11 апреля тоже отправил письмо пермскому архиерею в поддержку екатеринбургских насельниц: «Всепокорнейше прошу Ваше Преосвященство оказать милость, благоволение и покровительство благословением Вашим на просьбу вдовы Костроминой и сестер, посвятивших себя служению Богу. Правительствующий Синод о сем относится на Ваше рассмотрение, и за верное полагаю: что Вашим Преосвященством предположено будет, то с помощью Божией непременно выполнится... Единая воля и благословение Ваше устроит и свершит богоугодное сие предприятие»¹⁰⁰.

---

⁹⁷ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1907. № 7. Отдел неофиц. С. 153–154.

⁹⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 26–26 об., 33–34; Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 10. Отдел неофиц. С. 299.

⁹⁹ Цит. по изд.: Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1907. № 5. Отдел неофиц. С. 101.

¹⁰⁰ Там же. С. 100.

Во исполнение предписания Синода указами Пермской консистории была запрошена необходимая информация от Пермского губернского правления и от Екатеринбургского духовного правления. Однако эти инстанции прислали ответы только к сентябрю.

Пермское губернское правление лишь подтвердило информацию о решении екатеринбургского градского общества от ноября 1806 г. и сообщило, что, несмотря на усилия полиции, дополнить список благотворителей не удалось. Причину Татьяна усматривала в том, что среди жителей Екатеринбурга было много старообрядцев, и они-то и не согласились на учреждение монастыря¹⁰¹.

Идея устройства монастыря в Екатеринбурге постепенно получала все больше сторонников. 24 октября 1807 г. Екатеринбургская градская дума, с согласия купеческого и мещанского общества, подтвердила новым приговором решение выплачивать кладбищенской богадельне по 300 рублей в год «из общественных доходов», поступающих в думу. 48 чиновников Екатеринбурга подписались в своем согласии иметь монастырь с отдельным храмом и «приклад чинить по столько в год, сколько время и обстоятельства позволят», хотя и не назвали определенной суммы. 32 мастеровых екатеринбургских заводов были согласны ежегодно выделять на содержание общины и причта от 10 до 50 коп. каждый¹⁰².

Екатеринбургское духовное правление представило копии всех требуемых документов¹⁰³.

Татьяна и Агафья в Петербурге с нетерпением ожидали ответа епископа Пермского, но шли месяцы, а его не было. Спустя полгода, в октябре 1807 г. Татьяна решилась поторопить владыку, напомнив и о своих покровителях:

«Простите, Господа ради, великодушно дерзости моей! Нерешимость начатого дела принудила меня беспокоить Ваше Преосвященство начертанием сим.

Однако, сколько бы ни тяготила меня неизвестность, но никак бы я не могла решиться, если бы не была убеждена участвующими в оном [деле] благодетелями моими, желающими нетерпеливо узнать, есть ли какая-нибудь надежда на обещавших там в Екатеринбурге благодетелей наших положить основание предназначенному нашему делу.

---

¹⁰¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 41–46.

¹⁰² Там же. Л. 55–56 об.

¹⁰³ Там же. Л. 34–35.

И [так] как сие более всех зависит от Вашего Преосвященства и [Вашего] милостивого к нам, убогим, благоволения, — Вы можете сему помочь!

Святейший Синод Вам препоручил исследовать, будет ли возможно или нет, чтобы могла существовать какая-нибудь киновия, составленная из престарелых? Старицы к славословию Бога в тишине посвятят хотя [бы] последние дни свои на служение Богу.

Мы, прежде уже столько лет живши, всем были довольны, также и впредь уверены были вернейшими доказательствами, которые и Вам небезызвестны. А затем, в продолжение уже толико немалого времени исследования, Вам еще и более известно, будет ли какая-нибудь возможность к исполнению предприятия нашего, и не тщетно ли будет усердие благотворителей наших?

Смиренно просим Вас, Владыка святой, милостиво призреть на прошение наше и уведомить хотя благодетеля нашего Его Высокопревосходительство Феодора Феодоровича Ушакова. Он, кажется, и сам прежде писал к Вам о сем, чрез которого и мы можем, убогие, узнать о сем же, за что не престанем молить благодать Пастыреначальника нашего Бога о здравии и благоденствии Вашем...

«Всемижайшая раба и должная богомолица, убогая старица Татьяна Костромина с сестрами»¹⁰⁴.

Однако напоминание не ускорило ответ из Перми, только через четыре месяца, 5 марта 1808 г., преосвященный Иустин отправил письмо Ф. Ушакову, в котором сообщил о ходе дела. После указа Синода о предоставлении этой информации уже прошло одиннадцать месяцев.

Татьяна и ее столичные покровители поняли, что рассчитывать на достаточное содержание от екатеринбургского градского общества не стоит, и надо добиваться учреждения монастыря собственными силами.

«Настоятельница» Татьяна (так ее уже давно называли насельницы общины) обратилась к первоприсутствующему члену Синода митрополиту Амвросию с просьбой благословить ее на сбор пожертвований в пользу учреждения монастыря и выдать для этого, как положено, сборную книгу «за шнуром и печатью». Митрополит получил также ходатайства от «благорасположенных особ означенной сиротствующей вдове». Владыка благословил Татьяну на сбор средств, ко-

---

¹⁰⁴ Цит. по изд.: Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1907. № 7. Отдел неофиц. С. 157–158.

торый происходил весьма активно: уже к июню 1808 г. Татьяна и Агафья получили в Петербурге более 2000 рублей пожертвований, из которых 964 руб. Т. Костромина, по совету своих покровителей, отправила в Екатеринбургскую градскую думу в возмещение тех средств, которых не хватало, чтобы увеличить содержание общины до 300 руб.¹⁰⁵. Получалось, что дума будет выплачивать содержание насельникам кладбищенской общины из средств, в значительной степени ими же и собранными. Но зато существенное препятствие в деле учреждения монастыря было преодолено.

В начале июня 1808 г. Татьяна снова подает прошение на имя императора с просьбой учредить монастырь (теперь уже не упоминая минимальный вариант — согласие на назначение причта в церковь). За год пребывания в столице Татьяна даже обучилась азам грамоты и смогла подписать это прошение сама. Прощение было проникнуто верой в то, что обитель сможет обеспечить свое будущее:

«Что же касается до содержания нашего общества, в том ни малейшего не настоят сомнения; ибо уже всеблагое и всеильное провидение довольно ознаменовало оное: что мы протекшие годы и не в малом количестве живущие не токмо всем в пропитании были довольны; но и достаточное строение, стоящее немаловажной суммы, собственными нашими трудами и добротствующими гражданами устроено. Что глубоко запечатлев в сердцах наших, по конец жизни поставляем нашим долгом благодарить незабвенно всемогущего Отца Небесного, и впредь, на него ж со вседушным надеянием, продолжать воспринятой нами долг жить по образу пустынножителействующих, веря несомненно, что хлеб насущный всегда нам подастся по благодати Всевышнего».

Богдельщицы просили переименовать их «общество» в Александро-Ново-Тихвинскую девичью общежительную пустынь, определить число монахинь в ней, и разрешить возвести рядом с кладбищем новую церковь из средства желающих построить ее купцов, «где и будут градские священники при новой церкви отпевать и поблизости погребать усопших. Наипаче же построение особой церкви необходимо и потому, что во время похорон, а особливо в зимнее время, невместимо не токмо нам, живущим, но и приходящим за утеснением теплого придела».

И, конечно, Татьяна не преминула сообщить, что 964 руб. уже отправлены ею по почте в Екатеринбургскую градскую думу.

---

¹⁰⁵ Там же. С. 159.

В прошении Татьяна пыталась закрепить и некоторые уставные нормы общины. Так, например, она желала, чтобы попечители общины и духовники утверждались только с согласия настоятельницы. Сестры просили утвердить духовником протоиерея Николая Вологодского, который, как они отмечали, «во все время нашего там пребывания не оставлял [нас] по своему благочестию и много способствовал устройению общины нашей»¹⁰⁶.

6 июня из Петербурга на имя епископа Пермского Иустина были отправлены еще два письма. Одно из них было написано адмиралом Ф. Ушаковым:

«Почтеннейшее отношение ко мне Вашего Преосвященства с отличным удовольствием я имел честь получить... Душеспасительное намерение и расположение жительствоющих под высоким Вашим пастырством в Екатеринбургe сиротствующих вдов и девиц и милостивое Ваше к ним благоволение подают смелость просить об них милостивого Вашего снисхождения и решимости о их просьбе...

Впрочем, вера, надежда и упование на Творца и Создателя, несомненно, довершат и устроят все потребное без недостатка.

Вы только, милостивейший Архипастырь, вспоможествуя, не оставьте сих убогих сирот Вашим милостивым призрением и покровительством во благом их намерении по их прошению милостиво Вашу незамедлительную решимостью и донесением Вашим о надлежащих справках в Святейший Синод. Ибо во оном решимость не может последовать, не получа оных от Вас, и оне только от Вашего благоволения ожидают. Единая воля Ваша и Ваше о сих бедных сиротах милостивое благоволение все могут окончить решительно.

Я, повторяя о сем всепокорнейшее Вам мое прошение, [остаюсь] с глубочайшим высокопочитанием навсегда.

Феодор Ушаков»¹⁰⁷.

Второе письмо было подписано Татьяной Костроминной. Она доводила до сведения преосвященного предоставление ею необходимых средств в Екатеринбургскую думу и пыталась побудить его к скорейшему рассмотрению вопроса о назначении причта к новой церкви (без чего и дума не стала бы выплачивать дополнительную сумму общине, поскольку часть ее предназначалась священнику и причетнику):

«...по благодати Бога пользуемся (в Екатеринбургe) всеми потребностями от трудов наших приобретаемыми и поданием от добротных подателей... Только ко всеобщему нашему сожалению лишаемся

---

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 15.

¹⁰⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 3924. Л. 14–15.

мы главнейшего желаемого нами предмета к душеспасительной пользе потребного — слушания божественной литургии и богослужения, по неимению при оной кладбищенской церкви особого священника. Посему нет при ней не только ежедневного служения и молитвы, даже и в двенадцатые праздники нет никакого служения, кроме что молитвы наши, приносимые к Богу чтением и службою, какую можем производить.

В нашем жилище часто собираются к нам на молитву и из сограждан немалым числом людей, но покои, где приносим молитвы наши, к сему невместительны и неудобны; градские же церкви от нас удалены. Случайно даже [т. е. «Бывает даже и так, что...» — *М. Н.*] и больные из нас и из принимаемых нами беднейших больных и скорбных, за каковыми имеем мы от трудов наших собственный наш приход и услугу, трафляются нечаянно умирающими, так что мы не успе[ва]ем по отдаленности от нас призвать священника, без потребы по христианской должности, непременно надобной»¹⁰⁸.

Однако письма остались без ответа.

Спустя три месяца с лишним состоялся указ Синода от 19 сентября 1808 г., которым епископу Пермскому повелевалось вновь собрать сведения о существующей в Екатеринбургской общине и высказать свое мнение о целесообразности создания монастыря¹⁰⁹.

Татьяна в Петербурге не упускала ни единого способа ускорить дело. Так, нанесла визит (уже не первый) генералу-губернатору Пермскому и Вятскому Карлу Федоровичу Модераху, находившемуся в столице, и просила его походатайствовать пред епископом Пермским об ускорении присылки сведений в Синод, а также властью генерал-губернатора воздействовать на находящееся в его ведении Пермское губернское правление, которое должно было собрать сведения о «богадельницах». Модерах 22 сентября отправил письмо епископу и распоряжения губернскому правлению. Как человек сведущий в управлении, он упомянул в письме епископу немаловажный довод к ускорению дела: «На удовлетворение же просьбы означенной Костроминной, как мне преосвященный митрополит [митрополит Новгородский Амвросий — *М. Н.*] отозвался, он согласен»¹¹⁰.

---

¹⁰⁸ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1907. № 7. Отдел неофиц. С. 159–160.

¹⁰⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 57 об., 61–63 об.

¹¹⁰ Цит. по изд.: Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1907. № 11. Отдел неофиц. С. 247.

Но провинциальное делопроизводство оставалось неспешным. Епископ Иустин 6 октября запросил от Пермского губернского правления сведения о насельницах общины. Ответ был получен 20 ноября, после чего консистория заинтересовалась подробностями семейного положения Татьяны Костроминой — единственной «женки» среди вдов и девиц богадельни (согласно законодательству, состоящие в браке могли принять постриг только по вдовству или по взаимному согласию супругов уйти одновременно в монастыри). Эти подробности местные гражданские и церковные власти выясняли вплоть до 10 мая 1810 г.¹¹¹

Реестр «богадельщиц» от ноября 1808 г.¹¹² — уникальный исторический источник. В сущности, это первый документ, из которого историки узнают не только о составе общины на тот момент, но и о динамике ее пополнения с 1796 г., а главное, именно он дает те скупые биографические данные о первых насельницах, которые наполняют историю чисто человеческим содержанием.

По данным на 14 ноября 1808 г. в обители проживало 33 послушницы, из них 7 вдов и 26 девиц. Большинство (25 чел.) были из Екатеринбургского уезда, по социальному происхождению преобладали выходцы из крестьян (15 чел.) и горнорабочих семей (10 чел.), но были и дворянки (4), солдатки (3), мещанки (1). Надо полагать, неслучайно среди всех жителей Екатеринбурга именно мастеровые изъявляли в 1808 г. согласие выделять на содержание монастыря средства не одновременно, а ежегодно — они считали обитель «своей», видели пользу от нее.

Старшей по возрасту была 80-летняя соликамская вдова Авдотья Ивановна Шарыгина, жившая в общине уже 10 лет. Самой молодой — мещанская девочка из Екатеринбургского уезда Агрипина Поторочина, которой было 6 лет, из которых 3 года она уже жила в богадельне. Средний же возраст насельниц составлял 36 лет. Приходили вдовы и девицы в общину в самом разном возрасте — от 3 до 70 лет, в среднем — в 29. К 1808 г. состав насельниц был уже достаточно устойчивым — в среднем, они прожили при Успенской церкви 7 лет.

В столице же Татьяна Костромина продолжала изыскивать средства и связи для решения вопроса об учреждении монастыря. Например, 4 октября 1808 г. посетила жившего в Петербурге заводчика Алексея Яковлева, владевшего Верх-Исетским заводом недалеко от Екатеринбурга, и подала ему прошение:

---

¹¹¹ Там же. С. 248–249.

¹¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 64 об. — 68.

«Милостивый Государь Алексей Иванович!

Мы, сиротствующие вдовы и девицы в числе 30 с малолетними сиротами, несколько уже лет жительствуем в г. Екатеринбурге при загородной Успенской церкви в выстроенной от доброхотного подаяния и нашими трудами каменном отделении, где службу Божию совершаем мы по данному нам от пустыни Саровской уставу, отправляя притом дела милосердия, призирая больных, увечных, привозимых из города и окрестностей, за что по единой власти Господа нашего Иисуса Христа., а не по заслугам нашим, нося на себе благословение Божие и одобрение екатеринбургских и окрестных жителей, вознамарились приехать сюда и просить Святейший Синод о позволении устроить на веки прочное пустынножительство.

Верховное сие правительство, снизойдя на нашу просьбу, приняв, отправило оную к Пермскому преосвященному для соображений на месте должного во всем устройства. Между тем получили мы от здешнего митрополита владыки Новгородского сборную книгу, в коей и цель нашего искания означена, которую поднося и Вам, милостивейший отец, просим высокого Вашего покровительства и помощи, так как отцы и братья наши были и теперь суть Ваши подчиненные и работники верные, как-то отец мой служил 40 лет мастером заводским.

Побуждаемы единою надеждою на великодушие Ваше, осмеливаемся утруждать, не соблаговолите ли от щедрот своих повелеть с завода Вашего отпустить в новосозидаемую обитель нашу на покровение храма Господня 100 пуд железа да 100 пуд. на решетки и связи.

Если высокая ваша милость будет до нас бедных сиротствующих, не благоволите ли также предписать Верх-Исетской конторе отпускать ежегодно милостыню, что Бог по сердцу Вашему положит, понеже монастырь наш будет заштатный своекоштный, подкрепляемый христоролюбивыми дателями.

В ожидании милостивого Вашего пособия остаемся по гроб наш Вашего Высокоблагородия смиренные богомолицы настоятельница с сестрами Татьяна Костромина, послушница Агафия Котугина».

Заводчик обещался исполнить просьбу, когда начнется строительство церкви¹¹³.

Прошло более четырех месяцев со времени издания второго указа Синода о предоставлении мнения и справок епископом Пермским, а ответ от него так и не был получен.

---

¹¹³ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 14. Отдел неофиц. С. 473–474.

6 февраля 1809 г. адмирал Ф. Ушаков написал рекомендательное письмо для Т. Костроминой к обер-прокурору Синода князю Александру Николаевичу Голицыну, в котором напоминал все обстоятельства дела, а также тот факт, что обер-прокурор уже был знаком с екатеринбургской просительницей ранее: «Ваше Сиятельство обещались быть помощником и ходатаем бедных сиротствующих вдов и девиц». Далее Ф. Ушаков указал, что от епископа Пермского требуется присылка доклада не более как формальность: «по мнению моему, кажется, для одного только должного обряда», поскольку все необходимые основания для учреждения монастыря имеются. Действия епископа Пермского адмирал охарактеризовал как «нерешительное рассмотрение», напомнив, что оно длится уже более двух лет, и причины его усматривал в «пристрастных убеждениях», внушенных секретарям Пермской консистории некими «корыстолюбивыми людьми», которые, исчерпав «правильные причины» отказа богадельщицам в их стремлении, обратились к бюрократическим проволочкам как к последнему средству. «Без оных в столь продолжительное время можно бы преосвященному подобных дел решить множество», — отмечал адмирал, — и, поскольку «к уважению преосвященного Иустина все должное сделано; но когда от него нет никакой решимости, продолжается дело одним замедлением (буде бы были справедливые причины в препятствии, давно бы они уже открылись), вступитесь, милостивый государь, Вы покровительством и ходатайством Вашим решить просьбу сиротствующих в Святейшем Правительствующем Синоде решительно, если возможно, не ожидая более никаких уведомлений, ибо они из просьб сиротствующих и из приложений при оных известны. Окажите сию милость бедным неимущим покрову или напишите от себя к преосвященному Иустину о долговременном его промедлении и о требовании от него скорейшего донесения в правительствующий Синод»¹¹⁴.

Ходатайство оказалось бесполезно: 20 марта 1809 г. епископ Пермский получил из Синода очередной указ с требованием ускорить присылку сведений относительно учреждения монастыря в Екатеринбург¹¹⁵.

Не рассчитывая на успех и этого указа, Федор Ушаков 12 апреля 1809 г. решил ходатайствовать пред членами Синода об ускорении дела, уже более открыто высказывая свое мнение о виновниках промедления:

---

¹¹⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 3924. Л. 14–15.

¹¹⁵ Там же. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 70 об. – 72.

«Стараюсь я [к] богоугодной пользе бедных сиротствующих, живущих ныне с давнего времени в моем доме, — Татьяны Костроминой с сестрою, бедных, и предпринимаю в пользу их объяснить нижеследующее...

Требуемые Правительствующим Синодом на все подробности справки к преосвященному Пермскому епископу Иустину ото всех мест, отколь что следовало, все давно уже доставлены, и, по всей видимости, к донесению его в Правительствующий Синод препятствия никакого нет, но удерживаются единственно (как о том уведомляют [вероятно, попечительницы богадельни Исакова и духовник Николай Вологодский — *М. Н.*]) чрез происки и просьбу екатеринбургских протопопа Карпинскаго и священника Антона Брызгалова (которые и от присутствия в Екатеринбургской консистории отставлены). Но они все домогаются, чтобы не допустить устройства обители сиротствующих и чтобы не был определенный там особый священник, единственно из собственного их корыстолюбия и доходу их от кладбищенской церкви, не соображая того, что она кладбищенская церковь всегда оставлена [бывает] без службы божественной литургии, даже и во все праздничные дни никакого священника в ней не бывает, и службы в ней не производится, кроме тогда только, когда бывают они при погребении усопших, — в том только доход их и состоит, и от поминования покойников, на которые зовут их обыватели города Екатеринбурга за платимые им деньги.

Невзирая на то, что все градское общество просят и непременно желают там, при церкви, иметь особого священника, и сумму на то определяют; не внемлют и смертного греха, от того на себя навлекающего[ся], что сиротствующие вдовы и девицы от усердия своего к богоугодным подвигам по своей воле принимают к себе на содержание бедных неимущих больных и увечных, за коими они имеют призор, и их пользуют своим коштом, и за ними хождение имеют, и что из таковых случайно некоторые, исставя в болезнях, умирают без поведи и приобщения святых божественных тайн, потому что место от города отдаленно: пока сии сиротствующие ходят и проискивают при отговорах прочих свободного священника, во время сего продолжения отчаянно больные прежде приходу священника умирают без потребности, — корыстолюбцы, не внемля страха и суда Божия за их упущения, силятся всевозможно во отвращение благотворящей обители во устройении ея и о определении по сим необходимым надобностям особого священника, происками своими положить препону.

Вот настоящие причины, отчего по сие время от преосвященного Иустина нет настоящего донесения на указы Правительствующего

Синода. И во отвлечение сего на продолжение времени или и на всегдашнее время ныне прислано от преосвященного донесение, что он требовал и не получил еще справки о том, что муж просительницы Татьяны Костроминой в живых ли ныне находится. Таковая справка не может никогда быть получена, ибо муж оной сиротствующей более уже 20 лет прошло тому [назад], когда он отдан в рекруты из государственных мастеровых; она об нем более 10 лет никакого сведения не имеет и в живых его не считает, и притом никакого пропитания не имеет, кроме того, что при той обители, где они ныне находятся, пропитываются общими трудами и охотным подаванием христоролюбивых людей (из того и бедных принимаемых ими больных и увечных пользуют и содержат в своем призрении); и она непоколебимо желает последние дни жизни своей быть в таковой общей обители»¹¹⁶.

В мае Татьяна Костромина подала еще одно прошение в Синод об ускорении рассмотрения дела, предоставив последние документы, отсутствие которых могло повлиять на ход дела: сведения из Военной коллегии о кончине мужа, план и чертеж предполагаемой церкви. Закончила она свое прошение словами, свидетельствующими о том, что и в столице основным побуждением ее оставалась жизнь монашеская: «...желание мое состоит единственно в подвигах о душевном спасении и быть в оной общине нашей неотдельно, следовательно, в нарушение заповеди Спасителя нашего ничто отвлекать меня не должно. Более двух лет уже прошло, что требуемых Святейшим Синодом справок в присылке нет... и я, бедная, отделяясь от общины нашей, проживаю в С.-Петербурге, и душевно стражду о долговременном отсутствии и удалении моего желания»¹¹⁷.

19 августа 1809 г. епископ Пермский Иустин послал столь долгожданный доклад в Синод, где он был получен 5 сентября (через одиннадцать месяцев после получения в Перми второго предписания из Синода!). Указав, что и градское общество Екатеринбургa, и горный начальник Екатеринбургских заводов, и генерал-губернатор согласны на учреждение монастыря, описав все источники содержания общины и наличие необходимых справок, преосвященный Иустин высказал и собственное мнение: «учреждение таковой обители признает необходимо нужным, понеже в Пермской епархии ни штатного, ни заштатного женского монастыря ни одного не имеется, а потому и прини-

---

¹¹⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 3924. Л. 17–18 об.

¹¹⁷ Там же. Л. 16–16 об., 19.

мать в монашество желающих, каковые бывали и ныне есть, некуда»¹¹⁸. Организационные моменты учреждения обители — сколько должно быть монахинь, кто станет настоятельницей — епископ оставлял на усмотрение Синода.

Кладбищенская пустынь или монастырь в центре города

В процессе подготовки необходимых свидетельств для официального учреждения монастыря в Екатеринбурге много времени ушло и на решение вопроса о том, где и на какие средства будет строиться монастырский храм. Согласно действовавшему законодательству (эта норма была сформулирована еще в Прибавлении к Духовному регламенту 1722 г.) монахини в церкви не должны были находиться среди мирян, для них даже входы в церковь должны были быть разными, поэтому просто остаться при Успенской кладбищенской церкви екатеринбургские насельницы не могли: либо храм должен был стать монастырским с постоянным причтом, а на кладбище появиться другой, либо для монахинь должен был быть построен другой храм, где бы церковные службы велись ежедневно. И то, и другое требовало немалых затрат.

Изначально богдельщицы поселились при единственной в Екатеринбурге кладбищенской Успенской каменной церкви. Кладбище действовало с 1773 г. и было устроено за чертой города в 120 саженях от дороги, ведущей на Уктусский завод¹¹⁹. Первоначально екатеринбуржцы предполагали перенести на новое кладбище старую деревянную Богоявленскую церковь, находившуюся в городе, но вплоть до 1778 г. это сделано не было, поскольку, как выяснилось, на этот перенос «кошту не имелось». Однако среди горожан нашелся благотворитель, взявший на себя все расходы по ее возведению. Им стал купец 1 гильдии Иван Иванович Хлепетин, жена которого была похоронена на этом кладбище.

В мае 1778 г. он лично приехал в Тобольск и 26-го числа подал прошение на имя архиепископа Тобольского и Сибирского Варлаама о выдаче благословенной грамоты на закладку каменной однопрестольной церкви во имя Успения Пресвятыя Богородицы, которую обещался построить «своим коштом». Грамоту он получил. Освящена церковь была 31 мая 1782 г.

---

¹¹⁸ Там же. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 28 об.

¹¹⁹ Синодальными указами 1771 и 1772 гг. было предписано отводить для кладбищ места не менее 100 сажен от последней городской постройки (см. Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 4. Отдел неофиц. С. 96).

21 марта 1783 г. купец И. И. Хлепетин подал прошение в Синод об определении к кладбищенской церкви священника и дьячка, обязуясь выдавать им от себя ругу в размере 24 руб. священнику и 12 дьячку, как это делалось и в других церквях епархии, а кроме того просил приписать к ней часть городских домов в качестве прихода. Попутно он описал и состояние Успенской церкви: «принадлежащую к церковному благолепию утварью украшена, книгами снабжена, освящена и для жительства при той церкви священнику и дьячку построен дом из его, Хлепетина, иждивения, без всякой от других помощи»¹²⁰. В храме имелся вызолоченный иконостас, в течении полугода велись службы по жене И. Хлепетина. Однако причт назначен не был, поскольку священнослужители восьми церквей Екатеринбурга не желали терять свои доходы от служб в кладбищенском храме, которые они время от времени проводили по требам верующих¹²¹. В конце 1783 г. скончался и сам И. И. Хлепетин, а его сын не проявлял желания содержать кладбищенскую церковь, так что мысль об определении постоянного причта к ней была забыта на многие годы.

Иван Иванович Хлепетин незадолго до кончины оказал последнее благодеяние Успенской церкви. В сентябре 1783 г. был заложен придел во имя Тихвинской иконы Божьей Матери в Успенском храме, вероятно, на его средства. Придел освятили в 1785 г.¹²²

Деревянный дом для причта, построенный на средства купца Хлепетина в 30 сажнях к западу от Успенской церкви «вблизи угла ограды каменной», долго пустовал, в нем-то и поселились в 1796 г. Татьяна Костромкина со своими единомышленницами.

Вероятно, с первых лет существования общины богадельщицы питали особую духовную привязанность к иконе Тихвинской Божией Матери, находившейся в приделе Успенской церкви, где они, быть может, чаще всего и стояли во время церковных служб. К 1807 г. они дали обет неотлучно находиться при этой иконе: «посвятив себя, и все общество [насельниц общины – М. Н.] милости и покровительству [находящейся – М. Н.] в Успенской церкви святой иконе Тихвинския

---

¹²⁰ Цит. по изд.: Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 4. Отдел неофиц. С. 99.

¹²¹ Согласно принятому порядку, Синод потребовал от местных духовных властей узнать мнение священнослужителей города о прошении Хлепетина, и те единодушно указали, что приходских дворов в Екатеринбурге недостаточно для создания еще одного прихода, а службы в кладбищенской церкви они и так проводят, и не желают терять этот источник доходов (см. Там же. С. 99–102).

¹²² Историю строительства Успенской церкви подробнее см.: Там же. С. 95–102.

Божией Матери, то и желают быть при ней во веки и с последующими»¹²³.

Описания убранства Успенской церкви на рубеже XVIII-XIX вв. не осталось, но, надо полагать, сестры сохранили ту первую почитаемую ими икону вплоть до революционных событий начала XX в. В описании Тихвинского придела за 1875 г. значится особо украшенный образ Тихвинской Божией Матери, время появления которого в общине не указано, помещенный в киоте, заменяющем левый клирос¹²⁴.

Таким образом, первоначальное место жительства екатеринбургских богадельщиц было обусловлено сочетанием факторов объективных и субъективных: на кладбище оказался пригодный для жизни пустовавший дом у храма, в котором находилась особо чтимая насельницами икона.

Как только вопрос об учреждении монастыря начал рассматриваться официальным порядком, встал вопрос о монастырском храме. Уже в распоряжении Пермской консистории июня 1806 г. одной из главных причин отказа в рассмотрении вопроса об учреждении монастыря было названо отсутствие средств на строительство и содержание монастырской церкви¹²⁵.

Благодетели, готовые построить близ места обитания богадельщиц каменную церковь во имя святого благоверного князя Александра Невского, нашлись еще в конце 1806 г., но когда впоследствии стали обсуждаться другие варианты расположения нового храма, купцы Калашников и Мартынов и мещанин Бронников указали, что их намерением было построить церковь именно на кладбище, поскольку «их родители и родственники на том кладбище похоронены», а кроме того напомнили, что обещались построить только церковь, а если обитель будет устраиваться на новом месте, то сестрам потребуются еще кельи и хозяйственные помещения, возводить которые они не обещали и ныне не собираются¹²⁶.

---

¹²³ Цит. по изд.: Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1907. № 5. Отдел неофиц. С. 102.

¹²⁴ См. приложение 5. Такое богатое убранство икона получила уже позже, во времена расцвета монастыря, и именно это убранство вызвало хищный интерес представителей советской власти во время компании по изъятию церковных ценностей 1922 г., когда икона была изъята из Успенской церкви.

¹²⁵ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 7. Отдел неофиц. С. 194–196.

¹²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 78–79 об.

Планы Татьяны Костроминой относительно места устройства монастыря за время пребывания в столице менялись. Если уезжая из Екатеринбурга, она полагала просить об учреждении монастыря близ кладбищенской Успенской церкви, то при обсуждении этого вопроса в столице с неким лицом, знавшим местную ситуацию (вероятно, с Александром Раздеришиным, это мнение было изложено в его же письме на имя епископа Пермского Иустина от 10 апреля 1807 г.), она склонилась к мнению, что быть на Успенском кладбище монастырю «несоответственно» в силу ряда причин:

«1) что тут городское кладбище, могущее еще помещать [тела— *М. Н.*] до устроения другого; 2) от воды отдаленное; 3) по распространению города должно непосредственно со всех сторон обстроиться с отнятием мест и воды; 4) самый воздух в стенах, закрытых для слабых и набожно поствующих, быть должен нездоров, несносен, вреден...

По желанию гг. купцов и жителей не приличнее ли и для самого города, чтобы церковь святого Александра Невского устроить над Екатеринбургским прудом на мысу, где прежде старицы староверов жительствоваали¹²⁷, и ежели Богу изволившу, то и желаемую Костроминой с сестрами обитель устроить, в чем, конечно, ей Бог и здесь благодетели помогут.

Места же сего выгоды суть:

1) церковь, устроенная [здесь], придаст знатное величие и красоту самому граду таковым зданием;

2) ежели милость Господня определит быть монастырю, то он будет и внутри, и отделенным от города;

3) воздух чище;

4) место пустое занято будет приличным зданием;

и 5) [наличие] воды для беления рукоделья сестер будет немало-важной выгодой, в которой оне ныне имеют совершенную нужду»¹²⁸.

Однако Татьяна Костромина видела два существенных препятствия к переезду обители. Одно из них было чисто материальное — нежелание бросать каменный жилой корпус, построенный для насельниц при Успенской церкви, стоивший немало средств, да и сил «сиротствующим». Это препятствие можно было преодолеть, если бы градское общество сочло возможным приспособить здание для иных

---

¹²⁷ Ныне это место — центр Екатеринбурга, в районе стадиона «Динамо». Под «жительство» старообрядцев подразумевается содержание их в ранее имевшейся там тюрьме.

¹²⁸ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1907. № 5. Отдел неофиц. С. 101–102.

благотворительных целей — церкви, больницы, училища или воспитательного дома, — а общине возместило бы расходы выделением «пособия» или помощью в благоустройстве на новом месте.

Второе препятствие Татьяна Костромина считала более существенным. Это был обет сестер не расставаться с иконой Тихвинской Божией Матери, находящейся в приделе Успенской церкви:

«...благословлено ли будет оную святую икону перенести в ту обитель, где Святейший Синод, по благословению Пермского владыки, благоволит быть обители; и [благословлено ли будет], по возможности сил их и добрых дателей, соорудить во имя Тихвинской Богоматери придел, церковь и, ежели да поможет Господь, и собор...

В заключение же вдова Костромина с кротостью изъясняется, что когда не будет на перенесение иконы Тихвинской позволения, то она с сестрами уже останется при том храме, где сия святая икона, и будет неотлучно, ибо обет ее и сестер уже сделан, и оне его переменить не могут»¹²⁹.

Кстати, именно в этой «записке» впервые, пожалуй, упоминается предполагаемое название будущего монастыря — «Александрово-Ново-Тихвинский»¹³⁰, которое, в духе монастырской традиции, воспроизводит название первой церкви в обители — на новом месте это должен был быть собор во имя святого Александра Невского с приделом (или отдельной церковью) во имя иконы Тихвинской Богоматери, перенесенной из Успенской церкви (посему — «Ново-Тихвинской»).

Идея создания монастыря как пустыни казалась Татьяне Костроминой все более привлекательной. 19 апреля 1807 г. она отправила от своего имени прошение епископу Пермскому о строительстве монастыря на новом месте: «Соображая во время моего моления в монастырях Киево-Печерском, в пустынях Саровской и в прочих общежительных обителях, я нахожу, что нахождение обители предпочтительно быть может отделенным от прочих зданий»¹³¹.

Однако это мнение Татьяны было не окончательным. В прошении императору в июне 1808 г. она возвращается к первоначальному плану — устроить обитель рядом с Успенской кладбищенской церковью. Вероятно, к этому времени она узнала мнение сестер, оставшихся в Екатеринбурге, которое они подтвердили и позже, в 1809 г.: «в рассуждении же перемены места для обители, как она, Исакова,

---

¹²⁹ Там же. С. 102–103.

¹³⁰ Там же. С. 101.

¹³¹ Цит. по изд.: Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1907. № 7. Отдел неофиц. С. 154.

равно и прочие все с нею живущие сестры с сего места благоустроенного никак переселиться не желают, а обещаются на сем самом месте оканчивать жизнь свою в преподобии и правде приносить Господу Богу и Божией Матери молитвы за Императора, и за всю Его Высочайшую фамилию, и за вся православные Христианы»¹³².

Насельниц можно понять: к этому времени они обзавелись хозяйством при церкви, бросать которое было жалко, а шансов продать за достойную цену было мало. К 1809 г. при Успенской церкви был не только каменный келейный двухэтажный корпус с пристроенными к нему службами, но и в некотором отдалении от него на дворе деревянная конюшня с сараем, далее еще одна деревянная конюшня, за ней курятник. Жилой корпус был огорожен палисадом, у сестер имелся огород, в огороде — колодец. Общая стоимость построек по ценам 1809 г. составляла не менее 5 тысяч руб. «А в каком количестве и на какую сумму имеется теперь при их сиротском доме святых икон, книг и утвари церковной, равно и одежд, ряс и прочего одеяния, словом, всякого имения, так же как она, Исакова, равно и все живущие с нею сказать не могут, а только объясняют, что по благодати Всемогущего ни в чем недостатка не имеют; хлеба со изобилием на годичное время имеется и прочего жизненного припаса, рогатого скота семь и лошадей две имеют, денег же налицо теперь имеют сорок пять рублей шестьдесят копеек»¹³³.

Екатеринбургская градская дума во исполнение предписания начальника Екатеринбургских горных заводов в мае 1809 г. сделала объявление о продаже каменного корпуса и хозяйственных построек при Успенской церкви, но желающих не нашлось¹³⁴.

Сам начальник Екатеринбургских заводов генерал Иван Филиппович Герман, исходя из интересов развития и благоуукрашения города, считал предпочтительным план создания монастыря на мысу над прудом, о чем и сообщил в ответе на запрос епископа Пермского 12 июня 1809 г., приложив к нему и все остальные «отзывы»: «я с своей стороны полагаю, что, ежели бы возвесть на мысу здешнего заводского пруда церковь и кельи для пустынножителей, то, конечно, было бы приличнее для города против предположения означенных купцов».

Однако он отнесся к желанию купцов вполне уважительно: если они выбрали место при кладбище, пусть так и будет. Вопреки мнению насельниц общины, он не видел надобности в строительстве там еще

---

¹³² РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 78.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же. Л. 80 об. – 81 об.

одной церкви: «...ибо церковь Успенская, существуя в самой близи или, лучше сказать, в нескольких шагах от сиротского дома; по пространству своему в ней можно с удобностью производить богослужение об усопших и ни малейшего препятствия быть не может и в отпращивании обыкновенной церковной службы, для всedневногo упражнения в слове Божием означенных монастырок, для чего оне с удобностью могут иметь и священника с его принадлежностями». Инициативу же «усердствующих купцов» Калашникова, Мартынова и Бронникова генерал Герман предпочел бы обратить «на пристройку начатых, но не усовершенствованных монастырских заведений», о чем считал возможным даже «приказать» им¹³⁵.

Учреждение монастыря

15 ноября 1809 г. Синод представил доклад императору с изложением всех обстоятельств дела и предложением учредить монастырь как заштатный с разрешением иметь 17 монахинь и наименованием «Алекса́ндро-Ново-Тихвинско́ю пустынью». Было отмечено, что женский монастырь создать нужно, поскольку в Пермской епархии нет женских монастырей, что его создать можно, поскольку не возражают горожане и местные светские власти и имеется капитал, сопоставимый с содержанием штатного третьеклассного монастыря, а также можно обратить кладбищенскую Успенскую церковь в монастырскую, назначив к ней причт, поскольку есть желающие построить неподалеку новую церковь, которая и станет кладбищенской. Таким образом, относительно монастырской церкви в докладе была предложена компромиссная позиция, согласовывавшая разные мнения о создании монастыря и имевшееся законодательство. Именным указом 31 декабря 1809 г. на основании этого доклада в Екатеринбурге был учрежден Ново-Тихвинский общежительный женский монастырь¹³⁶. Единственная поправка, которую император внес в мнение Синода, касалась названия обители. С момента официального учреждения общины прошло 10 лет, а со времени фактического ее образования — около 13.

После издания указа об учреждении монастыря Татьяна и Агафья еще несколько месяцев оставались в столице, продолжая собирать пожертвования на обитель, в чем ей помогал своими связями адмирал

---

¹³⁵ Там же. Л. 72 об. – 73; Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1907. № 11. Отдел неофиц. С. 250.

¹³⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 87–91 об.; Ф. 797. Оп. 1. Д. 3924. Л. 1; ПСЗ-1. Т. XXX. № 24057.

Ушаков. 22 января 1810 г. он дал екатеринбурженкам очередное рекомендательное письмо к обер-прокурору Синода князю Голицыну: «Они с надеждою на всещедрую милость Божию, молящие подаяния от христоролюбивых людей, могут устраиваться, и иметь пропитание, и за благодеяния благодетельствующих проливать пред Богом с током слез теплые свои молитвы о вспомоществующих установлению сей обители, можно сказать, первой в том отдаленном крае вновь быть утвержденной, пред алтарем жертвы Богу прошения приносить будут о здравии их и благоденствии, и о спасении душ благодетелей».

Среди своих благодетелей сестры числили и самого обер-прокурора Синода, способствовавшего учреждению монастыря, и, главное, императора, которому желали поднести образ (икону) святых Александра и Елизаветы (святых покровителей императорской четы) «собственных трудов их сотрудниц... достойный замечания искусства их трудов»¹³⁷.

Поднося через обер-прокурора икону императору, екатеринбургские насельницы рассчитывали на ответный дар с его стороны: «притом надеются на милость Божию, что Господь вселит в душу благочестивейшего и чадолюбивого Монарха от своей щедроты вспомоществовать их обзаведению единовременным подаянием... что Господь по сердцу положит».

Не преминул адмирал упомянуть и о достойном употреблении насельницами пожертвований: после учреждения монастыря они могут «усугубить старание свое и попечительность о сбережении приобретаемых ими для пользования их коштом больных и увечных, не имеющих пропитания»¹³⁸.

Радуюсь наконец-то свершившемуся учреждению монастыря, Татьяна Костромина не забыла о всех проволочках, которые случились со времени подачи первого прошения еще в январе 1802 г., и старалась решить все организационные вопросы, находясь в Петербурге: назначения настоятельницы и священника, построга наиболее испытанных насельниц.

Татьяну сестры уже давно называли во всех своих прошениях «настоятельницей». Она была бесспорным духовным лидером екатеринбургской общины и оставалась им, даже находясь несколько лет вдали от нее.

---

¹³⁷ Кто из насельниц общины писал эту икону – сказать сложно, возможно, это была сама Татьяна Костромина: известно, что в 1813 г. она занималась иконописанием (см.: Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 14. Отдел неофиц. С. 472–473).

¹³⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 3924. Л. 2–3.

Еще до учреждения монастыря, 15 августа 1809 г., Екатеринбургское градское общество дало Татьяне Костроминой свидетельство, утвержденное Екатеринбургской управой благочиния 21 августа. В нем значилось, что она с момента поселения при кладбищенской Успенской церкви «благочестно и благоугодно упражняясь во первых [т. е. сперва — *М. Н.*] с немногим, а потом и с довольным количеством пришедших ревновать и последовать житию ее дев и жен вдовых ... после сего она с купноживущими сестрами воздвигла двухэтажный каменный дом, на создание коего имея некоторое от граждан боголюбивых и от окрестных жителей пособие, а более собственными трудами и рачением... Она, Татьяна, во всю свою бытность здесь примером служила не только своим сотрудницам – сестрам, в общине ее находящимся, но и приходящим и слышащим мирским людям в добродетельном и богоугодном житии по монашескому уставу, в воздержании и трудолюбии, книгочтении и рукоделии, и словом во всех спасительных подвигах предваряла живущих с нею, и тем им показывала путь ко спасению. Доказательством чему служит [то обстоятельство — *М. Н.*], что в столь короткое время составила она, Татьяна, дом, могущий помешать около ста сестер, притом довольно святыми иконами, книгами и приличными монахиням одеждами и вещами снабженный и всеми жизненными припасами до избытка изобилующий». Горожане отмечали, что кладбищенская община собрана «единодушно ею», Татьяна¹³⁹.

В июне 1810 г.¹⁴⁰ Татьяна подала прошение на имя императора, в котором, напомнив об учреждении монастыря, отмечала, что «ни игуменья, ни священник еще не определены, между тем как [для] управления сею обителью, так и для отправления в ней служения они весьма нужны... да и во всех случаях общество сие без настоятельницы расстроиться может... А как означенной дом устроен моим тщанием, и живущие в нем находились под моим управлением... всеподданнейше прошу, дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие мое прошение принять и дозволить, по пострижении меня здесь в монашество, управлять сею обителью

---

¹³⁹ Там же. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 209–210 об. В дореволюционной публикации в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях» этот документ приведен с рядом неточностей – см.: Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 10. Отдел неофиц. С. 303–304.

¹⁴⁰ В этой же публикации (С. 302) указано, что прошение подано 1 июня, хотя в документе, хранящемся в синодальном архиве, число не проставлено. Прощение было рассмотрено на заседании Синода 15 июня (РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 207–208).

по прежнему до определения игуменьи, ежели я не могу быть удостоена сего чина...»¹⁴¹.

Просила Татьяна и о назначении священником в монастырскую церковь давно опекавшего их протоиерея Николая Вологодского, что стало еще актуальнее после учреждения монастыря, поскольку при обращении Успенской церкви из кладбищенской в монастырскую, отпевания должны были прекратиться, «и чрез то оне лишаются славословия Божия»¹⁴².

Еще одной заботой Татьяны было ходатайство о постриге ближайшей сородичицы, «ибо многие из живущих в той обители вдов и сирот просят о пострижении в монашество, в числе коих состоит умершего унтер-офицера Иуды Котухина дочь девица Агафья — особенная в трудах моих помощница, о коих уже от преосвященного Иустина епископа Пермского и Святейшему Синоду представлено...»¹⁴³.

Синод рассмотрел это прошение и постановил вопрос о постриге и назначении настоятельницей Татьяны передать на рассмотрение императора. Согласно законодательству, постригать в монашество можно было вдов не младше 60 лет, а девиц — не младше 50-ти. Татьяна было 45 лет. Синод, однако, отметил ее заслуги и просил императора в порядке исключения разрешить ей принятие иноческого сана, сочтя ее достойной и сана, и настоятельства в монастыре. Агафья Котухина была еще моложе Татьяны (ей исполнилось 35 лет), и Синод вынужден был «по недостижению ею многих еще к тому лет отказать».

Вопрос о назначении священника к монастырской церкви относился к компетенции епархиального архиерея, и Синод рекомендовал Татьяне Костроминой обратиться с просьбой о назначении Николая Вологодского к епископу Пермскому¹⁴⁴.

11 июля 1810 г. в Синоде получили еще три прошения из Екатеринбурга, явно запоздавшие. Первое прошение, составленное 16 июня и подписанное 28 насельницами, приводим почти полностью:

«По силе именного Его Императорского Величества указа, состоявшегося минувшего 1809 года декабря в 31 день, о учреждении Пермской епархии в городе Екатеринбурге Ново-Тихвинской женской обители потребно нам, нижайшим, иметь над собою начальницу—игуменью. А как мы все собраны и пристроены к сему месту

---

¹⁴¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 207 об. – 208.

¹⁴² Там же. Л. 207 об.

¹⁴³ Там же. Впрочем, в Синод представление от епископа Иустина как о постриге Котухиной, так и самой Костроминой не поступало (Там же. Л. 215 об.)

¹⁴⁴ Там же. Л. 215–217 об.

находящеюся теперь в Санкт-Петербурге Татьяною Андреевой Костроминой и оною самую наставлены на богоугодное житие, во всем подобное монашескому уставу Саровской общежительной пустыни, того ради Святейший Правительствующий Синод всемирно и униженно просим и молим оную духовную мать и наставницу спасения нашего, Татьяну Костромину, удостоив пострижения, благословить и учредить над нами игуменьей и наставницею быть навсегда. А если по каким-либо неизвестным нам обстоятельствам не удостоена будет она, Татьяна Костромина, пострижения, в таком случае раболепно просим оную ж, хотя и непостриженную, над нами учредить строительницею и начальницею нашей обители. Все наше сирое сословие, собранное единственно ею, Татьяною, и наставленное на путь спасительный, всеусердно желает, дабы она, а не иная другая имела над оным начальство и попечение.

Вашего Святейшества всенижайшие и последние послушницы и богомольщицы...»¹⁴⁵

Второе прошение было написано 18 июня от имени насельниц монастыря и ходатайствовало в пользу протоиерея Николая Вологодского.

Сестры не преминули указать, что он опекает общину с 1799 г., много старался к побуждению «доброхотных дателей» к пожертвованиям в пользу общины, да и сам многое пожертвовал ей:

«1. Образ святителя Иннокентия Иркутского хорошей живописи, на холсте, в золоченных рамах, мерою 5 четвертей.

2. Деньгами пятьдесят рублей.

3. Книга Великого Василия «Поучения», ценою 8 руб.

4. Лампад посеребрённый, ценою в 28 рублей.

5. Ковер персидский в 10 рублей.

6. Пшеничной муки 40 пуд.

7. Муки ржаной 30 пуд.

8. Рыбы разной и осетрины на 35 рублей.

9. Восковых свеч 15 фунтов.

10. Масла деревянного полпуда.

11. Масла коровьего пуд.

12. Сальных свеч также пуд.

и 13-е. Один пуд льну».

С большим уважением насельницы отозвались и еще об одной инициативе протоиерея: «А при совершенном образовании и открытии обители нашей и еще обещается пожертвовать, а паче всего не

---

¹⁴⁵ Там же. Л. 223–223 об.

отрекается взять на себя обязанность, если только начальству будет благоугодно препоручить, смотрение иметь и попечение над имеющимися в нашей обители безденежно обучаться девицами–сиротами чтению и рукоделию, и оным книги доставлять на свой кошт»¹⁴⁶.

Третье прошение, составленное также 18 июня, было подано от одиннадцати вдов и девиц монастыря, среди которых были и старейшие его насельницы. Сестры просили постричь их в монашество.

Они сообщали, что «стеклись» к Татьяна Костроминой «в разные времена, дав Богу обещание жить до окончания жизни нашей неисходно... всеусердно желаем Ангелоподобный образ монашеский на себя воспрять и вступить в подвиг оный, оставя мирские имена, дела, и одежды, а воспрять все приличное монашескому уставу... Того ради Святейший Правительствующий Синод всемирно и униженно просим: сподобив нас, грешных, оного Ангелоподобного образа монашеского, предписать кому следует постричь нас и оставить в Ново-Тихвинской Екатеринбургской женской обители препровождать остаток дней наших, который все мы давно уже посвятили Богу, призвавшему нас в сие место для прославления Пресвятого Имени Пречистыя Богоматери»¹⁴⁷.

Эти прошения были рассмотрены Синодом 22 августа 1810 г. Еще до этого, 19 июля состоялось Высочайшее повеление о постриге Татьяны. 7 августа в единственном в столице действующем женском монастыре (Воскресенском)¹⁴⁸ она была пострижена в монашество и наречена Таисией присутствовавшим тогда в столице архимандритом Тобольского Знаменского монастыря Михаилом¹⁴⁹. Вопрос о по-

---

¹⁴⁶ Там же. Л. 225–225 об.

¹⁴⁷ Там же. Л. 224–224 об.

¹⁴⁸ Петербургский Воскресенский Новодевичий (Смольный) монастырь был основан в 1748 г. Екатерина II учредила при монастыре училище для воспитания девиц из дворянских семей, которое впоследствии переросло в Смольный институт. С 1803 г. в обители оставались лишь игуменья Анатолия (Яковлева) и три престарелые монахини. К 1810 г. он был единственным женским монастырем в Петербурге, а к 1827 г. и он закрылся. Позднее, при Николае I, он возродился, но был переведен на другое, более уединенное, место у Московских триумфальных ворот, где в 1848 г. была освящена в честь Казанской иконы Божией Матери новая церковь. В церковь перенесли, кстати, родовую святыню Ушаковых – икону Казанской Божией Матери, и еще ряд святынь. Монастырь возрожден в 1996 г., тогда же в храм передана родовая икона Ушаковых, которая 6 ноября того же года чудесным образом обновилась (*Очерки истории Санкт-Петербургской епархии (ред.-сост. митрополит Иоанн (Снычев)*). Петербург, 1994. С. 125).

¹⁴⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 218, 222–222 об.

стриге одиннадцати желающих в монашество, как и вопрос о назначении протоиерея Вологодского были переданы на рассмотрение епископа Пермского.

Указом Синода 20 сентября 1810 г. монахиня Таисия была определена в игуменский сан, более приличествующий настоятельнице монастыря. Однако сам обряд посвящения должен был произвести епископ Пермский по ее возвращении в Екатеринбург¹⁵⁰.

Возвращение в Екатеринбург

Монахиня Таисия и послушница Агафья Котугина в конце сентября отправились домой. Из-за распутицы доехали они до Москвы только 15 октября и поняли, что придется дожидаться установления зимнего пути там. 22 октября 1810 г. Таисия сообщила об этом епископу Пермскому Иустину, прося его продолжить отеческие заботы о «новоустроющейся обители нашей». Таисию беспокоили прежде всего перспективы расширения монастырских построек, которым могло помешать кладбище:

«А как известно уже и Вашему Преосвященству, что кладбище должно быть не в обители, а в другом месте, священники же, бывшие при нашей церкви, погребают и ныне многих усопших, чрез что умножилось число могил, [которые] могут нам в постройках по фундаменту сделать препятствия, коих мы по новости срывать не осмелимся, а потому ни дорог, ни келий по надлежащему расположить не можно. В рассуждении сего просим Ваше Преосвященству повелеть кому следует погребения оные до времени приостановить. Также и по обители новоустрояемой, чтобы сохраняем был порядок, приказать кому заблагорассудите иметь христианский надзор»¹⁵¹.

12 января Пермская консистория проинформировала Главную контору Екатеринбургских заводов о необходимости прекратить захоронения и об указном предписании купцам построить новую кладбищенскую церковь¹⁵². Двое из троих прежде «усердствовавших» — купец Калашников и мещанин Бронников — не без некоторого раздражения отметили, что повеление не вполне согласуется с их первоначальными намерениями, все-таки выбрали место саженьх в 200 или более от имеющихся монастырских построек и заказали со-

---

¹⁵⁰ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 10. Отдел неофиц. С. 302, *Иконников В.* Указ. соч. С. 8.

¹⁵¹ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1907. № 11. Отдел неофиц. С. 251.

¹⁵² ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2113. Л. 1–6 об., 15–15 об.

ставить проект постройки храма во имя Александра Невского, который и просили в апреле 1811 г. одобрить Екатеринбургскую управу благочиния¹⁵³.

Между тем несколько месяцев вынужденного пребывания в Москве монахиня Таисия использовала во благо монастыря. Она постаралась найти в московских обителях насельниц опытных в иноческой жизни и готовых отправиться с нею на Урал. По крайней мере одну такую она нашла в Никитском монастыре, это была монахиня Евпраксия, уже в летах, согласившаяся поехать в Екатеринбург. Настоятельница Таисия желала возложить на нее послушание казначеи.

Приехали с Таисией в Екатеринбург и четверо послушниц, найденных ею в каких-то монастырях центральной России, быть может, в том же самом Московском Никитском. Звали этих девиц Агафья, Васса, Матрона и Анна, и настоятельница Екатеринбургского монастыря достаточно высоко оценивала их способности, намереваясь сделать ближайшими помощницами казначеи по управлению обителью.

На Урал матушка Таисия вернулась лишь в июне 1811 г., прожив, таким образом, в Петербурге и Москве около пяти лет.

В Перми 11 июня она была произведена в сан игуменьи «во уважение ее усердия и богоугодных подвигов в учреждении и устройении обители». Обряд был свершен самим епископом Иустином в Петропавловском соборе во время архиерейского служения. В этот же день пред всенощным бдением в Крестовой церкви были облачены в рясофор четверо послушниц, привезенных Таисией¹⁵⁴.

Прибыть в свой родной монастырь после долгого отсутствия игуменьи Таисии хотелось 26 июня — в день Тихвинской иконы Божией Матери — и именно в этот день торжественно отпраздновать официальный учреждение монастыря, указ о котором был издан более полутора лет тому назад(!).

Матушка Таисия полагала, что богатые дары, которые она привезла с собой, искупают долгое ожидание. Первым среди них был образ

---

¹⁵³ Там же. Л. 7–10 об., 15–15 об.

¹⁵⁴ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1906. № 24. Отдел неофиц. С. 808, 811, 814.

Тихвинской Богоматери — точная копия чудотворной иконы, написанная еще в 1807 г.¹⁵⁵ в самой Тихвинской обители¹⁵⁶, вероятно, по ее заказу. Можно предположить, что за время длительного пребывания в Петербурге, пользуясь покровительством митрополита Новгородского Амвросия, в чьем ведении состояла прославленная Тихвинская обитель, она побывала там лично.

Список этой иконы стал духовной опорой Татьяны Костроминой и Агафьи Котухиной во время вынужденной их разлуки с образом Тихвинской Богоматери, оставшемся в Успенской церкви Екатеринбургга, с которым они, как и все сестры, дали обет не расставаться.

Сейчас полученная в Тихвине в 1807 г. икона утрачена. Однако описание 1875 г. говорит о том, сколь почитаема она была сестрами, сколь драгоценна (во всех смыслах) для них¹⁵⁷.

Перед отъездом из Петербурга матушка Таисия получила еще один бесценный для монастыря дар — 25 частиц святых мощей из Новгородского кафедрального Софийского собора, переданные ей по благословию митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Амвросия. Прибыв в Пермь, Таисия просила преосвященного Иустина «...оным мощам учинив водосвящение, положить их в образ, нарочито ею для сего изготовленный¹⁵⁸, и по совершении сего священного обряда, когда препроводит она святые мощи купно с иконою Тихвинския Божия Матери в город Екатеринбург, внести оные и икону Тихвинския Божия Матери с священною церемониею в помянутую обитель, а по желанию и усердию богомольцев позволить носить оные в дома и окружные селения...».

Владыка препоручил подготовить все необходимое для водосвящения протоиерею пермского Петропавловского собора Иоанну, и 11 июня 1811 г., в день посвящения Таисии Костроминой в игуменский сан и облачения четырех послушниц в рясофор, перед литургией перенести эти мощи вместе с иконой Тихвинской Божией Матери со священной церемонией из Крестовой церкви в Петропавловский собор, а в соборе «на сей священный случай учинить ранее того благовест на собор, и когда те святые мощи и икона Тихвинской Божией

---

¹⁵⁵ Сведения о дате написания иконы имеются только у В. Иконникова (*Иконников В. Указ. соч. С. 75*).

¹⁵⁶ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1907. № 3. Отдел неофиц. С. 53.

¹⁵⁷ См. приложение 5.

¹⁵⁸ Ныне (2024 г.) ковчег с этими частицами мощей находится в Александро-Невском соборе Ново-Тихвинского монастыря.

Матери переносимы будут, произвести при всех здешних церквах звон»¹⁵⁹. Так и было исполнено.

По желанию игуменни архиерей постановил совершить дальнейший перенос святынь из Перми в Екатеринбург как крестный ход, порядок которого был описан. Главное торжество — прибытие в Екатеринбург — намечалось на 26 июня, день празднования иконы Богоматери Тихвинской. Для того, чтобы парадно встретить игуменью Таисию, из Перми заблаговременно выехала монахиня Евпраксия, получившая 15 июня указ о своем назначении казначеей монастыря. Ей предписывалось «...с обитающими в той обители сестрами и с протоиереем Николаем Вологодским сделать оной настоятельнице надлежащую встречу и введение в обитель, потом ей, казначее, с сестрами быть у нее в послушании и повиновении, оказывая ей всякое почтение и уважение»¹⁶⁰. Уже в Перми Таисия получила разрешение архиерея на крестные ходы с иконой и святыми мощами в дома екатеринбуржцев и окрестные селения «по желанию и усердию богомольцев».

Церемония перенесения мощей и иконы из Перми в Екатеринбург была детально спланирована. Шествие из Перми должно было начинаться «с священной же церемониею и звоном при всех церквах», провожать святыни до первой по маршруту церкви за городом было поручено протоиерею Иоанну. Далее святыни должны были встречать и провожать от церкви до церкви с колокольным звоном местные священники и благочинные, которым были сделаны предписания через Кунгурское и Екатеринбургское духовные правления.

26 июня святыни должны были торжественно встречать в Екатеринбурге, о чем следовало позаботиться также Екатеринбургскому духовному правлению, которому было предписано «благовременно известить, как следует, и граждан города Екатеринбурга, господ чиновников, купцов и других званий людей». Участвовать в церемонии было предписано причтам всех городских церквей. После благовеста на собор в Екатеринбургском соборе и в самом Ново-Тихвинском монастыре из всех церквей должны были отправиться торжественные процессии с образами и хоругвями, возглавить которые поручено было протоиерею Екатеринбургского собора Федору Карпинскому и протоиерею Богоявленской церкви духовнику насельниц монастыря Николаю Вологодскому. В предместье города, где должна была остано-

---

¹⁵⁹ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1906. № 24. Отдел неофиц. С. 809–810.

¹⁶⁰ Там же. С. 811–812.

виться игуменья Таисия со святынями, прибывшая из города процессия должна была совершить молебен и торжественно отправиться в монастырь, причем нести образ с святыми мощами должны были протоиереи Карпинский и Вологодский, а икону Божией Матери Тихвинской — «кто по усердию пожелает». По прибытию в обитель святыни следовало поставить «на приличные места», совершить соборную литургию, после нее «благодарственный Господу Богу молебен с водосвящением и многолетием Высочайшей Императорской фамилии» и крестный ход вокруг обители и всего города¹⁶¹.

Видимо, монастырские святыни почтительно встречали в приходах между Пермью и Екатеринбургом. За две недели, как предполагалось изначально, игуменья Таисия с послушницами не удалось добраться до Екатеринбурга. Где они оказались 26 июня и как почтили празднование иконы Богоматери Тихвинской — по источникам установить не удалось. Учитывая расстояние между Пермью и Екатеринбургом, то обстоятельство, что к организации крестного шествия было привлечено Кунгурское духовное правление, а также тот факт, что в Кунгуре в то время была Тихвинская церковь (на месте ранее существовавшего женского Тихвинского монастыря)¹⁶², можно предположить, что 26 июня игуменья Таисия со святынями по просьбе кунгурцев участвовала в праздновании иконы Тихвинской. Возможно, в основных чертах был соблюден и предписанный порядок встречи святынь в Екатеринбургe, но только в Кунгуре. В предместье Екатеринбурга (точнее — за Верх-Исетским заводом) игуменья с послушницами пришли только 20 июля 1811 г.

Судя по кратким заметкам, сделанным в дневнике протоиереем Екатеринбургского собора Федором Карпинским¹⁶³, в программе крестных ходов по Екатеринбургу произошли изменения. После встречи иконы и мощей за Верх-Исетским заводом процессия пришла к Богоявленской церкви. На следующий день, 21 июля, в этом храме состоялось соборное служение (следовательно, святыни находились там), после чего крестный ход отправился со святынями в Вознесенскую

---

¹⁶¹ Государственный архив Пермского края (далее: ГАПК). Ф. 109. Оп. 1. Д. 15. Л. 103–108; Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1906. № 24. Отдел неофиц. С. 809–812.

¹⁶² Историко-архитектурное наследие Пермского края: каталог-справочник. Пермь, 2011. С. 98.

¹⁶³ *Здравомыслов А., прот.* Протоиерей Федор Львович Карпинский и современное ему общество города Екатеринбурга с 1807 года по 1831 год. (По дневнику о. Федора Карпинского) // ЕЕВ. Отдел неофиц. 1915. № 51. С. 860.

церковь, оттуда «вокруг города», далее икону и мощи оставили в Екатерининском соборе. Согласно несохранившейся ныне, но воспроизведенной в публикации 1915 г. надписи на стене Успенской церкви Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря святыни были перенесены в монастырь 22 июля 1811 г. Это подтверждается и намерением игумении Таисии установить в последующие годы в этот день крестный ход в память о принесении в монастырь святых мощей¹⁶⁴.

Очевидно, что тщательно продуманный порядок свершения этого события был задуман как триумф настоятельницы Таисии, добившейся вопреки всем преградам заветной цели — учреждения монастыря. Само же учреждение демонстрировалось как важнейшее событие для всей Пермской епархии — это был единственный женский монастырь в ней.

---

¹⁶⁴ ГАПК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 19. Л. 98 об. – 99; Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1907. № 3. Отдел неофиц. С. 53–54.

Глава 3. Заштатная обитель на своем содержании

Перед отъездом из Перми в Екатеринбург игуменья Таисия получила указ консистории от 15 июня 1811 г., копии которого были разосланы «для ведения» по всей епархии¹⁶⁵. Он воспроизводил резолюцию епископа Иустина на просьбы настоятельницы. Самой Таисии после поставления 11 июня в Перми в игуменский сан и принятия ею присяги в верности императорскому дому и в исполнении государственных законов от епископа дано было «предписание» — официальный документ, подтверждавший ее назначение и перечислявший обязанности: «...дабы она, вступив в препорученную управлению ее женскую обитель, приняла оную в свое смотрение и распоряжение и, управляя оною, поступала во всем по правилам Святых Апостол и Отец, Духовному регламенту и государственным узаконениям, и имеющему быть от нас при произведении ее во игуменьи Архипастырскому наставлению, и по указным из духовной консистории предписаниям, а в случаях ей неудоборешимых относилась бы к нам или в консисторию на разрешение...».

Как же виделись игумении первоочередные задачи? Их было немало.

Таисия желала назначить на самые ответственные послушания в обители сестер, которым она доверяла. Поскольку в самом Екатеринбурге ее не было около пяти лет, свой выбор она остановила на послушницах, привезенных ею и облаченных в Перми в рясофор. Епископ Иустин предоставил самой настоятельнице решить этот вопрос, находящийся в ее компетенции. Так у престарелой казначеи Евпраксии появилась помощница рясофорная послушница Агафия, а кроме того, ризничая Васса и уставщица Матрона. По просьбе настоятельницы архиерей разрешил составить монастырский хор, церковному же причту предписал не вмешиваться в клиросное пение. Можно предположить, что руководительницей хора — регентшей игуменья Таисия видела одну из послушниц, привезенную ею из столиц. Поскольку троим — Агафье, Вассе и Матроне — были даны иные послушания, вероятно, послушнице Анне поручили образовать иноческий хор по столичному образцу.

---

¹⁶⁵ ГАПК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1. Л. 184–184 об., 196–196 об.; Д. 15. Л.103–107; ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1323. Л. 9–9 об., 11–17; Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря...1906. № 24. Отдел неофиц. С. 808–814.

В монастырской церкви должна была стоять кружка для пожертвований в пользу монахинь, и в «монахинские доходы, каковые от усердствующих даваемы будут» причт не должен был вступаться. Епископ подчеркивал, что эти доходы не должны делиться между сестрами, поскольку монастырь общежительный, а посему все пожертвования следует «скоплять в общую сумму и из оной производить расход казначее с доклада настоятельнице на содержание и нужды сестр, а также и на угощение могущих случиться у настоятельницы гостей». Приход и расход денег надлежало строго фиксировать казначее в специальной книге и ежегодно проверять «старшим сестрам» — наиболее опытным монахиням. Столь же строгой регистрации в специальной книге подлежали и «вклады в обитель на украшение храма Божия усердствующими полагаемые».

Еще одна особенность общежительного монастыря — общая трапеза для сестер — также оговаривалась в предписаниях епископа: настоятельнице велено было «за порядком оной иметь строгое и бдительное лично своею особою или чрез казначею попечение».

Особой заботой игумении было определение церковного причта в обитель. При Успенской церкви уже служил в то время заштатный священник Елисей Резанов, но епископ Пермский повелел «для безостановочного по просьбе упоминаемой настоятельницы в церкви служения ныне же причислить другого, а именно заштатного же священника Александра Воинственского, которому поочередно с священником Резановым и отправлять в обители священнослужения и требы впредь до указу или пока настоятельница Таисия представит нам о утверждении их самих, или вместо их изберет одного способного. И причтом касательно служения своего в обители быть им с причтом под распоряжением настоятельницы беспрекословно, не вмешиваясь кроме сего ни в какие до обители касающиеся дела и порядок». Оба священника подлежали контролю со стороны местных духовных властей — Екатеринбургского духовного правления, которому предписано было за поведением этих батюшек «смотреть строго, не доводя настоятельницу до неудовольствия и жалоб».

Для проведения воскресных и праздничных церковных служб священникам разрешалось брать поочередно одного из диаконов градского Екатерининского собора, а в случае их болезни — из любой другой приходской церкви. Жалование как священникам, так и причетникам назначалось от Екатеринбургской градской думы из суммы 300-рублевого пособия, определенного монастырю. Размер вознаграждения священники должны были согласовать с настоятельницей, а она — с епископом Пермским. Сверх этого жалования причт мог

получать доходы за совершение церковных треб и служб: «кто что даст по своему усердию им особенно», и эти пожертвования верующие должны были опускать в специальную кружку, стоящую в церкви.

Памятуя о неприятных инцидентах, иногда случавшихся в обители, расположенной при кладбищенской церкви на окраине Екатеринбурга, игуменья Таисия просила «во уважение вышеозначенной опасности от злонамеренных людей» назначить служителей для охраны. По этому вопросу епископ предписал ей обратиться к Екатеринбургскому градскому обществу, чтобы оно, из «усердия» к монастырю, избрало из своего состава трех человек «честного и доброго поведения» и назначило им жалование из градских доходов. Поскольку грамотных насельниц в монастыре были единицы, епископ Иустин указал, что хотя бы один из служителей должен быть грамотным, «дабы он в случае каких-либо по обители с присутственными местами или начальствами переписок мог заниматься письмоводством». Таким образом, служителей предполагалось использовать не только для охраны, но и «для случающихся работ и услуг».

Забываясь о доходах монастыря, настоятельница испросила у архиерея разрешение впредь лично решать вопрос о погребении «в обители мертвых тел знатных людей», поскольку в указе об учреждении монастыря специально оговаривалось, что Успенская церковь становится монастырской, а посему погребения на кладбище должны быть прекращены. Разрешение было дано.

Не забыла Таисия и о своих обещаниях екатеринбуржцам. Во исполнение желания самих насельниц монастырю разрешено было построить больницу и богадельню «для приема больных и странных [т. е. странниц — *М. Н.*] жен и девиц или сиротствующих и вдов» на пожертвования «усердствующих». Благотворительные заведения предполагалось разместить «при вратах обители по обеим сторонам таким образом, чтоб на одной стороне была больница, а на другой — гостиница».

Матушка Таисия мечтала о том, чтобы крестный ход, с которым Тихвинская икона Божией Матери и мощи святых были внесены в Екатеринбург 26 июня 1811 г., стал ежегодным, и епископ Пермский разрешил «вкруг обители и города совершать в сей день [крестный ход — *М. Н.*] každогодно, а по усердию боголюбцев для отправления молебнов и всенощных бдений благословляем образ с святыми мощами и икону Тихвинския Божия Матери как в сей день, так и в другие времена носить в дома, и [в] окружные селения Пермской епархии...».

По приезду в Екатеринбург игуменя Таисия с воодушевлением занялась устройством монастырских дел.

После официального учреждения монастыря стало возможным исполнение духовного стремления насельниц к принятию иноческого пострига. По существовавшему порядку, до учреждения монастыря постриги в нем не проводились. Поэтому первым насельницам кладбищенской общины было суждено пройти очень долгий искус.

Искус Татьяны Костроминой — первой монахини обители — длился 14 лет. И если бы не ее особые заслуги в деле учреждения монастыря, он мог бы составить и больший срок: законодательно был установлен возрастной барьер для принятия иноческого сана — 50 лет, дабы этот шаг был обдуманым. Татьяну Костромину по Высочайшему повелению постригли в возрасте 45 лет.

Сестры новоучрежденной обители законодательные нормы пострига представляли себе слабо. Прежде светские власти, собирая сведения о насельницах кладбищенской общины, интересовались только наличием у них увольнительных свидетельств от властей, подтверждавших, что они не являются беглыми. Подавая в 1810 г. прошение в Синод о разрешении на постриг, 11 насельниц монастыря указали: «лета же наши соответствуют пострижению», однако в действительности лишь четверо из них достигли требуемого возраста¹⁶⁶. Синод передал решение вопроса о постриге на рассмотрение епископа Пермского — это была его компетенция. Решение затянулось: матушка Таисия прибыла в Екатеринбург в июне 1811 г., а соответствующее прошение на имя епископа Пермского Иустина подала только 14 февраля 1812 г.

В прошении она писала, что 14 насельниц монастыря — 4 вдовы и 10 девиц, «всеусердно желая принять на себя монашеское звание, убедительно просили ее, игуменью, представить о том Его Преосвященству на благорассмотрение». Трое из них (самые молодые) просили об облачении в рясофор — первой ступени к принятию монашеского пострига. Остальные одиннадцать просили о постриге, и список этих просительниц отличался от подписавших прошение 1810 г. Так, к 1812 г. уже скончались, вероятно, вдова Параскева Алексеева Исакова — попечительница кладбищенской общины во время пятилетнего отсутствия Татьяны Костроминой в Екатеринбурге.

Игуменя Таисия подала представление на постриг наиболее испытанных насельниц, отмечая, что все они «имеют от начальства их

---

¹⁶⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 65–67, 224.

письменные увольнительные виды, ведут себя честно и хорошо, возлагаемые на них по обители всякие послушания проходят безропотно и усердно», однако опять не учла существующие законодательные ограничения: из одиннадцати представленных к постригу лишь шестеро достигли необходимого возраста. Им-то и было разрешено принять монашество. Обряд должен был совершить игумен Далматовского Успенского монастыря Никандр, уже и ранее посещавший Ново-Тихвинскую обитель. К сожалению, сведения о времени совершения первого пострига в Екатеринбурге пока не найдены¹⁶⁷.

Первые монахини Екатеринбурга прошли искуc от 3 до 16 лет, в среднем — 9,3 года. Ими стали: Анастасия Самойлова Никитина и Татьяна Игнатьева Филинкова – первые насельницы, пришедшие к Успенской церкви еще в 1796 г., которым к моменту пострига было первой — 77 лет, второй — 70; Фекла Евтихьева Орловых, жившая в общине с 1798 г., вдовы Анна Иванова Лаптева (в общине с 1808 г.), Ирина Ермилова Залесова (с 1809 г.) и Софья Иванова Набережных (с 1809 г.). Остальных просительниц разрешено было облечь в рясофор. Одной из рясофорных послушниц стала ближайшая сподвижница игумении Таисии Агафья Котугина, получившая в постриге имя Августа и определенная к 1813 г. в казначей монастыря. Были облачены в рясофор и некоторые старейшие насельницы: Александра Костарева, проживавшая в обители с 1798 г. (она получила имя Анфия), Васса Патрушева, проживавшая в обители с 1800 г. (она получила имя Серафима), родственница игуменьи Таисии Матрена Костромина, жившая в монастыре с 1801 г. (она получила имя Маргарита)¹⁶⁸.

Длительный период, прошедший между фактическим возникновением общины, появлением первых послушниц и моментом официального признания обители, сопровождавшимся пострижением старейших насельниц, задавал определенную традицию — весьма продолжительный искуc и для последующих поколений монастырских насельниц. Путь к иночеству становился действительно многотрудным, и это придавало больший авторитет монашескому сану как в глазах самих послушниц, так и мирян.

Количество насельниц быстро росло. К 1817 г. их было 80: игуменья, казначея, 8 монахинь, 25 рясофорных послушниц и 45 «белиц» (послушниц, официально причисленных в состав сестричества).

---

¹⁶⁷ ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1338. Л. 1–1 об., 8–9. Указ консистории о проведении пострига был получен игуменом Никандром 15 июня 1812 г.

¹⁶⁸ Там же. Д. 1370. Л. 2–11 об.; Д. 1524. Л. 2–5.

К концу 1819 г. в обители было 152 насельницы: 17 монахинь, которых и показывали в предписанном указом об учреждении монастыря числе сестер, и 135 послушниц, в основном, выходцы из семей «Горного ведомства людей»¹⁶⁹.

В обители всем находилось дело. Игуменья развернула большое строительство: трудами сестер, исполнявших все работы, вплоть до изготовления кирпичей, к Успенской церкви в 1816 г. были пристроены трапезная, ризница и две схимнические кельи, в 1817 г. устроена каменная часовня (в 1823 г. обращенная в церковь во имя Всех Святых), с 1814 г. возводилась каменная Александро-Невская церковь, построено 3 каменных и 4 деревянных жилых корпуса и 2 флигеля, обитель обнесена оградой, вне которой устроено два дома для священнослужителей. Монастырь свободно вмещал в 71 келье всех имевшихся насельниц. Обитель обзавелась участком земли, на котором сеялся хлеб, конопля, лен, сестры устроили огород, скотный двор, рукодельные мастерские, где пряли, ткали, вышивали золотом, серебром, шелками, синелью и бисером, делали иконные ризы из канители, фольги и мишуры. Летом ловили рыбу и ходили в лес по ягоды и грибы¹⁷⁰.

В конце 1814 г. игуменья Таисия с удовлетворением докладывала епископу Пермскому о послушаниях насельниц:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Аминь.

Милостивейший отец и Архипастырь, Преосвященнейший Владыко!

Объясняем Вам о своей жизни. [За] старание мое и труды сестер моих Господь нам помог за Ваши св[ятые] молитвы.

Во-первых, отстроили новых два огорода. Бог послал нам обилие плодов: капуста и репы и овощей довольно для обители.

Второе, посеяно у нас было 8 десятин овса и другого хлеба. Всего хлеба 600 пудов. Сами жали и молотили с своими сестрами.

Третье, постановлено сена 500 копен.

Четвертое, набрано ягод: брусники 130 ведер и других ягод не помногу (морошки, черники и вишанья).

Пятое, груздей насолено 150 ведер.

Шестое, в новой онжареи огурцов было довольно во все лето до снегу и посолено для обители. В онжареях насадили сад простыми

---

¹⁶⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 4–4 об., 19 об.

¹⁷⁰ Там же. Л. 1–5, 40 об. – 47 об. *Иконников В.* Указ. соч. С. 15–16, 75, 85; *Штейнфельд Н. П.* Указ. соч. С. 6–7.

древами: рябина, калина, малина, смородина, черемуха, липа, пихта, кедры, березки и сосны.

Еще скота имеем 8 лошадей; рогатого скота 20 голов.

Еще объясняем наше келейное рукоделие: 1) у нас шьют золотом, 2) образа убирают, 3) шьют ризы, 4) ткнут салфетки, 5) ткнут канифасы, 6) ткнут простое, 7) у нас черчение, которое очень полезно для обители, 8) у нас шьют портное, 9) шьют чеботное, 10) кружева плетут, 11) чулки вяжут, 12) прядут.

Еще объясняем. Имеем мы снасти, повозок 5 летних, 5 зимних; дрожки; 4 рабочих телеги; 7 саней и 6 дровней.

За всем за этим смотрение мое и старание меня беспокоит, получаю я скорби и расстройство душевное. Не возможно ли, Преосвященнейший Владыко, дать мне на помощь двух человек достойных в поведении из Далматова монастыря и Верхотурского по человеку. У меня чужие работники все приломают, потому мне должно самой смотреть за починкой, и за всеми работами, и за строением монастырским, и за келейными рукодельями. И все подробно описано по монастырским обстоятельствам. Аще что нужно, то прошением буду писать.

Униженная Ваша послушница игуменья Таисия»¹⁷¹.

Усердие матушки Таисии снискало ей симпатии и насельниц обители, имевшей очень благополучный вид. В декабре 1814 г. епископ Иустин поинтересовался монастырским бытом, и в январе следующего года получил доношение от сестер, в котором они подробно описали условия жизни.

Сестры указали, что поскольку монастырь заштатный, то казенной суммы на трапезу сестричества не отпускается, и они «довольствуются от доброхотных дателей». Чем же питались в Ново-Тихвинской обители? Читаем: «повседневно поставляется три кушанья, а иногда и четыре, а именно: щи, каша, горох, в скоромные ж дни прибавляются уха и молоко, а в воскресные и праздничные дни — в пяти кушаньях: рыба холодная и жареная, щи осетринные, уха, сыр печеный, некогда и молоко».

Внешний вид насельниц был весьма опрятен: «Одежду они имеют, во свидетельство звания по Бозе жительства, довольную и хорошую: монахини — ряски мухояровые, подрясники тонкого холста; певчие — рясы и подрясники шанхайные и саржевые, послушницы

---

¹⁷¹ Цит по изд.: Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 13. Отдел неофиц. С. 435–436.

и трудницы в праздничные дни — свитки и подряски тонкого холста, а в простые дни — из ровного. Обувание, довольное и простое, удобно к исправлению великой нужды и полезно иноческому жительству».

За свою жизнь в монастыре сестры возносили благодарность Богу и матушке Таисии: «За сим они Его Преосвященству имели объяснить и о том, что они в содержании себя руководствуются игуменьей Таисиею, пребывают в удовольствовании пищей, и одеждой довольны, также всегдашним ее духовным наставлением и попечением о спасении их. Воистину она, поставленная от Бога, есть глава их и неусыпающее око в созидании монастыря и прочих добродетелях; а которые [сестры — *М. Н.*] приносят неудовольствие, те должны быть благодарны и лгут на главу свою; [о чем сестры и сообщают — *М. Н.*], так как они есть искренние послушницы и рабы, всегда готовы должную честь воздавать и просить Бога, дабы достигнуть всем сестрам до тех добродетелей, каковые имеет их игуменья»¹⁷².

Это донесение доставило большое удовольствие епархиальному владыке, и он счел полезным изъявить свою признательность настоятельнице за ее достохвальные труды.

10 февраля 1815 г. Пермская консистория издала указ, воспроизводящий резолюцию епископа, которую велено было прочесть одному из членов Екатеринбургского духовного правления настоятельнице Таисии при всем сестричестве:

«...хотя для трапезы и для прочего штатной денежной суммы и не положено на Екатеринбургскую обитель, однако, [так] как образ Богоматери и святые мощи, приносимые ежегодно из града во град, из села в село, из селения в селение, приносят в обитель довольно денег и других различного рода вещей и съестных припасов; да и [так] как монахини и послушницы ревностно и неустанно трудятся и занимаются различными рукоделиями, то обитель чрез сие приобретает свое все нужное и потребное несравненно больше, нежели те женские монастыри, которые получают штатную денежную сумму и в которых обитают дряхлые старухи.

Почему игуменья Таисия погрешила бы пред Богом, да и люди бы стали бы говорить повсюду много неприятного, ежели бы монахиням и послушницам, толико ко всяким трудам и послушаниям подвижным, не представляло[сь] довольной и питательной к подкреплению

---

¹⁷² Там же С. 436–437.

сил пищи и ежели бы наготы их не прикрывала потребным по временам года одеянием. Но монахини и послушницы хвалятся и пищею, и одеждою, и прочими ее с ними поступками.

Все сие нам приятно, потому наипаче, что мы принимали и приемлем в обители оной немалое участие и усердно желаем, чтобы она приведена была в цветущее состояние, хотя и не скоро, и чтобы малопомалу начала прославляться примерным общежитием. Мы надеемся, что при отеческом промысле Божиим желание наше совершится; ревность, попечение и неусыпность госпожи игуменьи в том нас уверяет»¹⁷³.

Монастырь и городской социум

Быстро растущая численность сестричества, размах проводимого благоустройства обители требовали непрерывных забот настоятельницы о ресурсах для ее содержания.

Монастырь получал с 1 апреля 1812 г. трехсотрублевое пособие от Екатеринбургской думы, которое было обещано еще в 1806 г. Однако обеспечила эти ежегодные выплаты опять же матушка Таисия: вопрос, вероятно, не был бы решен и к 1812 г., если бы она, по приезде из столицы в 1811 г. не внесла в градскую казну 1036 руб. в дополнение к ранее присланным 964. Эта сумма в две тысячи рублей и стала обеспечением ежегодных выплат от думы. Сумма тратилась в основном на содержание причта монастырской церкви¹⁷⁴.

Надо полагать, что Т. Костромина привезла в 1811 г. в Екатеринбург значительную сумму пожертвований. О наличии собранных в столице подаяний в размере более 2000 руб. (отданных ради назначения 300-рублевого пособия от думы монастырю) она сообщала еще в 1807 г. Она продолжала собирать пожертвования вплоть до своего возвращения в Екатеринбург — как в столицах, так и по дороге на Урал. Пожертвования записывались в специально выданную для этих целей митрополитом Новгородским и Петербургским Амвросием книгу. Когда она приехала в 1811 г. в Пермь, книга еще не была заполнена («было еще весьма довольно неисписанных листов»), и епископ Пермский разрешил ей и впредь собирать подаяния «доколе вся та книга запискою кончена будет» в пользу монастыря по пяти епархиям: Казанской, Вятской, Оренбургской, Тобольской и Иркутской с дозволения епархиальных архиереев¹⁷⁵. К сожалению, сведений

---

¹⁷³ Там же. С. 437–438.

¹⁷⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 43–44.

¹⁷⁵ Там же. Л. 40.

о том, проводился ли сбор пожертвований в этих епархиях сестрами Ново-Тихвинского монастыря, обнаружить не удалось.

Матушка Таисия видела свой монастырь не только местом молитвы, но и очагом благочестия для всего города и более отдаленных мест. Образцом для нее была Саровская пустынь времен преподобного Серафима — когда туда стекались толпы паломников за духовным советом. Пять лет пребывания в столицах приучили ее к образу жизни петербургских и московских монастырей — с их торжественными процессиями, именитыми посетителями. Она много бывала в домах петербургской знати, испрашивая подаяния на обитель, и замечала в приемных иноков из других монастырей. Она устраивала свой монастырь как самостоятельный, способный содержать себя, благоукрашенный церквями, несущий свет христианского просвещения мирянам и дающий кров немощным и больным. Ее деятельная целеустремленная натура привлекала в стены обители многих, но, как и любая неординарная натура, не всеми была понимаема. Особенно в Екатеринбурге, с его более неспешным, чем в столицах, ритмом жизни, с более провинциальными взглядами на монашество как на смиренных «сиротствующих».

Епископ Иустин, все более благоволивший к молодой обители, отличавшейся трудолюбием и усердием сестричества, время от времени считал нужным все-таки ограждать насельниц от мирских соблазнов.

Например, в апреле 1813 г. настоятельница Таисия попросила его о дозволении послушницам в воскресные и праздничные дни продавать свечи в местах наибольшего скопления народа — на рынке и возле приходских церквей, где отмечается престольный праздник. Хотя эта мера была продиктована единственно желанием найти для монастыря дополнительные средства существования, владыка счел ее бесполезной для иноческой жизни и противоречащей законодательным нормам: «по изображенному в Духовном регламенте правилам ни монахиням, ни во искусе пребывающим женам и девицам не должно выходить из обители, а пребывать всегда во оной. Да и во время службы церковной не велено мешаться с народом, а стоять им на хорах или в трапезе единым, отдельно от народа, чего ради и кладбищенская церковь обращена в монастырскую. Следовательно, позволить продажу свеч и хождение с кошельком и ящичком белицам в других церквах, а наипаче на рынке невозможно да и непристойно, ибо от сего может произойти соблазн и ропот, что уже и случилось. Того ради предписать ей, игуменьи, чтоб она от незаконных просьб удержалась и начальство тщетным умножением бумаг не затрудняла,

а употребляла бы все способы, состоящие в непорочной жизни, в воздержании и молитвах, в ласковости, скромности, кротости, учтивости и в усердном угождении и удовлетворении, оказуемом гражданам, духовным и светским, а тем самым и убеждали бы их к добродетельному от усердия подаянию и к пособию во всех нуждах. Светские, при испрашивании обители, сие делать и обещались, и мы уверены, что они, взирая на святую ее с сестрами жизнь, по своему праводушию, благоговению и человеколюбию всегда будут продолжать исполнять данное обещание». Вместо хождения на рынок и в приходы епископ предлагал сестрам устроить свечную лавку в самом монастыре.

Попутно владыка счел нужным сделать наставление и самой игуменьи, призывая ее строже относиться к приему послушниц в обитель, заботясь прежде всего о благосостоянии монастыря и о его авторитете среди мирян: «...она [игуменья — М. Н.] не должна иметь в монастыре излишнего количества сестер, чтобы в содержании их не было затруднения, да и они должны иметь о поведении своем свидетельства от общества, которому принадлежат, а иначе опасно их принимать. Они могут нанести монастырю бесчестие, бесславие, хулу и поношение»¹⁷⁶.

Не всегда находили понимание среди жителей провинциального Екатеринбургa и принятые в столицах способы обращения монастырских насельниц к благотворителям за помощью.

В октябре 1815 г. духовник монастыря священник Александр Резанов рапортом владыке Иустину донес, между прочим, о том, что настоятельница Таисия «частовременно выезжая с молодыми монахинями к разным жителям города, пребывает иногда до самого позднего времени и тем весьма много навлекает и себе и обители нареkania и бесчестия», в чем духовник усмотрел вред для нравов «молодых девиц»¹⁷⁷.

Игуменья Таисия, узнав об этом рапорте, сочла себя глубоко оскорбленной словами священника, названными ею лживыми. Обидными она почла и его заявления об отсутствии в обители достоверной финансовой отчетности, и его непонимание принятых в монастыре

---

¹⁷⁶ Цит по изд.: Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 13. Отдел неофиц. С. 434–435.

¹⁷⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 264. Выезжала матушка Таисия летом на коляске, а зимой на возке, отданных ей настоятелем Далматовского монастыря игуменом Никандром в 1813 г. Сохранилось описание этого экипажа: коляска была четырехместной, с колесами выкрашенными зеленой краской, внутри обита голубым полурапином, а возок был снаружи обит кожей, выкрашенной в зеленый цвет, внутри обит зеленым сукном и поставлен на дубовые полозья (ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1407. Л. 2–2 об.).

форм благотворительности: если священник Резанов считал, что любая выдача средств из монастырской казны мирянам без должной записи в расходных книгах есть растрата обительского имущества, то игуменья полагала, что она вправе сама определять, какую сумму обитель может потратить на свое содержание и благоуукрашение храмов, а какую — на дела христианского милосердия без излишнего бюрократизма: «они что от кого принимают, то принимают в милостыню, и что подают кому, то и подлинно подают, а не для того, что они чаяли возврату, а чают будущего воздаяния»¹⁷⁸.

Обвинения от священника Резанова в том, что игуменья Таисия часть монастырских средств тратит на содержание своих родственников-мирян, некоторых из них женит и выдает замуж «монастырским счетом» она сочла настолько обидными для себя, что не пожелала даже давать объяснения по столь очевидно недоброжелательным толкованиям.

Вероятно, и за этими разногласиями настоятельницы и духовника стояло различное понимание форм монастырской благотворительности. В обитель с первых лет ее существования принимали малолетних сирот, которых обучали началам грамоты, рукоделиям. Учитывая юный возраст поступления в обитель, матушка понимала, что не все они призваны к жизни иноческой, и по достижении взрослых лет готова была разрешить им вернуться в мир. Поскольку иного дома, кроме монастыря, у этих сирот не было, игуменья брала на себя отеческие заботы по выдаче их в замужество достойным образом. Бывали среди таких сирот, вероятно, и родственницы самой игуменьи, происходившей из среды мастеровых.

В пользу такого толкования говорит и то, что впоследствии, в 1819–1821 гг., прося о разрешении создать «сиротский дом» при монастыре, игуменья Таисия предполагала решать судьбу его обительниц следующим образом: «Когда же сии малолетние сироты придут в совершеннолетний возраст и пожелают оставить оный дом. то не возбраняет им в сей свободе, однако с тем, чтоб по исходе тотчас посягать в замужество с должным по их поведению и трудолюбию из доходов сиротского дома награждением»¹⁷⁹. Эта традиция действительно прижилась в монастыре и уже в середине XIX в. екатеринбуржцы с большим уважением отзывались о ней, видя истинную за-

---

¹⁷⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 267 об.

¹⁷⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 47.

боту о ближних в том, что монастырь бескорыстно возвращает девочек и не принуждает их впоследствии к монашеской жизни¹⁸⁰. Но такой необычный шаг может быть истолкован по-разному, не избежала этой участи и матушка Таисия в своих благих намерениях.

Дела кладбищенские

У молодого монастыря весьма непросто складывались отношения с местным городским социумом. Одним из существенных пунктов разногласий стало кладбище, бывшее первым прибежищем насельниц еще в конце XVIII в.

Насельницы не хотели покидать образ Богоматери Тихвинской, находившийся в кладбищенской Успенской церкви, да и те жилые и хозяйственные постройки, которыми обзавелись в первые годы существования общины. Подготовка мест для захоронений и чтение молитв при погребениях были существенным источником средств существования для них. Сама Таисия Костромина (впоследствии игуменья Таисия) во время пятилетнего пребывания в столицах во время ходатайствования об учреждении монастыря колебалась во мнении, стоит ли монастырю остаться при кладбищенской Успенской церкви (превратив ее в монастырскую, а для кладбища построить другую) или обустроиваться на другом месте. Но невозможность забрать в монастырь Тихвинский образ и желания оставшихся в Екатеринбурге насельниц определили ее решение остаться монастырю на прежнем месте. Указ об учреждении монастыря 31 декабря 1809 г. содержал пункт о преобразовании кладбищенской Успенской церкви в монастырскую, что, в соответствии с действовавшими правовыми нормами, означало, что она перейдет в ведение монастыря. Для кладбищенских нужд предполагалось построить новую церковь на расстоянии около 200 саженей от имеющихся монастырских построек. Еще до торжественного возвращения Таисии в Екатеринбург, 12 января 1811 г. Пермская консистория проинформировала Главную контору Екатеринбургских заводов о необходимости прекратить захоронения¹⁸¹. В указе Пермской консистории от 15 июня 1811 г., согласно просьбе игуменнии Таисии, ей было дано право самой давать разрешение на погребения на территории монастыря. Хлопоты матушки Таисии определялись ее заботой о сохранении свободной территории для обустройства обители в непосредственной близости от кладбища.

---

¹⁸⁰ Младов Г., *прот.* Настоятельница Екатеринбургского Новотихвинского девичьего первоклассного монастыря игуменья Магдалина. (Биографический очерк ее, кончина и погребение) // ЕЕВ. 1893. № 5-6. Отдел неофиц. С. 114.

¹⁸¹ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2113. Л. 1-6 об., 15-15 об.

Однако, если в Петербурге и Перми проблема с кладбищем выглядела почти решенной, на деле прекратить захоронения было непросто — кладбище оставалось единственным в городе. Вернувшись в Екатеринбург и прислушавшись к мнению сестер и священников, игуменья поняла, что вряд ли стоит спешить с этим — подготовка могил, заупокойные службы в монастырской церкви были существенной статьей доходов обители. К тому же, «усердствующие» к построению новой Александро-Невской церкви купцы «усердствовали» именно для кладбищенской церкви, а если кладбище будет устроено в другом месте, то к новому храму монастырь не будет иметь никакого отношения и останется при одной Успенской церкви.

Поэтому матушка Таисия стала настаивать не на прекращении захоронений, а на передаче кладбища под контроль монастыря и монастырских священников. Все необходимые постановления для этого у нее были. Но решительные меры настоятельницы и действовавших по ее указаниям казначеи и священников не всегда находили понимание у горожан, привыкших к более кроткой манере поведения «богачей».

Через 10 дней после торжественного открытия монастыря произошел инцидент, наделавший много шума в городе и имевший неприятные последствия для духовенства и сестер монастыря.

5 июля 1811 г. скончалась дочь губернского секретаря Василия Пестерева жена титулярного советника Настасья Пайвина. Родные просили отслужить литургию и совершить погребение протоиерея Николая Вологодского, служившего священником в Богоявленской церкви, прихожанкой которой была умершая. Но протоиерей «отозвался больным». Тогда родственники договорились со священником этой церкви Иоанном Поповым, а отец умершей получил от казначеи монастыря монахини Евпраксии согласие на ее погребение в ограде монастыря в выложенной кирпичом могиле, за что и обещал сделать вклад 50 руб. на помин души дочери.

На следующий день священник Иоанн совершил литургию и процессия отправилась к кладбищу. В это время стало известно, что протоиерей Вологодский находится в монастыре, по виду вполне здоров, и велел передать родственникам усопшей, что «погребать в ограде обители умершую не позволяется». Отец Н. Пайвиной, полагая, что произошло недоразумение, просил всех следовать дальше. Так и сделали. Однако, как докладывал впоследствии священник Иоанн Попов в Екатеринбургское духовное правление, «дошедши до ограды монастырской, нашли все врата запертыми изнутри от того протоиерея Вологодского и услышали, что и приготовленная могила в ограде по его

приказанию зарыта землею; принуждены были стоять у врат со всем провожавшим народом два часа времени и, когда не были впущены, погresti тело в найденную поодаль ограды развалившуюся могилу».

Священник, да и все участники процессии сочли такое поведение протоиерея Вологодского «наружением и бесчестием», учиненными «над мертвым телом благородной женщины». Отец Иоанн просил свое начальство впредь «от таких поступков его [протоиерея Вологодского — *М. Н.*] удержать, а притом наградить приказанием, куда и впредь, во избежание такового позора, погребать умерших».

По жалобе отца умершей Пермская консистория начала следствие. Игуменья старалась замять дело, получившее нежелательную для монастыря огласку, для чего попыталась «предварительным о том деле к Его Преосвященству в пользу протоиерея Вологодского донесением» изменить мнение следователей, а также вместе с сестрами «неоднократно приезжая в дом к ... Пестереву, уговаривала его оставить то дело и с протоиереем Вологодским помириться». Но родственники умершей, считавшие себя глубоко оскорбленными, не шли на компромисс.

Тогда игуменья Таисия властью настоятельницы запретила казначее Евпраксии и сестрам, требуемым к допросу, давать показания по делу, равно как и сама не желала этого делать, хотя епископ Пермский, чтя монастырское уединение, предписал следователям допрашивать насельниц «в тишине своих келий, а неинде где, дабы они не могли быть обеспокоены миром ниже возмутиться духом». После дополнительного увещевания епископом Пермским игуменья Таисии казначея Евпраксия и некоторые сестры дали показания и проходили по делу как обвиняемые, сама Таисия также дала показания, но обвинение ей предъявлено не было, а протоиерей Вологодский был признан виновным по данному делу¹⁸².

Вероятно, все замешанные в это дело насельницы, да и сама игуменья Таисия, поняли, что совершили опрометчивый поступок, но он возымел последствия.

Одним из таких последствий стало весьма настороженное отношение части екатеринбургских горожан к идее строительства кладбищенской Александро-Невской церкви вблизи обители. Многие теперь желали устроить новое кладбище сажен за 200–250 от монастырских зданий, а не в 60 саженях, как предполагалось раньше.

---

¹⁸² Ход событий излагается по изд.: Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 12. Отдел неофиц. С. 399–401.

Екатеринбургская управа благочиния довольно долго и противоречиво решала вопрос с землеотводом под новую церковь и кладбище. По прошению купца Калашникова и мещанина Бронникова, поданному ими в апреле 1811 г., после неоднократных напоминаний Главной Екатеринбургских заводов конторы, управа отвела место в 250 саженьях от Успенской церкви. Причину задержки управа объясняла отсутствием знающего межевщика.

«Усердствующие» Калашников и Бронников начали заготовку необходимых материалов для устройства кладбища и возведения церкви. Но вскоре управа благочиния переменяла свое мнение и назначила новое (вернее, старое — первоначальное) место в 70 саженьях от монастырских построек для Александро-Невской церкви. «Однако ж и сие последнее место тогда, по случаю наступавшего зимнего времени, да и ныне еще действительно не утверждено, за тем самым не только постройки начать, но и приготавливать материалы невозможно» — жаловались благотворители в Екатеринбургское духовное правление 23 июля 1812 г. Калашников и Бронников информировали духовное правление, что по причине таковой непоследовательности они вынуждены не исполнять указы Синода и Пермской консистории, «в рассуждении чего, дабы не потерпеть нам за сие какой-либо ответственности» и просили духовное правление помочь в рассмотрении дела, обратившись к епископу Пермскому и начальнику Екатеринбургских заводов.

«Усердствующие» указывали, что «на все материалы и работы цены гораздо возвышаются, а погребение мертвых тел происходит в противность означенного предписания за учиненным запрещением, и притом в производстве сего погребения предстоит немалое затруднение, о чем и духовному правлению должно быть безызвестно». Калашников и Бронников пока только просили отвести им место, соглашаясь на любой вариант — хоть в 250 саженьях, хоть в 70¹⁸³.

Епископ Иустин, получив донесение духовного правления, 15 августа 1812 г. отправил указ игуменье Таисии, которым запрещал ей чинить препятствия «тела умерших погребать при монастыре, доколе не будет назначено место для кладбищенской церкви. Ибо никто не захочет погребать родственников, где нет церкви». Одновременно

---

¹⁸³ Там же. № 14. Отдел неофиц. С. 469–470; ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2113. Л. 10–13, 25–25 об.

епископ ходатайствовал перед начальником Екатеринбургских заводов об ускорении отвода места под церковь в 60–70 сажнях от монастыря¹⁸⁴.

Когда управа благочиния решила приступить к межеванию, уже наступила поздняя осень и выпал снег, о чем управа и сообщила 15 ноября 1812 г. в Главную контору Екатеринбургских заводов, отложив процедуру до весны. Контора потребовала провести межевание незамедлительно¹⁸⁵.

Когда весной 1813 г. снова встал вопрос об устройстве новой церкви и кладбища, позиция горожан стала более категоричной. 31 июля этого года купец Семен Калашников и мещанин Иван Бронников подали в Екатеринбургскую управу благочиния «объяснение», в котором писали, что по указу об учреждении монастыря новую церковь велено выстроить согласно желанию самих горожан «в особливом» от обители месте, расстояние же этого места от монастыря высочайшим указом не предписано; и «на основании сего указа должно и желают граждане кладбищу быть в нарочитом от обители удалении». Поэтому горожане и выбрали место в 250 сажнях от монастыря «и в удалении от обывательских строений или кирпичных сараев», сочтя его «самым удобным и приличным».

Благодотворители отмечали переменчивость позиции и самой игуменьи Таисии по вопросу выбора места для кладбища, которая прежде сама просила перенести его поодаль от обители, чтобы не чинить стеснения монастырским постройкам, «а ныне старается оное с той обителью сблизить и, чтоб успеть в своем намерении, несоответственно званию и сану ее представляет начальству, [что], якобы, упомянутое строение церкви предназначено вблизи обители, то есть в шестидесяти сажнях, чего в прописанном указе Св[ятейшего] Синода совсем не сказано, и никто не отважится изобразить сей указ в такой дальней несогласности, подобно как игуменья пред начальством, ибо оный везде известен. С чего же она таким образом писала – неизвестно? И всякому кажется крайне удивительно. Притом, ежели изъясненное строение церкви возвести в желаемом игуменьею расстоянии от обители, то не только, по словам Св[ятейшего] Синода, не может быть стеснения той обители от погребенья мертвых тел¹⁸⁶, но оно и избежать будет нельзя по той причине, что давно уже за оградой старой

---

¹⁸⁴ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 14. Отдел неофиц. С. 470.

¹⁸⁵ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2113. Л. 30–31 об.

¹⁸⁶ Стилистика источника. Следует понимать: «по словам Св[ятейшего] Синода, может быть стеснение той обители от погребенья мертвых тел».

кладбищенской церкви, [еще] до учреждения обители, погребались и ныне погребаются умершие тела в довольном расстоянии, в течение же времени при сугубом умножении сего погребения, конечно, будет стеснение...»

Далее Семен Калашников и Иван Бронников высказывали свое предположение о мотивах перемены позиции настоятельницы монастыря: «...не имеет ли намерение по близости церкви с обителью и по распространении принадлежащей к ней ограды собирать за ближние к церкви и обители для могил места плату, а кто не в состоянии оной дать — отводить таковым места в дальнем расстоянии от церкви и ограды, как и ныне сие происходит. Следовательно, может быть укоризно пропитание народа, который, а паче не имеющие [достаточных средств], и ныне относится недовольным на обложенные сей игуменьей за могильные места, даже вне ограды обители состоящие, цены».

В заключение Калашников и Бронников, ссылаясь на мнение «всех граждан», категорически заявляли, что согласны строить церковь только в 250 сажнях от монастыря, а ежели будет принято иное решение, «то и строение церкви сей предоставить ей [игуменье Таисии — *М. Н.*] произвести своим или обители иждивением, а их от сего и от всякой по сему ответственности устранить»¹⁸⁷.

Главная контора Екатеринбургских заводов предписала управе благочиния собрать с горожан и священнослужителей подписки в том, действительно ли они желают иметь кладбищенскую церковь в указанном Калашниковым и Бронниковым месте, что и было исполнено управой в августе–сентябре 1813 г. Горожане и священники были единодушны с «усердствующими»¹⁸⁸.

20 сентября того же года управа отвела строителям место под церковь в полуверсте от обители на запад¹⁸⁹. Считая вопрос решенным, Калашников и Бронников сразу приступили к заготовке могил, учитывая приближение зимы и недовольство горожан ценами на заготовку могил.

---

¹⁸⁷ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2113. Л. 36–37; Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 14. Отдел неофиц. С. 470–472.

¹⁸⁸ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2113. Л. 41–50 об.; Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 14. Отдел неофиц. С. 472.

¹⁸⁹ Примерно в районе современной улицы Шейнкмана, №№ 111–113.

Через неделю это привело к конфликтной ситуации между прежними «усердствующими» и монастырем. 27 сентября казначея монахиня Августа¹⁹⁰ (поскольку игуменьи Таисии в Екатеринбурге тогда не было) подала представление в Екатеринбургское духовное правление, в котором писала: «Но как при обители к зиме для погребения приготовлено довольно количество могил и употреблено на то церковной суммы до 100 рублей, то обитель просит духовное правление: не угодно ли будет оному воспретить строителям заготавливать на новом кладбище могилы».

Согласно этой жалобе, переданной духовным правлением в управу благочиния, управа запретила строителям заготавливать могилы, однако они, по видимому, не прекратили свою деятельность.

11 октября казначея Августа уже более аргументировано жаловалась духовному правлению на продолжающуюся активность устроителей кладбища: «полагать тела мертвые в могилы, обителью заготовленные, по проискам и настоянию строителей ныне уже перестают, капитал обительской церкви остается не выручен», посему просила «изъяснить строителям, что без благословения епархиального владыки на новое место полагать тела христианские не следует, полагать же усопших повелеть по прежнему к обители, дабы обительская церковь могла с пользою возвратить себе задолженную церковную сумму».

После очередного тура переписки между духовным правлением и управой благочиния было получено «объяснение» купца Калашникова и мещанина Бронникова, свидетельствовавшее о полном расхождении их с игуменьей Таисией по вопросу о кладбище:

«...с крайним прискорбием видим мы чинимые нам от обительской казначеи обношения. Но первое таковое перенесено [нами] терпеливо, а ныне вынуждены сказать, [что] в прошедшее время, когда здесь обители учреждено еще не было, бывшая настоятельница Татьяна, а нынешняя игуменья, возымев намерение просить о учреждении сказанной обители, просила нас убедительнейше здесь (лично) и из С.-Петербурга (письмами) принять на себя обязанность строения означенной церкви, по каковой просьбе, для сего спасительного ее

---

¹⁹⁰ Вероятно, казначея Евпраксия, будучи преклонных лет уже в момент приезда в Екатеринбург, прожила на Урале недолго и скончалась между 22 ноября 1811 г. и 27 сентября 1813 г. Сменившая ее казначея Августа — это ближайшая помощница игуменьи Таисии Агафья Иудовна Котугина, которая была облачена в рясофор после 30 мая 1812 г. (ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1338. Л. 1–1 об., 8–9.). Таким образом, в 1813 г. она была рясофорной послушницей. В документах того времени таких послушниц иногда называли рясофорными монахинями.

предприятия, согласились мы, и уверяла в том неоднократно правительство... [Нельзя прочесть одно слово — *Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря...*] без чего и учреждение обители не последовало бы.

Когда же сия учреждена, то вместо следующей благодарности наносятся нам чувствительные обиды. И в том ли состоит спасение, на путь которого сии монашествующие обратились, поелику неизвестно по какой причине в сношении своем казначея пишет, будто бы по проискам и настоянию нашему тела мертвых в могилы, на капитал обительской церкви заготовленные, полагать перестают, в чем никакого нашего настояния и происков нет.

Напротив-же, по всякой справедливости сказать можно, что есть происки самих их, игуменьи и казначеи, в присоединении к обители кладбища, ибо указом Пермской духовной консистории, с прописанием такового ж Св[ятейшего] Синода, еще в 1811 году предписано погребенье мертвых тел при обители воспретить, а для новой кладбищенской [церкви] отвести другое место немедленно. Но реченная игуменья, в отводе делав нам преграду, бывшего горного начальника письмом просила отвести то место поблизости [к] обители, уверив несправедливо, что изъясненным указом будто бы повелено кладбищенскую церковь устроить в 60 сажнях от обители. Чем самым наведены нам от игуменьи значительные убытки, [состоящие] в том, [что] ежели бы в настоящее время, т. е. 1811 году, просимое нами место отведено было, то могли бы мы заготовить материалы и производить строение тогда выгоднее нынешнего, ибо цены на все те материалы и работы ныне весьма повысились.

Но и при сем случае оставались мы в непоколебимой терпимости, испрашивая об отводе места сего в расстоянии от обители, по желанию здешних граждан.

Когда же оное отведено, то мы долгом себе вменили заблаговременно и в удобное время заготовить могил некоторое количество, руководствуясь в том указом Духовной консистории. В каковые могилы, ежели умершие тела полагались, то не по проискам нашим, а по желанию умершего родственников и потому, что мы никакой прибыли не получаем.

А буде в обительские могилы умершие тела и не полагаются, то иногда потому, что большая плата за те могилы требуется, каковой родственники умершего внести, может быть, не в состоянии. Игуменья знала об отводе нового места под кладбище и могил около обители заготовлять не должна.

Однако ж мы и в сем случае, во уважение св[ятой] обительской церкви, за могилы, прикосновенные ко вновь отведенному кладбищу, соглашаемся внести в церковную казну деньги по 60 коп. за могилу.

Просим управу благочиния дать знать игуменни, что мы, в случае еще каких обношений, принуждены будем просить на нее вышнее правительство»¹⁹¹.

В конце того же 1813 г. купец Семен Калашников скончался. После его смерти мещанин Иван Бронников заявил, что одного его капитала не хватит на строительство церкви. Купец Мартынов, который в 1806–1808 гг. подписывал вместе с ними все обязательства по строительству, в нынешних разногласиях поддерживал мнение игуменни Таисии, но его капиталов тоже было недостаточно для возведения церкви¹⁹².

9 декабря епископ Пермский получил отношение от начальника Екатеринбургских заводов А. Т. Булгакова, в котором описывалась сложившаяся ситуация с выбором места и мнение горожан и священнослужителей. А. Т. Булгаков склонялся к мысли, что строить церковь лучше в 200–250 саженьях от обители, считая аргументы Калашникова и Бронникова убедительными¹⁹³.

12 февраля 1814 г. игуменья Таисия подала епископу Иустину прошение, в котором излагала свои доводы в пользу строительства церкви в 60 саженьях от обители: «...отводимое градским обществом под построение кладбищенской церкви место, отстоящее от обители в 200 саженьях, по вновь прожектированному плану назначено под постройку обывательских домов; которое место, по распространении города, от постройки домов может быть по времени внутри города; притом же место — песчаное, неспособное, а особливо в летние жаркие дни, к зарытию мертвых тел...».

Отметив, что «в бесполезной и для начальства затруднительной о месте для кладбищенской церкви переписке протекло более уже трех лет», настоятельница предложила построить Александро-Невскую церковь в 60 саженьях от обители на средства самого монастыря и купца Мартынова «для спокойствия начальства и для пользы самих граждан». «Пользу граждан» она усматривала в том, что они

---

¹⁹¹ Переписка монастыря, духовного правления, управы благочиния и строителей Александро-Невской церкви в 1813 г. воспроизводится по изд.: Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. Отдел неофиц. № 14. С. 472–474; № 15. С. 497–499.

¹⁹² ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2113. Л. 56.

¹⁹³ Там же. Л. 54–55 об.

смогут отпевать там своих родственников до тех пор, пока не построят другую кладбищенскую церковь. Храм игуменья Таисия собиралась строить по ранее утвержденному плану, только без колокольни¹⁹⁴.

Епископ в своем отношении к начальнику Екатеринбургских заводов поддержал желание Таисии, выразив надежду, что в столь благом деле, как строительство церкви, найдутся и другие «доброхотные датели»: «...а кто сам изъявит усердие помогать ей в богоугодном сем деле, тому не токмо не возбраняется, но и всячески одобряется; на такового, яко благоговейнейшего и благочестивого мужа, снидет благословение Господне и щедро вознаградит за малое, [ибо] Он богат в милости и щедротах, Он усердную вдовицу за малейшие лепты прославил пред христианами по всей вселенной»¹⁹⁵.

10 июля того же года игуменья получила желанный землеотвод под церковь и 31 числа того же месяца подала прошение епископу Иустину о позволении возвести церковь, уже с колокольней, «ибо без оной свой вид церковь совершенно потеряет и обезобразится»¹⁹⁶. Епископ благословил заложить церковь священнику Иоанну Попову.

Игуменья Таисия желала придать закладке храма самый торжественный характер. Событие было намечено на 14 сентября 1814 г. Настоятельница просила Екатеринбургское духовное правление «всему духовенству приказать в оный день, отправив в своих церквях ранние литургии, всему непременно собраться в соборную церковь [Екатерининский горный собор—*М. Н.*], из которой, по предварительном благовесте на собор, учинить процессию в обитель и в оной, по отправлении литургии, заложить соборне оную церковь, чрез что и стечение народа будет многочисленнее и резолюция Его Преосвященства исполнится в полной мере»¹⁹⁷.

Александр-Невская церковь оставалась кладбищенской вплоть до 1842 г., когда в городе было заведено еще два кладбища — ныне существующие Ивановское и Михайловское¹⁹⁸. Пока кладбище при монастыре оставалось единственным, обитель отстаивала свое исклю-

---

¹⁹⁴ Там же. Л. 55 об. – 56.

¹⁹⁵ Там же. Л. 57.

¹⁹⁶ Цит. по изд.: *Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря...* 1905. № 15. Отдел неофиц. С. 499.

¹⁹⁷ Там же. С. 500. Есть упоминания о том, что закладка храма состоялась 22 августа: *Штейнфельд Н. П.* Указ. соч. С. 5.

¹⁹⁸ *Лавринов В.* Указ. соч. С. 190, 195.

чительное право на такой источник доходов, как «приготовление могоил». Пермская консистория поддерживала позицию обители¹⁹⁹. В 1817 г. Главная контора Екатеринбургских заводов выдала монастырю план на землю под кладбищем 24 квадратных десятины 1300 сажен²⁰⁰.

Непросто складывались и отношения монастыря с городскими и горнозаводскими властями. Насельницы помнили, как горожане не выполнили своих обещаний выделить содержание обители, данных в период ходатайства об учреждении монастыря, но продолжали надеяться на помощь горожан в иных формах.

Одним из таких вопросов было назначение охраны в монастырь, расположенный за городом в достаточно глухом месте. С этой просьбой игуменья обращалась к епископу еще в июне 1811 г. Владыка Иустин повелел ей ходатайствовать перед Екатеринбургским градским обществом. Настоятельница так и сделала, но получила отказ. Она просила епископа своей властью посодействовать обители, обратившись от своего имени к Пермскому губернатору и Екатеринбургскому горному начальнику, что владыка и сделал, но и его обращение не помогло: Екатеринбургская градская дума дважды — в 1812 и 1819 гг. — отказала в предоставлении монастырю трех служителей для охраны и письмоводства, поскольку «правительством не возложено сей обязанности на общество». Дума объяснила, что «общество и без того несет в отправлении разных служений весьма значительные обязанности, доходов же с имений получаемых недостает и на само-нужнейшая на обществе лежащие расходы» и посоветовала нанять охранников за счет монастырских доходов²⁰¹. Настоятельнице пришлось констатировать, что «обитель со всем приобретенным церковным и монастырским имуществом остается в величайшей опасности» и ей остается утрашать, как и прежде, «злонамеренных людей» набатом, поднимаемым на колокольне Успенской церкви «стражею из женского сословия» — из насельниц монастыря²⁰².

Тревожились сестры и за земельные участки, которые были отведены монастырю екатеринбургскими горнозаводскими властями под

---

¹⁹⁹ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 15. Отдел неофиц. С. 499.

²⁰⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 20, 41 об. — 42; *Иконников В.* Указ. соч. С. 17; Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1910. № 5. Отдел неофиц. С. 122.

²⁰¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 43 об. — 44.

²⁰² Там же. Л. 21–21 об.

строения и кладбище, а также расположенных в окрестностях Екатеринбурга (за деревней Шабровой около озера Каменного и у речки Шиловки) участков неплодородной земли, отведенных обители в 1816 г. на 12 лет для расчистки и использования для хозяйственных нужд. Сестры опасались, как бы в последствии власти не забрали эти земли, а труды насельниц по их благоустройству не пропали даром²⁰³.

Появилась и третья материальная проблема: до 1816 г. монастырь получал строевой и дровяной лес без уплаты попенных денег (платы за право вырубki леса), а с 31 мая 1816 г. право на это было дано только «живущим в Екатеринбурге и в заводских округах отставным горным, военным и статским чиновникам и нижним сего рода чинам рядовым и мастеровым, так же вдовам их и сиротам, равно и заводским священно- и церковнослужителям». Монастырю пришлось платить этот денежный сбор, что легло дополнительным бременем на монастырскую казну²⁰⁴.

Сейчас, по прошествии двух веков, трудно судить, имели ли местные власти реальную возможность исполнить надежды насельниц. Возможно, они и не имели к тому особого рвения: отголоски с отказом в погребении, долгие и противоречивые препирательства относительно места строительства кладбищенской церкви, толки (вероятно, не только среди приходского духовенства) относительно полезности для монашеской жизни пребывания насельниц в городе для испрошения благотворительной помощи, а также благоустроенный вид обители и ухоженный облик насельниц могли породить сомнения, так ли нуждается монастырь в бесплатной помощи со стороны городских и горнозаводских властей.

Духовник для насельниц

Непросто складывались отношения монастыря и с городским духовенством. Игуменнии Таисии пришлось долго отстаивать назначение в монастырь духовником протоиерея Николая Вологодского, которому насельницы были благодарны за духовную и материальную помощь, оказанную им во время пребывания настоятельницы в Петербурге. В Успенской церкви служили священники Елисей Рязанов и Александр Воинственский, но сестры тянулись именно к Николаю Вологодскому.

Сестры питали к нему особую привязанность, «о Христе любовь, усердие и послушание», а игуменья характеризовала как человека,

---

²⁰³ Там же. Л. 20 об. – 21.

²⁰⁴ Там же. Л. 20–20 об.

«коего благоразумие, нашего устава ведение, скромность, в управлении искусство, доброе порядочное поведение, неусыпная ревность и прилежание ко святой Церкви, о украшении и строении оныя неусыпное попечение, а паче к назиданию душ человеческих и наставлению на путь добродетели особенная способность и дар сугубый не только мне и послушникам моим, но и гражданам здешним есть довольно известен». В его духовном наставничестве сестры видели залог процветания обители: «...в его бытии при обители, учении и советах его, протоиерея, помогающу Богу, обитель... укорениться и возрасти может удобнее и свободнее, принося плод духовный по силе своей»²⁰⁵.

Протоиерей Вологодский имел немало заслуг перед новоучрежденным монастырем. Он сделал значительные материальные пожертвования обители (к 1811 г. размер его благодеяний «вещами и деньгами» оценивался на сумму 1000 рублей), в чем являл пример и другим благотворителям. По возвращении из столицы игуменья Таисия узнала, что за время ее отсутствия протоиерей «заготовил» (пожертвовал сам и вдохновил на пожертвования других) около 1000 пудов «всякого хлеба» и 3843 рубля денег, причем лишь незначительная часть собранного была к тому времени потрачена на содержание сестричества.

Помощь протоиерея матушка Таисия ощущала все время своего отсутствия в Екатеринбурге: «...споспешествовал мне много... перепискою из Екатеринбурга по просьбе моей, доставляя нужные сведения о обители моей и о прочих немаловажных делах, послуживших к пользе и скорейшему устройению моей обители...».

Но сердечную привязанность насельниц ему снискала прежде всего «отеческое попечение»: «...он, протоиерей Николай Вологодский, неусыпную оказал ревность и бдительное имел смотрение над оставленными в обители моей сестрами, наставляя и поучая их вести себя по монашескому уставу, во всяких потребных случаях подавал им руку помощи, заступая их, яко пастырь...», «...некоторых из новопришедших сестр, колеблющихся и намерение имевших возвратиться в мир, оставил и мудрыми поучениями и наставлениями устными паки их устроил жить в обители и в надлежащее привел послушание...».

Игуменья с удовольствием отмечала, что по возвращении в обитель нашла оную «во всех ее частях исправною и порядочно располо-

---

²⁰⁵ Там же. Л. 238–238 об.

женною, сестер и послушниц в обители более тридцати живущих, Саровской пустыни устав хранящих, исполняющих по возможности сил своих, соблюденных и не расточенных, единственно состоявших под распоряжением и ведением одного протоиерея...». Четверо насельниц были даже «довольно достаточно» научены им чтению, пению и церковному уставу²⁰⁶.

Еще до своего возвращения из столицы она пыталась получить благословение епископа Пермского на определение протоиерея Вологодского в обитель, но указ Пермской консистории от 12 января 1811 г. был категоричен: Вологодский не может быть назначен в монастырь «по касающемуся до него делам», и сестры должны избрать другого священника, предпочтительно такого, который и сам желает служить у них²⁰⁷.

«Касающиеся до него дела» произошли 5 сентября 1809 г. В этот день в доме диакона городской Богоявленской церкви Машанова между двумя священниками этой церкви — Вологодским и Брызгаловым — произошла ссора и драка, виновником которой, в ходе последующего разбирательства, был признан Николай Вологодский. Ему было назначено наказание — запрет священнослужения и исправления церковных треб в течение 10 месяцев, он был лишен имевшихся прежде знаков отличия — «иметь первенство пред Екатерининским протопопом» (т. е. пред протопопом Екатерининского собора Екатеринбургского)²⁰⁸. Вполне вероятно, что конфликт между Вологодским и Брызгаловым произошел из-за кладбищенской общины: Вологодский считал Брызгалова одним из недоброжелателей общины, чьими интригами объяснялась задержка с утверждением монастыря. Излишняя горячность протоиерея Вологодского в споре, вероятно, не только вызвала гнев духовного начальства, но и привлекла к нему сердца насельниц общины, увидевших в его поступке радение об обители.

Случившийся вскоре описанный выше инцидент с отказом в заоронении вынудил Пермскую консисторию категорически запретить протоиерею, как находящемуся под церковным следствием, появляться на территории монастыря, «хотя бы туда и зван был»²⁰⁹.

Но сестры не желали иметь другого духовника, и в Успенский пост того года (первая половина августа) даже не пошли на исповедь к дру-

---

²⁰⁶ Там же. Л. 236–237.

²⁰⁷ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 12. Отдел неофиц. С. 398.

²⁰⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 246–247.

²⁰⁹ Там же. Л. 237 об., 247.

гому священнику. Игуменя Таисия и послушницы просили его исповедать их «как и прежде у его же бывали неоднократно», однако Н. Вологодский отказался, «говоря со слезами, что боится владыки». Насельницы сочли распоряжение епископа проявлением «неправедного гнева» и, как описывала игуменя Таисия, «крайне соболезнуют и каждодневно меня просят, дабы оный протоиерей Николай Вологодский не только бы не был от обители удален, но и к оной навсегда определен, а при том духовником и попечителем утвержден был»²¹⁰.

4 ноября 1811 г. игуменя Таисия «с сестрами» подала прошение в Синод, в котором просила «достойно противу трудов его» наградить Н. Вологодского и определить его «навсегда» на должность протоиерея главной церкви Екатеринбурга — в Екатерининский собор, а также «утвердить духовником и попечителем обители Ново-Тихвинской по общему всех живущих со мною сестр и послушниц согласию и сердечному желанию или при нашей обительной Ново-Тихвинской церкви учредить его, протоиерея, служащим...».

Матушка считала, что ее сестричество требует именно «такового путеводителя ко спасению, наставника, духовного отца и попечителя, каков оный протоиерей Николай Вологодский».

Кроме того игуменя писала, что, хотя она и назначена настоятельницей, но считает своим «священным и неотрицаемым долгом признать свою немощь и недостаточество в управлении обителью по новости [для нее этого послушания—*М. Н.*] без вспомоществования и советов оного протоиерея Николая Вологодского»²¹¹.

15 декабря 1811 г. Синод заслушал ее прошение. Собрав нужные по делу справки о протоиерее Вологодском, члены Синода припомнили, что и сам он уже обращался с жалобами на наложенное на него церковное наказание, на что и получил от Синода указ от 3 ноября 1811 г., повелевавший, «чтобы он впредь недельными своими просьбами Святейший Синод утруждать не отваживался под опасением поступления с ним по закону».

Заступничество игуменьи за Николая Вологодского тоже вызвало наказание членов Синода: ей было поставлено на вид, что назначение и награждение протоиерея находится в компетенции епископа, «а ей, игуменье, принимать на себя о сем ходатайство пред Святейшим Синодом, миновав епархиального преосвященного, не следовало, почему ей, игуменье, в просьбе ее отказать». Под этим определением Синода, объявленным в указе от 15 апреля 1812 г., среди подписей

---

²¹⁰ Там же. Л. 238.

²¹¹ Там же. Л. 238–239.

других членов Синода стояли и подписи недавних столичных покровителей матушки Таисии — митрополита Новгородского и Петербургского Амвросия, архиепископа Псковского Ириней и архиепископа Тверского Мефодия²¹².

В мае того же года указ был объявлен насельницам монастыря²¹³. Еще ранее, 29 ноября 1811 г., по просьбе игуменьи Таисии на штатное место в Успенской монастырской церкви был окончательно определен указом Пермской консистории священник Верх-Исетского завода Александр Резанов²¹⁴ (вероятно, вместо священников Елисея Резанова и Александра Воинственского). Протоиерей Николай Вологодский в виде церковного наказания был перемещен служить из Богоявленского собора Екатеринбургa в церковь на Уктусском заводе²¹⁵.

Матушка Таисия придавала большое значение личности духовника. После того, как протоиерей Николай Вологодский получил отказ из Синода в удовлетворении своей просьбы о снятии с него запрета посещать обитель, игуменья хотела найти исповедника сестрам среди монашествующих. Однако в Екатеринбурге, где мужских монастырей в то время не было, найти его было невозможно.

В декабре 1811 г. в Екатеринбург приехал по делам игумен Никандр (Куршаков) — настоятель Далматовского Успенского монастыря и эконо́м Пермского архиерейского дома²¹⁶. Настоятельница с радостью обратилась к нему с просьбой исповедать сестер. 18 декабря, стремясь сохранить молитвенное настроение и уйти хотя бы на время от каждодневных административных забот, она решительно написала епископу Пермскому Иустину: «к прославлению имени Божия нечаянно прибыл в нашу обитель Высокопреподобнейший отец игумен Никандр, снял с нас тяжкое иго греховное, а дабы оно не возвращать нам на себя, прошу вас, милостивейший Архипастырь, излишними и нам бесполезными заботами, суетными и возмутительными беспокойствами не обременять»²¹⁷.

---

²¹² Там же. Л. 247–248 об.

²¹³ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 12. Отдел неофиц. С. 405.

²¹⁴ Там же. С. 401.

²¹⁵ Там же. 1907. № 5. Отдел неофиц. С. 97.

²¹⁶ Об игумене Никандре см.: *Плотников Г.* Настоятели Далматовского монастыря // Пермские епархиальные ведомости (далее: ПЕВ). 1869. № 28. Отдел неофиц. С. 340; *Он же.* Взгляд на училище при Далматовском монастыре, с 1719 по 1818 г. по актам архивным // ПЕВ. 1868. № 3. Отдел неофиц. С. 41.

²¹⁷ Цит по изд.: Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 12. Отдел неофиц. С. 399.

После упомянутого выше рапорта священника Александра Резанова епископу в октябре 1815 г. тихо тлевшие прежде разногласия между духовником и настоятельницей монастыря разгорелись в полную силу. Игуменья со своей стороны попросила владыку удалить этого священника из монастыря как человека, настраивающего против нее сестер и «по многим еще прежде наносимым ей, игуменьи, от него оскорблениям и всегдашним грубостям». Матушка отмечала, что административные заботы по должности благочинного церковью отнимают чрезмерно много времени у священника Резанова, причиняют обители излишние хлопоты, поскольку к нему по делам приезжает много приходского духовенства. Игуменья с горечью отмечала, что из-за благочиннических забот священник Резанов неоднократно «при священнослужениях делал противные монашескому уставу остановки... весьма часто отъезжая в уезд, нередко оставляет обительную церковь без служения; в день престольный Успения Божией Матери не служил литургию — уезжал в уезд, а в обители такое обыкновение — препровождать престольные праздники с особливым уважением божественныя и священныя службы, но за необходимость принуждена была она, игуменья, просить градских священников [прийти—*М. Н.*] для служения священного бдения и святыя литургии»²¹⁸.

Считая, что священник не исполняет в полной мере своих обязанностей по церкви, настоятельница распорядилась с 1 декабря 1815 г. не выдавать жалование ему и причту, а также отказала ему в квартире (священник жил в доме, построенном за счет монастыря). Матушка полагала, что и обязанности духовника сестер священник Резанов выполняет не должным образом, поскольку его обязанность — не жалобы на сестер духовному начальству, а исправление их «духом кротости», «яко доброму пастырю», ради водворения в обители мира и покоя.

В своих объяснениях епископу матушка Таисия не смогла удержать эмоций и в сердцах посетовала, что «она не имеет никакой положенной суммы, и приходов или вкладчиков у нее, игуменьи, не предвидится, и не видит [она—*М. Н.*] себе помощников и попечителей, касающихся до всяких нужных дел к устройению обители. А больше Божиим промыслом, и ее, игуменьи, посильным старанием, и милостыни подаванием обитель ее устраивается и в совершенство приходит. Если б имели рачение о сем священники и не делали соблазни-

---

²¹⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 264 об. – 266.

тельных собою примеров, то б непременно обитель не терпела нареканий... а если усилились коварствующие ей, игуменьи, и обитель ее ненавидящие, и удерживают меня [епископа Иустина — *М. Н.*] от защищения игуменьи и сестр ее, признается она чистосердечно, что оставит обитель, стадо разбредется, и с отчетом во всех своих делах явится там, откуда ко мне прислана [т. е. в Синоде — *М. Н.*] и будет просить спокойного себе места»²¹⁹.

Игуменья полагалась на решение епископа: «в прочем предоставила мне рассуждать как угодно, а ее, игуменьи, старание не разрушить, и не погублять, а сколько силы позволяют при помощи Бога приводить в лучший порядок. И совершенно бы как не в долгое время произведено строение довольно, так и порядок бы был восстановлен в обители ее в сообразность общежительных Сатисоградосаровской и других подобных [монастырей — *М. Н.*]. Если б священники не развращали нравы лучших сестр, уча непокорству, а убеждали их к повиновению настоящего, то б едва ли обитель их уступала в своей благодности тем, кои существуют несколько веков»²²⁰.

Рапорты игуменьи Таисии по этому делу очень интересны своими нравоучительными мыслями, которые несут в себе отголосок поучений матушки своим сестрам. Например, в письме от 5 февраля 1816 г. она высказывалась так:

«Кто может изъяснить о благе мира, коль оно есть велико, дивное для всех любящих Господа, весьма желательное, но ныне существует только в одном названии своем, для того, что умалилися истинны[е] от сынов человеческих, и уже иссякла любовь во многих. Она, игуменья²²¹, не домышляется, каким образом отвращающиеся от лжи, знающие, что любовь есть исполнение закона, обещающиеся сносить слабые немощных, предприяли нанести ей, игуменьи, с сестрами ее толикие оклеветания, каких едва приметить можно не только в простолюдинах христианских, но и в язычниках: и они злым за благое не воздают друг другу. Ей же, игуменьи, и сестрам [то], что учинил иерей Александр Резанов, которого она, игуменья, испросила в обитель, чтоб быть ему наставником, а он до сего был развратником, а ныне сделался возмутителем и предателем, она, игуменья, сколько возможно удерживала язык ее умолчанием содеянных ей, игуменьи, от священника Резанова досаждений, нечувствительным творя поношение, ожидала, да и ожидает вышнего судии, который знает всяку

---

²¹⁹ Там же. Л. 264 об. – 266 об.

²²⁰ Там же. Л. 268.

²²¹ Письмо воспроизводится в рапорте епископа Иустина в Синод, поэтому речь игуменьи дается от третьего лица.

злобу отмщевать совершенно, и, ожидая скорби в скорбях, упование на упование, думала, что еще мало, еще мало, и таким образом тайным наветам противоборствовала. А как много сплетенную узнала из лжи бумагу, то сколько опечалилась душою своею о нем, собирающем огонь на главу свою, и какое он причинил ей, игуменьи, и сестрам ее соболезнование о самом себе. Поминать бы ему свой исход от жизни, а не заниматься сплетением ложных клевет. А какая досада нестерпимая [в том, что] принуждают входить в дела судебные тех, кои к ним несродны, да и не желают [ими заниматься — *М. Н.*], почему за изрядное игуменьи и сестрам ее показалось просить меня [епископа Иустина — *М. Н.*] сего священника Резанова удалить от обители их, а не принуждать обнаруживать несправедливое священника Резанова мнение, а сущую ложь... Ибо они обители ни малого ущерба не делают и имеют ответ дать Вышнему Судии, идеже не предстанут ни завистники, ни клеветники, ни же ласкатели, а станут на оном свидетели, очи праведных и взор мужей совершенных, которые тогда узрят то, на что ныне разумом взирают. Поистине сказать, что он, священник, теперь достоин сожаления, а если же вступить ей, игуменьи, по правилам законным, тогда всяк взирающий на него будет сострадать о его участи... А они не имамы здесь пребывающего града, но грядущего зыскуют, егда изгонят их из сего, они бежат в другой, не имамы бо скончати градов; Господня есть земля и вси концы ея...»²²².

Епископ Иустин в этом непростом конфликте постарался примирить духовника с настоятельницею, указав каждому на его прегрешения:

«Священник Александр Резанов, оставляя доносы на игуменью Таисию, дал мне обещание впредь не вмешиваться ни в какие дела монастырские, яко до него не надлежащие, соблюдать с нею, игуменьею, мир и согласие и исправлять все то, что надлежит до иерейской должности с пастырскою ревностью без всякого упущения, почему я поставил его, иерея, при обители до будущего усмотрения.

Игуменьи же предписал, дабы и она, оставив неудовольствия свои на иерея Резанова, имела его, яко пастыря, в должном внимании и уважении. А перевести его я не решился, ибо частая перемена иереев не токмо не может быть полезна, но неприлична и даже пагубна, как по части духовника, так и по различию качеств людей, что игуменья и могла уже в определяемых к ее обители иереях заметить.

---

²²² Там же. Л. 266 об. – 268.

Сверх сего, хотя таким образом дело и прекращается, однако я убеждаюсь [в необходимости — *М. Н.*] внушить им и то, что священник Резанов, ежели не оставит вражды от всего сердца своего, не может в служении своем пред алтарем приятен быть Богу; а также и игуменья, ежели не смирится с ним, иереем, то все ее труды и попечения и даже молитвы не будут иметь благословения от Бога. Причем они, иерей и игуменья, должны сами вразуметь, что мир, согласие и единодушие между ними, особливо при новом заведении и устроении обители, необходимо нужны, дабы сестры от несогласия их не могли приходить в расстройство и уклоняться от соблюдения монашеских правил и подчиненности. В чем иерею Александру — как ему осторожно и разумно поступать — и дано от меня Архипастырское наставление под опасением, ежели противно оному будет делать, строгого за нарушение взыскания. Равным образом и игуменьи усугубить надзор свой над сестрами и приводить их к исполнению монашеских обязанностей всеми узаконенными средствами, дабы поведение их вселяло в других благоговение и почтение к обители, в чем она, игуменья, и должна подавать собою пример...»²²³

В вопросе финансовой отчетности епископ был более категоричен: он усмотрел в действиях настоятельницы нарушение предписанного порядка и указом от 23 марта 1816 г. повелел тратить средства исключительно на нужды монастыря, прежде всего на завершение начатых построек, а о монастырских приходах и расходах присылать ему сведения ежемесячно, «ежели же она сея записки вести не будет и отчитываться консистории в распоряжениях монастырских сумм, то хождение со святыми иконами воспрещено будет ибо по недоставлению отчетов подаст на себя сомнение в злоупотреблении»²²⁴.

Игуменья смиренно приняла решение епископа относительно духовника, однако требование ежемесячной отчетности сочла чрезмерным отягощением обители, испытывавшей недостаток образованных людей. К тому же, как ей было известно, законодательством была предписана ежегодная отчетность перед епархиальным архиереем. С просьбой освободить ее от ежемесячных отчетов матушка Таисия обратилась в Синод, рассчитывая на содействие своих бывших благодетелей — обер-прокурора князя Голицына и первоприсутствующего члена Синода митрополита Новгородского Амвросия. Ее ожидания

---

²²³ Там же. Л. 268 об. – 269.

²²⁴ Там же. Л. 269.

оправдались и указом Синода от 30 марта 1817 г. епископу Пермскому было предписано довольствоваться общепринятой ежегодной отчетностью²²⁵.

Монастырские крестные ходы

Лишь отчасти нашли понимание в региональном православном социуме и намерения игумении Таисии проводить регулярные крестные ходы со святыми мощами и Тихвинской иконой Божией Матери в пределах Пермской епархии. Еще в Перми, после поставления в игуменский сан, Таисия просила епископа Иустина разрешить крестный ход со святынями ежегодно 26 июня «вкруг обители и города», на что и получила благосклонную резолюцию архиерея, воспроизведенную в указе Пермской консистории от 15 июня 1811 г., копии которого были разосланы «для ведения» по всей епархии: «а по усердию боголюбцев для отправления молебнов и всенощных бдений благословляем образ с святыми мощами и икону Тихвинския Божия Матери как в сей день, так и в другие времена носить в дома, и [в] окружные селения Пермской епархии...»²²⁶.

Свидетельством того, что крестные ходы по епархии проводились Ново-Тихвинским монастырем уже в 1811 г., является тот факт, что преемница игумении Таисии — игуменья Александра, стала послушницей именно в 1811 г., узнав о существовании монастыря во время крестного хода в ее родном селении — с. Стриганском Ирбитского уезда Пермской губ. (отстоявшем от Екатеринбурга за 180 верст)²²⁷. Вероятно, Ирбитский уезд был выбран не случайно: хотя знаменитая Ирбитская ярмарка проводилась в феврале–марте, и насельницы в 1811 г. на нее уже не успели, они могли надеяться на щедрые пожертвования в состоятельном купеческом центре. К тому же, в Богоявленском соборе Ирбита один из приделов был освящен в честь Тихвинской иконы Богоматери²²⁸.

Поначалу она предполагала, что крестные ходы будет приурочены к главным престольным праздникам в разных церквях, когда собирается много прихожан и в некоторых местах устраиваются ярмарки. Все это могло дать существенный доход молодой обители, получение

---

²²⁵ Там же. Л. 252–252 об., 271–275.

²²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 36–37 об.; ГАПК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1. Л. 184–184 об., 196–196 об.; Д. 15. Л. 103–107; ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1323. Л. 9–9 об., 11–17; Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1906. № 24. Отдел неофиц. С. 808–814.

²²⁷ Иконников В. Указ. соч. С. 35; Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902. С. 336.

²²⁸ Приходы и церкви... С. 322.

которого было одним из мотивов организации крестного хода. Однако материальные доводы были не единственными — сестры обители искренне хотели прославить имевшиеся у них святыни, веря в их чудодейственную силу.

6 февраля 1812 г. игуменья Таисия подала прошение на имя епископа Пермского Иустина о разрешении совершать крестные ходы в строго определенное время.

В самом Екатеринбурге она намеревалась сделать монастырские крестные ходы важной частью всей православной праздничной культуры города. Матушка желала, чтобы «к главным престольным праздникам, в навечерии, приносимы были с звоном святыне мощи и икона Богоматери, и с очередным обительным священником, совокупно с духовенством тоя церкви, у коей праздник...».

Особо торжественный ход сестры мечтали устраивать в пасхальную неделю: «а на святой седмице в понедельник — в соборную, во вторник — в Богоявленскую, в среду — в Вознесенскую, в четверг — в Сошествиевскую, а в пяток обратно в обитель приносить с церемониальным всего градского духовенства ходом, в которой день и служить соборне для празднества Живоносного Источника в обители». Накануне Пасхи, в Великую Пятницу, сестры желали совершать на вечерни церемонию из Екатерининского собора в Богоявленскую церковь, «каковая бывает при погребении Христа Спасителя в соборах и монастырях».

Еще три крестных хода должны были совершаться ежегодно в особо памятные для обители дни: крестный ход из Екатерининского собора 31 декабря — в честь учреждения монастыря (поскольку именной указ о его учреждении был подписан 31 декабря 1809 г.); крестный ход вокруг монастыря и города 26 июня — в день празднования иконы Тихвинской Божией Матери; и третий крестный ход, также из Екатерининского собора — 22 июля, на день принесения в монастырь святых мощей.

Насельницы монастыря намеревались ежегодно совершать крестные ходы и по Пермской епархии. Один из них был приурочен к ярмарке в Далматове, происходившей 9 мая — в престольный праздник Николаевской церкви. Монахини полагали «после Пасхи, смотря по времени, каждогодно поднимать святыне мощи и икону Богоматери со звоном при всех градских церквах и от селения до селения нести с пением и звоном, подобно как из Перми до Екатеринбурга было шествие: мая в 9 день — в Далматов монастырь, а оттуда в Шадринск, из коего по пути в Кыштымский завод, из сего по тракту в Красноуфимск и Кунгур; возвращению же в обитель святым иконам обратно быть

в 23 число июня»²²⁹. На следующий день, 24 июня, отмечался большой церковный праздник — Рождество Иоанна Предтечи, и сестры, вероятно, хотели, чтобы в этот день почитаемая икона и мощи святых были в монастыре.

Святыни должны были оставаться в Екатеринбурге вплоть до 15 августа — праздника Успения Пресвятой Богородицы, после чего планировался еще один крестный ход — в Верхотурье. Туда икону и мощи предполагалось приносить 12 сентября — в день святого Симеона Верхотурского, и устанавливать ее в мужском Николаевском монастыре, где и почивали мощи Симеона. В Верхотурье екатеринбургские святыни должны были оставаться до 16 сентября — не только на Симеонов день, но и на 14 сентября — праздник Воздвижения Креста Господня. После этого крестный ход должен был направиться «в окольные заводы по требованию и усердию начальников», в г. Ирбит и окрестные селения, далее следовало в г. Камышлов, где 1 октября отмечался Покров Пресвятой Богородицы²³⁰. Из Камышлова святыни также должны были носить по окрестным селениям. Крестный ход предполагалось завершать к 22 октября²³¹ — дню празднования Казанской иконы Божией Матери, одной из самых почитаемых в России.

Следует отметить, что предполагаемое ходатайством расписание крестных ходов было не вполне продуманным. В то время в Екатеринбурге было 5 храмов: Екатерининский горный собор, Богоявленская, Вознесенская, Свято-Духовская церкви и кладбищенская Успенская, возле которой и устраивался монастырь. Престольные праздники (с учетом придельных церквей) и вновь вводимые монастырские в Екатеринбурге отмечались в 1812 г.²³² в следующие даты:

---

²²⁹ ГАПК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 19. Л. 98 об. – 99 об.; Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1907. № 3. Отдел неофиц. С. 53–54.

²³⁰ В Камышлове в то время была только деревянная церковь, время постройки которой неизвестно, в 1816–1817 гг. разобранная и перенесенная на городское кладбище. Возле деревянной церкви в Камышлове был заложен ныне существующий каменный Покровский собор, освященный в 1821 г. Вероятно, и старая деревянная церковь была освящена на прежнем месте в честь Покрова Пресвятой Богородицы (см.: Приходы и церкви... С. 373, 380).

²³¹ ГАПК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 19. Л. 99; Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1907. № 3. Отдел неофиц. С. 54.

²³² Сведения обобщены по материалам: Приходы и церкви... С. 4–16; *Лавринов В.* Указ. соч. С. 188–208; *Здравомыслов А.* Указ. соч. № 51. С. 863; Материалы для истории церквей города Екатеринбурга // ЕЕВ. 1901. № 5. Отдел неофиц. С. 157; 1910. № 11. Отдел неофиц. С. 235.

Дата (по ст. стилю)	Церковный праздник	Церкви
6 января	Богоявление Господне	Богоявленская
9 мая	Святителя Николая чудотворца	Свято-Духовская
20 мая	Святителя Алексия, митрополита Московского	Богоявленская
40-й день после Пасхи ²³³	Вознесение Господне	Вознесенская
50-й день после Пасхи ²³⁴	Сошествие Святого Духа	Свято-Духовская
26 июня	<i>иконы Божией Матери Тихвинской</i>	<i>Успенская монастырская</i>
29 июня	Св. Апостолов Петра и Павла	Богоявленская
22 июля	<i>принесение в Ново-Тихвинский монастырь святых мощей</i>	<i>Успенская монастырская</i>
15 августа	<i>Успение Богородицы</i>	<i>Успенская монастырская</i>
8 сентября	Рождество Пресвятой Богородицы	Вознесенская
26 сентября	Святителя Иоанна Богослова	Екатерининский собор
1 октября	Покров Пресвятой Богородицы	Свято-Духовская
13 ноября	Святителя Иоанна Златоуста	Свято-Духовская
24 ноября	Великомученицы Екатерины	Екатерининский собор
6 декабря	Святителя Николая чудотворца	Свято-Духовская
27 декабря	Первомученика архидиакона Стефана	Екатерининский собор (до 1816 г. велись ремонтные работы)
31 декабря	<i>учреждение Ново-Тихвинского монастыря</i>	<i>Успенская монастырская</i>

Пасха в 1812 г. отмечалась 21 апреля. Если учесть все эти даты, можно увидеть, что план совершения крестного хода по епархии после Пасхи, но с присутствием на день чествования свт. Николая в Дал-

²³³ Мог быть с 30 апреля по 3 июня, в 1812 г. — 30 мая.

²³⁴ Мог быть с 10 мая по 13 июня, в 1812 г. — 9 июня.

матове 9 мая (там в этот день традиционно проходила ярмарка) и продолжением хода до 23 июня лишил монастырь возможности присутствовать с чтимой иконой и святыми мощами в праздновании четырех престольных праздников в Екатеринбурге: 9 и 20 мая, на Вознесение Господне (в 1812 г. — 30 мая) и на Троицу (в 1812 г. — 9 июня). Хронологические накладки были и в плане проведения второго крестного хода по епархии: чтобы быть в Симонов день в Верхотурье, участники крестного хода должны были пропустить престольный праздник Рождества Богородицы в екатеринбургской Вознесенской церкви, а впоследствии престольный праздник Иоанна Богослова в Екатерининском соборе и Покрова Пресвятой Богородицы в Свято-Духовской церкви. Причем выбор места пребывания святынь на Покров в прошении указан ясно — не Екатеринбург, а Камышлов, где проводилась в это время ярмарка. Таким образом, если бы планы совершения крестных ходов по епархии осуществлялись в заявленные сроки, насельницы монастыря не имели бы возможности участвовать с привезенными игуменьей Таисией святынями в 7 из 12 екатеринбургских престольных праздников.

Видимо, при составлении прошения игуменья Таисия не учла календарь престольных праздников в Екатеринбурге. Опекавшему прежде обитель протоиерею Николаю Вологодскому по распоряжению епархиального архиерея было запрещено в конце 1811 — начале 1812 гг. за прегрешения по службе бывать в монастыре²³⁵. Будучи прежде благочинным, он, конечно, мог бы указать сестрам на нереальность предложенных сроков крестных ходов в Екатеринбурге и по епархии.

В 1812 г. крестный ход по епархии насельницы монастыря совершали в сентябре–ноябре, посетив Камышлов, Далматов и окрестные селения, во время которого было собрано пожертвований 611 руб. деньгами, 1500 аршин холста и более 6 пудов кудели. В 1813 г. крестный ход провели по пяти уездам Восточного Урала — Верхотурскому, Ирбитскому, Камышловскому, Шадринскому и Екатеринбургскому, монастырь получил от них существенные пожертвования: 1634 руб. деньгами, 3252 аршина холста и около двух пудов кудели²³⁶.

В своем ходатайстве на имя епископа Иустина игуменья Таисия просила «учредить нижеследующий порядок», «служащий для един-

---

²³⁵ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1905. № 12. Отдел неофиц. С. 399–401.

²³⁶ Там же. 1907. № 5. Отдел неофиц. С. 99; *Иконников В.* Указ. соч. С. 11–12.

ственной пользы церкви и обители», при котором особый почет должен был оказываться монастырским священникам, участвующим в шествиях:

«Во всяком ходу, в каждое место один из обительных священников с диаконом или причетником отпускаем будет из обители для отправления молебствий, коему беспрепятственно местное духовенство везде имеют позволить молеbstвовать и священнодействовать, если нужно будет, а по просьбе и приглашению вкупе и молебствия отправлять с получением половинного дохода... Священникам ее обители везде, во всех церквах пред прочими священниками, кроме отличных, иметь первостояние». Такой порядок должен был приносить монастырскому причту почет и достойные доходы.

«Для безбедного содержания обители», как писала матушка Таисия, «одна из монашествующих и две или три из белиц будут в ходу находиться, при святых иконах, для сбора прикладов и для продажи свеч, кои из обители будут им выдаваться. Им всем было бы везде позволяемо священнослужителями и церковными старостами как сбор чинить, равно и свечи продавать с собранием, если где немало будет, и огарков...».

Такие крестные ходы матушка Таисия считала общепринятым способом изыскания средств для заштатной обители, не получавшей содержания от государственной казны, какой и был учрежден Ново-Тихвинский монастырь в 1809 г., «снискивающей содержание себе по благоволению епархиальных Архипастырей от добротного подаяния христоролюбцев»²³⁷.

Поскольку в ходатайстве игумении Таисии были указаны условия принятия крестных ходов в приходах, напрямую затрагивающие сложившиеся порядки сбора церковных доходов (от богослужений, продажи свеч), епископ Пермский распорядился собрать сведения о желательности таких крестных ходов через духовные правления по всей епархии. Мнения мирян и духовенства были разными, однако желаемый игуменией Таисией порядок распределения доходов был отвергнут всеми.

В Шадринском и Осинском уездах отказались принимать крестные ходы из монастыря все. В Камышловском уезде соглашались принимать крестный ход из монастыря, но один раз в год. В остальных местах готовы были принимать екатеринбургские святыни в любое

---

²³⁷ ГАПК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 19. Л. 98–100 об.; Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1907. № 3. Отдел неофиц. С. 53–55.

время, однако не во всех церквях. В Красноуфимском уезде отказались принимать святыни в Уткинском, Верхне-Сергинском, Сылвинском заводах, в Екатеринбургском — в Шайтанском заводе, в Ирбитском уезде — в селах Гуляевском, Чурманском, Березовском, Подволоченском, Баженовском и в слободах Бобровской, Краснослободской, Байкаловской, Иленской, Харловской, Киргинской, Чубаровской и Яланской; в Пермском уезде — в селе Пермском. В тех местах, где крестные ходы соглашались принимать, указывали, «чтоб продажа свеч производима была во время шествия с иконою Божия Матери и с мощами и молебствования оным от приходских церквей, а не от обители»²³⁸. Вероятно, именно условия распределения доходов, предложенные игуменией Таисией, и стали причиной отказа ряда приходов от приема крестного хода.

Более развернутое объяснение невыполнимости предложения монастыря дали священнослужители Екатеринбургa. Они подчеркивали, что «принимать образ со святыми мощами из Ново-Тихвинской обители, как в церкви градские, так и в дома почитают делом богоугодным, но исполнить сие в те именно дни, какие определяет настоятельница Ново-Тихвинской обители для процессий и церемоний, находят они многие неудобства»²³⁹.

Далее в рапорте Екатеринбургского духовного правления в Пермскую консисторию перечислялись все эти «неудобства», рисующие не только взаимоотношения монастыря с горожанами, но и церковную культуру Екатеринбургa того времени:

«Первое. Как в навечерии главных праздников градских церквей, так и в самые праздники, как-то: святой великомученицы Екатерины, Богоявления Господня, святых апостолов Петра и Павла, в кои бывают в Екатеринбургe многолюдные ярмонки, также в день Вознесения Господня и Сошествия Святого Духа, Рождества Богородицы, Иоанна Богослова и Николая чудотворца вообще к церквам бывает великое стечение народа, по желанию коего служением молебствий бывает занято духовенство, при том и в дома таковые же молебствия

---

²³⁸ ГАПК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1. Л. 184–184 об., Д. 22. Л. 42–43; ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3086. Л. 2–3; *Иконников В.* Указ. соч. С. 12. Существует в исторической литературе и неверное прочтение источника: *Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря...* 1907. № 3. Отдел неофиц. С. 55–56. Данные об отказе жителей Шадринского уезда от приема крестного хода плохо согласуются со сведениями о благоговейном и почтительном отношении их же к крестному ходу 1813 г., а также с информацией о том, что и впоследствии крестные ходы регулярно совершались в этом уезде (см. ниже, С. 108).

²³⁹ Там же.

отправлять многие просят, чего отложить никак невозможно без роптания народного. В навечерии же Богоявления Господня освящением воды и на день Сошествия Святого Духа пространною службою бывают заняты.

В святую неделю Пасхи равным образом, как в почесть тому великому празднику, нужно духовенству быть в соборном служении, так и для пропитания своего иметь в первые три дня хождения с крестом к прихожанам и прочим гражданам, а в последние — по древнему обыкновению в дома всего прихода с образом Богородицы для служения молебствий. Чего [и] без введения новых процессий и церемоний, при всех стараниях, по встречающимся разным требам иногда духовенство не успеваеет исполнить, хотя и должно исполнить в течении той святой недели, ибо в неделю Фомины уже прихожане находятся при своих должностях и работах. Да и от некоторых церквей, как-то от Богоявленской и Вознесенской, отправляется духовенство в сосгоящие при оных деревни для празднования же Святыя Пасхи.

Второе. В Великий пяток бывает отпуск из завода всех мастеровых, кои, не имея прежде времени свободного, в тот день спешат во многолюдстве в церкви для очищения себя исповедью. Готовящимся ко святому причащению прочитывается правило, в чем и упражняется духовенство до самой ночи, а потому не имеют времени как в сей, [так] и в вышеозначенные дни исправлять желаемых настоятельнице Ново-Тихвинской обители церемоний»²⁴⁰.

Стоит отметить, что в отзыве екатеринбургского духовенства некоторые престольные праздники не упомянуты: в Богоявленской церкви — свт. Алексия, митрополита Московского (в его честь был освящен в 1789 г. северный придел), в Свято-Духовской церкви — Покрова Пресвятой Богородицы (в его честь был освящен в 1792 г. южный придел) и Иоанна Златоуста (в его честь был освящен в 1759 г. северный придел)²⁴¹. Вероятно, в эти престольные праздники и в приходах не было традиции проведения крестных ходов, что определялось особенностями богослужения²⁴². Отсутствует упоминание и престольного праздника северного придела Екатеринбургского собора — во имя первомученика архидиакона Стефана, однако это обусловлено, вероятно, и тем, что с 1805 до 1816 г. в нем вели ремонтные

---

²⁴⁰ Цит по изд.: Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1907. № 3. Отдел неофиц. С. 56–57.

²⁴¹ Приходы и церкви... С. 5, 11–12; Материалы для истории церквей города Екатеринбург... 1901. № 5. Отдел неофиц. С. 157; *Лавринов В.* Указ. соч. С. 204.

²⁴² Благодарю за консультацию по богослужебным вопросам протоиерея Петра Мангилева.

работы²⁴³. Таким образом, идея организации крестных ходов из монастыря на все престольные праздники екатеринбургских храмов и в пасхальные дни приходским духовенством была отвергнута.

Приводились и экономические обоснования такого отказа:

«А тем более позволить продавать свечи обительские в градских церквях и обирать огарки в пользу обители почитают они, священно-церковнослужители, Высочайшему повелению противным, коим велено при церквях всевозможно умножать продажу свеч и из огарков высекать свечи для приращения на пользу церкви. А если в главные церковей праздники, в святую Пасху и другие важные дни, в оных остановится или ослабеет продажа свеч по введению в то время таковой же продажи для обители; то крайне уменьшится свечная сумма при церквях, а потому и доход от оной.

Если же позволить в те праздники чинить в церквях еще и сбор для обители, то церкви лишатся многих прикладов, а чрез то оскудеет их содержание, ибо и без того со многих умерших иногда и дорогой цены покровы, кои прежде следовали в приходские церкви, по провозведении тел для погребения к обители неизвестно по какому праву обираются в ту обитель...

Сверх препятствий выше изъясненных, по коим нельзя согласиться на дозволение продавать свечи обительская с собиранием огарков и прикладов в храмовые праздники, церковные старосты градских церковей со своей стороны не согласны же по многим причинам, да сие отняло бы у них ревность в умножении свечной прибыльной суммы и в украшении церковей благолепием по стеснении для них к тому сих двух важнейших средств»²⁴⁴.

Екатеринбургские священники не преминули высказать и свое мнение о целесообразности участия монашествующих в празднованиях на приходах, показав знание законодательных норм, предписывающих «затворение» женских монастырей для поддержания в них аскетической нравственности и молитвенного уединения:

«При том как в рассуждении продажи свеч, так и сбору должно будет мешаться монахиням с народом, что в нашем городе Екатеринбург, наполненном старообрядцами, может произвести зазрение. Ибо многие из жителей уже неоднократно случившимися опытами

---

²⁴³ Лавринов В. Указ. соч. С. 189; Здравомыслов А. Указ. соч. № 51. С. 863; Материалы для истории церковей города Екатеринбург... 1910. № 11. Отдел неофиц. С. 235.

²⁴⁴ Цит по изд.: Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1907. № 3. Отдел неофиц. С. 56–58. Контроль за сохранением и приумножением церковных доходов, в том числе свечного, предписывался принятой в 1808 г. инструкцией церковным старостам: ПСЗ-1. Т. XXX. № 22971.

уверены, что потому и умерших отпевать не позволено в обительской церкви, и часто священники, будучи не впущены в оную, приножжены бывают отпевать на могилах, несмотря на ненастное и холодное время, [что], якобы, в силу Духовного регламента 37-й статьи о житии монахов, [предписано]: «обители женские должны быть заключены». Но тою же статьею узаконено на праздники и никогда также в крестохождение монахиням отнюдь не ходить, ни к монастырям мужским, ни к приходским церквам, а 41-ю [статьею] и в своей церкви монахиням воспрещено мешаться с народом»²⁴⁵.

Явно просматриваемое в этих строках недовольство городского духовенства установленными монастырем правилами погребения было вызвано инцидентом, произошедшим 6 июля 1811 г., когда протоиерей Николай Вологодский воспрепятствовал несогласованному с монастырем погребению на единственном в городе кладбище, находящемся в непосредственной близости с монастырем²⁴⁶.

Что касается предлагаемых монастырем ежегодных крестных ходов вокруг обители и города, связанных непосредственно с обителью (26 июня, 22 июля и 31 декабря), а также 15 августа — в престольный праздник Успенской кладбищенской церкви – городское духовенство не имело возражений.

Также приходские священники готовы были пригласить священнослужителей монастырской церкви к участию в проводимых в городе крестных ходах: «Вместо же святой Пасхи и храмовых праздников, яко дней для градского духовенства весьма многотрудных, так как в Екатеринбурге в день Преполовения, в десятое воскресенье по Пасхе или в другие ведренные дни есть обыкновение делать процессии со святыми иконами вокруг обеих половин города с приличными молебствиями; то святыя иконы из той обители в хранении одних ее священно-церковнослужителей вместе с прочими, без монахинь, удобно могут быть носимы»²⁴⁷.

Документ свидетельствует о существовании в Екатеринбурге к 1813 г. традиции осуществления трех городских крестных ходов — на Богоявление, на Преполовение (отмечаемое на 25 день после Пасхи) и в 10-е воскресенье после Пасхи (с оговоркой «или в другие ведренные дни»). Протоиерей Екатеринбургского собора Федор

---

²⁴⁵ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1907. № 3. Отдел неофиц. С. 57.

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ Подробнее см.: Там же. 1905. № 12. Отдел неофиц. С. 399–401.

²⁴⁷ Цит по изд.: Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1907. № 3. Отдел неофиц. С. 58.

Карпинский в своем дневнике отмечал, что в разные годы крестные ходы осуществлялись до или после Троицы, но не обязательно в 10-е воскресенье после Пасхи. Так, в 1808 г. это было 7 июня и 20 июля, в 1819 г. — 18 мая²⁴⁸. Вероятно, выбор даты крестного хода определялся погодными условиями. Дневник подтверждает и традицию «ходить с крестами» духовенству из всех градских церквей в храм, отмечающий престольный праздник, а также по своему приходу посещать прихожан на престольные праздники²⁴⁹. В дневнике отмечено и существование традиции проведения крестных ходов на воду 1 августа — на день Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня. В качестве священника Екатерининского собора Ф. Карпинский участвовал в крестных ходах в монастырь — на 26 июня и 15 августа²⁵⁰.

Таким образом, с учреждением Ново-Тихвинского монастыря традиция общегородских крестных ходов, ранее включавшая 4 шествия (на Богоявление, Преполовление, один из ведреных дней близко к Троице, 1 августа) пополнилась городскими крестными ходами в монастырь на 26 июня и 15 августа, а также крестными ходами, проводимыми вокруг обители 22 июля и 31 декабря.

Что касается участия екатеринбургских священников в крестных ходах с монастырскими святынями по епархии, они сочли желание игумении о сопровождении святынь до первой церкви за городом «весьма неудобным» в силу расстояний, указав, для примера, что по Камышловскому тракту ближайшая церковь находится за 70 верст²⁵¹.

Рассмотрев все мнения, Пермская консистория составила доклад, по которому 17 июня 1814 г. епископ Пермский Иустин вынес резолюцию разрешить крестный ход со святынями священнику и диакону монастыря вместе с одной монахиней и двумя—тремя послушницами «честного поведения и довольных уже лет» по всем приходам, изъясвившим на это согласие. О времени прибытия крестного хода игумения обязана была заблаговременно извещать приходы. Продажа свеч во время крестного хода была разрешена приходским церквям, а не Ново-Тихвинскому монастырю. Всем участникам шествий было предписано «наблюдать всякую благопристойность, тишину и спо-

---

²⁴⁸ *Здравомыслов А.* Указ. соч. № 51. С. 859–860.

²⁴⁹ Там же. № 49. С. 832, 835.

²⁵⁰ Там же. С. 832.

²⁵¹ Цит по изд.: *Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря...* 1907. № 3. Отдел неофиц. С. 58.

койствие», а игуменья обязана была о количестве собранных пожертвованных отчитываться перед епископом по окончании каждого хода и в конце года.

Шествие должно было быть организовано как можно торжественнее: «Градским и приходским священникам делать подобающую встречу и провожание приносимым из обители иконе Божией Матери и кресту с мощами, если не от церкви до церкви, то по крайней мере версты за три с колокольным звоном; молебны же исправлять и в церкви, и в домах попеременно обительному священнику с приходскими и получаемый за то доход обительному священнику с приходскими делить пополам»²⁵².

Вероятно, на мнение епископа и Пермской консистории подействовал и рапорт игуменьи Таисии о том, как прошел крестный ход 1813 г., полученный 9 декабря того же года. Этот крестный ход, длившийся с 28 мая по 30 октября, она «поставила себе долгом» описать, желая не только сделать приятное владыке, но и снискать благодарность всем особо почтившим святыни.

Подобного рода описания были достаточно популярны в XVIII–XIX вв. Они являлись не только формой отчетности в исполнении предписаний, но и своеобразной формой распространения информации в нравоучительных целях. В век, когда не было ни фотографии, ни кино, ни видео, красочное словесное описание торжеств позволяло людям, не имевшим возможности присутствовать при тех или иных событиях, представить себе их во всех подробностях. Некоторые описания издавались типографским способом, иногда выдерживая несколько публикаций, и широко распространялись среди читающей публики.

В стиле описания торжества был составлен и рапорт игуменьи Таисии. Он рисует перед нами своеобразную картину праздничной церковной культуры Урала и представляет самостоятельный интерес, поэтому приводим его в полном объеме в приложении 1.

Не забыла игуменья Таисия и официально поблагодарить за выказанное почтение к святыне. Она просила епископа «изъявить архипастырское благоволение и благодарность по уездам Екатеринбургскому, Верхотурскому, Ирбитскому и Шадринскому протоиереям, и благочинным, и гражданам, и земским чиновникам за исполнение зависящего от них распоряжения и соблюдение благочиния и тишины

---

²⁵² ГАПК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1. Л. 196–196 об.; ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3086. Л. 3–3 об.; РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 40 об.; Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1907. № 3. Отдел неофиц. С. 58–59.

при священных церемониях. Вообще же всем священнослужителям и их христоименитой пастве, православным христианам за их особенное усердие и приверженность к святыне Божией, оказанное везде с нелицемерною любовью к Богу, преподать архипастырское благословение и мир, что и послужит им в вящее утверждение того благочестия, коим они теперь исполнены. Особенного же пред прочими архипастырского благоволения и милости достойны священнослужители Екатеринбургской Богоявленской церкви и находящийся при оной церкви хор певцов, усердно изъясляющих хотение и услужливость при вышеписанных церемониях, а равно как и обительные крылошанки, находившиеся во все время при иконах для пения, кои во всяком почти городе и селах отличались пением пред местными причетниками и чрез то заслуживали похвалу и обращали внимание благочестивых слушателей. Также обительному диакону Капустину, находившемуся и трудившемуся во время путешествия».

Епископ Иустин не преминул исполнить желание матушки Таисии и в марте 1814 г. Пермская консистория разослала в духовные правления поименованных уездов указы, воспроизводившие рапорт игуменьи и резолюцию владыки: «засвидетельствовать гг. городничим и чиновникам, такожде и протоиереям, благочинным и всем священноцерковнослужителям и прихожанам нашу благодарность за оказанное усердие и благоговение к святым образам и мощам, приносимым госпожою игуменьею Таисиєю с диаконом и сестрами от града во град, из села в село, из веси в весь. А госпоже игуменьи восписать подобающую похвалу и нашу благодарность за ее труды, подвиги и усердие о устроении врученной ей обители»²⁵³.

К сожалению, восстановить всю хронологию монастырских крестных ходов не удастся по той причине, что архив Ново-Тихвинского монастыря не сохранился. Поэтому о их географии и сроках проведения имеются лишь разрозненные сведения. Так, известно, что в 1814 г. священник монастырской церкви Максим Вечтомов, диакон Капустин, казначей и несколько насельниц обители во время крестного хождения с иконой, крестом и мощами пришли в Соликамск, где вынуждены были признать, что «ради стужи» дальше идти не могут, и получили через Пермскую консисторию по просьбе игуменьи Таисии предписание возвращаться в Екатеринбург «с поспешностию» через Пермь²⁵⁴.

---

²⁵³ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1907. № 5. Отдел неофиц. С. 98–99.

²⁵⁴ Там же. 1905. № 13. Отдел неофиц. С. 435.

Веря в будущее обители и желая обеспечить ей гарантированное вспомоществование как подспорье трудам самих сестер настоятельница решилась просить о возведении обители в число штатных – получающих государственное содержание. Наученная прежним опытом, она отправилась в Петербург лично, оставив старшей в монастыре казначею Августу — Агафью Котугину.

Глава 4. Первоклассный монастырь

Путь матушки Таисии в столицу лежал через Пермь. В мае 1819 г. она предстала перед епископом Иустином с просьбой отпустить ее и пятерых сестер на полтора года в паломничество по святым местам России. При себе она имела план отведенным обители земельным участкам (для монастырских построек и кладбища), а также чертежи фасадов имеющихся строений.

Владыка по достоинству оценил труды игуменьи, считая, что возведение и нового храма, и жилых и хозяйственных построек за 10 лет официального существования монастыря «по справедливости приписать должно усердию, ревности неусыпной и благоразумной попечительности и деятельности» самой настоятельницы. Епископ Иустин в присутствии всех членов Пермской консистории 8 мая объявил ей благодарность, а также предложил консистории изъявить благодарность за содействие в устройении обители и горному начальнику Екатеринбургских заводов Н. А. Шленеву²⁵⁵.

Вероятно, тогда же игуменья обсудила с епископом перспективы духовного и материального процветания монастыря. Матушка полагала, что правовое положение заштатной на своем содержании обители недостаточно надежно, особенно ее заботило сохранение за монастырем прав на земельные участки, уже полученные от местных властей, навсегда, а не на время, и получение от государственной казны вспомоществования для строительных работ. Надо полагать, тогда же она сообщила владыке о своем намерении добиваться в столице возведения монастыря в штат.

30 мая насельницы Екатеринбургской обители получили официальные документы — «билеты», позволявшие им отправиться в поездку.

К ноябрю (а быть может, и к октябрю) того же года они приехали в столицу. Где они побывали прежде — неизвестно, но можно предположить, что не преминули вновь посетить Саровский монастырь, вдохновивший когда-то Татьяну Костромину на создание обители, и расположенный неподалеку от него Санакарский Рождество-Бого-

---

²⁵⁵ Иконников В. Указ. соч. С. 17; РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 1–1 об.

родичный мужской монастырь, где с 1817 г. покоились останки благодетеля уральского монастыря адмирала Федора Федоровича Ушакова²⁵⁶.

Екатеринбургские насельницы лишились к 1819 г. не только этого покровителя. Изменился и состав Синода. В марте 1818 г. ушел на покой первенствующий член Синода митрополит Новгородский и Петербургский Амвросий (Подобедов), в мае того же года он скончался. В том же году умер архиепископ Псковский Ириней (Клементьевский), а еще ранее, в 1815 г., — архиепископ Тверской Мефодий (Смирнов)²⁵⁷.

Правда, обер-прокурором Синода оставался князь Александр Николаевич Голицын, который и прежде покровительствовал монастырю. Теперь, из уважения к игуменскому сану матушки Таисии, свои послания к ней он подписывал словами «Вашего Высокопреподобия покорнейший слуга», а обращался в ней «Высокопреподобная мати игуменья Таисия, милостивая Государыня моя»²⁵⁸.

Был влиятелен и популярен в столице еще один знакомый — генерал А. Ф. Лабзин, масон, пользовавшийся покровительством обер-прокурора Синода, но отношение представителей высшего духовенства (в том числе и членов Синода) к нему становилось все более негативным. Сведений об обращении к нему матушки Таисии во время пребывания в Петербурге в 1819–1821 гг. нет.

Где проживали екатеринбургские сестры в столице в этот приезд — неизвестно. Вероятно, они избрали для себя женский монастырь — это более приличествовало их иноческому сану (в Петербурге в это время действовал Смольный Воскресенский монастырь, в котором Татьяна Костромина приняла постриг).

По приезду матушка Таисия, надо полагать, отписала епископу Иустину. 23 октября 1819 г. он отправил в Синод рапорт, которым сообщал о преподанной им в Перми матушке благодарности в надежде на то, что Синод, приняв «во внимание и на уважение» ее труды, даст «благоволительный в резолюцию указ»²⁵⁹, то есть и со своей стороны наградит настоятельницу.

---

²⁵⁶ Ныне в Александро-Невском соборе Ново-Тихвинского монастыря находится частица мощей св. Феодора Ушакова (причислен к лику святых в 2001 г.).

²⁵⁷ *Цытин В., прот.* Амвросий (Подобедов) // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 2. М., 2001. С. 149–150; *Берташ А., свящ.* Ириней (Клементьевский) // Там же. Т. 26. М., 2011. С. 460–463; *Берташ А., прот.* Мефодий (Смирнов) // Там же. Т. 45. М., 2017. С. 121–128.

²⁵⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 28–28 об.

²⁵⁹ Там же. Л. 1 об.

19 ноября Синод, рассмотрев рапорт и сочтя, что ее старание «заслуживает уважения, и потому в воздаяние за оное и в поощрение на подобные труды и подвиги», постановил представить игуменью Таисию к высочайшему награждению золотым наперсным крестом²⁶⁰. 20 января 1820 г. князь Голицын сообщил Синоду о высочайшем пожаловании ей креста, который и был возложен на нее 3 февраля митрополитом Новгородским и Петербургским Михаилом (Десницким) по указу Синода²⁶¹.

Еще до получения награды, но уже зная о благоприятном постановлении Синода, игуменья 14 декабря 1819 г. подала прошение на имя императора с просьбой о возведении Ново-Тихвинского монастыря в число штатных.

Штатные монастыри делились на три класса, каждому полагалось свое содержание. Матушка Таисия не указала, в какой именно класс она просила возвести монастырь, но, вероятно, рассчитывала на второй класс, поскольку к третьему классу монастырь был приравнен ранее, хотя и без государственного содержания, а первоклассных монастырей в России были считанные единицы.

В прошении матушка Таисия кратко описала историю монастыря, имеющиеся постройки и источники доходов, после чего указала мотивы обращения в Синод: «С таковым устройением сей обители оставалось только мне с сестрами и имеющими по обетам пребывание вдовами и сиротами прославлять имя Божие и приносить молитвы о спасении всех православных христиан, и сверх того кроме пустынножительных трудов и послушаний иметь заведенное с самого начала общежития призрение и хождение за больными, увечными и престарелыми, препоручаемыми обители от екатеринбургских граждан и из других окрестных мест, вспомошествовая при том их от избытков обительных пропитанием и одеждою. Но поелику обитель сия сравнена с третьеклассными женскими монастырями в одном только количестве монашествующих, а в прочем оставлена на содержании доброхотных дателей без всякого от казны пособия, то, предвидя затруднения, могущие произойти к поддержанию обители на будущее время в одинаковом [т. е. в прежнем—*М. Н.*] положении [оставленной] от нижеследующих обстоятельств, и которые осмеливаюсь изложить»²⁶².

---

²⁶⁰ Там же. Л. 5.

²⁶¹ Там же. Л. 14.

²⁶² Там же. Л. 19 об. – 20.

Игуменья просила навечно закрепить все занимаемые земельные участки в собственности монастыря, отпускать беспошлинно строевой и дровяной лес монастырю в том количестве, в каком его получали и раньше, поскольку обитель «наполнена вдовами и сиротами большею частью Горного ведомства людей»²⁶³. Высказывая опасения о сохранности монастырского имущества, настоятельница просила определить к монастырю 10 человек служителей для охраны и для выполнения работ, «не свойственных женскому полу», ссылаясь на такое же установление для Нижегородского Крестовоздвиженского монастыря²⁶⁴. Если не считать монастырей первого класса, такое количество служителей редко встречалось в практике обителей того времени: оно было разрешено лишь второклассному Троицкому Белбажскому монастырю Костромской епархии и третьеклассному Нижегородскому Крестовоздвиженскому монастырю²⁶⁵, который, возможно, игуменья Таисия посетила по пути в столицу.

Кроме этого настоятельница просила: «1) означенную обитель, по наименованию таковой штатной в Пермской епархии, возвесть в штат вместо одного которого-либо из упраздненных в 1813 году в Москве двух женских монастырей, с производением и положенного по штату содержания; 2) дозволить тогда сверх штатного положения монахинь иметь такое же количество оных на содержании обители, яко необходимо нужных как для клиросного пения и чтения и других по церкви и обители послушаний, так и для избрания из них способных в настоятельницы и казначеи, по выбытии настоящих»²⁶⁶. Это были достаточно скромные просьбы: в обители уже проживало 152 человека, среди которых настоятельница многих считала достойными пострига. Тем не менее, она просила всего лишь об удвоении числа монашеских мест, и то не настаивала на выделении им казенного содержания. Таким образом, речь шла лишь о праве монастыря иметь 34 монахини, причем половину из них «на своем содержании». Это действительно было необходимо для дальнейшего развития монастыря, ведь разрешенные для третьеклассного монастыря, к какому по численности монахинь был приравнен Ново-Тихвинский при его учреждении в 1809 г., 17 монашеских мест уже были заняты принявшими постриг, а среди 135 послушниц были достойные пострига тоже.

---

²⁶³ Там же. Л. 20–21.

²⁶⁴ Там же. Л. 21–22.

²⁶⁵ ПСЗ-1. Т. XLIV. Книга штатов. Ч. 2. отд. III. С. 30–31, 65–67.

²⁶⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 22.

22 декабря 1819 г. Синод заслушал прошение, а 15 января 1820 г. был отправлен указ епископу Пермскому, повелевавший, согласно существовавшему порядку, представить свое мнение и необходимые документы. А далее игумении Таисии снова, как и при учреждении монастыря в 1807–1809 гг., пришлось месяцами ждать ответов.

В Перми указ был получен 1 февраля, через два дня рассмотрен в консистории и передан в канцелярию для сбора сведений по сути просьб и оформления справки. Пovýтчик сделал необходимые выписки из документов к июню 1820 г.

Далее епископ должен был отослать эти документы со своим мнением в Синод, но, движимый лучшими побуждениями, отложил это, поскольку пришел к мысли, что надо добиваться возведения монастыря в штатные обители не второго класса, а первого.

Зная о сложившейся традиции благотворительности в Ново-Тихвинском монастыре, епископ Пермский возымел намерение сделать представление в Синод о возведении Екатеринбургской обители в первый класс «как для помещения некоторых духовных вдов и сирот, особливо не имеющих родства, и уже пожилых лет, и бесполезно занимающих просфорнические должности, которые могут быть предоставлены другим вдовам и сиротам пропитания не имеющим, в означенную обитель в надежду монашества, так и для учреждения в той обители некоторого рода училища для образования в нем младолетних девиц в рукоделиях и в поучении чтению душеполезных книг на собственном их от рукоделий содержании. Предмет сей, по мыслям Его Преосвященства весьма полезный и важный, требовал и требует соображений точных и твердых», посему отправка документов была отложена, а секретарю консистории Мышкину было предписано подготовить новую подборку документов в пользу возведения монастыря в первый класс²⁶⁷.

К 1819 г. в России было только 7 женских штатных монастырей I класса: Суздальский Покровский (ведущий свою историю с 1364 г.), Московские Вознесенский (ранее 1386 г.) и Новодевичий (с 1524 г.), Киевский Флоровский Вознесенский (ранее 1566 г.), Казанский Богородицкий (1579 г.), Александровский Успенский (1650 г.), Петербургский Воскресенский Новодевичий (Смольный) (1748 г.). Из них самое большое содержание от казны имел Александровский монастырь.

---

²⁶⁷ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1910. № 5. Отдел неофиц. С. 124–126.

В нем было разрешено иметь и наибольшее число штатных монашеских мест — 100 монахинь и игуменья, тогда как остальные первоклассные монастыри могли иметь от 14 до 72 штатных мест²⁶⁸.

Между тем игуменья Таисия в Петербурге недоумевала о причинах задержки ответа и пыталась ускорить его получение повторными прошениями в Синод. Синод послал епископу предписание об ускорении дела 17 сентября 1820 г., а также отправил в Пермскую консисторию три «понуждения». Но заканчивался 1820 г., а ответа все не было. 16 декабря новый обер-прокурор Синода князь П. С. Мещерский послал еще одно предписание секретарю консистории Мышкину немедленно отчитаться в исполнении синодальных указов. Секретарь отчитался 18 января — не исполнением указа, а объяснением причин задержки.

Этот ответ, рисующий живую картину консисторского быта того времени, достоин цитирования. Признав, что епископ дал соответствующие распоряжения ему, секретарю консистории, но он не исполнил их, Мышкин указал «нижеследующие причины»:

«Первая: что я в каждый почти день, кроме праздничных, должен быть в утреннее время у Его Преосвященства для доклада и чтения дел, как от консистории представляемых, так с почты и от частных людей и мест к нему поступающих, а после обеда заниматься на важные бумаги сочинением по приказанию его вчерне резолюций и исправлением текущих по Консистории дел.

Вторая: чрезвычайное множество в Пермской губернии раскольников, направлявших все усилия и умышления к испровержению существующей в городе Ек[атеринбур]ге дозволенной старообрядческой церкви, и распространение их заблуждения через лжеучителей, наставников и беглых потасненных (по их названию, попов) [с]толь в сильном движении, что зло сие объемяет всю почти Пермскую губернию. От чего беспрестанно поступали и поступают к Его Преосвященству и в консисторию от духовных правлений и от благочинных во многом количестве представления о отступлении не токмо целых семейств, но и многих селений [в раскол — М. Н.]. Для удержания сего стремительно развивающегося зла и для предотвращения истинных чад церкви Христовой от сей губительной заразы потребно меры оказать, решительные и действительные, которые как со стороны Его Преосвященства, так и консистории предприимлются и полезно в действии производятся.

---

²⁶⁸ ПСЗ-1. Т. XLIV. Книга штатов. Ч. 2. отд. III. С. 30, 32, 65, 80.

Третья: частные жалобы и просьбы вдов и сирот о доставлении им способов к пропитанию, также и священно- и церковнослужителей на бедность, особливо находящихся в казенных Кушвинских и Богословских заводах, равным образом и в помещичьих заводах и селах, и потому ищущих других мест или требующих от Его Преосвященства ходатайства за них у горных начальников и помещиков о умножении им жалованья или других выгод к безбедному их с семействами пропитанию и удобному сыновей их в семинарии содержанию. А от сего немаловажная и затруднительная происходит между Его Преосвященством и управляющими и самими их владельцами переписка, занимающая довольно у меня времени.

Четвертая: безмерное пьянство, буйство, своеволие и разные многих священно- и церковнослужителей законопреступления обращают все и особенное внимание Его Преосвященства ко искоре[не]нию сих зол, почему все Его Преосвященства по сему предмету распоряжения сочиняются по приказаниям его также мною, на что и времени, и занятия употребляется немало.

Пятое: изобилие в Пермской епархии ябедников, которые без всяких законных причин затевают токмо пустые дела, ухищряются всяким образом навлечь правительству затруднение и умножение бесполезного труда и дел, к остановке законных текущих [дел служащие— М. Н.].

Шестое: недостаток канцелярских служителей как по количеству, так и по способности, ибо в П[ерм]ской к[онсисто]рии имеется оных токмо 12 человек, да и в те по нужде токмо крайней приемлются — то из сторожей консисторских и правленских, то из причетников, а других ко вступлению в консисторию охотников и желающих вовсе нет...

Сии причины, кроме других многих, не менее важных, навлекают величайшее затруднение и неуспешество в течении и отправлении по Пермской к[онсисто]рии дел. По сему же самому и указ Св. Синода замедляется исполнением.

Что же касается до того, почему не рапортовано о причинах, препятствующих исполнению, то признаюсь Вашему Сиятельству со всею откровенностью, что в сем есть прямое мое упущение, что я по развлеченности моей на другие дела не докладывал о том ни Его Преосвященству, ни консистории»²⁶⁹.

---

²⁶⁹ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1910. № 5. Отдел неофиц. С. 126–127.

Однако Синод не выказал сочувствия к этой «трудной и наполненной огорчениями... должности» и Пермская консистория была подвергнута ревизии, а секретарь Мышкин уволен²⁷⁰.

Игуменья торопила епископа Иустина и личными посланиями. Владыка призывал ее к терпению. Так, 10 марта 1821 г. он написал письмо, полное доброжелательства к ее замыслам: «...замедляется же то представление по причине многих моих по устройству епархии распоряжений и других не терпящих времени дел, так[же] по встречающимся вновь обстоятельствам, которые почитаю нужным включить в представление, тем более, что учреждение обители Вашей должно быть не на краткое время, но навсегда, и потому все, что только может входить в состав учреждения оной, не должно быть ныне упущено, а сие в краткое время все вдруг представиться в мысли не может, от чего я и от поспешности в сем деле удерживался, дабы чего не упустить. Да и пословицы говорят: скорое не споро (что Вы опытом сами дознали), а тихий воз на горе будет. Я уже на прошедшей почте коротенько заметил Вам, чтоб Вы были терпеливы, а Бог доброе дело в свое время поможет совершить лучшей нашей иногда не так полезной торопливости»²⁷¹.

В этом же послании епископ сообщил игуменье о своих намерениях добиваться возведения обители не во второй, а в первый класс, поскольку «второклассные женские монастыри ни по числу монашествующих, ни по жалованью не превосходят третьеклассных монастырей, а почему и выгоды от сего для епархии никакой быть не может»²⁷².

В последних строках владыка не преминул сказать несколько утешительных слов и полезных наставлений игуменье, проникнутых не только душевным расположением к ней, заботой о процветании обители, но и непрестанными заботами о благе епархии в целом, которому, по его мысли, мог послужить Екатеринбургский монастырь:

«Из частых Ваших ко мне писем я усматриваю, что Вы уже скучаете петербургскою жизнью. Я этому верю, но для твердого обители блага примите сие долгое пребывание Ваше за подвиг Богом на Вас возложенный. Вы взяли с собою четырех сестер да после вытребовали еще трех для научения разным рукоделиям и мастерствам при личном Вашем надзоре и попечении, употребите Ваше все попечение, чтоб

---

²⁷⁰ Там же. С. 127.

²⁷¹ Цит. по изд.: *Иконников В. Указ. соч.* С. 22–23.

²⁷² Там же. С. 25.

они обучались многим полезным рукоделиям и искусствам в совершенстве, для сего и время потребно не краткое, но довольно и достаточное к обучению. Ежели Бог благоволит исполниться всему по моим благонамерениям, то они с величайшею пользою могут послужить нетокмо для обители, но и для всех епархии моей вдовиц и сирых девиц; равных образом и для жителей здешнего сибирского края. Написавши письмо в утешение Ваше, я желаю и в молитвах моих не забываю умолять Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа о небесном на Вас благословении, о даровании Вам спокойствия душевного и телесного здравия. Впрочем, пребываю с истинным почтением...»²⁷³

Свое присутствие в Петербурге матушка Таисия действительно постаралась использовать с максимальной пользой для монастыря. Она не только пристроила для обучения рукоделиям своих насельниц, но и непрерывными ходатайствами пыталась положительно решить хозяйственные вопросы, сформулированные в ее прошении в Синод, а также в прошении не поименованных.

Так, например, настоятельницу заботил конфликт, возникший в апреле 1820 г., уже во время ее пребывания в столице, из-за требования Горного начальства уплатить за «поправку» участка Уктусской дороги, расположенного «против отведенных обители под строение мест».

Уктусская дорога (ныне улица 8 Марта в Екатеринбурге) соединяла два завода — Екатеринбургский и Уктусский, и считалась загородной. Свой отказ от участия в уплате средств на дорогу обитель пыталась обосновать всевозможными доводами. Например, сестры указывали, что монастырь построен с согласия градских жителей на земле градских выгонов и не имеет никакого постоянного содержания, следовательно, и общественные повинности, ежели они положены с этой земли, должно выполнять градское общество, а не обитель. Пытались они опереться и на статьи Проекта Горного положения, предписывавшего исправление дороги между заводами вести силами заводских работников за счет собираемых в губернии налогов.

Дальнейший спор, в который втянулись и Пермская консистория, и Пермское губернское правление, шел относительно того, являются ли дома для монастырских священнослужителей частью городской застройки и относительно того, как исполняются монастырем выделенные ему земельные участки — по назначению (т. е. под строения), или для хозяйственных надобностей (под огород, пашню).

---

²⁷³ Там же. С. 23.

Горное начальство усматривало в использовании земли под сельскохозяйственные потребности дополнительный источник дохода монастыря, который позволяет ему участвовать в исполнении общественной повинности по починке дороги. Настоятельница Таисия указывала, что выделенные обители земли болотистые и замусорены городом, так что монастырю потребовалось три года, немалые усилия и средства, чтобы очистить эту землю и попытаться облагородить ее, в том числе посевом овса, но урожаи с этой земли не покрывают и малой толики трудов сестер, не преминув напомнить при сем, что градские жители обещались оказывать помощь обители, но обещания своего не сдержали.

Что касается домов священнослужителей (ныне — на углу улиц 8 Марта и Декабристов), то матушка Таисия считала их нераздельной частью монастырской территории, отведенной за городом, и посему не являющимся частью городской застройки, хотя и признавала обязанность монастыря соблюдать чистоту и опрятность улицы напротив этих зданий²⁷⁴.

26 мая 1821 г. матушка обратилась к императору с прошением выдать ей грамоту, закрепляющую в вечную собственность монастыря отведенные ему земельные участки под церковь, кладбищем, домами священнослужителей, «дабы обитель, имея оную у себя, была навсегда безопасна со стороны могущих в последствии времени возникнуть от кого-либо на места к ней отведенные несправедливых приязаний»²⁷⁵.

Это вызвало новый тур переписки между Синодом, Министерством финансов, начальником Екатеринбургских горных заводов и матушкой Таисией, длившийся вплоть до декабря 1821 г. Начальник горных заводов соглашался закрепить за монастырем место под церковь, но не место под кладбищем, ссылаясь на то, что оно должно быть впоследствии перенесено далее за черту города, и не места, отведенные под дома священников и монастырских служителей, поскольку обитель использует их не по назначению²⁷⁶.

Другую проблему — выделение строевого и дровяного леса монастырю — удалось решить значительно быстрее. По просьбе матушки Таисии князь Александр Голицын ходатайствовал перед министром финансов о беспошлинном отпуске леса монастырю и 14 марта 1821 г.

---

²⁷⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 52–58 об.

²⁷⁵ Там же. Л. 33–34 об.

²⁷⁶ Там же. Л. 67–68, 70–71 об.

уведомил игуменью о благоприятном решении: «...во уважение представляемых Вами нужд, кои претерпевает обитель в своем содержании», министерство согласилось отпускать в пользу монастыря такое количество леса без попенных денег, какое отпускалось в предшествовавшие годы (на 93 руб. 50 коп. в год)²⁷⁷.

Разработка монастырского устава

Но не только материальные заботы занимали мысли игуменьи. Она верила в необходимость продуманного общежительного устава для монастыря, видя в нем основу стабильности иноческой жизни. Она по-прежнему была привержена Саровскому уставу, но, вероятно, опыт жизни по нему екатеринбургской общины, да и советы уважаемых ею представителей духовенства привели Таисию Костромину к мысли о необходимости некоторых изменений.

Устав настоятельница желала утвердить законодательно. Еще до отъезда в Петербург 4 апреля 1819 г. она подала прошение на имя епископа Иустина о благословении ее на составление устава, «могущего послужить к вящему поддержанию нравственностей у находящихся в обители сестр, и чрез то избавится духовное начальство [от] неприятных переписок с обителью»²⁷⁸. Свое благословение епископ подтвердил указом 15 апреля того же года, которым рекомендовал настоятельнице составить устав «с помощью и советом мудрых и благочестивых мужей и представить мне на рассмотрение»²⁷⁹.

Согласно сведениям конца XIX – начала XX вв., устав для уральской обители по просьбе матушки Таисии составил архимандрит Александро-Невской лавры Герасим. Однако найти упоминания о нем нам не удалось: в известных ныне списках наместников лавры (настоятелями ее числились архиепископы или митрополиты Петербургские) такого имени не значится. Наместником лавры в 1810–1819 гг. был архимандрит Гедеон (Федотов), а в 1819–1828 гг. — архимандрит Товия²⁸⁰.

Кроме Саровского было использовано еще два устава — Валаамский и Александро-Невский. Их выбор неслучаен.

Связь Валаама и Саровской пустыни в 20-е гг. XIX в. не была забыта. В 1781 г. саровского иеромонаха Назария специально перевели

---

²⁷⁷ Там же. Л. 28–28 об.

²⁷⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 102. Д. 702. Л. 1.

²⁷⁹ Там же. Л.1 об.

²⁸⁰ ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 165. Л. 23; *Иконников В.* Указ. соч. С. 29; *Рункевич С. Г.* Александро-Невская лавра, 1713–1913. СПб., 1997. С. 839, 853–854, 866–868.

на Валаам и назначили строителем, чтобы установить там общежительные порядки. В 1804 г. он вернулся в Саров, и прибывший вместе с ним ученик Иларион стал впоследствии духовником пустыни. Валаамская обитель была возведена в 1 класс с сохранением общежительных порядков именным указом от 2 апреля 1822 г.²⁸¹, вероятно, игуменья Таисия общалась в Петербурге с настоятелем или кем-то из монашествующих этого монастыря, пока решался вопрос о статусе и Валаамского, и Ново-Тихвинского монастырей.

Живы были и контакты Валаама с Александро-Невской лаврой: игумен Валаама Иннокентий (1801–1823 гг.) десять лет прожил в лавре²⁸², и несомненно, связи между этими двумя обителями оставались достаточно тесными во время его настоятельства.

Вероятно, матушка Таисия довольно часто бывала в Александро-Невской лавре еще во время первой поездки в Петербург. Ее прошение о постриге в 1810 г. составил служитель лавры Алексей Максимов²⁸³. Значима была эта обитель и для благодетеля Таисии Костроминой адмирала Ушакова: в лавре несколько лет был послушником, а в 1748 г. принял постриг с именем Феодор его дядя Иван Игнатьевич (ныне причислен к лику святых), впоследствии уехавший сначала в Саровский монастырь, а потом в Санаксарский²⁸⁴.

В Александро-Невской лавре закончили работу над уставом осенью 1820 г. Желая заручиться поддержкой епархиальных властей, проект 8 октября переслали в Пермь на рассмотрение епископа Иустина.

Устав был прислан при доношении игуменья Таисии и получен в Перми 10 ноября 1820 г. Само доношение ныне не найдено, но оно было изложено впоследствии в рапорте епископа Иустина в Синод. Согласно этому изложению, Таисия указала, что устав составлен ею, а об участии других лиц в его разработке не упоминала, хотя отметила, что «при изложении его руководствовалась она, игуменья Таисия, Словом Божиим, Правилами святых Соборов и Отец и советами благочестивых и просвещенных в духовной жизни мужей, применяясь в особенности, поколику возможно, к общежительному уставу в Саровской пустыне существующему».

---

²⁸¹ ПСЗ-1. Т. XXXVIII. № 28990.

²⁸² *Иконников В.* Указ. соч. С. 29; Валаамский монастырь и его святыни в период расцвета и благосостояния обители. Л., 1990, С. 19, 29, 32, 33, 35, 41, 67, 72, 84, 88–103, 147–150, 152, 155, 158; Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии // Старцы Глинской пустыни. Б.т., б.м. Репринт с издания 1905 г. С. 92.

²⁸³ РГИА. Ф. 796. Оп. 88. Д. 255. Л. 207–208.

²⁸⁴ *Овчинников В. Д.* Указ. соч. С. 365.

В этом же послании игуменья сделала пояснение, «что сей устав, долженствующий быть правилом и порядком для внутренней монашеской жизни в обители, обязаны будут настоятельница и сестры сохранять во всей точности во славу Божию и во свое спасение, нарушение же сего устава взыскивается и исправляется властью и благоразумием настоятельница приватно, без всякого к высшему начальству отношения».

В доношении игуменья сообщила о своем намерении «для вящей непоколебимости и твердости» представить устав на утверждение в Синод, раскрыв и глубинный смысл своей особой заботы об уставе: в штатном монастыре, статуса которого добивались насельницы, настоятельница назначал Синод, матушка же Таисия желала сохранения сложившихся в обители традиций, залог чего видела в том, чтобы настоятельница избирались самими сестрами из числа насельниц этой обители, как и принято было в монастырях общежительных²⁸⁵.

Ознакомившись с уставом, епископ передал его ректору Пермской семинарии архимандриту Афанасию и инспектору игумену Иннокентию²⁸⁶. Оба они, несомненно, были людьми образованными и знающими порядок монастырской жизни по личному опыту.

Архимандрит Афанасий родом был великороссиянин, сын священника, 1783 г. рождения, в 14 лет поступил в Тобольскую семинарию, в которой и находился до 1801 г., изучая русскую грамматику, катехизис, арифметику и начала латинского языка. После этого он перешел в Оренбургскую семинарию и до 1807 г. изучал поэзию, риторику, историю, географию, красноречие, философию, богословие, латинский, греческий и немецкий языки. Закончив семинарию, стал учителем в ней же и преподавал греческий язык и синтаксис, в 1809 г. — поэзию, с 1809 г. был назначен толкователем Евангелий и катехизиса, инспектором семинарии и учителем красноречия; в 1811 г. был определен учителем риторики, а потом и философии. В 1812 г. он был назначен префектом Оренбургской семинарии; принял постриг и был посвящен в иеромонаха, определен членом Оренбургской консистории и толкователем Святого Писания. Продолжая свою деятельность в семинарии (где был определен еще и учителем богословия), в 1813 г. был произведен в архимандрита и назначен настоятелем Уфимского Успенского третьеклассного монастыря. В 1815–1816 гг. он был ректором Оренбургской семинарии. Из Оренбургской епархии в 1818 г. переведен ректором Пермской семинарии

---

²⁸⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 102. Д. 702. Л. 2.

²⁸⁶ Там же: *Иконников В.* Указ. соч. С. 29.

и настоятелем Верхотурского монастыря. Пермскую семинарию архимандрит Афанасий возглавлял до 1828 г., когда по состоянию здоровья и результатам ревизии был уволен от должности. Членом Пермской консистории состоял с 1818 по 1837 г., Верхотурский монастырь возглавлял вплоть до своей кончины в 1844 г.²⁸⁷

Инспектор Пермской семинарии игумен Соликамского Троицкого монастыря Иннокентий — еще один рецензент Ново-Тихвинского устава — был человеком неординарной судьбы. Родился он в 1779 г. в семье дьячка с.Шерьинского Оханского уезда Максима Коровина. Как впоследствии пересказывали пермские старожилы известия о его биографии, в детстве, когда его отец служил пономарем в церкви Нытвинского завода, храм посетил епископ Вятский и Великопермский Лаврентий. Во время архиерейского служения литургии «пред малым выходом один мальчик пробрался, по выходе сослужащих, незаметно в алтарь и сел на горнем месте: это был сын нытвинского пономаря Иаков Коровин, впоследствии архиепископ Иннокентий. Когда возвратившиеся по малом выходе священнослужители заметили мальчика, то хотели его выгнать, но епископ Лаврентий запретил им это, сказав, что может быть Господь Бог определил этому мальчику сидеть на епископском престоле. Случай этот был как бы предзнаменованием будущего высокого жребия преосвященного Иннокентия.

Когда мальчику исполнилось семь лет, отец отвез его в училище в Вятку, совершив, по бедности своей, 400-верстный путь от Нытвы до Вятки зимою, пешком и везя сына за собой в салазках. При открытии епархии в Перми в 1800 г., Иаков Коровин был переведен певчим к первому епископу Иоанну и доучивался в новооткрытой семинарии²⁸⁸. По выходе из семинарии он вздумал жениться на одной девице дворянского звания, которая сначала дала было ему слово, но потом отказалась вследствие дворянского гонора ее родных. Тогда Коровин пошел с горя в монахи²⁸⁹, и в 1811 г.²⁹⁰ назначен был игуменом Соликамского Истобенского монастыря²⁹¹. В монастыре он бывал неча

---

²⁸⁷ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 234. Л. 214 об. – 216; *Баранов В. С.* Летопись Верхотурского Николаевского мужского общежительного монастыря (Екатеринбургской епархии) в связи с историческим сказанием о житии св. праведного Симеона Верхотурского чудотворца. Издание Братства Симеона Верхотурского чудотворца, 1991. С. 270; История Пермской семинарии после преобразования ея, бывшего в 1818 году // ПЕВ. 1870. Отдел неофиц. № 7. С. 85–87; № 15. С. 200; № 40. С. 473; № 44. С. 515.

²⁸⁸ В семинарии он обучался до 1805 г.

²⁸⁹ Монашеский постриг Яков Коровин принял в 1808 г.

²⁹⁰ По другим данным, с 1813 г.

²⁹¹ *Дмитриев А.* Пребывание Сперанского в Перми // Русский вестник. 1869. № 8. С. 748–749; История Пермской семинарии... // ПЕВ. № 45. Отдел неофиц. С. 532–533.

сто, поскольку основное время должен был отдавать своим обязанностям по семинарии, где он был не только инспектором с 1818 по 1824 г., но и учителем истории, пиитики, риторики, грамматики²⁹².

Пермскому инспектору была суждена значительная судьба, и своим возвышением он обязан был своему нетрусливому характеру и благодарности крупного государственного деятеля России графа Сперанского. Пермские старожилы рассказывали, что во время ссылки М. М. Сперанского в Пермь в 1812–1814 гг. он жил на квартире у купца Н. А. Попова, в приятельских отношениях с которым находился игумен Иннокентий, который и жил во флигеле дома Попова. Игумен не побоялся проявлять искреннее расположение к опальному генералу, бывая у него в гостях и приглашая к себе, и даже смог внушить уважение к нему своим семинаристам, которые проявляли исключительную вежливость, встречаясь с ним в городе.

Когда ссылка закончилась и М. М. Сперанский собрался уезжать, 19 сентября 1814 г., как рассказывали пермские старожилы, «весь губернский синклит с губернатором во главе явился к отъезжающему сановнику для пожелания благополучного пути; из посторонних находились тут один из пермских помещиков Х. Я. Лазарев и игумен Иннокентий. Проводы были за заставу. Здесь Михайло Михайлович, вышедши из экипажа, поблагодарил компанию за честь, ему сделанную, перецеловался со всеми, и садясь снова в экипаж, взял за руку игумена и сказал: «Прощайте, добрейший отец! Если я буду со временем счастлив, и Вы будете счастливы». Скромный инок на сей раз не придал никакого особенного значения этим словам, но чрез несколько лет вспомнил о них, когда без всяких протекций со стороны высших духовных властей, получив сперва сан архимандрита и должность ректора Псковской семинарии²⁹³, вскоре за тем возведен был на кафедру викарного епископа в Москве и наконец сделан архиепископом на Волыни»²⁹⁴.

Архимандрит Афанасий и игумен Иннокентий в марте 1821 г. представили епископу Иустину свое мнение об уставе, впрочем, до-

---

²⁹² *Словцов И., прот.* Соликамско-Истобенский, Свято-Троицкий, третьеклассный мужской монастырь // ПЕВ. 1870. № 3. Отдел неофиц. С. 27–28; История Пермской семинарии... // ПЕВ. № 7. Отдел неофиц. С. 85.

²⁹³ В 1824 г. (см.: История Пермской семинарии... // ПЕВ. № 45. Отдел неофиц. С. 531).

²⁹⁴ *Дмитриев А.* Указ. соч. С. 748. Иннокентий стал викарным епископом Дмитровским, потом епископом Курским, и наконец, архиепископом Волыньским и архимандритом Почаевской лавры. Последним его назначением стала архиепископская кафедра в Орле, но по дороге туда он скончался от апоплексического удара (см.: *Словцов И.* Указ. соч. С. 28; История Пермской семинарии... // ПЕВ. № 45. Отдел неофиц. С. 533).

статочно краткое и формальное. Они отметили, что устав не противоречит церковным правилам и монастырским уставам, предложили передать его на обсуждение самих насельниц обители, и порекомендовали четче прописать порядок отчетности монастыря в консисторию относительно церковных и монастырских сумм²⁹⁵.

После получения этого отзыва владыка сам дважды прочитал устав и, надо признать, весьма внимательно, свидетельством чему стали его замечания о замеченных «недостатках и излишествах». Сводились его замечания к необходимости четче прописать обязанности настоятельницы, казначеи, священника и причетника, убрать из текста неуместные ссылки на Священное Писание, а также мелочную регламентацию быта насельниц и не обременять очень занятых послушаниями сестер непрерывным присутствием на церковных службах и чрезмерными поклонами²⁹⁶.

С этими замечаниями епископ вновь передал устав на рассмотрение архимандрита Афанасия и игумена Иннокентия, и они 27 мая того же года представили уже более развернутый отзыв на текст устава, отметив, что он не противоречит церковным узаконениям, но принят может быть только с согласия сестер монастыря и с прописанием безусловной покорности насельниц не только уставу, но и всем распоряжениям епархиальных властей, Синода и государственных законов, а также церковным правилам²⁹⁷.

1 июня епископ Иустин представил в Синод текст устава с их замечаниями²⁹⁸, которые перекликались с его собственными, несколько уточняя правила общежития в обители. Так, например, рецензенты полагали возможным допустить в обители личную собственность, аргументируя это тем, что «могут из сестер быть одни трудолюбивее других, также заниматься одни пред другими важнейшими рукоделиями, и потому не мешает дозволить иметь и собственность, приобретенную собственными честными трудами». Считали они возможным разрешить послушницам, только поступившим в монастырь, в течение первого года своего искуса еще не передававшим свое имущество в монастырскую казны (поскольку не были уверены в том, что останутся в обители) использовать свое имущество на благотворительные

---

²⁹⁵ Иконников В. Указ. соч. С. 29–30; РГИА. Ф. 796. Оп. 102. Д. 702. Л. 2.

²⁹⁶ Замечания были высказаны в письме епископа к игумении Таисии от 10 марта 1821 г. и воспроизведены в рапорте епископа в Синод от 1 июня 1821 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 102. Д. 702. Л. 2. об. – 3).

²⁹⁷ Там же. Л. 3–3 об.

²⁹⁸ Замечания были высказаны в рапорте архимандрита Афанасия и игумена Иннокентия епископу Иустину от 27 мая 1821 г. и воспроизведены в рапорте епископа в Синод от 1 июня 1821 г. (Там же. Л. 5–8).

цели²⁹⁹. Рецензенты рекомендовали четче указать и те вопросы, которые подлежат власти не одной настоятельницы, но и совместному решению ее с казначеей и старейшими сестрами.

Эти замечания с краткими цитатами из первоначального текста — все, что дошло до наших дней от уникального документа — устава Ново-Тихвинского монастыря, единственного известного на Среднем Урале в XIX – начале XX в. Все остальные монастыри, если и принимали устав, то брали уже существующие в монастырях центральной России образцы.

Даже составлявшие этот устав лица сомневались в том, нужен ли он будет монастырю, возводимому в штат, поскольку общежительные нормы, положенные в основу устава, как правило не применялись в обителях штатных, где казенные суммы распределялись как жалование между сестрами. И лишь матушка Таисия отстаивала свой, особый, написанный именно для ее обители общежительный устав, который впоследствии стал основой монашеской жизни и в других женских монастырях Восточного Урала³⁰⁰.

Узнав о присланном в Синод мнении епископа Пермского с замечаниями к уставу она в ноябре 1821 г. подала прошение на Высочайшее имя, в котором просила устав утвердить, поскольку, как она писала, «я, с согласия всех сестер вверенной мне обители, желаю в общую пользу оных сестер руководствоваться изложенными правилами в оном уставе, по примеру прочих общежительных монастырей». Больше всего игуменью заботило заложенное в уставе правило избрания настоятельницы из числа насельниц именно этого монастыря, с последующим утверждением Синодом по представлению епархиального начальства³⁰¹.

Последняя редакторская правка была поручена глиняному строителю Филарету, как раз оказавшемуся в Санкт-Петербурге с аналогичным ходатайством об утверждении общежительного устава, написанного им для своей пустыни³⁰².

---

²⁹⁹ Впоследствии в монастырских документах таких послушниц обычно называли «живущими по билетам», то есть получившими временные паспорта от своих гражданских властей, но еще не причисленными официально в число сестричества.

³⁰⁰ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1910. № 7. Отдел неофиц. С. 166; *Штейнфельд Н. П.* Указ. соч. С. 12–14.

³⁰¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 102. Д. 702. Л. 10–10 об.

³⁰² Сестры Екатеринбургского монастыря составителем своего устава считали Герасима, не упоминая о вкладе в его разработку строителя Филарета (см.: ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 165. Л. 23). В жизнеописаниях Филарета (Данилевского, ныне причислен к лику святых) авторство устава приписывается ему, а первоисточники — уставы трех монастырей — не упоминаются, отчего создается впечатление, что он основывался на

Игумен Филарет (Данилевский, 1773–1841) возродил Глинскую Рождество-Богородичную пустынь, основанную в конце XVI в. Кроме устава для своей пустыни, разработанного им на основе Афонского и принятого впоследствии в 5 мужских и 6 женских монастырях, он составил 3 устава для женских монастырей (для Екатеринбургского, Борисовской пустыни Курской епархии и Уфимского Благовещенского), а также «Пространное поучение к новопостриженному монаху», напечатанное в 1824 г. и разосланное по всем епархиям³⁰³.

Возведение в штат и утверждение устава

1 июня 1821 г. кроме рапорта о замечаниях к уставу монастыря епископ Пермский составил рапорт в Синод с изложением своего мнения о целесообразности возведения обители в штат первого класса. Кратко изложив основные вехи истории обители, подробно описав имеющиеся постройки монастыря, источники доходов, занятия сестер, отведенные земельные участки, он пришел к заключению о своевременности и желательности утверждения монастыря в качестве штатного:

«...Екатеринбургская Ново-Тихвинская женская общежительная пустынь в возведении обширных зданий, большею частью каменных, могущих поместить в себе от 150 до 200 монахинь или сестер, доведена до такого устройства и совершенства в самое краткое время одними токмо добродетельными от усердных людей подаяниями и вкладами, а поддерживались в сем устройстве и содержании обитающих в ней

Глинском уставе (см.: Жизнеописание игумена Филарета... С. 70–76, 92; *Иоанн (Маслов), схиархим.* Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI–XX веках. М., 1994, С. 178). Подтверждением причастности игумена Филарета к разработке устава для Ново-Тихвинского монастыря является воспоминание игумении Уфимского Благовещенского монастыря Филареты о разговоре с игуменом Филаретом, который сказал: «Когда я был в Санкт-Петербурге, написал устав для женского монастыря... по просьбе игумении Таисии, в то время бывшей в С[анкт]-Петербурге» (Жития святых... С. 782). Однако даже при решении вопроса об утверждении Глинского устава существенным его достоинством сочтено было сходство с Валаамским, сам строитель Филарет весьма почтительно относился к Серафиму Саровскому и не мог просто отместить составленный проект и замечания местных властей к нему. Во время ревизии Ново-Тихвинской обители в 1903 г. следователи имели возможность свериться с архивом монастыря, лично распросить настоятельницу, запрашивали соответствующие дела из епархиального архива и в отчете о ревизии, просмотренном игуменьей, указали, что устав составлен на основе правил Сарова, Валаама и Александроневской Лавры (см.: ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 165. Л. 23). В брошюре, изданной в Санкт-Петербурге в 1892 г., ошибочно указано, что в 1822 г. сохранен Саровский устав (см.: *Керский С.* Указ. соч. С. 5).

³⁰³ *Иоанн (Маслов).* Указ. соч. С. 178–179; *Маслов Н. В.* Православное учение о спасении по трудам глинских страцев. М., 2002. С. 17–42.

монахинь и сестр введенными в оную от настоятельницы игуменьи Таисии рукоделиями и хозяйственными распоряжениями. Напротив, со стороны екатеринбургских гг. чиновников и прочих граждан; при начальном устройении сей пустыни обязавшихся в нуждах ее оказывать всевозможные пособия, нетокмо оных не оказано, но и совершенно от того, как из отзывов Екатеринбургской градской думы видно, они отказались... Подобным образом и кладбищенская каменная церковь построена иждивением же пустыни, а не обязавшимися на сие заведение купцами Калашниковым и Мартыновым и мещанином Бронниковым. По каковому непостоянству екатеринбургских граждан и на будущее время никаких пособий для поддержания пустыни от них ожидать неможно, равным образом и на посторонние пособия от доброхотных подаяний и вкладов, которые при новом токмо учреждении пустыни могли быть значительны и важны, не остается впредь довольной надежды. Того ради во избежание затруднительных и бесполезных с Екатеринбургскою градскою думою и прочими присутственными местами и начальствами переписок и во отвращение пустыни, толикого иждивения и трудов стоящей, от могущего последовать оной упадка и самого разрушения, мнением моим полагаю:

1. По неимению в Пермской епархии кроме означенной Ново-Тихвинской женской общежительной пустыни других женских штатных и заштатных монастырей и по обширному устройству оной и заведениям [имеющимся в ней — *М. Н.*], возвесть оную в первоклассный штатный девичий монастырь на том самом положении и содержании, на каком существует первоклассный Залесский Успенский девичий первого класса монастырь, что в Александровой слободе, с тем токмо различием, чтоб по не состоянию близ Екатеринбурга мужеских монастырей вместо духовника из иеромонахов определен был к сей пустыни протопоп, а вместо 10 человек монастырских служителей определить к ней оных 15 человек.

2. Места, Главную Екатеринбургских заводов конторою отведенные под дома священно- и церковнослужителей и монастырских слуг, также и для кладбища болотное на 24 десятинах и 1300 сажнях пустопорожнее место утвердить за оною пустынею в вечное владение.

3. По именному Высочайшему 1797 года декабря 18 дня указу наградить оную пустынь из оброчных статей надлежащую перво-классному женскому монастырю пропорцию пашенной и сенокосной земли, рыбными ловлями и мельницею³⁰⁴.

4. Деньги 2000 рублей из Екатеринбургской градской думы возвратить в пустынь или оставить оные на том самом положении, на каком оные теперь состоят в той думе; то есть: чтоб получать за них из думы в пользу пустыни каждагодно по 300 рублей.

и 5. Поелику в Пермской епархии, по числу церквей невеликой, по вернейшему исчислению оказалась невероятное множество вдовиц и сирот, и именно 1193 вдовицы и сироты женского пола и мужского пола 175 человек, которые просьбами своими беспрестанно меня приводят в затруднение в доставлении им средств и способов к пропитанию их, каковых я в здешней епархии удобными не имею, ибо церкви здесь большею частью заводские, казенные и помещичьи, при которых жалованье и содержание священно- и церковнослужителям всегда производится наличным, а зачисленным на места в оном отказывают и не производят. В показанной же Ново-Тихвинской пустыни... имеется довольно домов и в них келий или покоев. То я в некоторое пособие вдовам и сиротам женского пола необходимо нужным нахожу в означенной пустыни сверх монашествующих учредить сиротский дом на 100 человек вдовиц и сирот, в которой принимать их на собственном их содержании с тем, чтобы каждая вдовица и сирота, ежели имеет какое имение или деньги, при вступлении своем в оный сиротский дом полагала то имение и деньги в общественную кассу с запискою в шнурузапечатанную книгу, которая дана будет от консистории, и чтобы, находясь в сем доме, занимались под руководством настоятельницы рукоделами и другими приличными им трудами для получения чрез то содержания своего; а малолетние сироты, кроме рукоделий, обучались бы чтению душеполезных и спасительных христианских книг и поучений при наставлении и изъяснении протопопа или иереев. Когда же сии малолетние сироты придут в совершеннолетний возраст и пожелают оставить оный дом, то не воз-

---

³⁰⁴ По указу 1797 г. всем монастырям, как штатным, так и заштатным, полагалось от государства по 30 десятин земли, небольшое озеро и пруд для рыбной ловли, мельницу. Кроме этого (еще по штатам 1764 г.) первоклассным монастырям полагалось по 9 десятин сенокосной земли (ПСЗ-1. Т. XVII. № 12060, Т. XXIV. № 18273, *Ивановский В.* Русское законодательство XVIII и XIX вв. в своих постановлениях относительно монашествующих лиц и монастырей. (Опыт историко-канонического исследования). Харьков, 1905. С. 155–157).

бранять им в сей свободе, однако с тем, чтоб по исходе тотчас посягали в замужество с должным по их поведению и трудолюбию из доходов сиротского дома награждением».

В возведении монастыря в I класс епископ видел не только практическую пользу для обители и епархии в целом, но и символическое патриотическое значение:

«Наконец, самую важнейшую и убедительнейшую причину к возведению вышепоказанной пустыни в первоклассный монастырь и к учреждению в ней сиротского дома полагаю то, что приобретение Сибири, страны обширной и богатой, и присоединение оной к Российской Державе есть единственное и особенное любезному Отечеству нашему благодаяние и благоволение Вышняго. А гора Урал, обилующая золотыми, медными и железными рудниками, также драгоценными цветными камнями и других разных пород ископаемыми произведениями, наипаче обогащает и поддерживает благосостояние, величие и славу Отечества нашего. На сей горе возвышающийся град Екатеринбург заключает собою как бы врата в богатую и доселе еще не везде обозримую Сибирь — достойно убо будет и праведно на сей горе Уральской в знак благодарения Богу благодетелю нашему и в честь и славу Пресвятыя Богородительницы и Приснодевы Марии восставить означенную пустынь в первоклассный монастырь, с наименованием тако: Горо-Уральский Ново-Тихвинский девичий первого класса монастырь, что в городе Екатеринбурге. Пусть каждый россиянин, входя и проходя чрез сии врата во страну Сибири, взирает на сию святую обитель, яко [на] памятник, воздвигнутый Отечеством нашим в благодарение и славу Великого Бога, благоговееет пред ним Всевышним и исполняется за благодаяния Его чувством благодарным»³⁰⁵.

По рапорту епископа Пермского и прошениям матушки Таисии Синод 20 января 1822 г. составил доклад императору о возведении Ново-Тихвинского монастыря в первоклассный штатный. 12 мая именным указом монастырь был возведен в I класс на представленных основаниях. На следующий день был утвержден штат монастыря сообразно предложению епископа, согласно которому на содержание обители ежегодно должно было выделяться из казны 3791 руб. 40 коп.³⁰⁶. Из этой суммы 2260 руб. полагалось на содержание 100 монахинь и игуменьи. Епископ Иустин в своем рапорте уточнил, что

---

³⁰⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 40 об. — 47 об.

³⁰⁶ ПСЗ-1. Т. XXXVIII. № 29037, 29051; Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. Отд. III. С. 86; РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 40 об. — 47 об., 87–97, 99–109 об., 121–122; ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2193. Л. 33–42; ГАПК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 27. Л. 509–513; Ф. 198.

сумма предназначена на содержание всех монахинь, даже если их число будет превосходить 101, поскольку в «в том монастыре по прежнему обыкновению все монахини в пище и в прочем содержании имеют общество, то и ныне оставляется на таком же порядке». Сумма должна была тратиться на покупку хлеба, рыбы, соли, вина, пива и других продуктов, а также на одежду, дрова, на фураж лошадям и «на другие всякие принадлежащие к содержанию их расходы». На починку различных монастырских строений и ризницу полагалось 350 руб., на «церковные потребности» и на просфоры — 100 руб. В штатной сумме было предусмотрено жалование духовнику из числа иеромонахов в размере 60 руб., а также 220 руб. на содержание 3 священников (по 20 руб.), 2 диаконов (по 15 руб.) и 2 пономарей (по 10 руб.). Для выполнения «разных служб» монастырь мог нанимать 10 мирян («бельцов»), которым можно было платить по 15 руб. каждому, а также нанимать 2 подьячих, на что было предусмотрено 22 руб.³⁰⁷

5 мая того же года Синод постановил благословить употребление в обители составленного устава «с согласия монахинь и сестр оной, как ныне, так и впредь», однако с тем условием, что «как в оном уставе по замечаниям рассматривавших оный не все изложены обязанности игуменьи, монахинь и сестр, то бы сверх сего Устава во всем касающемся до монастырского управления поступаемо было по правилам Св. Апостол и Отец, Духовному регламенту, указам из Святейшего Синода и прочим существующим на сей предмет узаконениям»³⁰⁸.

Так уральский монастырь, фактически существовавший 26 лет, стал одним из первых в России. Его организационные и духовные основы были упрочены утверждением устава и авторитетом основательницы – игуменьи Таисии. Его материальные основы были утверждены статусом штатной обители и назначенным монастырю содержанием.

5 ноября 1822 г. настоятельница Таисия предстала перед епископом Пермским. Она прибыла и с дарами, и с известиями о новых покровителях обители.

Оп. 1. Д. 128. Л. 195–199. Соответствующий указ Синода был издан 22 мая (*Иконников В. Указ. соч. С. 31*).

³⁰⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 456.

³⁰⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 102. Д. 702. Л. 12 об. Указ Синода о благословении устава был издан 15 мая. Согласно утверждению В. Иконникова, по епархии этот указ был разослан 22 сентября, однако, судя по архивным документам, только 16 декабря 1822 г. Синод постановил «дать знать» епископу Пермскому о разрешении использовать устав (Там же. Л. 12 об.; *Иконников В. Указ. соч. С. 31*).

Еще в столице она получила два рекомендательных письма к епископу Иустину. Одно из них было написано 26 мая 1822 г. обер-прокурором Синода князем П. С. Мещерским: «Екатеринбургского женского монастыря игуменья Таисия, кончивши свои здесь по монастырю дела, отправляется в свою обитель. Покорнейше прошу Ваше Преосвященство принять ее и обитель в Ваше покровительство и не оставлять архипастырскими Вашими наставлениями и милостями. Что я вменю себе в особенное одолжение»³⁰⁹.

Другое письмо было написано 16 июня того же года первоприсутствующим членом Синода митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургом Серафимом (Глаголевским):

«Бывшая в С[анкт]-Петербурге Екатеринбургского девичьего монастыря игуменья Таисия и ныне по совершенном исполнении всех до монастыря ее касающихся надобностей возвращающаяся в место своего пребывания просила меня, чтоб я употребил ходатайство у Вашего Преосвященства о принятии обители ее в Ваше покровительство, и о вспомоществовании ей в поддержании общежития.

Поелику же сия госпожа игуменья честным своим во время ее здесь жительства поведением и примерным к обители святой усердием приобрела особенное себе у Государя Императора и всей Августейшей Его фамилии благоволение, ознаменованное весьма значительным в пользу ее обители вкладом, то я долгом себе поставил просить Ваше Преосвященство, дабы Вы благоволили обратить на сию добрую и благочестивую старушку с сестрами ее особенное Ваше внимание и оказать ей пособие в поддержании общежития в обители ее, о котором и в указе Св. Синода упомянуто»³¹⁰.

О высочайшем вкладе в обитель матушка донесла епископу отдельным рапортом от 10 ноября, приложив к нему копии рескриптов и описей подаренного.

Пожертвование было сделано в 1821–1822 гг. От щедрот императора Александра I монастырь получил крестовую бархатную ризницу и напρεстольную одежду, от императрицы Елизаветы Алексеевны — серебряные с позолотой сосуды «со всем потребным к тому прибором», а от вдовствующей императрицы Марии Федоровны — Евангелие и крест. Уральские церкви и монастыри не столь часто получали высочайшие дары, и Пермская консистория, явно по

---

³⁰⁹ Цит по изд.: Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1910. № 7. Отдел неофиц. С. 163.

³¹⁰ Там же. С. 163–164.

желанию матушки Таисии, решила организовать высокотожественную церемонию их встречи в Екатеринбурге: «Драгоценная утварь, от щедрот монарших пожалованная Ново-Тихвинской женской обители, яко дар по редкости своей весьма важный, долженствует быть внесена в обитель с подобающим благоговением и приличною священною церемониею»³¹¹.

Торжество было назначено на 12 декабря — день рождения императора Александра I. О предстоящем шествии протоиерей Николай Вологодский известил горного начальника Екатеринбургских заводов Осипа Самсоновича Осипова, управа благочиния — чиновников и граждан, Екатеринбургское духовное правление — городское и уездное духовенство ближайших к городу церквей.

Состоявшееся в назначенный день шествие, в котором монархии дары, монастырские святыни, хоругви и иконы всех городских церквей несли 34 священника, диакона и причетника, за которыми шли игуменья с некоторыми монахинями, чиновники, горожане и «множество народа», с колокольным звоном и пушечной пальбой, пением хора певчих Горного ведомства, молебнами и речами, торжественной трапезой и иллюминацией монастыря так впечатлили присутствующих, что решено было составить описание этой церемонии и послать его не только епископу и Синоду, но и самой императорской семье. Позже, с появлением на Урале периодической печати, это описание было дважды опубликовано (второй раз — к 80-летнему юбилею возведения обители в I класс, в 1902 г.). Эта выразительная картина церковного празднества приводится нами в приложении 4.

27 сентября 1824 г. сестры были почтены визитом императора Александра I, который в знак глубокого почтения при выходе из келейной игуменьи Таисии поцеловал руку одной из престарелых насельниц обители³¹².

---

³¹¹ Там же. С. 164–165.

³¹² *Иконников В.* Указ. соч. С. 32–34.

Глава 5. Наследие игуменьи Таисии

Игуменья Таисия активно продолжала обустройство обители. В 1823 г. в монастыре были заложены сразу три церкви: надвратная в честь Введения во храм Пресвятыя Богородицы, во имя св. преподобного Феодосия Тотемского³¹³ и больничная во имя иконы Божией Матери Всех скорбящих Радость. 5 сентября 1823 г. каменная монастырская часовня была освящена в церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы и Всех Святых. Церемония специально была приурочена ко дню тезоименитства императрицы Елизаветы Алексеевны. Торжество было продумано до мелочей, вплоть до приглашения оказавшихся в городе высоких чиновников и распечатки билетов³¹⁴.

В 1824 г. постройки активно продолжались: возводилась Александро-Невская церковь, два двухэтажных жилых корпуса, которые должны были вместе с Феодосиевской, Введенской и Скорбященской церквями составить единый фасад монастыря. Планы матушки на 1825 г. тоже были велики: она хотела закончить, согласно утвержденному плану, каменную стену вокруг монастыря и кладбища, построить дом для вдов и сирот, два дома для монастырских слуг, гостиницу³¹⁵.

Для построек нужны были различные материалы, хлопотать о которых матушка предпочла перед самим императором. Высочайшим повелением было предписано выделять до 10 тысяч пудов извести и 100 сажений камня в год до окончания предусмотренных планом строений, а также по 300 руб. в год на прочие строительные потребности, о чем и было сообщено 6 декабря 1824 г. графом Аракчеевым министру финансов. Граф не преминул посетовать, что игуменья

---

³¹³ Для женских монастырей было характерно освящение храмов в честь Пресвятой Богородицы (Рождество Пресвятой Богородицы, Введение во храм, Успение, Покров). Закладка в монастыре храма в честь св. преп. Феодосия Тотемского, почитание которого было менее распространено, объясняется событием в истории Ново-Тихвинского монастыря, описанном в 1826 г. его насельницами в эпитафии игуменни Таисии: при закладке в 1797 г. жилого корпуса для насельниц кладбищенской богадельни Татьяне Костроминной было видение: всадник на белом коне, который подал ей свиток с изображением Феодосия (тогда еще не причисленного к лику святых) со словами: «Прими, мать Татьяна, строителя сего». Обратившись ко всем присутствовавшим, всадник трижды повторил: «Усердствуйте строителю сему» — и исчез (Жития святых... С. 761–763).

³¹⁴ РГИА. Ф. 535. Оп. 1. Д. 26. Л. 48–54 об.

³¹⁵ Иконников В. Указ. соч. С. 28–29.

«утруждала Государя Императора всеподданнейшею своею просьбою», которая, вероятно, в столице казалась пустяшной, но император, «снисходя на прошение сие, Высочайше повелеть соизволил»³¹⁶.

Этим же указом повелевалось выделить монастырю 30 десятин земли для скотоводства и отпускать ежегодно медикаменты из казенной аптеки, вычитая за последние 56 руб. 50 коп. из штатной суммы, а также назначалась прибавка в 400 руб. к штатной сумме на жалование причта обители, увеличившегося благодаря освящению новой церкви³¹⁷.

Иногда монастырь получал и достаточно крупные пожертвования от частных лиц, что говорит, несомненно, об авторитете обители среди местных жителей. Так, в 1826 г. купеческая жена Татьяна Кушпелева пожертвовала монастырю вексель на 5000 руб.³¹⁸ Большинство же пожертвований на монастырь составляли суммы небольшие, собираемые насельницами во время крестных ходов, которые продолжались по Пермской епархии, а также во время поездок за жертвованиями в более отдаленные регионы. Так, с 1822 по 1826 гг. монахиня Дорофея собирала пожертвования на монастырь в Иркутской губ., в 1826 г. монахиня Аполинария и рясофорные послушницы Анисия и Надежда ездили в Вятскую и Оренбургскую епархии с целью продажи монастырских изделий. В 1826 г. сестры испросили сборную книгу на сбор подаяний для возмещения долга за покупку нового колокола «во все города» на три года³¹⁹.

Но не только финансовые хлопоты занимали игуменью Таисию. Жизнь монастыря была полна своими радостями и текущими проблемами.

Матушка не зря возила в столицу семерых насельниц для обучения рукоделиям. Изделия новотихвинских сестер получили спрос на Урале. Так, в 1826 г. сестры изготавливали две плащаницы: одну для Пермского кафедрального собора, стоимость которой оценили в 2200 руб., а другую — для Верхотурского Николаевского монастыря, стоимостью 1000 руб. Плащаницы изготавливали из бархата с гранетуровым подкладом, с украшением кистями и бахромой, вы-

---

³¹⁶ РГИА. Ф. 815. Оп. 16. Д. 881. Л. 4–4 об.; Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 210–214.

³¹⁷ Там же. *Штейнфельд Н. П.* Указ. соч. С. 11. В 1826 г. Пермская казенная палата отказалась впредь до разъяснений выплачивать прибавочную сумму на духовенство, поскольку указ предписывал разовую выплату. Чем закончилось это преприятельство – неизвестно (ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 534. Л. 50 об.).

³¹⁸ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 534. Л. 2 об.; Ф. 6. Оп. 2. Д. 452. Л. 28 об., 31 об., 56.

³¹⁹ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 534. Л. 3 об., 33, 37 об.

шивкой золотом и серебром, с применением камней и жемчуга. Плащаницей для Пермского собора занимались пятнадцать сестер. Необходимые материалы выписывали из разных мест, хорошо зная центры их производства³²⁰.

Игуменья Таисия спешила сделать для монастыря все что могла. Здоровье ее ухудшалось. Уже в апреле 1825 г. она с трудом передвигалась и, по-видимому, так и не смогла потом оправиться от «болезненных своих недугов». В такой ситуации дела управления должны были все в большей степени ложиться на казначею монастыря, но ею в это время была монахиня Пулхерия³²¹, которая тоже находилась в болезненном состоянии, и матушке Таисии в марте 1826 г. с согласия старших сестер пришлось просить епископа Пермского Дионисия о назначении другой казначеи. Сестры остановили свой выбор на монахине Александре, которая и приступила к обязанностям в мае 1826 г.³²²

Екатеринбургский Ново-Тихвинский монастырь к середине 20-х гг. XIX в. уже вполне сформировался как обитель, имеющая своеобразный общежительный уклад жизни, крепкая своим хозяйством и трудами сестер, отличающаяся многочисленностью насельниц, известная своими святынями.

Нет сомнений, что своим учреждением монастырь во многом был обязан именно неординарности Татьяны Костроминой — игуменьи Таисии. Ей это стоило больших трудов, и из 30 лет пребывания во главе общины сестер (с 1796 до кончины в 1826 г.) более 8 лет она вынуждена была провести вне стен своей обители — в паломничествах и деловых поездках. Зато по возвращении в Екатеринбург матушка чувствовала себя гораздо увереннее благодаря поддержке влиятельных лиц, а потому смело отстаивала интересы обители во взаимоотношениях с местными городским обществом или духовным начальством (Екатеринбургским духовным правлением, Пермской консисторией). И местное общество, помнившее тихих и нищих сестер из кладбищенской сторожки, постепенно привыкало видеть в обители самостоятельный монастырь, имеющий свои права по законам и монастырскому уставу.

---

³²⁰ Там же. Л. 3 об., 16 об., 66 об. — 67, 118–119.

³²¹ Вероятно, казначея Пулхерия — это дочь дьякона Димитриева Агрипина Александровна, 1767 г. рождения, облаченная в рясофор с именем Назарета в 1814 г. и принявшая постриг с именем Пулхерия в феврале 1822 г. (ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1370. Л. 2–11 об.; Д. 1524. Л. 2–15).

³²² ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 534. Л. 23 об., 36; Ф. 6. Оп. 2. Д. 450. Л. 56.

Правила иноческой жизни, введенные матушкой Таисией, на многие десятилетия вперед стали основой существования обители. Уважение к ней передавали последующим поколениям насельниц те сестры, которые пришли в монастырь при его основательнице. Так, в 1861 г. из 272 монахинь, рясофорных послушниц и послушниц официально причисленных к сестричеству (т. е. из уже испытанных в иноческой жизни сестер) 82 (30%) пришли в монастырь при Таисии, причем из монахинь — половина (62 из 125)³²³. Такая стабильность состава, несомненно, признак хорошего душевного климата, заложенного в монастыре при матушке Таисии, крепости монастырских традиций.

Некоторые насельницы, пришедшие в обитель при игуменье Таисии, прожили вплоть до середины 80-х годов XIX в. Именно они несли традиции иночества, заложенные основательницей. Так, в 1884 г.³²⁴ в обители еще жила монахиня Феофания (Климина), поступившая в монастырь в 1814 г. в возрасте 22-х лет, родом из семьи непременных работников Арамильского участка Екатеринбургских заводов. Постриг она приняла в 1841 г., к 60-м годам уже пребывала на покое по старости и слабости здоровья³²⁵. Еще одной из старейших насельниц в 1884 г. была монахиня Крискентия (Пестова), пришедшая в обитель в 1819 г. и впоследствии ставшая начальницей Колчеданской женской общины³²⁶.

Редким долголетием отличалась монахиня Филонида Яковлева. В монастырь она пришла в 1820 г. в возрасте 34-х лет, в 61 год приняла монашеский постриг, а в 98 лет была облачена в схиму с именем Феврония. Родом она была из крестьян Тихоновской волости Осин-

---

³²³ Матушка Таисия в последние годы жизни стремилась получить разрешение на постриг в монашество или хотя бы на облачение в рясофор ряда сестер обители. Так, известно, что в 1822 г. она ходатайствовала о 10 насельницах, в 1825 — о 13 (ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1524. Л. 2–15; Д. 1594. Л. 2–16). Сохранилось напутствие матушки одной из насельниц — Параскеве Боголюбовой, отправленной в Далматовский Успенский монастырь для принятия пострига в 1825 г.: «Тебе, любезная о Господе сестра Параскева, благословение мое. Желаю тебе принять ангельский образ с радостью безоговорочно» (ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1594. Л. 14).

³²⁴ К сожалению, сохранились сведения о насельницах монастыря лишь за отдельные годы. Так, после ведомости монашествующих 1884 г. мы располагаем лишь ведомостями 1912–1913 гг. В них, естественно, современницы матушки Таисии уже не значатся.

³²⁵ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 4 об. – 5, 33 об. – 34, 70 об. – 71, 132 об. – 133, 192 об. – 193, 249 об. – 250, 332 об. – 333, 428 об. – 429, 502 об. – 503, 1297 об. – 1298; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 10 об. – 11.

³²⁶ О ней см. ниже, с. .202.

ского уезда Пермской губ., в 1861–1866 гг. несла послушание по чтению псалтири и вязке чулок, позже жила на покое по старости и слабости здоровья³²⁷. Столь же скромные послушания по чтению псалтири и вязке чулок несла в 60–70-е годы XIX в. монахиня Олимпиада Трегубова, пришедшая в монастырь в 1822 г. в возрасте 16-ти лет. В середине 80-х годов она уже пребывала на покое³²⁸.

Прожила вплоть до середины 80-х годов XIX в. Анна Васильевна Менщикова, отданная в монастырь в 1823 г. еще ребенком (четыре или шесть лет). Родом она была из крестьян Кишкинской волости Верхотурского уезда Пермской губ. В монастыре она научилась грамоте, пению, рукоделиям. В 1866 г. приняла постриг с именем Анимаиса. В 60-е годы несла послушания певчей монастырского хора и в золотошвейной мастерской, в 1870–1877 гг. занималась чтением псалтири и вязкою чулок, с 1878 по 1884 гг. несла послушание при церкви на Елизаветинской заимке. Настоятельницы отмечали ее способности и усердие к послушанию³²⁹.

Некоторые из современниц матушки Таисии долгое время несли административные послушания в обители. Так, монахиня Анастасия Черноскутова, пришедшая в монастырь в 1823 г. в возрасте 23-х лет, родом из семьи неперменного работника Арамилевского участка Екатеринбургских заводов, в 1846 г. приняла постриг, в 1861–1869 гг. была экономкою и занималась организацией заготовки строевого леса и дров для обители, и только в 70 лет перестала нести послушания по причине слабости здоровья. Она еще жила в монастыре в 1884 г.³³⁰

Пришедшая двумя годами позже 29-летняя крестьянская девица Крутихинской волости Шадринского уезда Пермской губ. (впоследствии монахиня Еротиида Лисьих, мирское имя не указано)

---

³²⁷ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 3 об. – 4, 33 об. – 34, 70 об. – 71, 132 об. – 133, 188 об. – 189, 247 об. – 248, 330 об. – 331, 426 об. – 427, 500 об. – 501, 1288 об. – 1289; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 7 об. – 8.

³²⁸ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 8 об. – 9, 38 об. – 39, 75 об. – 76, 136 об. – 137, 189 об. – 190, 247 об. – 248, 330 об. – 331, 427 об. – 428, 500 об. – 501, 1297 об. – 1298; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 8 об. – 9.

³²⁹ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 9 об. – 10, 39 об. – 40, 76 об. – 78, 139 об. – 140, 194 об. – 195, 252 об. – 253, 336 об. – 337, 431 об. – 432, 467 об. – 468, 868 об. – 869, 1164 об. – 1165, 1232 об. – 1233, 1292 об. – 1293; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 13 об. – 14.

³³⁰ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 3 об. – 4, 33 об. – 34, 70 об. – 71, 132 об. – 133, 185 об. – 186, 244 об. – 245, 327 об. – 328, 424 об. – 425, 497 об. – 498, 1296 об. – 1297; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 5 об. – 6.

в 1864–1873 гг. была помощницей экономки на Елизаветинской заимке, позже, вплоть до 1884 г., проживала на покое³³¹.

Застала в живых матушку Таисию и крестьянская девица из Петропавловской волости Шадринского уезда Пермской губ. (впоследствии монахиня Митродора Баженова, мирское имя не указано). Она пришла в обитель в 1826 г. в возрасте 20 лет, и проживала вплоть до середины 80-х годов. В 1861–1866 гг. занималась шитьем церковных вещей, в 1869–1870 гг. была исполняющей должность ризничей, потом два года болела, в 1873 г. была назначена старшей в келарне, но по причине слабого здоровья несла это послушание недолго: уже в 1877 г. (возможно, и несколькими годами ранее) пребывала на покое³³².

Помнили о своей землячке, основавшей монастырь, и жители Верх-Исетского завода и Березовских приисков³³³. Иногда появлялись «Костромины» — родом из семей мастеров Верх-Исетского завода или из крестьянских семей Верх-Исетской и Арамильской волости, вероятно, родственницы матушки Таисии. Так, вплоть до своей кончины в июне 1871 г. жила в обители монахиня Вера Костромина, поступившая еще в 1816 г.; в 1855 г. в обитель пришла Мария Петровна Костромина; в 1866 г. — Параскева Васильевна, в 1874 — Феодосия (принявшая постриг с именем Иоанна), в 1888 г. — Елена Григорьевна, в 1904 — Татьяна Михайловна³³⁴. Большинство из них появлялись в обители в возрасте от 5 до 16 лет и, вероятно, принимали их как малолеток в память об основательнице монастыря.

---

³³¹ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 7 об. – 8, 36 об. – 37, 73 об. – 74, 135 об. – 136, 186 об. – 187, 245 об. – 246, 328 об. – 329, 424 об. – 425, 498 об. – 499, 771 об. – 772, 871 об. – 872, 414 об. – 415, 1026 об. – 1027, 1108 об. – 1109, 1168 об. – 1169, 1226 об. – 1227, 1296 об. – 1297; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 6 об. – 7.

³³² ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 7 об. – 8, 36 об. – 37, 73 об. – 74, 135 об. – 136, 186 об. – 187, 245 об. – 246, 328 об. – 329, 424 об. – 425, 498 об. – 499, 773 об. – 774, 878 об. – 879, 1109 об. – 1110, 1170 об. – 1171, 1226 об. – 1227, 1297 об. – 1298; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 6 об. – 7.

³³³ Историк Березовского завода А. Топорков зафиксировал рассказы старожилов о том, что после подавления возмущения мастеровых этого завода они подали жалобу «на имя императрицы (вероятно, Марии Федоровны, матери Императора Александра I-го) через екатеринбургскую игуменью Таисию, которая ездила в то время по своей надобности в Петербург, — в том предположении, что эта жалоба дойдет до Императора» (см.: *Топорков А.* Указ. соч. С. 72). Если это так, то матушка ходатайствовала о земляках в 1820 г.

³³⁴ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 10 об. – 11; 27 об. – 28; Д. 443. Л. 2, 18 об.; Д. 719. Л. 143 об. – 144, 187 об. – 188, 240 об. – 241; Д. 731. Л. 142 об. – 143, 185 об. – 186, 241 об. – 242; ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 123 об., 128, 350 об. – 351, 367 об., 372, 398, 406, 444 об. – 445.

«Несогласие» среди насельниц

Однако долгое отсутствие настоятельницы, ее болезнь в последние годы, не позволявшая столь же бдительно направлять духовную жизнь сестер, все-таки сказывались на климате в обители. К тому же монастырь в середине 20-х годов XIX в. оставался единственным женским в епархии, и по церковной традиции в него отправляли на покаяние – епитимию женщин, совершивших те или иные проступки, караемые по церковному суду. Было их в монастыре немного, но их присутствие доставляло хлопоты и неприятности³³⁵. Пересуды в городе вызывала иногда и излишняя доверчивость сестер. Так, в 1825 г. в монастыре обнаружили беглого крестьянина Ивана Самохвалова, проникшего в обитель под видом «городивой девки»³³⁶. Иногда игуменье не удавалось достичь взаимопонимания и с некоторыми сестрами³³⁷.

Матушка скончалась после тяжелой болезни в первом часу с 4 на 5 ноября 1826 г. Свою скорбь по матушке-основательнице сестры выразили в написанной в том же году двухчастной картине-эпитафии, изображающей прощание с игуменьей и ее погребение возле Успенской церкви. Она долгие годы хранилась в запасниках Свердловского областного краеведческого музея, а сейчас ее можно увидеть в Александро-Невском монастырском храме. В написанных на картине строках плача насельниц по скончавшейся игуменье есть такие слова:

«О, достопамятная мать Таисия, не видим ныне подобных тебе. Воистину была еси земной ангел, небесной человек. О лоза истинная, о леторосля³³⁸ масличная, о изюмрюта³³⁹ самоцветная, твоими неусыпными потоми и многими трудами преславно процвела пустыня сия, яко крино³⁴⁰ Господне. О горлица богогласная, голубица кроткая,

---

³³⁵ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 534. Л. 85 об. – 86 об.

³³⁶ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 450. Л. 43, 58.

³³⁷ Так, в конце 1824 г., по словам рясофорной послушницы Паисии, матушка выгнала ее из обители (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 450. Л. 72–72 об.). Монахиня Персида в 1833 г. заявляла, что еще при жизни матушки Таисии просила епископа Дионисия перевести ее в другой монастырь (Материалы для истории Екатеринбургского монастыря... 1910. № 7. Отдел неофиц. С. 174–175). Известно, что в декабре 1824 г. екатеринбургская монахиня Персида действительно была оштрафована за неправильное оформление прошения, поданного на имя епископа (ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 447. Л. 203). Возможно, монахиня Персида – это дочь священника Гуляева Пелагия Васильева, облаченная в рясофор в марте 1814 г. с именем Павла, ставшая одной из первых монахинь Екатеринбургского монастыря с именем Персида в сентябре 1814 г. Ко времени пострига она уже прожила в общине не менее трех лет и достигла 50-летнего возраста (ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1370. Л. 2–11).

³³⁸ Ветвь.

³³⁹ Изумруд.

³⁴⁰ Лилия.

тихая, незлобивая, чадолюбивая, мати Таисия, ныне во гробе полагаешься, оставляеши нас, ча[д] своих, сирых. О, придите, любящи матерь сию, восплачьте с нами, и горко возрыдаем, и бием в перси своя. О, колебайся здание сие, видим строительницу бездыханну, во гробе лежашу. О дерева, насажденные приснопамятной матерью сей, приклоняйтесь с нами. В сей час закрывается облаком воссиявшая заря и закатается восточная звезда. Дражайшей нашей матери предается тело ея земли. О, горесны, како разлучимся zde. О, претекайте ко гробу сему, насладимся взором от ангельского лица ея. О ангеловидная образоносица³⁴¹, матерь Таисия по смерти своей пятидневное время не изменила ангельского лица своего. О, крайнее сие удивление любви, прострем [засыпан]ную землю теплые ручки ея, прольем реки слез своих, духовно целуем последним целованием. О юные девицы, помните ласку [и] любовь матери своей. Посылайте теплые молитвы к престолу вышнему [за] упокоение души ея. Лейте пред Господом духовные слезы, лейте...

О, Пресвятая Владычица, Богородица... буди нам Покров и Заступница, Твое бо [сие] святое обиталище. Не остави нас, сирых. [Выбери] нам из среды сестер духовную мать игумению. На Тя надеемся, сохрани нас и о[битель] сию Твоим... ограждением, и ныне, и присно, и во веки»³⁴².

После кончины игумении Таисии, безусловного духовного лидера монастыря, проявились и некоторые прежде тлевшие внутренние несогласия.

13 ноября казначея Александра и ее помощница Серапиона, а также монахини Марфа, Венедикта и Серафима³⁴³ донесли епископу Пермскому Дионисию о кончине настоятельницы и о том, что она при жизни поручила именно им управление монастырем, дав письменные разрешения, копии которых они и представили епископу.

18 ноября Пермская консистория издала указ, согласно которому о смерти матушки епископ должен был донести в Синод «по уважению тому, что Екате[ринбургский] Новоти[хвинский] монастырь есть общежит[ельный] и первокла[ссный] и покойная игумения Таисия взыскана была высочайшими наградами оному мо[настырю] данными и лично ей пожалованным золотым крестом для ношения на перс[ях]

---

³⁴¹ Подобная ангелам.

³⁴² Текст приводится по книге: Жития святых... С. 789.

³⁴³ Монахиня Серапиона — это, вероятно, крестьянская девица Васса Ивановна Патрушева, жившая в обители с 1800 г. и принявшая постриг в феврале 1822 г. Монахиня Венедикта — вероятно, мещанская вдова Елизарова Пелагия Дмитриевна, принявшая постриг 15 марта 1825 г. (ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1524. Л. 2–15; Д. 1594. Л. 2–16).

сих 1820-го генваря 18 дня». Синод должен был, согласно существующему законодательству, распорядиться этим золотым крестом.

Остальные предписания консисторского указа касались насельниц Екатеринбургской обители. Епархиальное начальство повелело до определения в монастырь новой настоятельницы с игуменским саном управлять избранным самою матушкой Таисиею сестрам, поставив в «непременную обязанность» сохранение всей монастырской документации, имущества и казны. Далее насельницам было предписано в силу монастырского устава, о котором так заботилась матушка Таисия, на ее место «по произванию благословения Божия и благоверно избрать из среды их самих достойну[ю], постриженную по указу Святейшего Пра[вительствующего] Синода монахиню по общему и единому всех согласию и желанию и при трех членах Екатеринбург[ургского] духовного правления», и выбор за подписями этих трех членов прислать в консисторию незамедлительно³⁴⁴. Консисторский указ в монастыре получили 30 ноября.

Между тем в обители бушевали страсти. Еще 18 ноября Екатеринбургское духовное правление постановило отправить в монастырь члена правления священника Якова Воронина, чтобы «Ново-Тихвинского монастыря сестрам в согласии их между собою сделать увещание, дабы они жили в тишине и согласии, как правила святых отец повелевают». Это постановление было принято в ответ на обращение казначеи монахини Александры со старшими сестрами, просившими прибыть кого-либо из членов правления для распечатывания казенной кельи, объявления сестрам резолюции епископа (о временном заведении обителью выбранными матушкой Таисией сестрами, надо полагать) и для «удержания от буйственных поступков монахини Анфисы с ее сообщницами»³⁴⁵.

В тот же день правление заслушало и рапорт монастырского священника Павла Попова о том, что «буйство сестр происходит от неповиновения власти над ними определенной, о чем и бывшая настоятельница неоднократно за сие отрешала от возложенных на них должностей». Правление постановило донести об этом епископу «на следующей же почте»³⁴⁶.

Число недовольных было невелико. Кроме рясофорной монахини (точнее, рясофорной послушницы) Анфисы, называемой всеми зачинщицей беспорядков, в доношениях указывались старшие монахини

---

³⁴⁴ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 534. Л. 100–102 об.

³⁴⁵ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 452. Л. 151–151 об.

³⁴⁶ Там же. Л. 151 об.

Серрапиона, Агния, Смарагда, Амфилохия и Персида³⁴⁷ «с послушницами их»³⁴⁸, то есть в общей сложности человек 11 (даже настоятельницы обычно имели при себе по одной послушнице-келейнице в услужении, так что и у старших сестер их было, надо полагать не более).

Вероятно, конфликт тлел уже давно. Впоследствии казначея Александра указывала, что в материальном плане недовольные сестры всегда были «всем потребным удовлетворяемы», а «ищут они единственно места настоятельницы назад тому уже с 1819 года, о чем и по делам как монастырским, так и духовной консистории известно»³⁴⁹. Вероятно, начало конфликта неслучайно связано с 1819 г. — временем последнего отъезда игуменьи Таисии в Петербург, когда и зародились честолюбивые планы некоторых монахинь, рассчитывавших, что управление будет поручено им, как дольше всех живущим в монастыре. Однако матушка Таисия при отъезде оставила обитель на казначею монахиню Митрополию³⁵⁰, а по возвращению из Петербурга (и вероятно, по кончине или болезни монахини Митрополии) новой казначеей была избрана монахиня Пулхерия, а после снятия с нее этого послушания по причине болезни — монахиня Александра, которая жила в монастыре с 1811 г. и приняла постриг в 1824 г. Ко времени кончины матушки Таисии монахине Александре было 34 года³⁵¹, и некоторые из старожилов монастыря, вынесшие на своих плечах тяготы первых, наименее обеспеченных лет существования монастыря, пришедшие в обитель раньше Александры, увидели в таком предпочтении Таисии обиду себе и возымели на монахиню Александру «неудовольствие за то, что она, [будучи — *М. Н.*] моложе их

---

³⁴⁷ Установить биографические данные недовольных насельниц точно не удастся. Известно, что некая рясофорная послушница Анфиса жила в монастыре уже в 1814 г. и тогда же игуменья Таисия просила разрешение на ее постриг в монашество, которое и было получено. Сведений о том, совершен ли был постриг Анфисы в монашество, не имеется, и нет достаточных оснований считать, что именно она стала зачинщицей беспорядков в 1826 г. Монахиня Смарагда — вероятно, крестьянская девица Патрушева Стефанида Иванова, принявшая постриг в марте 1825 г. (ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1370. Л. 2–11 об.; Д. 1594. Л. 2–16). О монахине Персиде см. выше с. 141.

³⁴⁸ Материалы по истории Екатеринбургского монастыря... 1910. № 7. Отдел неофиц. С. 168.

³⁴⁹ Там же. С. 173–174.

³⁵⁰ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2193. Л. 23 об. Монахиня Митрополия — давняя помощница игуменьи Таисии Агафья Котугина, облаченная в рясофор с именем Августа в 1812 г. и постриженная в монашество с именем Митрополия в апреле 1822 г. Подробнее о ней см. выше, с. 30, 33, 34, 59, 69, 83, 110.

³⁵¹ *Иконников В.* Указ. соч. С. 35.

и меньше их трудившаяся по монастырю, удостоена звания настоятельницы и игумении»³⁵².

30 ноября 1826 г., как только в Екатеринбурге был получен консисторский указ о выборах новой настоятельницы согласно уставу монастыря, Екатеринбургское духовное правление по просьбе монахини Александры постановило отправить на выборы трех своих представителей для надзора за порядком³⁵³.

1 или 2 декабря в обители состоялись выборы. Проходили они бурно, поскольку недовольные проявили большую активность по составлению «приговоров» об избрании настоятельницей монахини Серапионы, а казначеей – рясофорной послушницы Анфисы, и по сбору под этими «приговорами» подписей. Унять беспорядки не помогло и присутствие членов Екатеринбургского духовного правления³⁵⁴.

После выборов Пермская консистория получила массу доношений и рапортов: от монахини Александры и поддерживавших ее старших сестер о беспорядках и принуждении к выборам Серапионы и Анфисы, от самих непокорных монахинь — об их нежелании быть под властью Александры и о нарушениях финансовой отчетности в обители, от благочинного монастырей архимандрита Афанасия — копии полученных им от Александры донесений.

9 декабря консистория издала указ, полученный в обители 13-го числа. Согласно указу, члену духовного правления священнику Иакову Воронину и священнику Сошествиевской церкви Стефану Капустину было поручено:

«во-первых, водворить в Екатеринбургском Ново-Тихвинском девищем монастыре порядок, тишину и подчиненность между сестрами;

потом второе, буде действительно не имеется в помянутом монастыре приходо-расходных книг о денежной казне и описей церковному и монастырскому имуществу, в таком случае при всех сестрах означенного монастыря или при старших токмо по доверию всех, распечатав ящики, запечатанные сестрами, все имущество, как церковное, так и монастырское, равно денежные суммы приведа в точную известность, описать надлежащим образом;

---

³⁵² Материалы по истории Екатеринбургского монастыря... 1910. № 7. Отдел неофиц. С. 171.

³⁵³ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 452. Л. 158 об.

³⁵⁴ Материалы по истории Екатеринбургского монастыря... 1910. № 7. Отдел неофиц. С. 167.

третье, об изъясненных в вышеупомянутых бумагах беспорядках произвести розыскание с открытием зачинщиц и главных участниц тех беспорядков;

четвертое, удостовериться чрез личный спрос всех монашествующих сестр и белиц [о том], кого именно они избирают к управлению монастырем и кого в казначеи.

И таким образом избранным со общего согласия сестрам, буде оне по их, следователей, понятию и сведениям к понесению сих должностей способны и доверия достойны, все церковное и монастырское состояние, приведенное в известность, а равно и денежные суммы передать по согласию сестр в сохранение, распоряжение и их ответственность под собственноручные их расписки»³⁵⁵.

Для расследования в монастырь была назначена комиссия из четырех человек: священник Иаков Воронин, благочинный Василий Вологодский, духовник монастыря Павел Попов и священник Стефан Капустин, которым было велено о результатах следствия отрапортовать епископу, а также произвести должное увещевание сестер о повиновении монахине Александре и избранным игуменьей Таисией сестрам «впредь до рассмотрения во свое время обстоятельств сего дела»³⁵⁶.

Насельницы не согласились допустить к следствию своего духовника священника Попова, сочтя его лицом заинтересованным, поскольку он вместе с монахиней Александрой уже сообщил ранее о беспорядках в консисторию; не пожелали видеть в составе комиссии и священника Воронина, но епископ настоял на его участии. Вместо Попова владыка назначил священников Сильвестрова и Константина Гаряева³⁵⁷.

Выводы комиссионеров о правомочности выборов были представлены епархиальному начальству и далее в Синод, который 20 апреля 1827 г. своим указом утвердил назначение монахини Александры новой настоятельницей Ново-Тихвинского монастыря с возведением в игуменский сан. В мае указами Пермской консистории об этом постановлении было доведено до сведения насельниц обители, всех духовных правлений епархии и местных светских органов власти³⁵⁸.

---

³⁵⁵ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 534. Л. 105 об. – 107 об.

³⁵⁶ Там же. Л. 107 об.; Ф. 6. Оп. 2. Д. 452. Л. 171–171 об.

³⁵⁷ Материалы по истории Екатеринбургского монастыря... 1910. № 7. Отдел неофиц. С. 168; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 454. Л. 21 об.

³⁵⁸ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 85. Л. 227–227 об.; Ф. 109. Оп. 1. Д. 37. Т. 1. Л. 248–248 об.; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 454. Л. 60 об.; Материалы по истории Екатеринбургского монастыря... 1910. № 7. Отдел неофиц. С. 168.

15 июля того же года она была возведена в сан игуменьи епископом Дионисием в Пермском кафедральном соборе.

Монахиня Александра (в миру Анастасия Ивановна³⁵⁹), родилась 29 октября 1792 г. в небогатой крестьянской семье в селе Стриганском Ирбитского уезда Пермской губ. Отец ее, помимо хлебопашества, занимался ямской гоньбой во время Ирбитской ярмарки. Настасья Ивановна узнала о монастыре во время крестного хода, пришедшего из Екатеринбургской обители в ее родное село в 1811 г., и в том же году поступила в эту обитель в возрасте 19 лет. Историк В. Иконников так описывал обстоятельства ее поступления, явно рассказанные насельницам монастыря самой монахиней Александрой: «Когда монахини и певчие белицы находились с этими святынями [Тихвинской иконой Божией Матери и ковчегом со святыми мощами — *М. Н.*] в Стриганском селе, тогда Настасья Ивановна, узнав по рассказам сестер монастырскую жизнь в Екатеринбургской обители, возымела решительное желание поступить в оную, потому что и раньше, дома привыкла вести уединенную, скромную жизнь труженицы-тканицы и крестьянки-работницы. Отец не отпускал свою дочь в монастырь. Тогда Настасья Ивановна стала просить местного писаря о выдаче ей билета на проживание в монастыре. Писарь принял участие в затруднительном положении просительницы, приготовил для нее билет и сумел убедить ее отца отпустить дочь в Екатеринбургскую обитель»³⁶⁰.

Еще в миру она славилась как искусная ткачиха, умевшая ткать разные узорчатые ткани, «отличалась кротким нравом, строгим поведением и трудолюбием» и, поступив в обитель, исполняла разные послушания, в том числе 11 лет руководила ткацкой мастерской, около года была благочинной монастыря и еще год до назначения настоятельницей была казначеей³⁶¹.

Во время пребывания в Перми ради возведения в игуменский сан в июле 1827 г. матушка Александра, озабоченная продолжающимся несогласием в обители, испросила благословение епископа Дионисия на преподавание катехизиса в монастыре, видя в этом средство улучшения нравственного климата. Епископ «радостно благословил» начинание, возложив его на священника Екатеринбургской Воскресенской церкви Иакова Воронина, который должен был заниматься такими беседами «в свободное от должности время» и признан был

---

³⁵⁹ Возможно, что ее фамилия была Неустроева (см. ниже, с. 178).

³⁶⁰ *Иконников В.* Указ. соч. С. 35.

³⁶¹ Там же. С. 35–36.

матушкой Александрой достойным этого поручения. Священник Воронин и ранее уже «увещевал» сестер по приказу Екатеринбургского духовного правления, членом которого являлся, и дал согласие читать катехизис насельницам³⁶².

Матушка верила в силу духовных наставлений и сама всеми силами пыталась водворить в монастыре тишину, выясняя в беседах с непокорными сестрами причину их противодействия. К тому же главный инициатор беспорядка – рясофорная послушница Анфиса к маю 1827 г. уже скончалась. Игуменья Александра в апреле 1828 г. рапортовала в Пермскую консисторию:

«1. Главная зачинщица сих беспорядков была рясофорная монахиня Анфиса, как сие сделалось после ее кончины известным, ибо руководимые ею старшие сестры монахини Серапиона, Агния, Смарагда, Амфилохия и Персида с послушницами их объявили, что они, быв убеждены ею к подписанию всех составляемых бумаг для подачи начальству не признавать Александру, тогда еще казначею, и не доверять входить в распоряжение обителью, якобы не имеющей от покойной игуменьи Таисии на то письменного благословения, чему они до получения от высшего начальства повеления о определении новой игуменьи ей, Анфисе, верили и тем самым были по простодушию их склонимы в показанное о беспорядках дело.

2. Когда после умершей Анфисы выслушали оне указ, полученный из Св[ятейшего] Синода, прописанный в таковом же Пер[мской] д[уховной] к[онсисто]рии [указе — М. Н.] от 17 мая 1827 года об определении настоятельницы Александры во игумении и о совершенном ей повиновении, тогда все сестры единогласно подписались в надлежащем исполнении оногo.

3. После сего, узнав главную зачинщицу беспорядков монахиню Анфису, новая игумения по вступлении в настоящее распоряжение обители приняла все меры осторожности отклонить ее беспорядки и вывести вышеписанных сестер из заблуждений кроткими советами и приличным сану игумении обхождением и об них попечением, а равно советами преподавания катехизиса священника Иакова Воронина, что впоследствии времени с помощью Божию успела. И они, принеся игумении совершенное повиновение, получили при означенных комиссионерах прощение. Таким образом, устроая в обители благосостояние и порядок между сестрами, ныне находит в них одно царствующее согласие, мир и тишину». Матушка просила ликвидировать

---

³⁶²Материалы по истории Екатеринбургского монастыря... 1910. № 7. Отдел неофиц. С. 169; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 452. Л. 151–151 об.; Д. 454. Л. 104.

комиссию по расследованию инцидента в монастыре, считая ее функции выполненными.

В консистории рапорт рассмотрели в начале мая 1828 г. и постановили потребовать от членов комиссии подробное донесение о результатах их следствия.

Комиссионеры в начале августа прислали в консисторию свое мнение о ситуации в монастыре. Они указали, что не были свидетелями покаяния непокорных монахинь и подписания ими указа о назначении настоятельницей матушки Александры: «Приносили ли тогда какое совершенное повинование, в чем оно состояло, или какое просили прощение те монахини от игумении и каким образом, получили ли от нее прощение или не получили, да и есть ли ныне истинный мир в обители их или одно только принужденное молчание, равным образом какие катехизические советы преподавал священник Иаков Воронин, и имели ли они какой успех, – все сие нам неизвестно»³⁶³.

Консистория склонна была доверять мнению игуменьи Александры о том, что в дальнейшем она сама сможет поддержать тишину и благочиние в обители, а ссылки комиссионеров на неведение практически по всем вопросам были сочтены свидетельством бесполезности их трудов. Консистория постановила не обременять «более комиссионеров возложенным на них поручением», а монастырь поручить обычному контролю благочинного монастырей, которым был назначен соликамский игумен Павел (Мутин).

Благочинный посетил монастырь в сентябре и сообщил в консисторию, что монахини Серапиона, Персида, Агния и Смарагда все-таки «имеют на игумению Александру неудовольствие», хотя в действиях самой игуменьи ничего предосудительного не нашел, а недовольство сестер объяснил непристойным для монашествующих честолюбием³⁶⁴.

Пермская консистория указом от 17 октября 1828 г. постановила комиссию распустить, а «монахиням Серапионе, Персиде, Агнии и Смарагде по силе синодского указа 1827 г. апреля 20 дня вновь сде-

---

³⁶³ Материалы по истории Екатеринбургского монастыря... 1910. № 7. Отдел неофиц. С. 168–170.

³⁶⁴ Там же. С. 170–171. Следует отметить, что сохранилось очень мало информации об этом конфликте, чтобы судить об истинных причинах беспорядков в монастыре. Матушка Александра, очень переживавшая о несогласии в обители и о том, что это получает огласку, еще в 1828 г. собиралась с разрешения начальства уничтожить все дела, касающиеся конфликта. Действительно ли документы были уничтожены по ее приказу или просто исчезли вместе со всем архивом после закрытия монастыря при советской власти — сказать сложно.

лать убеждение и подтверждение, дабы оне, оставя всякое неудовольствие на свою настоятельницу, указом из Св[ятейшего] Синода на степень сию возведенную, были ей послушны и покорны под опасением в противном случае испытания на себе тех мер, какие в том указе [являются — *М. Н.*] проясненными, [и] отнюдь не домогались [бы] высшего звания и должностей по сомнению о себе, за [имеющимся— *М. Н.*] решением уже Св[ятейшего] Синода». Впредь до полного водворения согласия и тишины в монастыре, его было предписано трижды в год посещать специально назначенному именно в этот монастырь благочинному — игумену Далматовского Успенского монастыря Григорию (Калашникову), как ближайшему к Екатеринбург. Игумен Григорий обязан был о результатах каждой поездки рапортовать в консисторию, и лишь по окончательном водворении там порядка перейти к обычному благочинническому надзору — один раз в год³⁶⁵.

Последние сведения о тлеющем в монастыре недовольстве монахинь на настоятельницу Александру относятся к рубежу 1832–1833 гг. Некоторые монахини выказывали непокорство настоятельнице, обвиняли ее в нарушении устава (хотя их показания не дают сведений, в чем именно состояли нарушения). Неоднократные увещевания их епископом Пермским Аркадием, монастырским духовником протоиереем Поповым и членами Екатеринбургского духовного правления результатов не давали, непокорные сестры отказывались дать подписку в повинности игуменье³⁶⁶. Дальнейшая их судьба неизвестна, к 1861 г. ни одной из них в монастыре не было: либо они

---

³⁶⁵ Там же. С. 171–172.

³⁶⁶ В архивах не сохранились подлинные документы, касающиеся конфликта, поэтому приводим изложение обстоятельств дела по изданному в 1910 г. «Материалам», основанному на ныне утраченных документах:

«Пермский преосвященный Аркадий в первых числах декабря 1832 года посетил Екатеринбург. Архипастырь обратил внимание и на местную женскую обитель... Он монашествующим сделал должное внушение. Наградил он нужными наставлениями и преподобную мать игуменню.

Недели через две от настоятельницы Александры поступил к епископу Аркадию рапорт, которым она изъясняла, что “словесное Его Пре[освящен]ства приказание, данное ей, игуменни, в том, чтоб она исполняла в точности по уставу, то есть всегда была при церковных богослужениях и на общей трапезе с сестрами и выдавала сестрам все, что бы они ни потребовали и прочее, она с своей стороны, хотя при крайнем болезненном изнеможении, исполняла и впредь как первые две обязанности, если Господь подкрепит силы ее, так и последние потщится исполнять, согласно общежительному уставу, о чем она и прежде во всякое время заботилась и исполняла.

С отбытия Его Преосвященства она также обращала внимание на исполнение и непокорствующими сестрами торжественно данного ими Его Преосвященству обещания исполнять все по уставу и повиноваться ей; которые исполняли оное так: из главных пяти

монахинь Персида на общей трапезе никогда не бывает, и прочие четыре со своими соучастницами хотя и бывают, но не всегда. Монахиня Магдалина и рясофорная Назарета Черепанова один раз уходила в мир без ведома игуменни. Монахиня Смарагда и некоторые из соучастниц каждый день попеременно уходят в город, хотя и с дозволения игуменни, но возвращаются из оного неизвестно с чем и когда.

Притом они принимают к себе в келлии каждый день по несколько гостей мужеска и женска пола без ее, игуменни, ведома, коих в 18-е число, по показанию вратницы, простиралось около 100 человек.

Итак, вот прямое исполнение данного ими Вашему Преосвященству торжественного обещания.

С требованиями в рассуждении нужд своих ни с какими они к игуменни не обращались, хотя она и посылала для сего по келлиям казначею, которую монахиня Персида не выпускала даже и в келлию свою; да, конечно, им ничего и не нужно, потому что они и прежде были всем потребным удовлетворяемы; а особенно первые две не этого ищут, но ищут единственно места настоятельницы назад тому уже с 1819 года, о чем и по делам как монастырским, так и Духовной Консистории известно.

С разрешения епископа Аркадия Консистория от 28 декабря 1832 г. предписала указом Екат[еринбургскому] дух[овному] правлению, дабы оно, пригласив в присутствие правления монахинь Персиду, Магдалину, Смарагду, рясофорную Назарету Черепанову и монастырскую вратницу, при монастырском духовнике прот[оиерее] П. Попове отобрало от них от каждой порознь показания, в чем следует, по рапорту игуменни. При протонерее же Попове внушило [бы] монахиням, дабы оне, сообразно данным ими и подтвержденным в присутствии преосвященного в обители обещанием, на последующие время старались исполнять в точности обязанности монастырского и монашеского жития, по всем отношениям, в сообразность уставу обительскому, чтобы были послушны во всем должному настоятельнице своей, чтобы ни под каким видом самовольных из монастыря отлучек в город и никуда не делали, чтобы никого из посторонних без ведома настоятельницы в келлии у себе для угощения или для чего другого принимать не отваживались, чтобы в справедливых нуждах своих с просьбами относились к настоятельнице, чтобы пребывали в мире, добром согласии между собою и в ненарушимом подчинении у настоятельницы, и в терпении и благодушии ограничивались распоряжениями ее, чтобы единодушным и неопустительным исполнением обязанностей своих по уставу споспешествовали должному благоустройству по обители во всех частях”.

Дух[овное] правление письменно просило игуменью Александру прислать 13 января 1833 года в правление вышеозначенных монахинь для отобрания от них показания и для учинения им внушения. Был приглашен и протонерей Павел Попов.

Вышесказанного числа в присутствии правления монахиня Персида показала, что она не давала обещания епископу Аркадию ходить на общую трапезу ‘и потому и ныне на оную не хожу в ожидании решения прежних дел и устройства в монастыре порядка. Было ли в 18-е число неизвестного месяца (резонное замечание!) гостей около ста человек и у кого именно из монахинь, я не знаю. Места настоятельницы никогда я не искала и не ишу, да и дел об этом никогда не было и нет, а только желала и просила епископа Дионисия, еще при жизни игуменни Таисии, о увеличении из здешнего монастыря в другой, но удовлетворения не получила, из монастыря никуда не отлучалась; с нуждами своими, хотя таковые я имею, к игуменни никогда не обращалась по нерасположению ее ко мне”.

Монахиня Магдалина (тобольская) показала, что на общую трапезу ходила и ходит; “в город никогда не отлучалась; все нужное получаю от родственников; намерения быть настоятельницею не имею; желаю одного только спасения”.

То же самое показала и рясофорная монахиня Назарета.

к этому времени скончались, либо были переведены в какую-либо другую обитель.

Труды екатеринбургских насельниц

Как и игуменья Таисия, матушка Александра большое внимание уделяла обустройству монастыря, прежде всего за счет труда самих сестер.

Еще при игуменнии Таисии, в 1819, 1820 и 1824 гг. монастырь купил за городом у речки Патрушихи три участка земли за 205 руб. После возведения в штат получил и все положенное от казны: 30 десятин для хлебопашества в 12 верстах от города на правом берегу речки Патрушихи и 30 десятин сенокосной земли в тех же местах на левом берегу речки Уктуски, которые вместе с ранее приобретенными монастырем участками в 1826–1827 гг. были закреплены в его собственности как Елизаветинская заимка (по названию ранее действовавшего неподалеку от тех мест Елизаветинского завода, давшему наименование всей местности). Вместо положенных по закону мельницы, пруда и лесного участка монастырь предпочел получать компенсацию деньгами 800 руб. в год и иметь право на бесплатную рубку леса в казенных лесных дачах на сумму 93 руб. 50 коп. ежегодно, что и было утверждено в 1843 г.³⁶⁷

Согласно императорскому указу, объявленному Синоду 4 июня 1835 г., всем монастырям полагалось уже не 30 десятин земли, а участки от 100 до 150 и более десятин, в зависимости от местных

Монахиня Смарагда заявила, что в 18 число декабря “гостей около 100 человек у меня в кельии не бывало, да и никогда такового количества и по разным кельиям быть не может”.

Вратница Власова показала, что после отъезда из Ек[атеринбур]га епископа Аркадия на четвертый день, в воскресенье, посетителей до 100 человек мужеска и женска пола в монастыре было, начиная с утра до самой вечерни, и те посетители ходили по разным кельиям; некоторые были у Персиды, и Магдалины, и Назареты, и Смарагды, но кто именно у сих монахинь был и зачем – неизвестно,” а что были, то о том знаю потому, что у входивших в монастырь спрашивала — кто из них и к кому в кельию идет”.

Января 17, 1833 года, в присутствии Дух[овного] правления монахини вышеозначенные, выслушав учиненное им внушение, объяснили, что “онѣ подписку дать не согласны, поелику они, не признавая себя виновными, почитают, что сама игуменья Александра в нарушении по монастырю порядка есть виновница; она, скрывая происходящие от нее беспорядки, оными их, монахинь, ложно оклеветывает. Если игуменья перестанет чинить сама, что она делает против устава, и тем самым покажет подчиненным пример благочестного жития, тогда они, монахини, и по решению начальством дел, коими они оклеветываются, беспрекословно примут предписанное внушение и дадут в исполнении оногo надлежащую подписку”» (Материалы по истории Екатеринбургского монастыря... 1910. № 7. Отдел неофиц. С. 173–175, сохранена стилистика источника).

³⁶⁷ Решение этих вопросов растянулось до 1827 года (*Иконников В.* Указ. соч. С. 26–27, I–II; РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 219–219 об.).

условий, для обзаведения земледелием, а также выделение леса из казенных лесных участков («дач», как их тогда называли) на постройки.

Во исполнение указа Главная контора Екатеринбургских заводов в 1837 г. предложила Ново-Тихвинскому монастырю на выбор два участка в 14 и 16 верстах от города, но игуменья Александра, обозрев предлагаемые земли, нашла их неудобными для хлебопашества, поскольку почва была каменистая и глинистая. Матушка попросила отвести другую землю — присмотренный ею участок в 9 верстах от города у речки Патрушихи. 14 и 15 мая 1838 г. этот участок в 100 десятин был отведен обителю из казенных дач Екатеринбургских заводов. Все эти территории (160 десятин) составили Елизаветинскую заимку (т. е. загородное имение). На заимке сестры устроили хлебопашество и сенокос, завели скотный двор и огород, построили в 1833 г. большой деревянный дом, крытый железом³⁶⁸.

Управляла этой заимкой более 50 лет монахиня Агафоника Бородулина, назначенная на это послушание в 1821 г. в возрасте 43 лет и исполнявшая его вплоть до 1876 г. В обитель она поступила в 1816 г., родом была из крестьян Долгодеревенской волости Оренбургской губ., монашеский постриг приняла в 1830 г. Все время ее пребывания в обители настоятельница отмечали, что она «отлично хорошего» поведения и к послушаниям способна и «примерно усердна». Ей суждена была долгая жизнь: она скончалась в декабре 1878 г. в возрасте 100 лет, и лишь последние два года была на покое³⁶⁹.

В 1837 г. состоятельная жена чиновника Аграфена Федоровна Горбунова завещала обителю участок земли 307 десятин 2000 сажень, пригодный для пашни и сенокоса, хотя частично и заболоченный. Благотворительница проживала в Петербурге и была известна своими пожертвованиями на различные нужды: она не только завещала землю Ново-Тихвинскому монастырю, но и благодетельствовала воспитанникам Института корпуса горных инженеров из числа екатеринбургских уроженцев. Чиновница имела поместья в Екатеринбургском уезде, а также в Саратовской и Пензенской губерниях. Задолго до отмены крепостного права в России, в 1837 г., она освободила 77 своих крепостных в Екатеринбургском уезде и наделила их землей по 16 десятин пахоты на душу, а также другими необходимыми для сельскохозяйственных занятий землями. Всего она раздала екатеринбургским

---

³⁶⁸ Иконников В. Указ. соч. С. 36–39, I–II; РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 218–219 об., 224.

³⁶⁹ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 1 об. – 2, 31 об. – 32, 67 об. – 68, 130 об. – 131, 184 об. – 185, 242 об. – 243, 325 об. – 326, 422 об. – 423, 770 об. – 771, 896 об.; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 3 об. – 4.

крепостным 1936 десятин 1723,5 сажень земли, то есть в среднем более чем по 25 десятин на душу³⁷⁰ (для сравнения: по государственным законам в 60-е годы XIX в. освобождаемые от крепостной зависимости крестьяне в Екатеринбургском уезде получали наделы земли от 1,2 до 6 десятин³⁷¹).

В 1850 г. статский советник Порфирий Павлович Карпов, а в 1856 г. его брат коллежский советник Авенир Павлович пожертвовали монастырю участки пашенной, болотистой земли и дровяного леса по 102 десятины 1800 сажень каждый. Эти участки находились рядом с пожертвованной А. Ф. Горбуновой землею и все вместе составили Малобулзинскую заимку размером 513 десятин 800 сажень (названную так по ближайшему селению — д. Малобулзинской в 8 верстах, от Екатеринбурга в 90 верстах к югу). Хотя расположение заимки было не слишком удобным — далеко от реки, да и от Екатеринбурга, однако впоследствии именно она стала основным центром сельскохозяйственных занятий монастыря. Первое время сестры, приезжавшие в страдную пору, вынуждены были готовить себе пищу на костре и спать в походном «балагане», продуваемом и промокаемом насквозь, потом монастырь возвел на заимке небольшую избу. Зимой метели заносили снегом все дороги вокруг, и на заимку невозможно было проехать. Оформление собственности обители на нее затянулось до июля 1871 г. и доставило много хлопот настоятельницам³⁷².

Получать полагавшийся по указу 1835 г. участок леса для строительных нужд игуменья Александра не стала. Горное начальство готово было предоставить 100 десятин леса в 50 верстах от Екатеринбурга, но требовало при этом отказа монастыря от пользования лесом в других казенных дачах. Поскольку обитель уже получала из казенных дач лес на сумму 93 руб. 50 коп. ежегодно, а размер отводимого по указу 1835 г. участка не обеспечивал не только нужды монастыря в стройматериалах, но даже нужды в дровах на отопление, да и находился далеко от монастыря, игуменья предпочла отказаться от него и сохранить право на бесплатный отпуск леса в прежних размерах. К тому же, отводимый участок леса надо было охранять и восстанавливать, а обитель не располагала необходимым для этого числом служителей. О восстановлении же небольшого участка березового леса

---

³⁷⁰ Иконников В. Указ. соч. С. 39, 52–53.

³⁷¹ ПСЗ-2. Т. XXXIV. Отд. 1. СПб., 1861. № 36662; Из истории реформы 1861 года на Урале. Пермь, 1961. С. 116.

³⁷² Иконников В. Указ. соч. С. 53–54, II–IV.

на Малобулзинской заимке сестры действительно заботились под руководством лесничего уже в 50-е гг. XIX в.³⁷³.

Сохраняли свое значение монашеские рукоделия. При игуменье Александре процветали и старые рукодельные мастерские, были заведены и новые, в том числе трафаретная, иконописная. Примером рукодельного мастерства для насельниц была сама матушка. Еще в первые годы своей жизни в монастыре она занималась тканьем широких и тонких холстов, которые пользовались большим спросом не только в Екатеринбурге, но и в окрестных заводских поселках и городах. Одиннадцать лет будущая игуменья руководила ткацкой мастерской в обители. До 30-х гг. XIX в. пользовались спросом и ковры монастырской работы.

С 1838 г. сестры стали обучаться иконописи у мастерового Уктусского завода Чирышева³⁷⁴. Первыми ученицами были Анна Кочнева и Александра Капустина. Анна, 50-летняя послушница, дочь священника Екатеринбургского духовного ведомства, жившая в обители с 1824 г., впоследствии приняла постриг с именем Алевтина³⁷⁵. Она прожила до 84 лет, в 1861–1866 гг. была старшей в иконописной мастерской, последние годы жизни болела и скончалась в феврале 1872 г. Александра Ильинична Капустина жила в монастыре с 1836 г., поступив в обитель 13-летней девочкой. Она была дочерью дьячка Беляковской слободы Камышловского уезда Пермской губ., в 1852 г. была облачена в рясофор, в 1861–1862 гг. заведовала иконописной мастерской. Настоятельница характеризовала ее как послушницу с «отлично хорошим» поведением, проявлявшую способности и усердие³⁷⁶. Вероятно, в 1862 г. она и скончалась.

Кроме них иконописанию обучились еще несколько послушниц. В 1839 г. в обитель пришла 13-летняя крестьянская девочка из Новопышминской волости Камышловского уезда Пермской губ. Ирина Степановна Новоселова. Она приняла постриг в 1869 г. с именем Илюдора, много лет работала в иконописной мастерской монастыря, а в 1871–1875 гг. заведовала ею. Настоятельница свидетельствовала,

---

³⁷³ Там же. С. 37–39, III.

³⁷⁴ *Иконников В.* Указ. соч. С. 26–27, 35–49, Приложения: С. I–IV.

³⁷⁵ Анна Кочнева приняла постриг по одним данным, в 1840 г., по другим – в 1844 (ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 3 об. – 4, 33 об. – 34, 69 об. – 70, 131 об. – 132, 186 об. – 187, 251 об. – 252, 334 об. – 335, 459 об.; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 11 об. – 12).

³⁷⁶ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 11 об. – 12, 40 об. – 41.

что она из года в год отличается очень хорошим поведением и «к послушанию способна и примерно усердна»³⁷⁷.

В 1840 г. в монастырь пришла 16-летняя жительница Екатеринбургa Агриппина Ивановна Никулина, также имевшая способности к живописи. Ее обучили иконописанию, которым она и занималась вплоть до 1878 г., потом освоила резьбу икон по дереву. Во всех послушаниях проявляла усердие и способности. В 1866 г. она приняла постриг с именем Аглаида³⁷⁸.

В 40-е годы XIX в. некоторые насельницы обучились еще одному рукоделию — трафаретному рисованию. Первые навыки они получили в 1841 г. у содержательницы екатеринбургского пансиона Варваринской. Мастерицами трафаретного рисунка стали рясофорные послушницы Марфа (будущая настоятельница монастыря), Магдалина и Калисфения³⁷⁹.

Золотошвейные изделия екатеринбургских насельниц тоже были известны на Урале. В 1830 г., например, Далматовский Успенский монастырь заказал сестрам изготовить плащаницу за 1400 руб. Часть денег на оплату заказа собрали за счет пожертвований, сделанных жителями окрестных с Далматовом селений и братией самого монастыря³⁸⁰. Вид плащаницы был описан в договоре: «...на малиновом бархате, шитую золотом, серебром, канителью и с блестками, всего до десяти материалов, с венцом на Спасителе, убранном камнями, коих счетом 33, шириною три аршина с лишком, шириною³⁸¹ два аршина с лишком же»³⁸².

В 1841–1842 гг. Екатеринбургский монастырь получил заказы из Пермской Крестовой церкви на обновление митры и изготовление двух комплектов риз и стихарей из материй двух разных цветов и видов (по 4 ризы и 3 стихаря). Обитель успешно справилась с этой задачей, хотя «поновление» митры оказалось весьма непростым делом.

---

³⁷⁷ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 14 об. – 15, 43 об. – 44, 81 об. – 82, 142 об. – 143, 198 об. – 199, 252 об. – 253, 335 об. – 336, 430 об. – 431, 505 об. – 506; 556 об. – 557, 636 об. – 637; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 12 об. – 13.

³⁷⁸ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 14 об. – 15, 43 об. – 44, 81 об. – 82, 142 об. – 143, 194 об. – 195, 252 об. – 253, 336 об. – 337, 430 об. – 431, 556 об. – 557, 636 об. – 637, 762 об. – 763, 867 об. – 868, 1019 об. – 1020, 1101 об. – 1102, 1162 об. – 1163, 1229 об. – 1230, 1290 об. – 1291; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 13 об. – 14.

³⁷⁹ *Иконников В.* Указ. соч. С. 48.

³⁸⁰ ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1691.

³⁸¹ Так в источнике.

³⁸² Там же. Л. 2.

Митра была из темно-зеленого бархата, шитая золотом, крутью и гладью, с изображениями святых образов на финифти³⁸³. Сестры трепетно подошли к заказу: «...иконы, быв сняты для обнизания жемчугом, оказались до того ветхими, что их необходимо нужно было подклеить, для того чтобы они вовсе не распались, после же подклейки иконы не могли быть уже положены на прежние полосы, и необходимо требовали даже перемены самого фасона митры. Также и старое золотое шитье требовало в некоторых местах поправки; при переправке же оно, во-первых, ломалось, во-вторых, быв перемешано новым шитьем, произвело бы на митре неприличную пестроту, и по оному старое шитье также должно было замениться все новым»³⁸⁴.

Некоторые рукоделия монастырь преподносил в качестве даров. Так, в 1841 г. «от усердия... к святому угоднику Симеону Праведному» игуменя Александра преподнесла настоятелю Верхотурского Николаевского монастыря архимандриту Афанасию митру, «...желая себе облегчения от болезней и помощи и заступления, а притом надеясь на Ваши отеческие молитвы, что Вы не оставите помолиться о нашем здравии; и в особенности та рукодельница, которая вышила митру, племянница моя родная, имеет слабое здоровье. С сею целью нашего усердия и желания уступили сей малый дар, желая, дабы Господь чрез Ваши молитвы исцелил многие немощи грехов наших и оживотворил бы нас, немощнейших, своею благодатью...»³⁸⁵.

Настоятель Афанасий не замедлил поблагодарить матушку Александру и сообщить, что дар сей внесен в опись церковных вещей, приводя и само описание: «Оная архимандричья митра по голубому бархату шита золотом в разных видах, частью бисером разноцветным, и убрана местами дутым величины жемчугом. На митре оной опривленных золотую канителью с блесками на финифти 5 икон: 1. Вверху Саваофа. 2. Впереди Господа Вседержителя. 3. По правую сторону Божия Матери. 4. По левую сторону святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня и 5. С задней стороны святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Под [одно слово неразборчиво — *М. Н.*] четыремя иконами внизу по одной подвеске из страз разной величины, опривленных в серебре, поймы вокруг унизаны маленькими звездочками из блескок; опушка золотой бахромы, подклад малиновой шелковой материи»³⁸⁶.

---

³⁸³ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 223. Л. 114–114 об.

³⁸⁴ Там же. Л. 120–120 об.

³⁸⁵ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 234. Л. 31, 51.

³⁸⁶ Там же. Л. 32.

Для постижения секретов рукодельного мастерства игуменья Александра посылала послушниц и в обители центральной России. Так, в 1842 г. рясофорная послушница Марфа (будущая настоятельница) обучалась искусству вышивки золотом в Москве и Арзамасе³⁸⁷. В Арзамасе она, надо полагать, находилась в Алексеевской женской общине, славившейся своими рукодельницами. В «Историко-статистическом описании Арзамасской Алексеевской общины» читаем: «Из рукоделий в общине особенно замечательны и более других развиты следующие: шитье золотом и серебром плащаниц, риз, напестольных облачений и других церковно-богослужебных вещей, отделка и украшение образов золотым шитьем, жемчугом, фольгой и цветами. Золотошвейные работы общины настолько известны, что она получала и получает заказы на них не только из разных концов Европейской России, но и из Сибири; были заказы из-за границы: из Молдавии, Греции, Константинополя, Иерусалима. За работу плащаницы и хоругвей в Московский храм Спасителя начальница общины в 1884 г. награждена золотой на Александровской ленте медалью, учрежденной в память освящения сего храма, а старшая из мастериц — серебряною; за фольговые и многие золотошвейные работы Комитетом Нижегородской кустарно-промышленной выставки 1885 года выдана общине бронзовая медаль»³⁸⁸.

Вероятно, выбор обители для обучения екатеринбургской насельницы был продиктован не только уровнем мастерства, но и особой связью Арзамасской общины с родом Ушаковых: дядя адмирала Ф. Ф. Ушакова Феодор Ушаков составил устав для этой общины, к тому же в 1842 г. общиной управляла Марфа Павловна Пирожкова, оставшаяся в трехлетнем возрасте на попечение отца Феодора и им же направленная в общину. Насельницы общины помнили Марфу Павловну как отличавшуюся «благочестием и строгим исполнением монашеского устава»³⁸⁹.

Численность насельниц Екатеринбургской обители стабильно росла. К 1837 г. их было 246, из них 101 числились штатными, то есть на них отпускалось казенное государственное содержание, остальные содержались за счет собственных средств обители. Родом они были

---

³⁸⁷ Иконников В. Указ. соч. С. 49.

³⁸⁸ Четыркин И. Историко-статистическое описание Арзамасской Алексеевской общины // Нижегородские епархиальные ведомости. 1887. № 21. Часть неофиц. С. 1168.

³⁸⁹ Там же. № 19. С. 1029–1048; Исторический очерк и описание Арзамасской Алексеевской общины. СПб., 1866. С. 16.

в основном из крестьянских семей³⁹⁰. В середине XIX в. в монастыре проживали и ближайшие родственники викарного епископа Екатеринбургского Ионы Капустина – его мать и сестра³⁹¹.

Монастырь продолжал обустраиваться. В 1830 г. силами сестер был выкопан большой пруд, решивший проблему с водой не только для самой обители, но и для окрестных жителей.

В 1828 г. были устроены «кирпичные сараи», после чего возводить каменные строения в обители стало значительно дешевле: свой кирпич обходился по 4 руб. за тысячу штук, тогда как рыночная цена составляла 10 руб. Часть кирпича шла на продажу.

В 1845 г. был заложен новый каменный келейный корпус вместо обветшавшего деревянного. Строился он хозяйственным способом, то есть из монастырских материалов, хотя кирпичной кладкой и столярной работой занимались наемные мастера крестьяне Платон Малышев из г. Балахны (Нижегородской губ.) и Григорий Шмелев (из Владимирской губ.). Свой кирпич пошел и на возведение каменной ограды вокруг всего монастырского комплекса и кладбища. За пределами монастыря в конце 40-х годов был перестроен каменный дом для причта³⁹².

Свечной завод

В 1837 г. при монастыре было устроено свечное производство, ставшее существенной статьей монастырского бюджета. Поначалу

---

³⁹⁰ Материалы по истории Екатеринбургского монастыря... 1910. № 9. Отдел неофиц. С. 204; *Иконников В.* Указ. соч. С. 36, 40.

³⁹¹ *М. К. Преосвященный Иона, бывший епископ Екатеринбургский // ПЕВ. 1867. № 4.* Отдел неофиц. С. 67. Племянник викария Ионы — архимандрит Антонин (в миру Андрей Иванович Капустин), ученый-византист, настоятель Русской посольской церкви в Константинополе (позднее начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме), посетивший родные места на Урале в 1863 г., побывал и в Ново-Тихвинском монастыре. Несколько строк в его дневнике посвящены этому визиту. Так, 14 июня, приехав в Екатеринбург и повидавшись с престарелой тетушкой Анной Леонтьевной (сестрой викария Ионы), он с братом московским протоиереем Платоном Капустиным отправился в монастырь на могилу «бабиньки» Ирины Ивановны (матери викария). Братья Капустины осмотрели монастырские церкви, свечное производство, зашли и к игуменье Магдалине, «урожденной крестьянской дочери и отлично умной и распорядительной начальнице». Вместе с игуменьей они посетили приют для девочек, а на следующий день матушка Магдалина нанесла ответный визит отцам Антону и Платону. В следующий свой приезд в Екатеринбург, 30 августа братья снова посетили монастырь, были на литургии, после которой архимандрит Антонин выходил на молебен в храме по приглашению игуменни и монастырского священника. Посетив могилы родных на монастырском кладбище, братья Капустины «у матери Магдалины закусывали соборне» (Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Годы 1861–1865. М., 2020. С. 321, 322, 350. Благодарю за предоставленную информацию д. и. н. А. В. Мангилеву).

³⁹² РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 233. Л. 1–1 об., 15–15 об., 20.

сестры попробовали переделывать на свечи огарки, «каковых монастырь имеет в наличности немалое количество», для нужд своих обительных церквей, причем с удовлетворением отметили, что «свечи выходили из отделки не хуже свеч, делаемых здешними мастерами». Результаты этой деятельности они нашли небезвыгодными и закупили уже 5 пудов воска для свечной выделки, рассчитывая не только обеспечить нужды монастыря в свечах, но и поставлять их на продажу.

В ноябре 1837 г. игуменья Александра обратилась с прошением к викарному епископу Екатеринбургскому Евлампию о позволении монастырю проводить «фунтовую продажу» восковых свеч по существующим ценам. Матушка просила епископа объявить по викариатству о возможности покупки свеч и переделки огарков в монастыре «...в надежде, что свечи могут покупать в оном не хуже тех, каковые покупают ныне у здешних частных лиц, от чего мог бы и монастырь по довольном обороте сего предмета получить себе ценность...». Монастырскую выгоду настоятельница видела как в доходах от торговли, так и в возможности пристроить сверхштатных послушниц, на которых обитель не получала государственного содержания, к приличному для иночествующих послушанию. Потребность в такого рода заведении матушка обосновывала недостатком казенных средств на ремонт имеющихся строений и необходимостью возведения новых зданий для приема все увеличивавшегося числа насельниц.

В прошении матушка писала: «...со времени основания Ново-Тихвинской обители все каменные и деревянные здания оной для помещения сестр и священноцерковнослужителей воздвигнуты при помощи благотворителей собственными обитающих в монастыре трудами. Но 30-летние усиленные труды, пожертвованные сестрами с расстройством их здоровья, не могли обеспечить всех необходимых потребностей обители, ибо первоначальные заведения время от времени требуют немаловажных исправлений, и по тесноте помещений и для большей удобства неизбежны вновь некоторые устройства. Общество сестер время от времени увеличивается так, что теперь сверх штатного положения находится оного до 145 человек, которых обитель, и кроме помещений, в содержании имеет еще нужду. Но на все это монастырь никакой собственной суммы не имеет и способов к приобретению не предвидит, кроме того как должен приобретать оную собственными от обитающих в нем трудами».

Владыка благожелательно отнесся к просьбе насельниц и повелел Екатеринбургскому духовному правлению собрать сведения, не про-

тиворечит ли эта просьба существующему законодательству о правилах свечной торговли и «если одно другому не противно, дать мнение сообразно местным обстоятельствам свечной продажи, которая бы, в случае совместного производства ее в монастыре, могла быть небезвыгодна в покупке и для церквей».

Духовное правление пришло к заключению, что «не имеет смелости» предоставить настоятельнице фунтовую (розничную) продажу свеч через монастырскую лавку «во избежание подрыва свечно-прибыльных и денежных капиталов при приходских церквах». Однако правление, принимая «в уважение» доводы настоятельницы и предполагая уступку в цене монастырских свеч по сравнению в выделанными на частных заводах, «и притом считая занятие отделкою восковых свеч, употребляемых при священнослужениях, приличнейшим делом для людей, посвятивших себя монастырской жизни, нежели для людей неизвестных по нравственности и по образу жизни», полагало возможным разрешить монастырю гуртовую (оптовую) продажу свеч. Правление постановило предписать всем подведомственным ему церковным причтам и старостам, дабы они для покупки свеч и переделки огарков «предпочтительно обращались в Екатеринбургский монастырь», о чем и уведомило настоятельницу своей резолюцией от 10 декабря 1837 г. «с таковым присовокуплением, чтобы она, сколько возможно, делала уступку в предполагаемой продаже восковых свеч для пользы церквей пред купцами, имеющими гуртовую продажу свеч».

21 декабря викарный епископ вынес резолюцию, подтверждавшую такой порядок производства, но распорядился, чтобы настоятельница сама занималась оповещением духовенства и церковных старост о возможности приобретения свеч в монастыре³⁹³.

Игуменья в январе 1838 г. оповестила приходы викарриатства о производящихся в монастыре свечах «вроде опыта, для приобретения мастериц к сему делу», приглашая их к приобретению. Надеясь на рост торговли, обитель, с благословения викария, закупила 270 пудов воска по ценам Ирбитской ярмарки (от 52 до 55 руб. за пуд), устроила специальное здание для свечного производства.

Поначалу производством свеч занималась послушница Фекла Евреинова, родом из крестьян Томского уезда, пришедшая в монастырь в 1833 г. в возрасте 31-го года. Она побывала в разных обителях и видела там свечное производство. В 1848 г. она приняла постриг

---

³⁹³ Материалы по истории Екатеринбургского монастыря... 1910. № 9. Отдел неофиц. С. 204–206.

с именем Хиония³⁹⁴. Тайно учил насельниц свечному делу и один екатеринбургский мастер, работавший по найму у купца-старообрядца.

Сестры активно заготавливали свечи, число занятых на послушании быстро росло — через три года их было уже 15, но вскоре выяснилось, что перспективы продажи далеко не безоблачные: началась конкурентная борьба с частными торговцами³⁹⁵. Екатеринбургские купцы, понимая законы рынка, готовы были снизить свои цены на свечи до уровня цен на воск, лишь бы не допустить появления соперника в лице монастыря, и настоятельнице на первых порах приходилось думать даже не о выгоде от свечной продажи, а о том, чтобы расплатиться «с должителями» в срок. Игуменья Александра в таких условиях была вынуждена обратиться к викарию с просьбой дать указание приходам о преимущественной покупке свечей именно в монастыре, обещая, что обительные свечи будут лучшего качества и «по самым умеренным ценам» против имеющихся у частных торговцев. Матушка подчеркивала, что «обитель ищет в производстве свечного дела не столько пользы и выгод для себя, сколько сообразного занятия и полномочия в праве иметь постоянно столь приличное производство, как и прочие монастыри, состоящие в Вологодской и Тобольской епархиях...».

Викарий предписал духовному правлению рассмотреть этот вопрос и вынести решение, что и было сделано 25 июля 1838 г. Правление поддержало просьбу настоятельницы, разрешило ей «обвести» приходы Екатеринбургского уезда о предпочтительной покупке свеч в монастыре и установило порядок свечной торговли: «...в предотвращение могущих быть ошибок в выборе свеч для церквей и злоупотребления при покупке оных со стороны церковных старост, большею частью незнающих и качества свеч, предписать благочинным о внушении церковным старостам, чтобы они для покупки свеч в Ек[атери]нбурге непременно являлись предварительно для сего к ключарю кафедрального собора, а сему поставить в обязанность, сообразивши цены на свечи, продаваемые купцами и монастырем, покупать оные со старостами там, где цена будет ниже, а ежели цена на оные купцами и монастырем объявлена будет одинаковая, то покупать предпочтительно в монастыре».

---

³⁹⁴ В 60-е годы она занималась уже чтением псалтири и вязкою чулок (*Иконников В.* Указ. соч. С. 42; ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 6 об. – 7, 35 об. – 36, 72 об. – 73). В 1865 г. она вместе с 7 екатеринбургскими насельницами была переведена в Межигорский монастырь (см. об этом ниже, с. 200).

³⁹⁵ *Иконников В.* Указ. соч. С. 42.

Об этом постановлении духовного правления, одобренном викарным епископом, в июле были оповещены все причты Екатеринбургского уезда, однако многие из них продолжали приобретать свечи у частных торговцев, не смущаясь даже тем, что среди них были раскольники.

Шли месяцы, а ситуация не менялась. В октябре 1840 г. матушка Александра снова обратилась к викарному епископу Екатеринбургскому (к тому времени им стал владыка Анатолий) с просьбой еще раз предписать причтам и церковным старостам покупать свечи в монастыре. Епископ, желая разобраться в причинах сложившегося положения, предписал причтам церкви города Екатеринбурга и благочинным прислать свои мнения о том, «принесли ли, по их усмотрению, для церковной свечной продажи какую-либо пользу и какую именно устроенное в здешнем девичьем монастыре свечное заведение и продажа при нем для приходских церквей свечей?».

Благочинные сообщили, что они усматривают несомненную пользу от этого заведения, но... лишь потому, что конкуренция со стороны монастыря снизила цены на свечи у частных торговцев. Для примера они указали, что если в 1837 г. свечи белого воска продавались екатеринбургскими купцами Михаилом и Викулом Романовыми и Яковом Андреевым по 76 руб., а свечи желтого воска по 68 руб. за пуд, то в конце 1838 г. свечи белого воска можно было купить у них от 60 до 62 руб. и желтого воска от 46 до 52 руб. за пуд.

Что касается качества монастырских свеч, то оно оставляло желать лучшего. Как писал один из благочинных священник Николай Андреев, «что касается до формы свечей приблизительно к существующей таксе сортов, установленной указами Перм[ской] дух[овной] консистории 1823 года, то при фабриках Романова и Андреева всегда сходствовал счет в выделяемых свечах по каждому сорту с такою упоминаемого указа, и свечи лучшей доброты оказывались, нежели при Ново-Тихвинской обители взятые, в которых нередко в мелких сортах оказывался недочет. Сверх сего из купеческих лавок отпускаются свечи нередко с обождаием денег нуждающимся церквам, из обители же никогда и ни по какому случаю сего допускаемо не бывает. По сему продажа, установленная при обители, если бы она была единственною по здешнему уезду, то никакой преимущественно пред прочими купеческими лавками свечными пользы для церковных капиталов свечной сумме приносить не может».

Викарий предоставил все эти мнения и прошение игумены на рассмотрение в Пермскую консисторию, которая 24 января 1841 г. постановила разрешить Ново-Тихвинскому монастырю и впредь гуртовую

продажу свеч производить (партиями не менее 20 фунтов — около 8 кг), более же мелкую свечную продажу монастырской фабрике воспретить.

Викарный епископ утвердил постановление, отметив полезность монастыря как единственного девичьего во всей Пермской епархии, на который, в силу этого обстоятельства, ложится еще и нелегкий груз содержания и перевоспитания женщин и девиц, присылаемых туда, согласно церковным традициям, на исполнение церковного наказания — епитимии.

Последовали очередные предписания духовенству и церковным старостам Екатеринбургского уезда, но они результата не дали, равно как и последующие предписания в ответ на очередные просьбы настоятельницы в январе и сентябре 1842, январе 1847, июле 1851 гг.. В ответ на прошение настоятельницы в июле 1851 г. викарный епископ Иона даже повелел обязать церковных старост и духовенство Екатеринбургского уезда подписками покупать свечи в монастыре. Впрочем, он постарался выяснить причины такого упорства приходских церквей в выборе свеч у частных торговцев и запросил мнение на этот счет церковных старост. Они достаточно единодушно высказались о том, что цены монастырских свеч выше, чем у частных торговцев, к тому же и качество хуже: «...свечи монастырские во время горения оплывают чрезмерно, и воск их всегда мягкий, к рукам прилипчивый, отчего и огарки от этих свечей, особенно от белого воска, простояв незакрытыми сутки или двое, принимают свет темный, грязный, так что поставлять оные во время богослужений повседневных (когда не бывает продажи свечей) пред св[ятыми] иконами почесть может святости дела и храма неприличным всякий...».

Старосты отметили, что до сих пор их не столько обязывали, сколько рекомендовали им предпочитать покупку свеч в монастыре, и если будет на то указание, они будут покупать свечи в обители, но просили разъяснить, как им поступать в том случае, если цена и качество монастырских свечей окажутся ниже, чем у частных торговцев. Екатеринбургское духовное правление, пекущееся не только о благоустройении обители, но и о нуждах приходов, разъяснило, что церковным старостам Екатеринбургского уезда следует «пред покупкою свечей для церквей требовать объявления цены свечам на бумаге как от монастыря, так и от купцов, и где объявится цена выгоднее для церкви и свечи добротнее, тут оные и покупать»³⁹⁶.

---

³⁹⁶ Материалы по истории Екатеринбургского монастыря... 1910. № 9. Отдел неофиц. С. 207–215.

Жизнь с молитвой

Обитель постепенно достраивала заложенные еще при игуменье Таисии храмы. В 1832 г. была освящена церковь во имя Божией Матери Всех скорбящих Радости³⁹⁷, находившаяся рядом с больничными кельями. Возведена она была на пожертвованные женой берг-инспектора Пермских заводов Агриппины Семеновны Булгаковой 3000 руб. Иконостас был поставлен на пожертвования челябинского купца Максима Ахматова и его дочери Натальи, передавших монастырю 1200 руб. Иконостас обошелся без позолоты в 1000 руб³⁹⁸.

Много проблем доставлял Александро-Невский собор. Он был заложен еще в 1814 г., первоначально предполагался двухэтажным, но по мере строительства выяснилось, что он тесен для быстро увеличивавшегося сестричества, да и сложен неправильно и грозит обрушением (особенно колокольня). В 1836 г. викарный епископ Екатеринбургский Евлампий по согласованию с Синодом благословил его перестройку в одноэтажный обширный собор с двумя приделами. Она растянулась на десятилетия и лишь к 1852 г. была в основном завершена. В следующем году, 8 июня, был освящен придел храма во имя св. Николая чудотворца, а 23 мая 1854 г. освящен придел в честь Воскресения Господня. Всю перестройку монастырь произвел за собственный счет и за счет пожертвований «доброхотных дателей». Эти пожертвования собирались в 1841–1843 гг. на уральских заводах по инициативе матушки Александры, поддержанной берг-инспектором Порфирием Павловичем Карповым. Берг-инспектор и сам стал благодетелем обители, пожертвовав ей земли, составившие часть Булзинской заимки, и многих других вдохновил на помощь монастырю. Пожертвования сделали и владельцы заводов (например, владелец Верх-Нейвинского завода И. А. Яковлев — 500 руб.), и управляющие, и простые жители заводских поселков³⁹⁹. Описание собора, каким его видели екатеринбуржцы в 1875 г., приведено в приложении 5⁴⁰⁰.

Автором проекта перестройки собора 30-х гг. XIX в. считается известный уральский архитектор М. П. Малахов, однако, по мнению историка архитектуры М. В. Голобородского, «авторство над проектом допустимо одновременно приписывать И. Шарлеманю, Д. Висконти I

---

³⁹⁷ Описание церкви приводится в приложении 5.

³⁹⁸ *Иконников В.* Указ. соч. С. 49–51.

³⁹⁹ Там же. С. 51–52.

⁴⁰⁰ См. также: РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 19272. Л. 1, 4–5 об., 7–9; Ф. 796. Оп. 117. Д. 410. Л. 2–5 об., 8–14 об.; От покаяния к возрождению. Екатеринбург, 2003. С. 217–218; *Голобородский М. В.* Указ. соч. С. 70–74; *Ворошилин С. И.* Указ. соч. С. 73–75; *Козинец Л. А.* Указ. соч. С. 83–84.

и Д. Висконти II»⁴⁰¹ — петербургским архитекторам, которые внесли свои изменения. «Особенности архитектуры Александро-Невского собора полностью находятся в русле петербургских культовых построек 1820–1830-х годов, соборов В. П. Стасова и архитекторов его круга. Творческий почерк Малахова отличается особой теплотой, стремлением к яркой художественности и даже некоторой хрупкостью, сближающей его постройки с некоторыми произведениями А. И. Воронихина. М. П. Малахов, по всей вероятности, руководил строительством собора, это подтверждают письменные источники. Но Александро-Невский собор с его монументальной мощью, холодной официальностью и сухостью в декоре сильно отличается от бесспорных произведений Малахова. В целом Александро-Невский собор представляет собой выдающийся памятник культовой архитектуры позднего классицизма в русской провинции, образец творчества ведущих архитекторов Петербурга середины XIX века. Определённый вклад в детальную разработку проекта и строительство этого самого величественного по размерам храма Екатеринбурга внесли местные архитекторы М. П. Малахов, Э. Х. Сорториус и, возможно, А. Н. Спиринг»⁴⁰², — так решает вопрос об авторстве проекта собора М. В. Голобородский.

Собор, освященный в честь небесного покровителя императора Александра II, при котором был официально учрежден монастырь, еще при закладке в 1814 г. был задуман как посвящение императору и победе России в Отечественной войне 1812 г. После перестройки «сама классическая архитектура собора, его ясная строгая композиция, торжественный и мужественный строй монументальных форм должны были обеспечить ему облик памятника в полном смысле этого слова»⁴⁰³.

Ново-Тихвинский монастырь был известен при царском дворе. Например, камер-фрейлина императорского двора графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская поименовала обитель в своем завещании, оставив ему 5000 руб. серебром на условии, что деньги будут положены в банк, а монастырь будет пользоваться процентами с этой суммы. Завещание вступило в силу после кончины графини, случившейся 5 октября 1848 г.⁴⁰⁴

---

⁴⁰¹ Свод памятников... С. 182.

⁴⁰² Голобородский М. В. Указ. соч. С. 74.

⁴⁰³ Свод памятников... С. 182–183.

⁴⁰⁴ Иконников В. Указ. соч. С. 51.

Сестры Екатеринбургского монастыря продолжали крестный ход с иконой Тихвинской Божией Матери и мощами святых, установленный матушкой Таисией. Согласно церковным правилам, на каждый крестный ход испрашивалось благословение епископа Пермского. Правила проведения крестного хода оставались теми же, что и при игуменьи Таисии⁴⁰⁵, а вот сроки и маршруты год от года менялись. В 1830 г. епископ Пермский Мелетий по просьбе настоятельницы Александры разрешил совершать крестный ход с иконой и мощами ежегодно после Пасхи «смотря по времени» по «городам, заводам и селениям в здешней епархии состоящим»⁴⁰⁶. Крестный ход был отправлен весной 1831 г. Кроме монастырских священников в нем участвовали для сбора пожертвований девять сестер: манатейная монахиня Илария, одна рясофорная послушница, три послушницы, официально причисленные в сестричество, и четверо певчих–беллиц.

Монахине Иларии, как старшей, было предписано наблюдать за поведением сестер, а именно: «1) строжайше соблюдать во время хождения своего всякое благочиние и тишину, и всякое благоговение и почитание к носимым иконам, 2) иметь бдительнейшее смотрение за нравственностью и поведением всех сестер, в особенности клиросных, чтобы они отнюдь и ни под каким видом не допускали в поведении своем никаких неприличностей и проступков, никаких между собою прекословий и несогласия, равным образом глумления и смеху, соблазн произвести могущих; в случае замеченных за ними неблагоприятностей, келейно наказывать их по мере вины поклонами или чувствительными выговорами и, буде не исправятся, доносить самой игуменьи; 3) в обхождении с людьми соблюдать всякое благоразумие, скромность, целомудрие, смирение, почтительность, одним словом, вести себя так, как долг монашеский того требует, и чрез это внушить высокое мнение о самой обители».

Крестный ход длился с 5 мая 1831 г. по 7 января 1832 г. Икона и мощи были пронесены по Невьянскому, Тагильскому, Режевскому, Алапаевскому заводам, некоторым селениям по Верхотурскому тракту, в сам город Верхотурье, затем по Богословскому и Гороблагодатским заводам. После возвращения в Екатеринбург через некоторое время крестный ход отправился в Кунгурский, Пермский и Соликамский уезды, откуда в обитель вернулись в начале 1833 г. Как отмечала игуменья Александра в отчете на имя епископа Пермского, «везде

---

⁴⁰⁵ См. выше, с. 101–102. Правила 1830 г., например, воспроизводят основные положения предписаний 1811 г. (см. ГАПК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 30. Л. 281–281 об.).

⁴⁰⁶ Там же. Л. 281.

оказываемо было, как благородными особами, равно духовенством и простонародьем к носимым святыням особенное христианское благоговение и усердие». Крестные ходы принесли и существенные материальные выгоды: было собрано 14062 руб. 50 коп. деньгами, 5500 аршин холста, свечных огарков для переделки 13 пудов 17 фунтов, а также разных малоценных вещей на сумму около 200 руб.

Игуменья предполагала продолжить крестные ходы и 20 июня 1833 г. просила епископа Пермского Аркадия дозволить хождение уже только с иконою Тихвинской Божией Матери по тракту в Сысертский, Полевской, Каслинский, Кыштымский и в другие окрестные заводы и селения, а оттуда в Шадринск и Камышлов. Однако владыка повелел с этим крестным ходом подождать до тех пор, пока специально назначенные от консистории представители духовенства не проведут проверку финансовой документации монастыря⁴⁰⁷. Итог ревизии в настоящее время по историческим документам не прослеживается.

14 марта 1838 г. настоятельница снова обратилась к владыке с просьбой разрешить крестный ход с иконой для целевого сбора пожертвований на строительство Александро-Невского собора, епископ передал ее просьбу на решение в губернское правление, но оттуда последовал отказ, обоснованный ссылками на существующее законодательство о предупреждении и пресечении преступлений⁴⁰⁸. С конца 30-х годов епархиальное начальство уже не давало согласия на организацию крестного хода⁴⁰⁹.

Основанием стал изданный 27 февраля 1830 г. синодальный указ (по именному повелению) о запрещении монашествующим утруждать Императора прошениями о благотворительной помощи, принятый по инциденту, связанному с Гамалеевским Рождественским девичьим монастырем Черниговской епархии. Насельницы этой обители, получившие разрешение производить сбор подаяний на ремонт монастырской церкви, подали прошение на имя императора, прося о всемилостивейшем пособии на это. Император выразил недовольство, сочтя просьбы монастыря чрезмерными, поскольку в 1826 г. обители уже было оказано «важное пособие». По императорскому повелению Синод издал указ, касающийся всех монастырей страны, предписыва-

---

⁴⁰⁷ Иконников В. Указ. соч. С. 13–14.

⁴⁰⁸ Там же. С. 53.

⁴⁰⁹ Там же. С. 13.

ющий выдавать книги для сбора пожертвований «с крайним рассмотрением и осторожностью» и следить, чтобы сборы не проводились сверх разрешенного срока⁴¹⁰.

С конца 30-х годов епархиальное начальство уже не давало согласия на организацию крестного хода⁴¹¹, вероятно, сочтя Ново-Тихвинский монастырь достаточно обеспеченным благодаря открытию в нем в 1837 г. свечного завода и отведением земли в размере 100–150 десятин для земледельческих занятий из казенных ресурсов согласно межевым законам 1835 г.⁴¹²

Что касается монастырских крестных ходов в Екатеринбурге, на их проведение можно было не испрашивать разрешение епархиальных властей, поскольку благословение уже было дано. Следовало только уведомлять управу благочиния, дабы она обеспечила порядок при проведении шествия, в частности, закрытие питейных заведений по маршруту следования⁴¹³.

Как долго проводились монастырем крестные ходы в Екатеринбурге — этот вопрос требует дополнительного выявления источников. Согласно описанию монастыря, изданному в 1875 г., крестный ход 26 июня продолжал проходить ежегодно вокруг монастыря и города⁴¹⁴. В брошюре, изданной в Екатеринбурге в 1901 г., уже содержится информация о проведении ежегодного крестного хода 26 июня только вокруг монастыря⁴¹⁵. Автор публикации о монастыре в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях» в 1906 г. утверждал, что крестный ход в монастыре «в этот день ныне совсем не совершается»⁴¹⁶.

Радостными событиями в жизни монастыря были визиты высокопоставленных особ. Так, 30 мая 1837 г. обитель посетил наследник престола — будущий император Александр II, а 15 сентября 1845 г. герцог Максимилиан Лейхтенбергский, супруг великой княжны Марии Николаевны, сестры императора Александра II⁴¹⁷.

---

⁴¹⁰ ПСЗ-2. Т. V. Отд. 1. СПб., 1831. № 3508.

⁴¹¹ *Иконников В.* Указ. соч. С. 13.

⁴¹² *Ивановский В.* Указ. соч. С. 157.

⁴¹³ ПСЗ-1. Т. XIX. № 13847; Т. XXI. № 15379.

⁴¹⁴ *Иконников В.* Указ. соч. С. 11.

⁴¹⁵ *Штейнфельд Н. П.* Указ. соч. С. 4.

⁴¹⁶ Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1906. № 24. Отдел неофиц. С. 811.

⁴¹⁷ *Иконников В.* Указ. соч. С. 54.

На благо других

Насельницы Ново-Тихвинского монастыря не только заимствовали опыт других обитателей, но и сами становились наставницами в иноческой жизни для более молодых монастырей Урала. Уже в 1827 г. в Туринский женский монастырь, учрежденный пятью годами ранее, из Екатеринбурга поехали монахини Фоманда и Анфия. Настоятельницей Туринского монастыря епархиальное начальство определило монахиню Амфилохию, которая, вероятно, тоже была из числа насельниц Ново-Тихвинской обители. О монахине Амфилохии известно мало, в 1828 г. настоятельницей Туринского монастыря была назначена уже монахиня Пульхерия, возможно, в связи с кончиной Амфилохии⁴¹⁸.

Монастырь продолжал заниматься благотворительностью: лечением больных и обучением малолетних детей.

Для больных имелся небольшой корпус, примыкавший к церкви во имя Божией Матери Всех скорбящих Радости. Церковь была построена так, чтобы даже лежащие больные могли при открытых дверях слышать богослужение⁴¹⁹.

Завет обучать детей оставила еще игуменья Таисия. В первые годы существования обители их учили сестры в кельях, причем принимали на обучение не только малолеток, живших в самой обители, но и девочек, живших в городе — из семей духовенства, купечества⁴²⁰.

При игуменье Александре 4 сентября 1838 г. в монастыре было открыто училище сообразно правилам, утвержденным императорским указом в 1836 г. Правила эти предписывали заводить училища при церквях и монастырях «в виде простом и приспособленном к народному быту» для начального обучения детей чтению, письму, молитвам и началам катехизиса. Содержалось училище полностью за монастырский счет, преподаванием занимался один из обительных священников на безвозмездной основе, а рукоделиям учила одна из монахинь, которой и поручен был ближайший надзор за училищем⁴²¹. Более подробные сведения о численности и составе учащихся в первые годы существования училища, к сожалению, не сохранились.

---

⁴¹⁸ Головин П. Туринский Николаевский женский монастырь // Тобольские епархиальные ведомости (далее: ТЕВ). 1890. № 9–10. Отдел неофиц. С. 212; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 454. Л. 131 об. – 132, 140.

⁴¹⁹ Иконников В. Указ. соч. С. 49.

⁴²⁰ Там же. С. 91.

⁴²¹ Там же; Отчет о состоянии Зауральского епархиального женского училища, что при Екатеринбургском женском монастыре, за 1880/81 учебный год // ПЕВ. 1882. № 4. Отдел офиц. С. 46.

21 ноября 1847 г. монастырь посетил архиепископ Пермский Аркадий. Он осмотрел и училище, которое произвело на него самое благоприятное впечатление. 24 ноября владыка прислал настоятельнице Александре свои рекомендации по улучшению состояния училища, которое он считал заведением весьма полезным для епархии в целом:

«Достоподрожательною попечительностью Вашею заведенное при управляемом Вами монастыре училище, сколько я мог заметить в 21 число ноября, должно обратить на себя особенное внимание епархиального начальства: оно известно даже в г. Чердыни; оно воспитывает бесприютных сирот; оно показало уже и плоды. За всем тем признаю нужным возвысить значение и пользу столь необходимого заведения. Для сего желал бы я, чтобы 1) должность учителя вместо священника А. А. была возложена на другого священника; 2) чтобы в пособие сиротам в содержании была определена сумма, которую епархиальное попечительство будет обязано доставлять в Ваше распоряжение; и 3) чтобы касательно надзора за воспитанницами были изложены правила приспособительно к месту помещения училища, к лицам обучающимся, к самому монастырю.

Училище сие должно состоять под главным непосредственным попечением и покровительством Вашим; но к сему не признаете ли Вы нужным иметь двух попечительниц и из старших сестер Вашего монастыря, равно и для надзирательницы одну или две помощницы? Добрая нравственность, рукоделие, приличные лицу обучающемуся, по его состоянию и по видам будущего устройства, должны относиться к существенным предметам заботливости надзирательницы, внимания попечительницы и Вашего материнского покровительства. Изложив сии мысли мои, нимало не стесняя Ваших ближайших, на опыте основанных, соображений, я буду дожидать от Вас уведомления о последующем.

По нашей епархии заводятся училища для детей женского пола не только по заводам, но и по селам: нашел я, к удивлению и к удовольствию, заведение сего рода на границе с Тобольской епархией. Ваше должно первенствовать между ними по всем отношениям. Господь Спаситель наш да благословит Ваше управление монастырем и по сему предмету.

С любовью моею и уверением есмь Аркадий архиепископ Пермский»⁴²².

---

⁴²² Цит. по изд.: *Иконников В.* Указ. соч. С. 92–93.

В соответствии с пожеланиями епископа в 1848 г. в Перми составлен был устав для Екатеринбургского женского училища. Его авторами были люди, хорошо знавшие систему духовного образования: архимандрит Верхотурского Николаевского монастыря Павел (Смирнов), профессор Пермской семинарии протоиерей Михаил Протасов, бывший законоучитель Пермской гимназии Иаков Пономарев и бывший законоучитель Пермского уездного училища, а потом и гимназии Василий Земляницын⁴²³.

Училище создавалось как женское всесословное, без ограничения численности и места жительства учащихся, доступное как для православных, так и для раскольников и единоверцев, о чем и говорилось во втором параграфе устава⁴²⁴. Там же отмечалось, что епархиальное попечительство о бедных духовного звания должно заботиться о первоочередной отдаче в это училище сирот, а екатеринбургское городское духовенство при отборе кандидатур учениц должно руководствоваться соображениями полезности и советами родителей.

Принимались ученицы лично настоятельницей монастыря по общению епархиального попечительства или по согласованию условий их содержания с родителями. Девочкам должно было быть не менее 6 лет (§ 4 устава).

Устав предписывал особую заботливость настоятельницы и преподавателей к детям раскольников, простиравшуюся вплоть до веротерпимости. Так, в § 15 значилось: «Если раскольники не иначе пожелают отдать детей своих в учение, как по книгам старопечатным или изданным в единоверческой типографии, принимать их с сим условием и обучать их по сим книгам».

Впрочем, эта веротерпимость осталась лишь в проектах: ни одна старообрядческая и единоверческая девочка в училище так и не поступила. Не стало училище и всесословным: в нем учились прежде всего дети из семей духовенства⁴²⁵.

Сроки пребывания учениц в училище жестко определены не были: в уставе значилось, что «курс учения определяется успехами воспитанниц и волею их родителей». Сироты могли по своему желанию оставаться в монастыре и по окончании срока обучения (§ 6).

Девочки должны были заниматься «учением, рукоделием и хозяйством». «Учение» включало в себя навыки чтения книг церковной и гражданской печати, желающие могли научиться также письму.

---

⁴²³ Там же. С. 95.

⁴²⁴ Устав сохранился в фонде: ГАПК. Ф. 147. Оп. 1. Д. 677. Л. 1–13.

⁴²⁵ Иконников В. Указ. соч. С. 93, 95.

Воспитанницы обязаны были знать наизусть молитву Господню, Символ веры, десять заповедей, стих «Богородице, Дево радуйся» (§ 12–13). В § 7 устава значилось, что учителем должен быть кто-либо из монастырских священников, «но для отклонения столкновения по обязанностям других должностей признается более удобным и полезным назначить двоих, кои между собою условливаются в преподавании предметов, чтобы соблюдать единство в учении, и кои учить должны без всякого договора и без всякого возмездия». Назначение на должность учителей и их увольнение производилось по представлению настоятельницы епархиальным начальством (§ 8).

Предметом особых забот было качество преподавания. Устав предписывал «учащим» присовокуплять к требованию заучивания молитв «краткое и самопростейшее изъяснение оных из катехизиса и главнейшие сказания из священной истории, передавая сие изъяснение и сии сказания в виде разговоров, по временам и случаям возобновляемых, без школьной принужденности и буквального вытверждения на память». «Смотря по удобности», можно было преподавать и начала арифметики (§ 13). Устав требовал сделать обучение максимально доступным: «...при самом первом обучении чтению не оставлять ни одного, по чему-либо замечательного слова без объяснения, ни одного праздничного дня или особенно знаменательного обряда при Богослужении, при котором дети присутствовали» (§ 14).

«Рукоделие», преподаваемое в училище, включало в себя «низание бисерами, вышивание шелками, шерстями и т[ому] под[обное]» (§ 17). К «хозяйству» было отнесено приучение к «вязке чулков, приготовлению белья, распоряжениям по хозяйству и тому подобным предметам, необходимым в домашнем быту». Рукодельные и хозяйственные занятия воспитанниц должны были быть назначаемы «применительно желанию родителей, состоянию детей и видам будущей их судьбы». Допускалось прохождение таких занятий в родительском доме (§ 18, 27).

Рукодельным и хозяйственным навыкам воспитанниц должны были обучать две надзирательницы из числа старших монахинь и две их помощницы из числа насельниц самого монастыря «примерного поведения и характера, знающие грамоту и опытные в рукоделиях и домашнем хозяйстве». Надзирательницы и их помощницы назначались настоятельницей монастыря, которая являлась попечительницей училища, и трудились на безвозмездной основе. Кроме рукодельных и хозяйственных навыков они обязаны были, для облегчения занятий учителя–священника, учить неграмотных навыкам чтения и письма.

Четкого разделения обязанностей между надзирательницами и их помощницами не было, это определялось распоряжением настоятельницы монастыря, но кроме контроля за обучением, надзирательницы и их помощницы должны были наблюдать за поведением девочек и порядком в училище (§ 9–11, 19).

Распорядок дня в училище был четко определен. Все время делилось на учебное, свободное от обучения и вакационное (каникулярное).

Каникулы в училище бывали с 1 июля по 1 сентября, на это время ученицы уезжали по домам родителей или «благонадежных родственников». Если девочки на каникулы оставались в монастыре (сироты, например), то время посвящалось «приучению» их к хозяйственным занятиям (§ 24–25).

Учебное время составляли все будние дни. Девочки вставали в 6 часов утра, читали утренние молитвы, с 7 до 9 часов повторяли уроки, с 9 до 12 учились, после чего им давался один час на обед и один час на отдых. С 2 до 5 часов дня они занимались рукоделиями, после чего отдыхали один час и еще три часа готовили уроки. В 8 часов вечера был ужин, молитвы, в 9 часов ложились спать (§ 21–22)⁴²⁶.

Свободное время составляли дни праздничные (церковные праздники), «торжественные» (государственные праздники) и воскресные. Девочки отдыхали четыре дня Святков, три последних дня сырной недели, первую и последнюю неделю Великого поста, в Пасхальную неделю (§ 23). В свободное время девочки также могли находиться у родителей или родственников, посвящая его «посещению богослужений, чтению душеспасительных книг, повторению пройденных учебных предметов, или приготовлению вновь данных от учителя уроков» (§ 25).

Специальное время на обучение хозяйственным навыкам не выделялось, но устав предписывал использовать для этого любую возможность, «даже самые прогулки девиц приспособляемы будут к тому, чтобы они получали какой-либо урок в хозяйстве, и таким образом девицы исподволь будут приобретать знания и навык в занятиях домашнего быта» (§ 27).

Знание девочек ежедневно проверялись до уроков надзирательницами и их помощницами. Учителя вели журналы, ежедневно предъявляемые попечительнице – настоятельнице монастыря (§ 28–32).

---

⁴²⁶ Подобный распорядок дня был достаточно типичен для церковных школ того времени. Например, в монастырском училище в Перми, существующем на частные пожертвования А. С. Губкина, распорядок был таким же (см.: ГАПК. Ф. 147. Оп. 1. Д. 677. Л. 27–28 об.).

Предметом особых забот было благонравие учениц. Надзирательницы должны были «свято наблюдать, чтобы питомицами каждый день, всякое занятие, обед и ужин начинаемы и оканчиваемы были благоговейным призыванием имени Божия, испрошением благословения Господнего, приличными на каждый случай молитвами» (§ 46). Поведение воспитанниц должно было соответствовать монастырскому уединению: «Между ученицами отнюдь не должно быть ссор, нескромного смеха, празднословия, неприличной резвости и игр, как в комнатах, так и вне оных. Таким образом, чтобы не только поступки учениц были приличны их полу и возрасту, но и самые разговоры их имели бы предметом более то, что относится к их учению и прочим занятиям» (§ 47).

Примером благоповедения для воспитанниц должны были служить их учителя и надзирательницы, которые своим обхождением и наставлениями утверждали бы «в сердцах... питомиц любовь к добру и христианской жизни». Наставникам предписывалось обходиться с питомицами так, «как обходятся благоразумные родители с детьми: без холодности и строптивости, а тем более без жестокости, убивающих в душах питомиц нежное расположение и доверенность к их воспитателям, но и без неуместной доброты и слабости, могущих мало по малу истребить в питомицах чувство должного к воспитателям уважения, в котором ученицы должны находить для себя побуждение к доверчивому повиновению к их руководителям на пути добра и к охотному исполнению своих обязанностей» (§ 49, 50).

«Для очевидности успехов учениц в занятиях их необходимы испытания», — гласил устав (§ 33). Испытания (экзамены) были разные: экстренные (проводимые попечительницей училища в любое время), третичные (в декабре, апреле и июне) и годовичные (30 июня). Экзамены проводились публично: в присутствии родителей, родственников, а годовичные — в присутствии викарного епископа или специально назначенного им лица. Итоги экзаменов с отметками о поведении учениц представлялись в отчете епископу. Успехи в обучении и поведении учениц отмечались похвальными листами или книгами (§ 34–40). Предусмотрено было и церковное поощрение лучших учениц: «оказавшим особенные успехи в церковном чтении, по желанию родителей, в праздничные дни давать в церкви место на клиросе, приохочивать их к церковному пению и по возможности употреблять по церковному чтению, дабы очевидность успехов их служила в утешение родителей и в поощрение прочих» (§ 40).

Обеспечивалось училище за счет монастыря. На содержание сирот в училище с 1848 г. епархиальным попечительством о бедных отпускалось по 20 руб. в год на каждую воспитанницу⁴²⁷. За обучение остальных платили родители, сумма согласовывалась с настоятельницей персонально. Устав предписывал санитарные нормы содержания учениц, опрятность и единообразие их одежды. Предусматривалась возможность пожертвований на училище, а также некоторые доходы от продажи рукоделий воспитанниц (§ 52–70).

Учителями были назначены монастырские священники Филарет Зубарев (преподавал катехизис) и Аркадий Казанский (преподавал священную историю и арифметику). Последний нес учительские обязанности до 1858—59 учебного года, с усердием и «отличным знанием своей обязанности». Чтению и письму обучали монахини⁴²⁸.

Кончина игуменьи Александры

За свои труды матушка Александра была награждена в 1842 г. наперсным крестом, а в 1848 г. крестом, украшенным драгоценными камнями. Обе награды даны были от Синода с высочайшим (императорским) утверждением⁴²⁹.

В начале ноября 1857 г. игуменья Александра заболела. Врачи установили диагноз — бронхит. Несмотря на лечение, болезнь прогрессировала, и 10 февраля 1858 г. настоятельница скончалась. Еще при жизни, свято чтя общежительные традиции обители, она оставила все свое имущество монастырю. Впрочем, ее родственники из крестьян с. Стриганского Ирбитского уезда и не претендовали на него⁴³⁰.

---

⁴²⁷ Иконников В. Указ. соч. С. 98.

⁴²⁸ Там же. С. 95.

⁴²⁹ Там же. С. 36.

⁴³⁰ Там же. С. 54–55.

Глава 6. Монастырь «высшей степени процветания и благоустройства»

Преемницей матушки Александры по желанию сестер и указу Пермской консистории от 18 февраля 1858 г. стала бывшая казначея Ново-Тихвинской обители монахиня Магдалина. Одновременно с указом о ее назначении насельницы получили послание от епископа Пермского Неофита:

«Преподобные инокини св[ятой] обители новотихвинские!

Лишение любимой и уважаемой матери, конечно, поражает скорбью сердца осиротевших чад; но Тот, кто посылает скорби и лишения, силен ниспослать и утешение со избытием. Ищите его в молитвах по усопшей, вознося моления и о том, чтобы Господь даровал вам в преемнице усопшей видеть благопечительную мать, усердно пекущуюся о благосостоянии обители в спокойствии живущих в ней.

Настоятельницаю обители имеете вы ныне из среды вас, инокиню Магдалину, которая в свое время имеет быть возведена и в сан игуменьи по церковному чину. Итак, примите сие назначение с духом любви и благопокорностию в послушаниях, возложенных и впредь возлагаемых на каждую из вас. За сим благодать вам и мир, по слову Апостола, да умножится.

Призывая на вас Божие благословение и поручая себя молитвам вашим, я остаюсь вашим благожелательнейшим сомолитвенником.

Неофит, архиепископ Пермский.

17 февраля 1858 года».

Получила письмо от епископа и вновь назначенная настоятельница:

«Преподобная мати Магдалина!

Господь, воззавший в вечные свои обители настоятельницу Вашей земной обители, призывает Вас к новому званию настоятельницы и сану игуменьи в свое время. Примите сие звание с смиренным молением, чтобы Господь даровал Вам мудрость и крепость сил к управлению вверяемой обители. Потщитесь поддержать тот порядок, мир и тишину, трудолюбие и благочестие, которые сохранились доселе в обители Вашей...».

Старшие сестры монастыря сочли своим долгом поблагодарить владыку Неофита, написав ему 23 февраля: «Это назначение служит милостивым исполнением нашего искреннего желания иметь настоятельницею обители сию сестру нашу, которая, с детских лет живя под кровом обители, всегда с всецелым усердием посвящала свои силы

и труды на служение обители к ее пользе и благу, а также утешительным залогом поддержания обители на той степени процветания мира и спокойствия, на которую обитель поставлена покойной г[оспо]жой настоятельницею. А потому мы считаем священным долгом почтительнейше принести Вашему Высокопреосвященству нашу глубочайшую признательность за этот новый опыт Вашей отеческой благопечительности об обители нашей»⁴³¹.

Екатеринбургский монастырь на всем протяжении своего существования отличался большой стабильностью: численность сестричества из года в год увеличивалась, покидали монастырь немногие, и настоятельницы, руководившие всей его жизнью, также менялись редко. Игуменья Таисия возглавляла монастырь 30 лет, матушка Александра — 31, сменившая ее игуменья Магдалина — 35 лет (с 1858 по 1893 г.). Настоятельство каждой — это судьба целого поколения насельниц.

Новая настоятельница была землячкой игуменьи Александры — родом из крестьян Стриганского села Ирбитского уезда Пермской губ. В миру ее звали Марией Анатольевной Неустроевой. Даты ее рождения указывались разные: согласно метрическим записям — 12 февраля 1812 г., согласно ее некрологу — 1 апреля 1813 г., в послужных списках указывался 1802 г. В 1817 г. она была отдана в монастырь⁴³².

Можно предположить, что Марию Неустроеву связывали с настоятельницей Александрой не только земляческие, но и родственные отношения. В 1841 г. матушка Александра упоминала о том, что подаренная Верхотурскому Николаевскому монастырю митра вышита ее родной племянницей, другие исторические документы свидетельствуют, что к этому времени Мария Неустроева уже была облечена в рясофор с именем Марфа и занималась золотошвейным рукоделием, а в 1842 г. была отправлена совершенствоваться в этом ремесле в Москву и Арзамас.

Первые годы по поступлении в монастырь Мария Неустроева обучалась грамоте и рукоделиям у более опытных насельниц. Она научилась читать, писать, знала Закон Божий. Сестры быстро распознали

---

⁴³¹ Цит. по изд.: *Иконников В.* Указ соч. С. 55–56.

⁴³² Биографические данные приведены по материалам: ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 61–62 а, 164–167, 320–323, 383–386, 391–394, 463–466, 606–609, 615–618, 727–730, 838–841, 899–902, 990–994, 1095–1098, 1156–1159, 1223–1226, 1215–1218; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 444. Л. 1 об. – 4; Д.454. Л. 33–36, 393–396; Д. 460. Л. 1 об. – 4; Д. 476. Л. 1 об., 5 об. – 8, 12–14; *Младов Г.* Указ. соч. С. 111; *Иконников В.* Указ. соч. С. 57.

в девочке и ее рукодельные дарования: она постигла не только золотшвейное мастерство, но и шитье по канве шерстями, шелками и бисером, трафаретное рисование. У нее обнаружили певческие способности, и занятия рукоделиями она сочетала с чтением и пением на клиросе в церкви.

Постигнув все премудрости рукодельного мастерства, она в 1830 г. была назначена старшей над этими рукоделиями. С 1836 г. ей поручено было также заведовать монастырской библиотекой. Послушания она несла с неизменным усердием и интересом; протоиерей Григорий Младов в 1893 г. отмечал, что «до сих пор много книг встречается с собственноручными ее пометками и надписями; нужно думать также, что это заведование библиотекой монастыря и чтение святоотеческих творений оказывало большое влияние на жизнь молодой послушницы Неустроевой»⁴³³.

Иноческое призвание Марии было очевидно для настоятельницы и сестер обители. Все послушания она исполняла с редкими усердием и успешностью. 27 августа 1844 г. она была пострижена в монашество с наречением имени Магдалина епископом Екатеринбургским Мелхиседеком в одной из церквей обители.

Через четыре года, в январе 1848-го, ей было поручено послушание помощницы попечительницы монастырского училища, причем и все ранее данные послушания, судя по документам, с нее не были сняты. Но и новое оказалось ее призванием. Современники видели, что «обязанности по училищу были для нее не столько требованием монашеского послушания, сколько требованием ее любящего сердца, ее любви к сиротам». Особенным вниманием монахини Магдалины пользовались сироты из бедных семей. Впоследствии, став настоятельницей обители, она не упускала случая выдать какое-либо пособие сиротам, покидавшим монастырь, пеклась и о том, чтобы выпускницы монастырского училища были выданы замуж с пристойным приданым. О нежной любви детей к матушке Магдалине говорит эпизод, глубоко впечатливший современников: одно из именитых лиц, посетивших игуменью Магдалину, встретило в ее кельях воспитанницу-сироту и спросило ее: «Что, матушка игуменья родня тебе?» — «Нет, не родня, а только мама», — ответила сиротка⁴³⁴.

За прохождение послушания по училищу монахиня Магдалина неоднократно удостоивалась церковных наград: 3 сентября 1854 г. ей

---

⁴³³ Младов Г. Указ. соч. С. 112.

⁴³⁴ Там же. С. 114.

были преподаны благодарность и благословение от викарного епископа Екатеринбургского Ионы «за усердное исправление должности помощницы попечительницы училища»; 20 января 1855 г. и 28 марта 1856 г. она получила благословения Синода «за ревностное и усердное прохождение должности помощницы попечительницы училища».

28 марта 1856 г. монахиня Магдалина была назначена на послушание казначеи, одновременно продолжая исполнять послушание помощницы наставницы училища. Эти обязанности она совмещала вплоть до назначения 18 февраля 1858 г. настоятельницей монастыря и, по этой должности, попечительницей училища. 6 апреля она была возведена в игуменский сан.

Насельницы Ново-Тихвинской обители

Число насельниц монастыря постоянно росло. Так, в 1866 г. в обители проживали 381 человек, в 1881 г. — 510, в 1890 — 605⁴³⁵. Около 55% из них составляли монахини, рясофорные послушницы и послушницы, причисленные в число сестричества — прошедшие определенный испытательный срок. Остальные 45% составляли «послушницы, живущие по билетам», т. е. не имеющие официального причисления к монастырю, как правило, прожившие в нем около года⁴³⁶.

Монастырь продолжал оставаться не столько «женским», сколько «девичьим»: из насельниц 1866 г., например, 93% составляли девицы, и лишь 7% — вдовы. Появлялись они в обители в разном возрасте: некоторых отдавали еще в детстве, некоторые приходили весьма престарелыми (по данным 1866 г., от 4 до 77 лет). В среднем же поступали в монастырь в 23 года.

По социальному происхождению большинство были из семей крестьян (61%), мастеровых уральских заводов (14%), мещан и духовенства (по 6%). Реже приходили в обитель девушки из семей непременных работников заводов, монастырских служителей, чиновников и военных. В целом, монастырь был в равной мере доступен всем слоям, а происхождение насельниц соответствовало социальной структуре уральского общества того времени.

---

⁴³⁵ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 454. Л. 56.

⁴³⁶ Эти и последующие расчеты в данной главе выполнены по материалам: ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 454, 476. При всех процентных и среднестатистических вычислениях учитывались только те данные, которые не несут разночтений (например, в ведомостях монашествующих и послушниц за несколько лет указаны одни и те же данные о возрасте, годе поступления в обитель и т.д. по той или иной насельнице).

Свидетельством постоянной заботы обители о научении насельниц навыкам чтения и письма — элементарной грамотности, является и тот факт, что неграмотными в нем к 1866 г. были лишь 18% сестер. Монастырь в середине XIX в. был одним из центров начального женского образования на Урале, причем тем центром, где образование давали как детям, так и взрослым⁴³⁷.

Обитель оставалась чисто «уральской»: 94% насельниц до ухода в монастырь проживали в Пермской губ., хотя были и уроженки других губерний: Оренбургской, Вятской, Тобольской. По одному человеку было из Казанской, Уфимской и даже Владимирской губ. Из Пермской губ. чаще всего в обитель поступали жительницы ближайшего Екатеринбургского уезда (41% всех насельниц 1866 г.), Камышловского (18%) и Верхотурского (17%) уездов; меньше насельниц было из Ирбитского и Шадринского уездов (по 7%), из остальных уездов губернии приходили единицы (от 1 до 3 человек).

С некоторыми местностями у монастыря складывались устойчивые контакты, и в самой обители образовывались даже своеобразные «землячества» из представителей тех или иных уральских волостей. Так, если присутствие в сестричестве Ново-Тихвинского монастыря в 1866 г. 31 жительницы самого Екатеринбурга неудивительно, учитывая расположение монастыря в этом городе, то проживание в монастыре 16 человек из Колчеданской волости Камышловского уезда, 14 человек с Сысертского завода Екатеринбургского уезда, по 11 человек из Арамашевской волости Верхотурского уезда и из Коневской волости Екатеринбургского уезда, по 10 человек из Алапаевского завода Верхотурского уезда и из Троицкой волости Камышловского уезда⁴³⁸ может объясняться только устойчивыми личными контактами некоторых насельниц со своими земляками, их выразительными рассказами о жизни в обители, передававшимися через родственников и знакомых в их родных местах.

---

⁴³⁷ См. для сравнения данные по уральским монастырям начала XX в.: *Нечаева М. Ю.* Грамотность монашества Екатеринбургской епархии в начале XX века // Урал в прошлом и настоящем. Ч. I. Екатеринбург, 1998. С. 304–310.

⁴³⁸ Этот список можно продолжать и далее: 9 человек были родом из Маминской волости Екатеринбургского уезда, по 8 человек — с Верх-Исетского завода и с Березовских приисков Екатеринбургского уезда, из родных мест основательницы монастыря матушки Таисии, столько же — из Бобровской волости Ирбитского уезда и из Волковской волости Камышловского уезда; по 7 человек — из Коптеловской волости Верхотурского уезда и с Арамилевского участка Екатеринбургских горных заводов; 6 человек — из Кишкинской волости Верхотурского уезда; по 5 человек — с Билимбаевского завода Екатеринбургского уезда и из Петропавловской волости Шадринского уезда.

Иногда такие «центры притяжения» в обители по историческим документам выявить довольно просто — это насельницы, пользовавшиеся авторитетом не только у земляков, но и показавшие себя умелыми мастерицами, способными организаторами, и за это поставленные после долгих лет проживания в монастыре на ответственные послушания.

Так, например, родом из Колчеданской волости была монахиня Варсонофия Дубровина, в 1866 г. исполнявшая послушание экономки монастыря, и рясофорная послушница Татьяна Петровна Окулова, управлявшая Булзинской заимкой.

Часто в монастырь приходили из той или иной местности одновременно люди одного возраста, вероятно, связанные родственными узами. Так, в сестричестве Ново-Тихвинского монастыря в 1866 г. было 9 крестьянок «Дементьевых», все — из Колчеданской волости. Первыми, в 1845 г., появились Ирина Гавриловна (21-го года) и Елена Алексеевна (23-х лет), впоследствии они были облечены в рясофор (соответственно в 1861 и 1865 гг.) и на протяжении многих лет несли «разные» послушания (временные, куда пошлют), сочетаемые с занятием вязанием чулок и прядением⁴³⁹. В 1848 г. к ним присоединились Мария Герасимовна (27-ми лет) и Анна Кононовна (19-ти лет). В 1859 г. Анна, а в 1861 г. Мария были облечены в рясофор, Анна несла «разные» послушания, вязала чулки, была звонаркой при церкви, Мария занималась производством восковых свеч, в 1869 г. приняла постриг с именем Мардария, впоследствии занималась также «разными» послушаниями⁴⁴⁰. В 1861 г. в монастырь пришли еще трое «Дементьевых»: 36-летняя вдова Анисья Игнатьевна и, вероятно, двое ее дочерей — восьмилетняя Параскева Егоровна и шестилетняя Федосия Егоровна⁴⁴¹.

Жительниц Сысертского завода в монастырь приводили, вероятно, сведения о Екатерине Евграфовне Горных, дочери диакона заводской церкви, отданной в обитель в 1839 г. одиннадцатилетней девочкой. В 1857 г. она была облечена в рясофор, занималась пением и чтением

---

⁴³⁹ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 17 об. — 18, 22 об. — 23, 46 об. — 47, 51 об. — 52, 84 об. — 85, 91 об. — 92, 145 об. — 146, 150 об. — 151, 201 об. — 202, 205 об. — 206, 259 об. — 260, 262 об. — 263, 344 об. — 345, 347 об. — 348, 438 об. — 439, 441 об. — 442; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 20 об. — 21, 23 об. — 24.

⁴⁴⁰ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 15 об. — 17, 44 об. — 46, 82 об. — 84, 144 об. — 146, 197 об. — 199, 253 об. — 254, 257 об. — 258, 337 об. — 338, 342 об. — 343, 432 об. — 433, 436 об. — 437; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 14 об. — 15, 18 об. — 19.

⁴⁴¹ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 115, 125 об. — 126, 276 об. — 277, 359 об. — 360, 374 об., 452 об. — 453; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 443. Л. 3, 22, 36 об. — 37.

на клиросе и золотошвейным рукоделием, в 1869 г. уже стала регентшей и обучала воспитанниц монастырского училища пению, в 1870 г. приняла постриг с именем Евтихия, продолжала исполнять обязанности регентши, а также управляла золотошвейным рукоделием и ризницей⁴⁴². Приходившие в церковь девушки из семей мастеровых Сысертского завода слышали о ней, и некоторые решили избрать иноческую жизнь.

В монастыре родственниц и землячек как правило на одно и то же послушание не ставили: на смену мирским связям приходило другое единение — единение в Боге. Способности насельниц нести возложенные на них послушания проверялись годами, больше всего в иноческой жизни ценилось усердие. Ежегодно характеризуя сестер в отчетных документах, подаваемых епархиальному начальству, настоятельница монастыря выбирала для них слова «качеств очень хороших, к послушанию способна и усердна», иногда добавляя к ним еще более выразительные эпитеты: «отлично хорошего» поведения, «примерно усердна». Самой скромной характеристикой было указание: «поведения хорошего».

Первой вехой на иноческом пути обычно бывало облечение в рясофор. Для него не существовало возрастных ограничений, но совершалось оно после прохождения насельницей длительных трудов, при многолетнем испытании в соблюдении иноческих обетов. Срок между поступлением в монастырь и облечением в рясофор составлял от 3 до 45 лет, в среднем — 18 лет. Удостаивались его насельницы в возрасте от 21 до 66 лет, в среднем — в 40,5 лет.

Последование малой схимы (обряд пострижения в монашество) совершалось после длительного искуса. Согласно церковным правилам, этот срок должен был составлять три года, но в Ново-Тихвинском монастыре в середине XIX в. искуса составлял от 8 до 47 лет, в среднем — 26 лет. Отчасти столь долгий срок объяснялся возрастными ограничениями на постриг, существующими в российском законодательстве того времени — не менее, чем в 40 лет⁴⁴³. Поскольку в монастырь часто приходили в юном возрасте, ждать сорокалетия приходилось долго. Но это лишь одна из причин. Более существенным основанием длительного искуса была высокая требовательность к качествам постригаемой послушницы. Эту требовательность задавал дол-

---

⁴⁴² ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 12 об. – 13, 41 об. – 42, 79 об. – 80, 141 об. – 142, 196 об. – 197, 255 об. – 256, 326 об. – 327, 423 об. – 424, 496 об. – 497; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 4 об. – 5.

⁴⁴³ ПСЗ-2. Т. VII. № 5399.

гий суровый путь к иночеству первых поколений насельниц монастыря, сделавший многотрудный искус традицией. В 60–80-е годы XIX в. при наличии 100 штатных мест для монашествующих в обители, на которых отпускалось государственное содержание, монахинь было от 75 до 98⁴⁴⁴ (не считая настоятельницы), т. е. оставались свободные штатные места. Своя традиция для обители была дороже формальных разрешений.

После облечения в рясофор ожидать принятия пострига приходилось от 2 до 39 лет, в среднем 15 лет. Постриг принимали в возрасте от 41 до 75 лет, в среднем в 52 года.

Иногда престарелые монахини желали принять схиму — степень монашества, для которой характерно особо строгое соблюдение монашеских обетов и затворническая жизнь. В 1865 г. викарный епископ Екатеринбургский Митрофан посхимил екатеринбургскую монахиню Магдалину Шананину (с оставлением прежнего имени), которой к тому времени исполнилось 102 года. Родом она была из крестьян Бронниковской волости Тобольской губ., знала начала грамоты, в монастырь пришла в 1812 г. 49-летней девицей, 10 лет спустя была пострижена в монашество, последние годы перед принятием схимы уже никаких послушаний не несла «за старостью и слабостью». Скончалась в 1867 или 1868 г.⁴⁴⁵

В 1884 г. схиму приняла монахиня Филанида Яковлева (в схиме Феврония), которой исполнилось 98 лет. 64 из них она прожила в монастыре, родом была из крестьян Тихоновской волости Осинского уезда Пермской губ., в монашество пострижена в 1847 г. Несла послушания по чтению псалтири, вязке чулок, последние 20 лет перед схимой уже пребывала на покое «за старостью и слабостью здорovia»⁴⁴⁶.

Будни и праздники обители

Уклад жизни в монастыре был трудовым. Если в обитель поступали совсем юные девочки, их первые годы учили грамоте и рукоделиям, стараясь выявить способности. Поступавшие во взрослом возрасте начинали, как правило, с «разных послушаний» — временных поручений, даваемых настоятельницей или экономкой монастыря.

---

⁴⁴⁴ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 390, 619, 726, 903, 1076–1094, 1099–1149, 1160–1204, 1221, 1284; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 454. Л. 39, 56, 61 а об., 110, 226; Д. 476. Л. 3 об. – 4, 9.

⁴⁴⁵ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 2 об. – 3, 31 об. – 32, 68 об. – 69, 129 об. – 130, 184 об. – 185; ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1524. Л. 2–15.

⁴⁴⁶ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 3 об. – 4, 33 об. – 34, 70 об. – 71, 132 об. – 133, 188 об. – 189, 247 об. – 248, 330 об. – 331, 426 об. – 427, 500 об. – 501, 1288 об. – 1289; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 7 об. – 8.

Эти «разные послушания» включали и сельскохозяйственные труды на заимках монастыря, и хозяйственные хлопоты в самой обители. На них было занято более половины всех насельниц (в 1866 г. — 54%).

В обители всегда старались выявить способности насельниц, переводя их для этого с одного послушания на другое. Так, начиная с «разных» послушаний, девушки со временем пробовали силы и в монастырских мастерских — в свечном производстве, золотошвейной мастерской, в вязке чулок, прядении, иконописании, чтении и пении в церкви. Некоторым из них суждено было сменить немало послушаний, некоторые сразу обнаруживали свое усердие и способности к чему-то одному.

По численности занятых насельниц из всех постоянных послушаний на первом месте стояло послушание в церкви. В 1866 г., например, на нем было занято 50 человек: 23 насельницы пели и читали на клиросе, еще 17 занимались чтением псалтири, кроме того были 2 звонарки, 3 просфорни, еще трое наблюдали за чистотой и порядком в храмах. Управляла церковным послушанием — «наблюдала за церковью» 89-летняя монахиня Мелетина (Голубчикова), дочь священника из Арамашевской слободы Верхотурского уезда, жившая в монастыре с 1825 г. С 1869 г. она была освобождена от всех послушаний «за слабостью здоровья» и наблюдение за церковью было поручено 53-летней монахине Августе Калашниковой, родом из екатеринбургских мещан, ранее занимавшейся клиросным пением и золотошвейным рукоделием. Это послушание она несла до 1873 г.⁴⁴⁷

Обитель продолжала украшаться храмами. В 1860 г. был поставлен новый шпиль на колокольне Успенской церкви. К 1865 г. была достроена и отделана Введенская церковь, и 23 июня освящена викарием Екатеринбургским Митрофаном⁴⁴⁸. Иконостас этой церкви создавал три года (с 1862 по 1864) на пожертвование петербургской купчихи Александры Пономаревой (500 руб.). В 1870 г. на украшение церкви пожертвовала 2000 руб. вдова чиновника Наталья Старцева⁴⁴⁹.

17 июня 1866 г. была освящена еще одна церковь — во имя святого Феодосия Тотемского⁴⁵⁰. Монастырь получал целевые пожертвования

---

⁴⁴⁷ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 1 об. — 2, 9 об. — 10, 31 об. — 32, 38 об. — 39, 67 об. — 68, 75 об. — 76, 130 об. — 131, 137 об. — 138, 184 об. — 185, 187 об. — 188, 242 об. — 243, 245 об. — 246, 327 об. — 329, 424 об. — 426, 497 об. — 498; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 5 об. — 7.

⁴⁴⁸ См. описание Введенской церкви в приложении 5.

⁴⁴⁹ *Иконников В.* Указ. соч. С. 64–65.

⁴⁵⁰ См. описание Феодосиевской церкви в приложении 5.

на украшение и других храмов: в 1865 г. «неизвестное лицо» пожертвовало 300 руб. на реставрацию иконостаса в Тихвинском приделе Успенской церкви, в следующем 1866 г. екатеринбургский купец Михайлов пожертвовал 300 руб. на украшение церкви во имя Всех Святых⁴⁵¹.

Еще 46 насельниц было занято в ткацкой мастерской. Управляла ею в 1861–1879 гг. монахиня Проскудия Проскуракова, 1803 г. рождения, пришедшая в монастырь еще в 1829 г. из Коневской волости Екатеринбургского уезда. Настоятельница Магдалина характеризовала ее: «отлично хорошего [поведения] и к трудам усердна»⁴⁵².

Сохранялась в монастыре и золотошвейная мастерская, хотя с развитием легкой промышленности спрос на монастырские рукоделия стал падать⁴⁵³. Шитьем золотом в 1866 г. занимались 31 насельница под руководством монахини Александры Ахматовой. Одна послушница — Евдокия Ивановна Фелькнер, дочь екатеринбургского чиновника, занималась вышивкой шерстями⁴⁵⁴. 31 насельница была занята вязкой чулок, трое — шитьем церковных облачений, двое — в портной мастерской, одна послушница шила обувь. Шестеро занимались иконописанием.

При настоятельнице Магдалине были заведены и новые рукодельные мастерские: финифтяная для изготовления икон, позолотная, чеканная, образная для уборки икон цветами и фольгою, иконостасная, усовершенствовано качество написания икон⁴⁵⁵.

Сохранялось и свечное производство — в 1866 г., например, в нем было занято 25 насельниц. При монастыре имелась своя свечная лавка. Управляла этим послушанием в 1861–1865 гг. монахиня Лариса Мезенцова (в миру Анастасия Кузьминична), родом из семьи мастерового Алапаевского завода, с 12-ти лет жившая в монастыре⁴⁵⁶. С 1866 по 1883 гг. управляла свечным производством рясофорная по-

---

⁴⁵¹ Иконников В. Указ. соч. С. 62, 64–65.

⁴⁵² ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 6 об. – 7, 36 об. – 37, 73 об. – 74, 134 об. – 135, 186 об. – 187, 244 об. – 245, 328 об. – 329, 424 об. – 425, 497 об. – 498, 908 об. – 909, 1020 об. – 1021, 1103 об. – 1104, 1166 об. – 1167, 1235 об. – 1236, 1295 об. – 1296; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 5 об. – 6.

⁴⁵³ Иконников В. Указ. соч. С. 49.

⁴⁵⁴ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 115, 125 об., 369 об., 397 об., 403 об.; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 443. Л. 1 об., 15.

⁴⁵⁵ Младов Г. Указ. соч. С. 120.

⁴⁵⁶ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 9 об. – 10, 39 об. – 40, 76 об. – 77, 138 об. – 139, 187 об. – 188, 245 об. – 246, 328 об. – 329, 425 об. – 426, 498 об. – 499; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 6 об. – 7.

слушница Евдокия Степановна Шнюкова (с 1870 г. — монахиня Евстолия), из семьи крестьян Бобровской волости Ирбитского уезда, жившая в монастыре с 18-ти лет⁴⁵⁷.

Настоятельница Магдалина неустанно заботилась о свечном производстве. Еще в 1858 г. был расширен свечной каменный одноэтажный корпус, поскольку оказался слишком тесен для выросшего производства. К тому же, поначалу сестры и жили в тех комнатах, где велось производство свеч, сопряженное с высокой температурой и вредными испарениями, поэтому при перестройке корпуса были сделаны новые производственные помещения, что позволило превратить прежние в обычные кельи. В 1865 г., будучи в Москве, игуменья купила для монастыря валовую машину для производства свеч, что облегчило работу занятых на этом послушании насельниц⁴⁵⁸. К 90-м годам монастырский свечной завод мог обеспечивать нужды всех церквей епархии, перерабатывая до 5 тысяч пудов воска в год⁴⁵⁹.

Отзывы о качестве монастырских свеч стали значительно лучше. Например, в 1864 г. протоиерей собора в г. Глазове Вятской губ. Стефанов писал настоятельнице Магдалине: «До Вятской страны доходят слухи, что в вашем монастыре заготавливаются отличные неподдельные свечи для церквей за умеренную цену...»⁴⁶⁰. Этот же отзыв подтвердил в 1886 г. староста Троицкой церкви Каменского завода Камышловского уезда: «...свечи для церкви я покупаю всегда из их монастыря, а не из лавок, и буду покупать там, так как монастырские свечи пока нахожу лучшими против лавочных». Впрочем, не всем церковный староста был доволен: требование монастыря вносить плату за свечи заблаговременно он считал неправомерным, рискованным и невыгодным⁴⁶¹.

Для увеличения сбыта свечей монастырь в 1885 г. с разрешения епископа Пермского и Верхотурского Ефрема устроил свечной склад в Нижнем Тагиле на углу улиц Арзамасской и Синицынской (в доме Бирюкова). Склад размещался под вывеской «Екатеринбургское монастырское подворье». Духовенство епархии было уведомлено об этом через «Пермские епархиальные ведомости» в феврале того же

---

⁴⁵⁷ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 16 об. – 17, 45 об. – 46, 83 об. – 84, 144 об. – 145, 197 об. – 198, 256 об. – 257, 338 об. – 339, 433 об. – 434, 1230 об. – 1231; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 15 об. – 16.

⁴⁵⁸ *Иконников В.* Указ. соч. С. 59, 60.

⁴⁵⁹ *Младов Г.* Указ. соч. С. 119–120.

⁴⁶⁰ Цит. по изд.: *Иконников В.* Указ. соч. С. 48.

⁴⁶¹ ГАСО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 12. Л. 26–27 об.

года, с особым напутствием от настоятельницы Магдалины: «Надеюсь, что духовенство Верхотурского и других округов, зная хорошее качество свечей монастырской выделки и постоянное желание Екатеринбургского монастыря содействовать своими средствами к воспитанию и обучению детей духовенства в Зауральском при монастыре епархиальном женском училище, не откажется и в свою очередь отдать преимущество свечам монастырской выделки, приобретая их из складов, монастырю принадлежащих»⁴⁶². Ранее обитель уже устроила свечные склады в Ирбите и в Верхотурье.

После учреждения Екатеринбургского епархиального женского училища, содержать которое должно было само духовенство епархии, одним из способов обеспечения необходимых средств было сочтено открытие епархиального свечного завода, доходы которого могли использоваться на нужды духовного образования. Завод был открыт в 1890 г., и с этого времени началось соперничество в сбыте свеч монастырского и епархиального производства. Хотя до 1898 г. монастырь имел право свободно продавать свои свечи в любом количестве, производство стало постепенно сокращаться в условиях конкуренции⁴⁶³.

Учитывая постоянно растущую численность насельниц монастыря, обширные их занятия, необходимо было постоянно заботиться о ремонте, перестройках и возведении новых жилых и хозяйственных помещений в обители⁴⁶⁴. Для наблюдения за всем этим объемом работ была назначена специальная экономка монахиня Анастасия (Черноскутова), она же обязана была наблюдать за приготовлением строевого леса и дров. Данное послушание она несла не менее девяти лет (1861–1869 гг.). Родом она была из семьи непременно работника Арамилевского участка Екатеринбургских заводов, в монастырь пришла еще в 1823 г. в возрасте 23 лет, постриг приняла в 1846 г. В 70-е годы «за слабостью здоровья» послушаний уже не несла⁴⁶⁵.

Обязанность «смотреть за строениями» в 1861–1875 гг. была возложена на монахиню Галину (Перевалову). Родом из крестьян Кишкинской волости Верхотурского уезда, она пришла в монастырь

---

⁴⁶² Объявления // ПЕВ. 1885. Отдел офиц. № 6. С. 48, № 13. С. 100.

⁴⁶³ Постановления съездов... С. 553, 560.

⁴⁶⁴ О возводимых вновь и перестраиваемых зданиях см.: *Иконников В.* Указ. соч. С. 59–64.

⁴⁶⁵ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 3 об. – 4, 33 об. – 34, 70 об. – 71, 132 об. – 133, 185 об. – 186, 244 об. – 245, 327 об. – 328, 424 об. – 425, 497 об. – 498; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 5 об. – 6.

в 1839 г. в возрасте 33 лет, девять лет спустя приняла постриг. Настоятельница характеризовала ее так: «отлично хорошего [поведения], к послушанию примерно усердна»⁴⁶⁶.

Основные заботы по управлению монастырем конечно, лежали на настоятельнице монастыря. Вторым лицом в монастыре была казначея: она заведовала всеми финансовыми вопросами. На это послушание всегда назначались насельницы монастыря по указу епархиального начальства. В 1858–1865 гг. казначеей была монахиня Доротея (Костарева), поступившая в монастырь еще при игуменье Таисии в 1814 г. десятилетней девочкой. Родом она была из семьи непрямого работника Горнощитского участка Екатеринбургских заводов. Пройдя 30-летний искуc, приняла постриг в 1844 г., как только достигла предписанного законодательством возраста. Одновременно с исполнением должности казначеи, в 1861–1862 гг. управляла и клиросным пением⁴⁶⁷. В марте 1865 г. по указу Пермской консистории она была переведена в Межигорский Иоанно-Введенский монастырь под Тобольском исполняющей должность настоятельницы⁴⁶⁸.

На послушании казначеи ее сменила монахиня Агния (в миру Анна Тимофеевна Бобылева, дочь екатеринбургского мещанина). В монастыре она жила с 16-ти лет (с 1839 г.), постриг приняла в 1864 г., 25 августа 1859 г. была утверждена надзирательницей монастырского училища, и несла это послушание вплоть до 1869 г. В 1861 г. к тому же вела все письмоводство по хозяйству монастыря, в 1864–1866 гг. — еще и по училищу, в 1869 г. — еще и по детскому приюту (о нем ниже). Казначеей монастыря была назначена указом Пермской консистории от 15 апреля 1865 г. Настоятельница неизменно характеризовала ее словами: «отлично хорошего [поведения — *М. Н.*], к послушанию способна и примерно усердна». Монахиня Агния неоднократно получала награды и от церковных властей: 5 августа 1870 г. ей было объявлено архиастырское благословение «за усердное исполнение должности надзирательницы училища»; 31 декабря 1874 г. — архиастырская признательность и благословение «за ревностное исполнение обязанности казначеи»; 22 ав-

---

⁴⁶⁶ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 5 об. — 6, 35 об. — 36, 72 об. — 73, 133 об. — 134, 185 об. — 186, 244 об. — 245, 327 об. — 328, 423 об. — 424, 496 об. — 497, 624 об. — 625; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 4 об. — 5.

⁴⁶⁷ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 1 об. — 2, 31 об. — 32, 67 об. — 68.

⁴⁶⁸ О ее деятельности в Межигорском монастыре см. ниже, с. 200–201.

густа 1879 г. она была награждена по Высочайшему повелению золотым наперсным крестом «за примерное усердие и труды по благоустройству монастыря и училища»⁴⁶⁹.

Одновременно с назначением казначеи монахини Агнии настоятельнице была назначена «помощница» — монахиня Александра (в миру Глафира Емельяновна Ахматова). На это послушание она, как и казначея, была определена указом Пермской консистории, и выполняла его вплоть до 1884 г., одновременно продолжая управлять золотошвейным рукоделием, а также петь и читать на клиросе. Она была дочерью мещанина г. Челябинска, отдана в монастырь в 1830 г. двенадцатилетней девочкой, постриг приняла в 1865 г. Год из года настоятельница характеризовала ее одинаково: поведения «отлично хорошего, к послушанию способна и примерно усердна»⁴⁷⁰.

Для услужения, отправки по текущим поручениям при настоятельнице было еще две рясофорные послушницы: Александра Ивановна Пахнина, исполнявшая это послушание с 1864 по 1872 гг., дочь екатеринбургского мещанина, поступившая в монастырь в 1852 г. в возрасте 14 или 16 лет, и Надежда Васильевна Шастина, дочь священника (запрещенного в служении за какие-то проступки по службе) из Красноуфимского уезда Пермской губ., поступившая в монастырь в 1859 г. в возрасте 17-ти лет. Обе девушки были грамотны и отличались хорошим поведением, способностями и усердием к послушаниям⁴⁷¹.

Распределением насельниц на различные послушания, непосредственным управлением хозяйством монастыря занималась экономка. В 1866–1874 гг. ею была рясофорная послушница Варвара Андреевна Дубровина (в 1869 г. принявшая постриг с именем Варсонофия). В монастырь она пришла в 1848 г. в возрасте 23-х лет, прежде жила в Колчеданской волости Камышловского уезда. Вплоть до своего назначения экономкой выполняла «разные» послушания, поэтому знала все детали монастырского хозяйства. Позже, в 1875–1881 гг. она была уже «экономкой при погребях», старшей в келарне (отвечала за продукты), позже перешла на послушание в церкви читать псалтирь. Она

---

⁴⁶⁹ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 9 об. – 1, 38 об. – 39, 68 об. – 69, 129 об. – 130, 183 об. – 184, 241 об. – 242, 324 об. – 325, 421 об. – 422, 494 об. – 495, 1287 об. – 1288.

⁴⁷⁰ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 9 об. – 10, 38 об. – 39, 76 об. – 77, 129 об. – 130, 183 об. – 184, 241 об. – 242, 324 об. – 325, 421 об. – 422, 494 об. – 495, 1287 об. – 1288; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 2 об. – 3.

⁴⁷¹ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 26 об. – 27, 54 об. – 56, 86 об. – 87, 93 об. – 94, 147 об. – 148, 155 об. – 156, 197 об. – 198, 199 об. – 200, 257 об. – 258, 342 об. – 343, 436 об. – 437; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 18 об. – 19.

так и осталась неграмотной. «Качеств очень хороших, к послушанию способна и усердна», — так высказывалась о ней настоятельница⁴⁷².

Кроме обширных построек и развернутой системы послушаний в стенах самой обители у Ново-Тихвинского монастыря было еще три заимки (загородных имения). Территории двух из них — Елизаветской и Малобулзинской — сложились еще при игуменье Александре и составляли собственность обители. Земли третьей заимки в 18 верстах от Екатеринбургa у д. Большой Исток арендовались монастырем с 1862 г. у Екатеринбургского архиерейского дома.

Елизаветская заимка была самым старым загородным владением монастыря, но не самым прибыльным. Здесь занимались всем понемногу: была пашня (в 1871 г., например, было засеяно 5 десятин пшеницы, 26 десятин овса, 5 десятин ячменя и 2,5 десятины ярицы); имелся покос (до 800 копен сена в начале 70-х годов); содержался огород, засеваемый всеми видами овощей, с огуречными парниками. Имелся и скотный двор: каменный коровник, конюшня (в 1871 г. в ней было 26 лошадей). Для облегчения трудов сестер в конце 60-х годов на заимке была поставлена машина-молотьяга, приводимая в движение 4 лошадьми. К построенному еще в 1833 г. деревянному дому в настоятельство игуменьи Магдалины добавились деревянный келейный корпус, каменные 2 овина, коровник, дом. На заимке в начале 70-х годов постоянно жили до 19 человек, а в страду приезжали еще более 20 человек. Нанимали и посторонних работников⁴⁷³.

В сентябре 1872 г. на заимке была заложена каменная церковь. Главный престол ее был освящен 2 июня 1876 г. в честь Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня. Церковь имела два придела: северный, во имя великомученицы Параскевы, был освящен 11 июня 1878 г., а южный, во имя Архангела Михаила, 15 июня 1880 г.⁴⁷⁴

Заимкой с 1821 до 1876 г. управляла монахиня Агафоника (Бородулина) 1778 г. рождения⁴⁷⁵. Последние годы у нее была помощница монахиня Еротиида (Лисьих), тоже преклонных лет (1796 г. рождения), из крестьян Крутихинской волости Шадринского уезда, жившая в монастыре с 1825 г., принявшая постриг только в 1857 г. и хорошо

---

⁴⁷² ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 15 об. — 16, 44 об. — 45, 82 об. — 83, 144 об. — 145, 200 об. — 201, 253 об. — 254, 337 об. — 338, 432 об. — 433, 466 об. — 467, 507 об. — 508, 638 об. — 639, 870 об. — 871, 910 об. — 911, 1022 об. — 1023, 1105 об. — 1106, 1165 об. — 1166, 1232 об. — 1233, 1292 об. — 1293; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 14 об. — 15.

⁴⁷³ Иконников В. Указ. соч. С. 59, I–II.

⁴⁷⁴ Лавринов В. Указ. соч. С. 206.

⁴⁷⁵ О ней см. выше, с. 153.

знавшая все стороны хозяйства, поскольку сама много лет пребывала «в разных послушаниях», прежде чем стала помощницей экономки заимки⁴⁷⁶.

Более крупное сельскохозяйственное владение составляла Мало-булзинская заимка в 90 верстах к югу от Екатеринбурга. Хотя почва там была глинистая и каменистая, монастырь активно использовал эти владения: пахали на сабанах, активно удобряли землю, садили разные культуры. Так, в 1871 г., например, было засеяно 8 десятин ржи, 32 десятины пшеницы, 4 десятины ячменя, 30 десятин овса; 12 десятин ярицы, 5 десятин гороха, 1 десятина льна, половина десятины конопли, половина десятины репы, осминник мака — всего 93 десятины с осминником. С конца 60-х годов стали сеять просо. К началу 80-х годов ежегодно засевали около 100 десятин.

Кроме пашни был сенокос: в начале 70-х в год ставили около 800 копен сена, в начале 80-х — до 1000, причем вывозили его через болота на волокушах. Место сохраняло свою живописность: вокруг пашни и лугов стоял березовый лес, сосенки, все это сестры оберегали. В 1866 г. на заимке была поставлена машина-молотьяга, приводимая в движение 4 лошадьми, с веялкой. На молотьяге обмолачивали по 4 овина в день. Был огород (в 1871 г. на 90 грядок), скотный двор — коровник и 4 конюшни (после падежа скота к 1871 г. остались 51 лошадь и 30 голов рогатого скота). Имелись различные хозяйственные постройки: к 1871 г. 2 завозни, 4 амбара, 4 погреба, 3 овина, 3 бани.

На заимке в начале 70-х годов постоянно проживали 24 насельницы, в начале 80-х — 30. На время сенокоса из обители приезжали еще 25 человек, а во время жатвы — 35. Для их размещения имелись деревянный крытый железом двухэтажный дом, к которому был сделан деревянный одноэтажный пристрой с жилыми комнатами, в конце 60-х годов построили еще один деревянный дом на три большие комнаты. Поскольку монастырь нанимал еще 5–10 работников, для них был устроен отдельный дом с кухней⁴⁷⁷.

12 мая 1881 г. на заимке была заложена каменная церковь во имя святого праведного Симеона Верхотурского. Описание этого торжества, происходившего при большом стечении народа из окрестных селений и при участии викарного епископа Екатеринбургского Вениамина и игуменьи Магдалины, сделанное анонимным «очевидцем»,

---

⁴⁷⁶ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 7 об. – 8, 36 об. – 37, 73 об. – 74, 135 об. – 136, 186 об. – 187, 245 об. – 246, 328 об. – 329, 424 об. – 425, 498 об. – 499; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 6 об. – 7.

⁴⁷⁷ Иконников В. Указ. соч. С. 63, II–IV.

было помещено на страницах епархиальной газеты и приводится нами в конце книги (приложение 6). Главный престол был освящен 13 апреля 1884 г., а придел во имя св. Марии Магдалины — 1 июня 1885 г.⁴⁷⁸

Управляли этой заимкой сестры, сами на протяжении многих лет выполнявшие «черные работы» по сельскому хозяйству. Так, в 1864–1866 гг. это была монахиня Елена (Сыскова), родом из крестьян Коневской волости Екатеринбургского уезда, жившая в монастыре с 1845 г. и принявшая постриг в 1859 г. Управление заимкой было поручено ей в возрасте 55 лет. Позже, в 1869–1874 гг. она снова выполняла «разные послушания», после жила «на покое»⁴⁷⁹.

В 1866 г. (возможно, до 1868 г.) заимкой управляла рясофорная послушница Татьяна Петровна Окулова, родом из крестьян Колчеданской волости Камышловского уезда, жившая в монастыре с 1845 г. и принявшая постриг в 1867 г. с именем Антония. Управлять заимкой она стала в 47 лет, много лет до этого была «в разных послушаниях», к ним вернулась и в 1869–1870 гг.⁴⁸⁰

В 1869 г. заимкой управляла монахиня Афанасия (Гурина), родом из крестьян Дуванской волости Уфимского уезда. В монастыре она жила с 1846 г., до и после назначения экономкой Булзинской заимки несла «разные послушания». На должность экономки была назначена в возрасте 49 лет⁴⁸¹.

В 1870 г. экономкой Малобулзинской заимки стала 46-летняя монахиня Максимилла (Осинцова). Родом она была из крестьян Клевакинской волости Камышловского уезда, в монастыре жила с 1847 г., постриг приняла в 1869 г. Не менее 9 лет до назначения экономкой на заимку выполняла «разные послушания». Заимкой управляла до

---

⁴⁷⁸ Чернецова А. А. Реставрация церкви Симеона Верхотурского на Булзинской заимке Каслинского района Челябинской области. Челябинск, 2020. С. 8.

⁴⁷⁹ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 8 об. – 9, 37 об. – 38, 74 об. – 75, 136 об. – 137, 188 об. – 189, 246 об. – 247, 329 об. – 330, 426 об. – 427, 471 об. – 472, 499 об. – 500, 550 об. – 551, 628 об. – 629, 872 об. – 873, 914 об. – 915, 1026 об. – 1027, 1108 об. – 1109, 1169 об. – 1170, 1236 об. – 1237; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 7 об. – 8.

⁴⁸⁰ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 22 об. – 23, 51 об. – 52, 85 об. – 86, 147 об. – 148, 203 об. – 204, 253 об. – 254, 336 об. – 337, 431 об. – 432; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 13 об. – 14.

⁴⁸¹ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 15 об. – 16, 44 об. – 45, 82 об. – 83, 138 об. – 139, 191 об. – 192, 249 об. – 250, 332 об. – 333, 428 об. – 429; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 9 об. – 10.

1875 г., в 1877–1879 гг. была благочинной монастыря (отвечала за соблюдение устава), после чего снова была поставлена на «разные послушания»⁴⁸².

Последнее по времени приобретения владение — арендуемая Большеистокская заимка была невелика, зато расположена близко от Екатеринбурга. И почва там была плодородной. Из 100 десятин заимки в начале 70-х годов распахивалось 48,5 десятины. Засевали 22 десятины ржи, 4 десятины пшеницы, 22 десятины овса и половину десятины ячменя. Имелся огород (в 1871 г. 56 грядок).

Лугов, к сожалению сестер, на заимке не было, и они стали их покупать у соседних жителей (в 1871 г. купили 16 десятин). Недостаток луговой земли привел к ограниченному развитию на заимке скотоводства: к 1871 г., например, было только 6 лошадей и 26 голов рогатого скота, которые содержались в довольно ветхих коровнике и конюшне. Из хозяйственных строений на заимке были 2 завозни, 2 амбара.

На заимке постоянно проживали в начале 70-х годов 15 насельниц, на жатву из монастыря приезжали еще около 30 человек. Для сестер в 1868 г. был выстроен просторный деревянный дом, кроме него имелись еще ветхие 2 дома и 2 избы⁴⁸³. Управляла заимкой с 1864 по 1873 гг. (по имеющимся сведениям) монахиня Елизавета (Тряскова). Родом она была из крестьян Топорковской волости Верхотурского уезда, в монастырь пришла в 1829 г. в возрасте 24 лет, постриг приняла в 1859-м. До назначения экономкой Истокской заимки несколько лет несла «разные послушания»⁴⁸⁴.

Монастырь успешно справлялся с освоением этих сельскохозяйственных угодий: недаром больше половины насельниц были из крестьянских семей, да и управляющих заимками экономок настоятельница подбирала умело, из числа сестер, показавших свое трудолюбие на послушаниях, не боящихся «черной работы».

Высокие гости

12–13 мая 1868 г. проездом с Камчатки к новому месту службы Екатеринбург посетил вновь назначенный митрополит Московский

---

⁴⁸² ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 16 об. – 17, 45 об. – 46, 82 об. – 83, 144 об. – 145, 200 об. – 201, 253 об. – 254, 337 об. – 338, 431 об. – 432, 466 об. – 467, 506 об. – 507, 638 об. – 639, 869 об. – 870, 910 об. – 911, 1022 об. – 1023, 1165 об. – 1166, 1232 об. – 1233, 1292 об. – 1293; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 13 об. – 14.

⁴⁸³ Иконников В. Указ. соч. С. 63, IV; Приложение 6.

⁴⁸⁴ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 8 об. – 9, 37 об. – 38, 74 об. – 75, 136 об. – 137, 188 об. – 189, 246 об. – 247, 329 об. – 330, 426 об. – 427, 499 об. – 500; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 7 об. – 8.

Иннокентий (Вениаминов), ныне причисленный к лику святых Русской Православной церковью⁴⁸⁵. 13-го числа он посетил монастырь, о чем священник Филарет Зубарев сделал подробный репортаж в газете «Пермские епархиальные ведомости»:

«Возвратившись в архиерейский дом в конце второго часа пополудни, в 2 часа вместе с нашим владыкою, по приглашению игуменьи Магдалины, отправился к обеду в Ново-Тихвинский девичий монастырь, и на пути предварительно посетил монастырское училище, назначенное по преимуществу для девиц духовного звания и помещающееся в отдельном доме вне монастыря, и обзрел его во всей подробности. Каковое обозрение доставило ему истинное удовольствие и утешение, почему и отозвался, что «был бы виноват, если бы не посетил такого полезного для духовных девиц заведения».

У самых ворот монастыря духовенством монастырским был встречен со Святым и Животворящим Крестом и святою водою, у входа же в приемные кельи игуменьи — поднесенными ему от святой обители Тихвинскою иконою Божией Матери и также хлебом-солью. При самом вступлении в монастырь благословлял ставших на пути сестр монастыря и — после них — весьма многочисленный, собравшийся в монастырской ограде, народ, который едва дозволил ему войти в самые кельи игуменьи.

Скоро после вступления в монастырские приемные кельи, оба архиастыря приглашены были и к самому обеденному столу. Пред обедом и во время обеда высокий гость обители подробно расспрашивал игуменью о первоначальном основании монастыря, о числе его сестер, о разнообразных их занятиях, в особенности о покупке воска, о выделке и продаже восковых церковных свеч, о средствах к содержанию монастыря, об управлении немалым числом сестр, о письменных занятиях по делам монастыря, также об управлении монастырским училищем и в особенности об образах и способах материального и экономического содержания духовных воспитанниц, и на все делал свои пастырские — мудрые и практические наставления и замечания. Во все время обеда певчие из сестр монастыря в смежной зале пели

---

⁴⁸⁵ Родился 26 августа 1797 г. в селе Ангинском Иркутской епархии в семье причетника. В 1821 г. окончил Иркутскую семинарию, принял священство, вскоре стал миссионером на Алеутских островах. В 1840 г. стал епископом, а затем и архиепископом Камчатским. Перевел на алеутский язык катехизис и Евангелие. В 1868–1879 гг. — митрополит Московский и Коломенский. Основатель Православного Миссионерского общества. Скончался 31 марта 1879 г. (Настольная книга священнослужителя. М., 1979. Т. 3. С. 135–136; *Курыляндский И. А., Зеленина Я. Э., Лопухина Е. В.* Иннокентий (Вениаминов) // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 22. М., 2009. С. 707–716).

ирмосы праздничных церковных канонов Вознесения Господня и Святой Пятидесятницы.

По окончании обеда игуменя поднесла высокому гостю в дар от Тихвинской обители новую, довольно ценную, архиерейскую митру собственной монастырской работы, что очень тронуло Его Высокопреосвященство, и за что он искренне ее благодарил и благословлял всю обитель, вверенную ее управлению.

Еще до посещения монастыря Высокопреосвященнейший архипастырь приказал привезти от архиерейского дома дорожные экипажи для себя и своих спутников к самому монастырю, дабы прямо из него отправиться в дальнейший путь. Но в остающееся свободное послеобеденное время до привоза экипажей он пожелал осмотреть монастырскую церковную ризницу. Видев до сего одну — смежную со столовою залою настоятельницы — домовую церковь в честь и память преподобного Феодосия Тотемского, — почему и веден был теперь в храм Тихвинской Божией Матери, равно как и Успения Пресвятыя Богородицы, смежно с коими в особом просторном отделении помещается вся монастырская церковная утварь и ризница.

В Тихвинском храме приложился к святой иконе Тихвинской Божией Матери и потом, благословляя народ, пошел в ризницу, и рассматривал в ней прежде всего священные церковные сосуды и кресты, и наконец, самую ризницу, восхищаясь всем ее богатством и многочисленностью священных облачений, не исключая и архиерейских, из коих имеется в ней до пяти саккосов, до трех митр и одна мантия.

После обозрения ризницы следовал среди многочисленной толпы в обширный монастырский Александровский собор, и вступив в оный, молился пред тремя его алтарями; потом рассматривал внутреннюю архитектуру оного и нашел ее, при обширности собора, весьма смелою, легкою и величественною. За сим возвратился в игуменские кельи, оставшись весьма доволен устройством всего монастыря и признав его самым лучшим из всех сибирских монастырей.

В последних разговорах высокий иерарх Московский предсказывал городу Екатеринбургу блестящую будущность, когда в особенности проведена будет чрез него железная дорога, и последует изменение в администрации всего Зауральского края.

Наконец, когда привезены были дорожные экипажи, высокий гость нашего града по русскому обычаю сел и приказал сесть всем гостям, потом — перекрестившись — встал, помолился пред иконами и стал прощаться с нашим владыкою, игуменьей, с духовенством города и со всеми прочими братьями и сестрами.

Вышед из келий монастырских, благословлял народ на всем пути до самого экипажа. Монастырские певчие запели на прощание трогательную песнь святого Симеона Богоприимца: Ныне, отпускаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему, с миром... Весь народ был глубоко растроган и напутствовал отъезжающего навсегда высокого гостя искреннейшими благожеланиями ему счастливого и благополучного пути, равно как и долговременной жизни и всякого благополучия свыше на предстоящем новом и высоком поприще архиерейского его служения.

Сев в экипаж, Высокопреосв[ященный] митрополит еще раз простился и обнялся с нашим владыкою, потом встал на ноги и благословил народ на все четыре стороны. Минута эта была торжественная и потрясающая...

Вслед за сим ударили во все колокола на монастырской колокольне и потом на всех градских церквах; тронулся с места экипаж высокого путешественника, и в 5 часов вечера унес его из очей наших в дальнейший путь..., а нам оставил записанное здесь — на память одно воспоминание о незабвенном посещении им нашего града»⁴⁸⁶.

Большими торжествами для монастыря были и посещения представителей Дома Романовых. 12 июня 1866 г. монастырь посетил герцог Николай Максимилианович Лейхтенбергский — племянник императора Александра II. 30 июля 1868 г. визит в монастырь нанес великий князь Владимир Александрович — сын императора Александра II и младший брат императора Александра III. Современники описывали это событие: «В Александровском соборе, куда сначала прибыл Его Высочество, поднесена была ему настоятельницею монастыря шитая золотом икона Тихвинской Божией Матери. Затем Его Высочеству угодно было осмотреть свечное заведение, причем изволил он назвать свечное рукоделье самым приличнейшим занятием для монашествующих и производительным для них трудом. Его Высочество осмотрел также роскошную монастырскую ризницу и посетил состоящее при монастыре училище девиц духовного звания. После обозрения разных заведений при монастыре, великому князю угодно было принять приглашение настоятельницы, удостоить посещением ея кельи. Перед отъездом из г.Екатеринбурга Его Высочество соизволил пожертвовать в пользу монастыря 50 голландских червонцев по курсу 180 рублей»⁴⁸⁷.

---

⁴⁸⁶ *Зубарев Ф.* О пребывании в городе Екатеринбурге Высокопреосвященнейшего митрополита Московского Иннокентия, во время проезда его из Благовещенска на Амуре в Москву // ПЕВ. 1868. № 23. Отдел неофиц. С. 400–402.

⁴⁸⁷ *Иконников В.* Указ. соч. С. 66–67.

7 июля 1873 г. монастырь посетил великий князь Алексей Александрович, который пожаловал в пользу сестер 150 руб. Получал монастырь пожертвования и от не посещавших обитель членов императорского дома, но, как правило, незначительные. Так, в 1866 г. наследник престола Александр Александрович (будущий император Александр III) и пятеро великих князей пожаловали монастырю 100 руб., а в 1874 г. великая княгиня Мария Александровна в благодарность за поднесенные ей рукоделия монахинь Екатеринбургской обители пожаловала монастырю икону святого Александра Невского, собственный портрет и 50 руб. «в пользу трудившихся над рукоделием»⁴⁸⁸.

Опора женского иночества в Зауралье

Современники отмечали, что при игуменье Магдалине (Неустроевой) «...в благоустроении иноческой молитвенно-трудовой жизни Екатеринбургский монастырь успел достигнуть такой духовной зрелости, что послужил образцом для насаждения иночества и в других местностях Зауралья»⁴⁸⁹. Появившиеся на Восточном Урале женские общежития, еще не имевшие официального статуса монастыря, но, как когда-то община Татьяны Костроминой, стремившиеся его получить, обращались в Екатеринбургский монастырь за духовной поддержкой и опытом.

Ново-Тихвинский монастырь опекал женскую общину на Каменском заводе (в 100 км к востоку от Екатеринбурга). Первая начальница этой общины монахиня Анастасия (Воронина) официально была назначена исполняющей обязанности начальницы общины 8 апреля 1856 г., утверждена же в должности указом Пермской консистории 11 января 1861 г. Родом из семьи мастерового Каменского завода, она с 1837 г. (с 22-х лет) жила в общине, но одновременно числилась в сестричестве Ново-Тихвинского монастыря. Постриг она приняла в 1864 г.⁴⁹⁰ В 1871 г. из Ново-Тихвинской обители в Каменскую общину «для услужения при тамошней церкви» были отправлены новопостриженные монахини Артемия (Нохрина) и Августа (Белосова).⁴⁹¹ Обе начинали свой иноческий путь в Каменской общине:

---

⁴⁸⁸ Там же.

⁴⁸⁹ Керский С. Указ. соч. С. 14.

⁴⁹⁰ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 67 об. – 68, 129 об. – 130, 183 об. – 184, 241 об. – 242, 324 об. – 325, 421 об. – 422, 494 об. – 495, 1288 об. – 1289; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 2 об. – 3.

⁴⁹¹ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 39 об. – 40; ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 339 об. – 340, 434 об. – 435, 459 об., 1294 об. – 1295.

Августа — в 1830 г., Артемия — в 1839 г., потом несколько лет жили в Екатеринбургской обители.

Указом Пермской консистории от 4 ноября 1876 г. к Ново-Тихвинскому монастырю была приписана Багарякская женская община (она располагалась к юго-востоку от Екатеринбурга примерно в 85 км). Жившие там 9 послушниц были причислены в сестричество Екатеринбургского монастыря, хотя продолжали обитать на прежнем месте, получая духовную и, надо полагать, материальную поддержку из Екатеринбурга. Руководила Багарякской общиной местная крестьянка Маремьяна Петровна Толстых, 1821 г. рождения⁴⁹².

Подобным образом складывались взаимоотношения Ново-Тихвинского монастыря и с еще одной молодой общиной – Каслинской (в 100 км к югу от Екатеринбурга). Она была основана в 60-е гг. XIX в., 3 апреля 1878 г. приписана к Екатеринбургской обители. Проживавшие к тому времени в Каслях 15 послушниц были причислены в екатеринбургское сестричество. Руководила общиной крестьянка Багарякской волости Ксения Максимовна Зеленкина, 1848 г. рождения⁴⁹³. В Каслинское общежитие из Екатеринбурга в 1881 г. была командирована монахиня Августа (Ковелина), в 1882 г. монахиня Августа (Максимова), в 1883 г. монахини Нина (Пахнина) и Виктория (Борисихина) «для ознакомления сестер с правилами монаст[ырского] устава и для управления ими»⁴⁹⁴.

Несколько общин получили из Екатеринбургской обители первых начальниц для укрепления в них иноческой жизни.

Большое влияние оказал Ново-Тихвинский монастырь на Межигорский Иоанно-Введенский женский монастырь (в 12 км от Тобольска). Монастырь этот, 27 декабря 1864 г. торжественно преобразованный из мужского в женский, первые месяцы после преобразования управлялся монахиней Серафимой, присланной из Туринского монастыря. Но она тяготилась этим послушанием и просила епархиальное начальство разрешить ей вернуться в Туринск. Учитывая ее престарелый возраст и неграмотность, епископ Тобольский Варлаам разрешил ей вернуться, а на ее место по просьбе владыки были присланы из Екатеринбургского монастыря 8 насельниц: 4 монахини и 4 рясофорные послушницы⁴⁹⁵.

---

⁴⁹² ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 893 об. – 894, 955 об. – 957, 1067 об. – 1069.

⁴⁹³ Там же. Л. 894 об. – 896, 957 об. – 960, 1069 об. – 1072.

⁴⁹⁴ Там же. Л. 1118 об. – 1119, 1178 об. – 1179, 1243 об. – 1244, 1302 об. – 1303.

⁴⁹⁵ *Грамматин А., свящ.* Иоанно-Введенский третьеклассный женский монастырь // Тобольские епархиальные ведомости (далее: ТЕВ). 1889. Отдел неофиц. № 19–20. С. 399.

Ново-Тихвинский монастырь отдал молодой сибирской обители лучших насельниц. Одна из них — монахиня Дорофея (Костарева) — в Екатеринбурге была до этого казначеей⁴⁹⁶. В марте 1865 г. она была назначена настоятельницей Межигорского монастыря. Вместе с ней отправили монахиню Марию (Назимову), жившую в Ново-Тихвинском монастыре с 1823 г. и исполнявшую несколько лет золотешвейное послушание⁴⁹⁷; монахиню Музу (Ведерникову), жившую в Екатеринбургской обители с 1817 г., хотя последние годы и не исполнявшую послушания по причине старости (1799 г. рождения) и слабости⁴⁹⁸; монахиню Хионию (Еврейнову), которая организовала все свечное производство в Ново-Тихвинской обители⁴⁹⁹. Указом Тобольской консистории от 25 марта 1865 г. они получили назначение на самые ответственные послушания в Межигорском монастыре: Мария — казначеей, Муза — церковницей, Фекла — благочинной.

Историк Межигорского монастыря А. Грамматин так охарактеризовал деятельность настоятельницы Дорофеи: «Настоятельница, монахиня Дорофея вступила в отправление своей должности 11 марта. В это время ей было 53 года; воспитанная с малых лет в благоустроенном монастыре, под руководством опытных наставниц и сама прошедшая весь искус иноческой жизни, в разных послушаниях, [она] была опытною руководительницею и наставницею по всем частям монашеского жития...

Вступивши на должность настоятельницы, она опытною рукою взялась за многотрудное дело, не щадя своих сил и здоровья в новом неустроенном монастыре. Хотя много помогали опытные и знающие сестры обители, однако настоятельница везде являлась первою и подавала благотворный пример деятельности. Она ввела устав Новгородского Юрьева монастыря; составила хор и сама управляла им, учредила благоговейное чтение и пение при богослужениях, неопустительное отправление монашеского правила, чтение псалтири и поминовение живых и умерших благотворителей обители. Во время трапезования уста[но]влены чтения поучений св. отец и житий святых. При собрании всех сестер в кельях настоятельницы был дважды прочитан устав помянутого Новгородского Юрьева монастыря. Нередко она собирала сестер обители и прочитывала им или сама лично, или

---

⁴⁹⁶ О исполняемых монахиней Дорофеей послушаниях в Ново-Тихвинском монастыре см. выше, с. 189.

⁴⁹⁷ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 8 об. – 9, 38 об. – 39, 75 об. – 76.

⁴⁹⁸ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 4 об. – 5, 33 об. – 34, 70 об. – 71.

⁴⁹⁹ О монахине Хионии см. выше, с. 161–162.

какая-либо из сестер, по назначению, душеполезные наставления в общее назидание»⁵⁰⁰.

Игуменья Магдалина сердечно отнеслась к нуждам молодой обители и старалась всеми силами поддержать своих бывших насельниц. 31 июня 1867 г. ей по представлению епископа Тобольского Варлаама было преподано благословение от Синода «за пожертвования, сделанные в Иоанно-Введенскую обитель»⁵⁰¹ (к сожалению, какие это были пожертвования, нет сведений).

Даже простое перечисление всего сделанного настоятельницей Дорофеей в Межигорском монастыре говорит о том, что она была подлинной единомышленницей игуменьи Магдалины. Настоятельницы будто соревновались в своем усердии к благосостоянию вверенных им монастырей. При Дорофее были построены новые келейные корпуса, введены различные рукоделия: золотошвейное, вышивка бисерами, шелками и гарусами; организовано свечное производство, выделка кирпичей, устроено монастырское училище для девочек, благоукрашены две монастырские церкви, устроена заимка в 5 верстах от монастыря на речке Жуковке, где заведено хлебопашество, скотоводство, мельница.

В игуменский сан монахиня Дорофея была возведена только 3 марта 1873 г., а 10 августа 1874 г. скончалась⁵⁰². Сестры хотели избрать новой настоятельницей Марию (Назимову), но она по слабости здоровья отказалась, и лишь временно, до назначения новой настоятельницы, управляла монастырем до мая 1875 г.⁵⁰³

19 мая 1875 г. новой настоятельницей Межигорского монастыря указом Тобольской консистории была назначена еще одна екатеринбургская монахиня 44-летняя Августа (Бердникова). Она была дочерью священника Камбарского завода Осинского уезда Пермской губ., иноческую жизнь начала в Верх-Теченском монастыре, в 1874 г. по ее просьбе была переведена в Ново-Тихвинский монастырь, а вскоре получила это новое назначение. Она управляла Межигорским монастырем два года, после чего попросила уволить ее от должности по слабости здоровья, и, дождавшись назначения преемницы, в октябре 1879 г. вернулась в Екатеринбургский монастырь, где и проживала, исполняя скромное послушание по чтению псалтири в церкви⁵⁰⁴.

---

⁵⁰⁰ *Грамматин А.* Указ. соч. № 19–20. С. 399–400.

⁵⁰¹ Благословение Св. Синода // ПЕВ. 1868. № 7. Отдел офиц. С. 56–57.

⁵⁰² *Грамматин А.* Указ. соч. № 19–20. С. 399–406.

⁵⁰³ Там же. № 21–22. С. 432–433.

⁵⁰⁴ Там же; ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 1242 об. – 1243, 1301 об. – 1302.

В 1868 г. в Колчеданскую женскую общину (в 105 км к юго-востоку от Екатеринбурга) была отправлена монахиня Крискентия (Пестова), жившая в Екатеринбургской обители с 1819 или 1826 г., принявшая постриг в 1846 г. Указом Пермской консистории от 8 февраля 1868 г. она была определена в Колчеданскую общину исполняющей должность настоятельницы, несколько месяцев спустя, 11 августа того же года, распоряжением Пермской консистории утверждена в должности⁵⁰⁵. Вслед за монахиней Крискентией в Колчеданскую общину из Ново-Тихвинского монастыря была командирована рясофорная послушница Гликерия Архиповна Анчугова, назначенная 22 апреля 1868 г. исправляющей должность казначеи общины. Прежде она жила в Екатеринбургской обители с 1846 г., несла «разные послушания». 11 ноября 1868 г. она была утверждена в должности казначеи Колчеданской общины, в 1875 г. приняла постриг с именем Глафира⁵⁰⁶.

Помог Ново-Тихвинский монастырь и упрочению еще одной женской обители Тобольской епархии — Туринского Николаевского монастыря (в 300 км от Екатеринбурга). Еще в 1827 г. туда уехали несколько екатеринбургских насельниц⁵⁰⁷. В 1873 г. от епископа Тобольского Ефрема на имя игуменьи Магдалины пришло распоряжение о выборе из состава сестричества двух опытных монахинь для назначения настоятельницами и казначеями Туринского монастыря. Выбор матушки пал на монахинь Августу (Калашникову) и Афанасию (Гурину). Согласно существующему порядку, они должны были письменно изъявить свое согласие, что и сделали в прошении на имя владыки Ефрема 11 июля 1873 г.: «Переходить из здешнего монастыря на жительство в другой мы бы не желали, так как всем мы здесь довольны и расставаться с монастырем для нас тягостно, но, исполняя по сану своему послушания и думая, что Господу Богу угодно, чтобы мы жили в Туринском монастыре, мы изъявляем желание на переход в Туринский монастырь»⁵⁰⁸.

---

⁵⁰⁵ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 4 об. — 5, 34 об. — 35, 71 об. — 72, 132 об. — 133, 187 об. — 188, 242 об. — 243, 325 об. — 326, 495 об. — 496, 1288 об. — 1289; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 3 об. — 4.

⁵⁰⁶ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 16 об. — 17, 45 об. — 46, 82 об. — 83, 144 об. — 145, 201 об. — 202, 259 об. — 260, 344 об. — 345, 437 об. — 438; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 19 об. — 20; Д. 443. Л. 35 об. — 36; Д. 454. Л. 5 об. — 6, 102 об. — 103, 203 об. — 204, 237 об. — 238, 380 об. — 381; Д. 493. Л. 137 об. — 138, 223 об. — 224.

⁵⁰⁷ См. выше, с. 170.

⁵⁰⁸ ГАТ. Ф. 156. Оп. 26. Д. 765. Л. 1 об.

Августа (Калашникова) стала настоятельницей монастыря в том же 1873 г. Родом она была из екатеринбургских мешан (в миру Вриенна Васильевна), в Екатеринбургский монастырь была отдана в 1820 г. четырехлетней девочкой, там научилась грамоте, на протяжении ряда лет пела на клиросе и занималась золотошвейным рукоделием, в 1863 г. приняла постриг, после чего исполняла послушание церковницы (наблюдала за чистотой и благочинием в церкви). Настоятельница Магдалина характеризовала ее словами: «качеств очень хороших, к послушанию способна и усердна», отмечая ее «примерно скромное» поведение⁵⁰⁹.

О ее деятельности в Туринском монастыре, к сожалению, сохранилось мало сведений. Известно, что в 1875 г. она, по примеру Новотихвинской обители, завела свечное производство. В Туринском монастыре был установлен ежегодный крестный ход в день иконы Божией Матери Тихвинской, вероятно, тоже при настоятельнице Августе. После Августы монастырем управляла еще одна екатеринбургская монахиня — приехавшая в 1873 г. Афанасия (Гурина)⁵¹⁰.

В 1881 г. в Верхотурье (300 км от Екатеринбурга) была командирована монахиня Елизавета (Говырина) «в женское общежитие для занятия по хозяйственной части», в 1882 г. монахиня Мардария (Дементьева) «для заведыванием общежитием и свечным складом»⁵¹¹. «Женское общежитие» в Верхотурье фактически существовало с 1849 г., официально было признано в 1853 г., и только в 1902 г. получило статус монастыря. Ныне это действующий Верхотурский Покровский монастырь.

Еще одна молодая женская община — Красносельская, на границе Тобольской и Екатеринбургской епархий (в 300 км к северо-востоку от Екатеринбурга) — сразу после официального признания в качестве общины получили первую настоятельницу из числа новотихвинских монахинь. Указом Екатеринбургской духовной консистории от 9 июня 1886 г. монахиня Евникия (в миру Евдокия Васильевна Гребеньщикова) была переведена в Красносельскую общину, которой управляла шесть лет, и здесь же скончалась 24 марта 1892 г., оставив по себе «достохвальное воспоминание» у сестер обители⁵¹².

---

⁵⁰⁹ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 9 об. – 10, 38 об. – 39, 75 об. – 76, 137 об. – 138, 187 об. – 188, 245 об. – 246, 328 об. – 329, 425 об. – 426; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 6 об. – 7.

⁵¹⁰ Головин П. Указ. соч. С. 212–216; о послушаниях монахини Афанасии Гуриной в Екатеринбургском монастыре см. выше, с. 193.

⁵¹¹ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 1112 об. – 1113, 1165 об. – 1166.

⁵¹² ГАСО. Ф. 698. Оп. 1. Д. 346. Л. 54.

Уже при следующей екатеринбургской настоятельнице игуменье Магдалине (Досмановой) Ново-Тихвинский монастырь помог утверждению Успенской женской общины. При ее основании в 1901 г. из Екатеринбургского монастыря в окрестности Верхотурья ушли три послушницы: Татьяна Васильевна Цепелева, жившая в Ново-Тихвинском монастыре с 1889 до 1901 г., Александра Ваулина и Матрона Евдокимовна Пленкина. В 1904 г. туда же перешла послушница Анна Глухих, а в 1905 г. — Зинаида Николаевна Быкова. Татьяна Цепелева в 1911 г. приняла постриг с именем Ангелина, в 1913 г., при официальном учреждении Верхотурского Успенского монастыря, была назначена его настоятельницей. Анна, Матрона и Зинаида приняли постриг в 1914 г. Монахиня Апполиария (Глухих) стала благочинной Верхотурского Успенского монастыря, монахиня Минодора (Пленкина) управляла всеми рукодельными работами, монахиня Надежда (Быкова) стала «старшей» в портновской мастерской, Александра Ваулина в 1913 г. была облечена в рясофор и занималась живописными работами. Иконописанию была обучена и настоятельница Ангелина⁵¹³.

Монастырская благотворительность

Расширяя хозяйство, заботясь о рукоделиях, строя церкви, настоятельница Магдалина не забывала и о благотворительности. Формы ее оставались прежними — забота о больных и обучение детей.

В монастыре имелись больничные кельи, в которых призревались больные и престарелые насельницы самой обители. В послушницы принимали иногда и слепых, глухонемых девушек. Всего в 1866 г., например, нетрудоспособные насельницы составляли 11,5% сестричества (44 человека). Для них в 1867 г. рядом с церковью во имя Всех Святых был построен каменный одноэтажный корпус⁵¹⁴.

Училище при монастыре продолжало составлять предмет особой попечительности матушки Магдалины и после ее назначения настоятельницей. И, надо признать, поднялось при ней на новую ступень.

Матушка позаботилась об условиях проживания и занятий учениц. В 1858 г. был расширен училищный корпус, в нем устроена кухня для занятий домоводством, в следующем году при нем сделана баня. В первые годы настоятельства матушки Магдалины в училище было от 32 до 36 учениц. Монастырь брал на полное свое обеспечение

---

⁵¹³ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 719. Л. 391 об. – 394, 397 об. – 399; Д. 731. Л. 380 об. – 384; Д. 734. Л. 1 об. – 6, 12 об. – 13.

⁵¹⁴ Иконников В. Указ. соч. С. 62.

1–2 воспитанницы. Остальные (от 1 до 12 человек) содержались в училище на средства родителей, еще 20–29 девочек — за счет епархиального попечительства о бедных духовного звания⁵¹⁵.

С начала 1865–66 учебного года монастырское училище было преобразовано в четырехклассное. Количество учебных предметов было увеличено, составлено расписание занятий, утвержденное Пермской духовной консисторией. Предметы, преподаваемые в училище, были следующие:

«Год первый: 1) чтение по церковной и гражданской печати; 2) чистописание; 3) заучивание на память молитвы Господней, Символа Веры и десяти заповедей, с присовокуплением со стороны наставника кратких и самопростейших объяснений их; 4) рукоделие и 5) церковное пение.

Год второй: 1) священная история Ветхого Завета; 2) первая часть пространного катехизиса; 3) сведения о праздниках, преимущественно дванадесятых; 4) краткое объяснение литургии; 5) первые четыре действия арифметики; 6) чистописание; 7) рукоделие и 8) церковное пение.

Год третий: 1) свящ[енная] история Нового Завета и рассказы из всеобщей церковной истории, до принятия христианства Константином Великим; 2) вторая часть пространного катехизиса; 3) первая часть русской грамматики; 4) повторение первых четырех арифметических действий и об именованных числах; 5) общие понятия из географии и более подробные сведения об европейских государствах; 6) краткие сведения о народах, живших до Р[ождества] Хр[истова] и после; 7) объяснение прочих, кроме литургии, видов богослужения; 8) рукоделие и домохозяйство; 9) церковное пение.

Год четвертый: 1) третья часть простр[анного] катехизиса; 2) рассказы о важнейших событиях вселенской и российской церкви; 3) вторая часть русской грамматики; 4) из арифметики о дробях; 5) рассказы о важнейших событиях в русском государстве; 6) более подробное изучение географии России; 7) рукоделие и домохозяйство и 8) церковное пение»⁵¹⁶.

Численность учащихся в 1866–1880 гг. колебалась от 43 до 106. Из них от 26 до 64 человек содержались на средства епархиального попечительства о бедных духовного звания, от 12 до 36 — на средства родителей, от 2 до 7 — на средства монастыря. С 1877–78 учебного

---

⁵¹⁵ Там же. С. 60, 100.

⁵¹⁶ Там же. С. 97.

года от 12 до 16 учениц содержались за счет стипендии «неизвестного благотворителя»⁵¹⁷.

Пособие от епархиального попечительства, отпускаемое на содержание ежегодно согласовывавшегося числа сирот в училище, по ходатайству матушки Магдалины с 1859 г. определялось в размере 30 руб. на воспитанницу «по случаю увеличившейся дороговизны на разные предметы». Однако этого пособия было недостаточно, и монастырю приходилось употреблять на сирот и собственные средства. Кроме того, согласно установившейся с игуменьи Таисии традиции, по выходе воспитанниц–сирот по окончании обучения замуж, монастырь давал им «приличное приданое». Размер оплаты родителями обучения детей согласовывался с настоятельницей индивидуально.

Учитывая численность учащихся, настоятельница Магдалина распорядилась в 1871–1872 гг. сделать большой пристрой к каменному двухэтажному училищному дому. Эти постройки на пользу училища в значительной степени возводились за счет помощи благотворителей, которые делали пожертвования именно на училище. Так, еще на перестройку училищного дома в 1857–1859 гг. почетный гражданин города Екатеринбург М. А. Нуров пожертвовал 200 руб., коллежский советник Дягилев — 142 руб. 5 коп. Были и менее значительные вклады деньгами и стройматериалами от купца Федора Михайлова, жителей Кыштымского и Каслинского заводов, управляющих Билимбаевского, Каслинского, Сысертского заводов, от некоторых частных лиц. Жертвовали не только на здания, но и на содержание учениц, как деньгами, так и вещами: разные материи, чай, мебель, одежду⁵¹⁸.

Распорядок жизни учениц был продуман:

«Воспитанницы встают в 6 часов утра, чрез полчаса собираются на общую молитву, которая читается воспитанницами в присутствии помощницы начальницы и надзирательниц. В 7 часов пьют чай и отправляются в классы, где под руководством надзирательниц, заменяющих классных дам, занимаются приготовлением уроков до прихода наставников. В 9 часов приступают к учебным занятиям с наставниками. Учебные занятия, с переменами, оканчиваются в половине второго часа дня.

---

⁵¹⁷ Там же. С. 100; Отчет о состоянии училища девиц духовного звания и при нем детского приюта, состоящих при Екатеринбургском Ново-Тихвинском первоклассном девичьем монастыре, за 1876/7 учебный год // ПЕВ. 1877. Отдел офиц. № 43. С. 494–497, № 44. С. 507–509; Отчет о состоянии училища девиц духовного звания и при нем детского приюта, состоящих при Екатеринбургском Ново-Тихвинском первоклассном девичьем монастыре, за 1877/8 учебный год // ПЕВ. 1878. Отдел офиц. № 50. С. 570–574, 578, № 51. С. 586–587.

⁵¹⁸ Иконников В. Указ. соч. С. 98–99.

В половине второго часа обед, до трех часов свободное от занятий время. От трех до пяти часов занимаются рукоделием: вязанием скатертей, кружев, чулков, вышиванием на канве разным материалом, разным строченьем, вышиванием в гладь, шитьем белья или платьев под руководством надзирательницы. В эти же часы два раза в неделю воспитанницы под руководством священника занимаются пением для литургии, некоторых молитв и концертов. С 6 до 8 часов занимаются приготовлением уроков к классам следующего дня под руководством надзирательниц. В 8 часов ужин, в 9 часов вечерние молитвы, после которых тотчас воспитанницы ложатся спать. Кроме перечисленных занятий, воспитанницы старших классов, по очереди, каждые сутки по две, находятся на кухне и учатся приготовлению хлебов и кушаний.

В воскресные и праздничные дни занятий не полагается. К богослужению воспитанницы ходят в монастырские церкви и некоторые из них, под руководством учителя пения, поют литургию. В праздники после обедни пьют чай и в 12 часов обедают. После обеда свободное время употребляется на различные приличные возрасту и полу развлечения и игры. В 5 часов вечера чай, и с 6 до 8 занимаются приготовлением уроков к следующему дню.

Время вакационное положено с 1 июля по 1 сентября, на которое воспитанницы увольняются к своим родственникам, если таковые приезжают за ними»⁵¹⁹.

Начальницей училища по-прежнему являлась настоятельница монастыря. Для непосредственного управления делами училища у нее была помощница. С 1859 по 1870 г. это послушание несла монахиня Соломония (Зотеева), утвержденная в должности резолюцией епископа Пермского Неофита. От этого послушания она была уволена лишь «за слабостью зрения» в возрасте 63-х лет. Родом она была из крестьян Махневской волости Верхотурского уезда, в монастырь пришла в 1838 г., спустя 20 лет приняла постриг. Грамоте, вероятно, она обучилась еще до поступления в обитель⁵²⁰. После монахини Соломонии своих помощниц по училищу настоятельница Магдалина, видимо, подбирала из светских лиц с хорошим образованием. Так,

---

⁵¹⁹ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 716–717 об.

⁵²⁰ Там же. Л. 1 об. – 2, 31 об. – 32, 67 об. – 68, 130 об. – 131, 184 об. – 186, 243 об. – 244, 325 об. – 326, 422 об. – 423; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 3 об. – 4.

в 1876–1878 гг. ею была Ольга Ивановна Глебова, дочь чиновника, окончившая Вятскую гимназию⁵²¹.

В училище были также одна–две надзирательницы из числа рясофорных послушниц, в помощь которым определяли несколько выпускниц этого же училища. Надзирательницы утверждались в должности резолюцией епископа Пермского⁵²². Преподаванием в училище занимались монастырские священники и студенты семинарии. Они, а также помощница начальницы из числа светских лиц и помощницы надзирательниц получали жалование. Насельницы монастыря, несущие послушание в училище, жалования не получали.

Одновременно с преобразованием училища в четырехклассное в монастыре с разрешения епархиального начальства был открыт приют для первоначального обучения и воспитания девочек–сирот духовного сословия 6–10 лет, по окончании которого дети могли поступать в первый класс училища. Девочки обучались в приюте «чтению по церковной и гражданской печати, чистописанию, изучению Символа Веры, молитвы Господней, десятословию, некоторым утренним и вечерним молитвам, рукоделиям соответственно возрасту»⁵²³. Часть приюток содержались за счет монастыря, часть — за счет родителей, но большинство — за счет попечительства о бедных духовного звания. В 1866 г. в приюте было 20 девочек, в 1870 г. — 23, в 1872 — 16, в 1873 — 30, в 1882 — 22⁵²⁴.

Открытие приюта было желанием настоятельницы монастыря Магдалины, которая поступила в обитель еще ребенком. Приют размещался в том же доме, что и училище. Число нуждавшихся в такого рода призрении намного превышало возможности приюта. Некоторых сирот монастырь принимал на свое содержание, но и этого было недостаточно. Иногда настоятельнице с горечью приходилось отказывать в приеме детей. Так, в 1871 г. ей пришлось объяснять епархиальному начальству, почему она не может принять в приют дочерей одного умершего священника: «Некоторые из вдов духовного звания только что успеют послать епархиальному начальству свои прошения

---

⁵²¹ Отчет о состоянии училища... за 1876/7 учебный год... № 43. С. 494–497, № 44. С. 507–509; Отчет о состоянии училища... за 1877/8 учебный год... № 50. С. 570–574, 578, № 51. С. 586–587.

⁵²² Там же; ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 9 об. – 10, 38 об. – 39, 68 об. – 69, 76 об. – 77, 129 об. – 130, 138 об. – 139, 183 об. – 186, 241 об. – 244, 324 об. – 327, 421 об. – 423, 494 об. – 496.

⁵²³ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 493. Л. 101–102.

⁵²⁴ Иконников В. Указ. соч. С. 101–103; ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 165. Л. 21 об. – 22, 29–29 об.; Ф. 603. Оп. 1. Д. 454. Л. 44 об., 124 об. – 125, 202 об.; Д. 493. Л. 91 об. – 92, 101–102; ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 173 об.

о принятии дочерей в наше училище или приют на попечительское содержание, и вскоре затем привозят их сюда, в таком случае, хотя и свободных вакансий, и распоряжения о принятии еще нет, но из снисхождения к сиротству, бедности и по причине дальнего иногда путешествия принимаются много маленькие сироты на монастырское содержание. Но в содержании большего числа сирот монастырь поставлен будет в некоторое затруднение, потому что кроме малолетних в училище и приюте сирот довольно призывается духовного и светского звания девиц в самом монастыре». Заканчивала она письмо просьбой увеличить число вакансий от епархиального попечительства на 10 мест при училище и на столько же в приюте. Однако определением попечительства от 20 марта было добавлено всего 10 вакансий, а игуменье предоставлено право самой распределять их между училищем и приютом⁵²⁵.

Заботами игуменьи Магдалины здания училища могли вмещать до 200 учениц, а преподавание было поставлено так, что в 1880 г. училище смогли преобразовать в женское епархиальное с шестиклассным курсом обучения. Указом Синода от 30 апреля 1880 г. училище стало именоваться Зауральским епархиальным женским. Многие считали его создание «благодеемием для духовенства целого края»⁵²⁶. Как и прежде существовавшее монастырское училище, оно было предназначено для детей духовенства⁵²⁷. Епархиальное училище должно было содержаться за счет средств, собираемых с духовенства епархии. В сущности, с 1880 г. училище уже не было монастырским — оно переросло его рамки.

В 1878 г., когда на съездах духовенства Екатеринбургского и Далматовского училищных округов решался вопрос о создании епархиального училища, духовенство просило монастырь «уступить» училищу и те здания на монастырской земле, в которых находилось четырехклассное училище. Игуменья Магдалина ответила, что на открытие епархиального училища дает полное согласие и уступает ему здание учебного корпуса безвозмездно, пообещала выделять еже-

---

⁵²⁵ Иконников В. Указ. соч. С. 102–103.

⁵²⁶ Младов Г. Указ. соч. С. 118.

⁵²⁷ Дети из семей других сословий также имелись в училище, но их было мало. В 1883/84 учебном году, например, девочек из семей духовенства было 179, а из других сословий – 20 (см.: Отчет о состоянии Зауральского епархиального женского училища, что при Екатеринбургском женском монастыре, за 1883–84 учебный год // ПЕВ. 1885. № 5. Отдел офиц. С. 34).

годно субсидию 3000 руб. и изъявила готовность приступить к исполнению предложенного ею же плана устройства помещения для проживания пансионеров.

Однако монастырь смог только в первый год существования епархиального училища выделить субсидию в размере 1320 руб. Очередной Зауральский съезд духовенства 1881 г. встревожился относительно перспектив содержания училища и предложил открыть епархиальный свечной завод, а для изыскания средств на завод разрешить приходам покупать свечи в частных свечных лавках, если там будут лучшие цены, сэкономленные же средства присылать в Совет училища для создания необходимого капитала для устройства завода. Одновременно на съезде были высказаны соображения о необходимости переселения епархиального училища на другое место. Эти соображения съезда не получили одобрения епископа Пермского Вассиана и не были исполнены.

Настоятельница Магдалина оставалась начальницей училища вплоть до 1890 г., вникала во все дела. От монастыря в епархиальном училище выплачивалось дополнительное жалование преподавателям и одной воспитательнице, доплачивались недостающие средства и на содержание воспитанниц. Здание училища полностью содержалось на средства обителю. От полагавшегося по должности начальницы училища жалования игуменья отказалась.

Не найдя достаточных средств для содержания епархиального училища, в 1890 г., уже после создания самостоятельной Екатеринбургской епархии в 1885 г., епископ Екатеринбургский Поликарп в 1890 г. дал согласие на создание епархиального свечного завода. Понимая, сколь болезненно это отразится на монастырских доходах, игуменья Магдалина 17 июня того же года уведомила епархиальный съезд духовенства о нежелании впредь иметь в монастырских зданиях епархиальное училище и предложила «очистить и сдать монастырю в исправном виде» здания к 15 июля. Заявление застало врасплох участников съезда, поскольку найти другое помещение к началу учебного года было нереально. Монастырь сообщил о готовности даже начать судебный процесс о выдворении из монастырских зданий учениц и преподавателей. Сама игуменья, сославшись на состояние здоровья, просила снять ее с должности начальницы училища.

Этот ультиматум вызвал возмущение участников съезда (на котором было представлено в основном приходское духовенство). Они собирались ходатайствовать через епархиального архиерея перед Синодом об оставлении училища в зданиях монастыря до устройства новых (вопрос о которых в срочном порядке обсуждался в это время).

Вероятно, новый епископ Екатеринбургский Афанасий, возглавивший епархию в 1891 г., употребил все свои силы, чтобы урегулировать вспыхнувший между монастырем и приходским духовенством конфликт. За монастырем была оставлена возможность продавать свои свечи в епархии (во избежание недоразумений Екатеринбургской духовной консисторией был утвержден список 195 приходов, где продаются монастырские свечи). 28 мая 1892 г. игуменья Магдалина в рапорте архиерею сообщила, что монастырь желает оставить свои здания (стоимость которых оценивалась в 80.000 руб.) в безвозмездном пользовании училища, а также просила исходатайствовать в Синоде соответствующее постановление. Указ Синода о принятии монастырских зданий был получен в епархии летом 1892 г., а 4 октября 1892 г. Совет училища принял их с составлением официального акта. «В уважение примерной попечительности» в том же году указом Синода игуменья была назначена почетной попечительницей Зауральского епархиального училища⁵²⁸.

Кончина игуменьи Магдалины

Нет сомнения, что правление матушки Магдалины Неустроевой в Екатеринбургском Ново-Тихвинском монастыре — целая эпоха в истории обители. Современники не зря отмечали, что ее усилиями монастырь доведен «до высшей степени процветания и благоустройства»⁵²⁹, что «деятельность игуменьи Магдалины за время управления ею монастырем настолько обширна, что выходила далеко за пределы монастыря и, несомненно, имеет отношение не только к истории епархиальной жизни, но и церковно-историческое значение»⁵³⁰.

За труды по монастырю и училищу игуменья Магдалина удостоивалась различных наград: 9 января 1861 г. ей было преподано благоговение от епископа Пермского «за отличное благоустройство училища и попечительность»; 7 февраля того же года — еще одно благоговение от епархиального начальства, но уже «за отличное благоустройство обители и попечительность»; 25 апреля 1864 г. она была всемилостивейше награждена от Синода золотым наперсным крестом, украшенным драгоценными камнями; 10 марта 1867 г. ей было объявлено благословение Синода «за учреждение при монастырском женском училище приюта для малолетних сирот–девиц духовного звания»; 15 апреля 1872 г. снова была всемилостивейше награждена

---

⁵²⁸ Постановления съездов... С. 553–558; *Младов Г.* Указ. соч. С. 118–122.

⁵²⁹ *Младов Г.* Указ. соч. С. 111.

⁵³⁰ Там же. С. 115.

золотым наперсным крестом, украшенным драгоценными камнями; 6 мая 1878 г. ей была объявлена благодарность викарного епископа Екатеринбургского Модеста «за отличное благоустройство училища и попечительность о воспитанницах в учебном и нравственном отношениях»; за сделанные ею благотворительные взносы получала награды и от различных общественных организаций: 27 июня 1879 г. — знак Красного Креста, 16 сентября 1883 г. — знак Холмского Свято-Богородицкого братства III степени; 27 сентября 1884 г. ей была объявлена высочайшая благодарность за пожертвование вышитых золотом воздушов и ковра для Петропавловского собора в Петербурге⁵³¹.

Однако силы постепенно покидали матушку. Она стала ощущать все большие недомогания с конца 80-х годов, хотя сохраняла бодрость и ясность сознания до последних дней. О ее последних днях написал монастырский священник Григорий Младов:

«21 ноября [1892 г. — *М. Н.*] почившая игуменья Магдалина в последний раз принимала у себя служившего в этот день, по случаю храмового праздника, в монастыре литургию преосвященнейшего Афанасия, именитых граждан и духовенство. Вскоре после этого игуменья Магдалина слегла на одр болезни смертной, с которого уже не судил ей Господь восстать; на нем смерть положила конец ее многотрудной жизни.

Но смерть для почившей не была неожиданной гостьей; она и прежде не раз заговаривала о ней, а теперь ясно созвала, что время близко есть... Но не зная в точности своего часа смертного и опасаясь, как бы он не пришел внезапно, она стала готовиться к этому страшному, смертному часу. Прежде всего она обращается к Врачу душ и телес с молитвою, да подаст ей исцеление и ослабу от обдержавших ее болезней смертных, чрез установленное Им таинство елеосвящения; затем в продолжение своей болезни она заботилась как можно чаще очищать душу покаянием и соединяться с источником бессмертия в таинстве св. причащения. Всякий раз, когда она чувствовала, что приступы болезни усиливаются и ей грозит смертная опасность, болящая игуменья прибегала к сим спасительным таинствам. Так, до наступления праздников, в ноябре и декабре месяцах, она исповедалась и причастилась св. таин до пяти раз. И знаменательно: всякий раз

---

⁵³¹ Младов Г. Указ. соч. С. 121; ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 61–62 а, 164–167, 320–323, 383–386, 391–394, 463–466, 606–609, 615–618, 727–730, 838–841, 899–902, 990–994, 1095–1098, 1156–1159, 1215–1218, 1223–1226; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 444. Л. 1 об. – 4; Д. 454. Л. 33–36, 393–396; Д. 460. Л. 1 об. – 4; Д. 476. Л. 1 об., 5 об. – 8, 12–14.

после причащения смерть как бы отступала от нее и Милосердый Господь посылал ей облегчение в болезни.

В праздник Рождества Христова болящая, лишенная возможности участвовать в церковных славословиях воплотившегося нас ради Христа Спасителя и не желая остаться без духовной радости, снова исповедуется и причащается св. таин.

На второй день праздника, по издавна заведенному обычаю, в монастыре совершал Божественную литургию Его Преосвященство Преосвященнейший Афанасий, епископ Екатеринбургский и Ирбитский. После служения благоснисходительный архипастырь навещил болящую, которая с благодарною радостью, хотя и сидя в кресле, встретила владыку. Преосвященный благословил больную, приветствовал ее с праздником и преподал духовное утешение. После владыки больную навещили именнейшие из граждан и сослужившее преосвященному духовенство.

К новому году положение больной стало хуже, недуги усилились настолько, что не было уже никакого сомнения, что болезнь игуменьи будет иметь смертельный исход. С разрешения врача, пользовавшего больную, к ней стали допускать всех желавших проститься с нею.

В Богоявленский сочельник, а равно и в самый праздник Богоявления болящую игуменью навещило монастырское духовенство со св. крестом и св. водою. Болящая со слезами на глазах горячо лобызала Животворящий Крест и приняла окропление св. водою. Духовенство приветствовало больную с праздником в приносило ей поздравление с принятием св. таин; ибо и в этот праздник больная пожелала сподобиться духовной радости — исповедывалась и причащалась.

Но болезнь все больше и больше усиливалась и приближала больную к дверям вечности. Сознавала это и чувствовала и сама болящая. Нередко в забытье она обращалась к окружавшим ее со словами: «Пора, пора отправляться домой», «Ах! Поскорей бы домой, наскучило мне здесь» ... И действительно, скоро для нее наступило время переселения ее в вечные крвы Отца Небесного.

8 января она исповедовалась и причащалась св. таин. Но это было уже последнее ее причащение в здешней жизни, последнее напутствие отходящей в жизнь вечную — залог этой жизни вечной и блаженного воскресения, по слову Господа: «Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь иматъ живот вечный, и Аз воскрешу его в последний день».

9 января в полдень больная, предчувствуя приближение смерти, пожелала получить от архипастыря как бы напутственное предсмерт-

ное благословение. Исполняя желание больной, две монахини немедленно отправились к Его Преосвященству и доложили ему о желании болящей. Владыка заочно благословил болящую и в видимый знак сего благословения послал ей образ Черниговской Божией Матери. Приняв дрожащими руками образ Божий Матери, она прижала его к устам и слезы молитвы к Божией Матери покатались из ее глаз. Больная, видимо, была весьма духовно утешена сим даром преосвященнейшего. Образ этот, по кончине игуменьи, был возложен на персях ее.

Состояние больной в этот день было настолько близко в смерти, что над нею было прочитано последование на исход души, а к 6 часам утра 10 января уже не стало игуменьи Магдалины — она, примирившись с Богом и ближними, почила о Господе»⁵³².

Весть о кончине настоятельницы быстро облетела весь монастырь, игуменские кельи переполнились плачущими насельницами, пришли все священнослужители обители. Облечившись в траурные ризы, специально приготовленные матушкой для своего погребенья, священники начали служить панихиды. О кончине матушки было сообщено епископу Екатеринбургскому, телеграммами извещены все знавшие ее. Панихиды служили почти непрерывно все прибывавшие священники градских церквей, на них присутствовало много горожан, пришли все воспитанницы епархиального училища. Одну из панихид отслужил епископ Афанасий в присутствии главного горного начальника И. П. Иванова, градского головы И. И. Симанова и других горожан. Панихиды продолжались и на следующий день, когда приехали священники из окрестных заводов и сел. Похороны игуменьи, состоялись 12 января 1893 г.:

«В 4 часа по полудни состоялся вынос тела почившей из кельи во храм. В выносе участвовали: протоиерей монастыря Г. Младов, бывший протоиерей монастыря И. Соколов и тринадцать священников. Вынос после обычной литии совершился в должном порядке.

В преднесении св. креста, хоругвей, келейных икон и трех наперсных крестов почившей, четыре монахини несли крышку гроба. За крышкой гроба шли два хора монастырских певчих. За певчими шло духовенство попарно. Пред гробом несли игуменский посох келейница почившей, бывшая опорой ее старости, Пелагия Досманова, ныне монахиня Магдалина. Гроб с телом почившей несли двенадцать старших монахинь. За гробом шла ныне управляющая монастырем казначея монахиня Агния, а за нею сестры монастыря по три в ряд. За

---

⁵³² Младов Г. Указ соч. С. 121–125.

порядком шествия и его правильностью наблюдение имела уставщица монастыря монахиня Агафоклия.

Из келий игуменьи шествие направилось вокруг Успенской церкви, при чем совершено было 4 литии. Во время выноса почившей погода стояла столь тихая, что свечи, как несомые у гроба, так и бывшие в руках участвовавших в процессии, не гасли, что придавало этой печальной процессии, при вечерних сумерках, величественный вид.

Тело почившей было внесено во храм Всех скорбящих Радости и поставлено на особо уготованном катафалке. Храм этот был, соответственно печальному событию, убран трауром. Такое убранство храма при полном его освещении, со множеством священнослужителей в траурных облачениях производило глубокое впечатление на присутствовавших. После перенесения тела почившей игуменьи во храм теми же священнослужителями, которые участвовали в выносе, совершена была панихида, а после нее всенощное бдение. В конце службы при пении «вечная память» монастырское духовенство возложило на гроб почившей металлический венок из белых цветов. Кроме этого венка на гроб возложен был еще венок от епархиального женского училища.

12 января, в день погребения игуменьи Магдалины, в монастырских церквах совершено было три ранних заупокойных литургии и после оных панихиды. Позднюю литургию совершил в этот день Его Преосвященство Преосвященнейший Афанасий в сослужении протоиереев В. Луканина, Г. Младова, священников В. Лебедева, Д. Грушевского, Е. Дюкова и К. Коровина. За литургией пел хор архиерейских певчих...

Отпевание почившей игуменьи совершено было Его Преосвященством в сослужении пяти протоиереев и двадцати священников, в числе коих были и прибывшие из окрестных сел и заводов». Похоронена матушка Магдалина была, согласно желанию насельниц, у алтаря Иоанно-Предтеченского придела Успенской церкви⁵³³.

---

⁵³³ Там же. С. 125–135.

Глава 7. Итоги столетнего существования

Перед кончиною матушка Магдалина (Неустроева) подумала о своей преемнице. Она просила епархиальное начальство способствовать назначению новой настоятельницей послушницы Пелагеи Степановны Досмановой. Однако архиерей счел такое назначение преждевременным, тем более, что Пелагея Досманова не приняла еще монашеского пострига. Поэтому после кончины 10 января 1893 г. игуменьи Магдалины (Неустроевой) новой настоятельницей была назначена монахиня Агния (Бобылева)⁵³⁴, которая до этого 28 лет была казначеей монастыря. В брошюре, изданной в Екатеринбурге в 1901 г., Н. П. Штейнфельд, имевший возможность побеседовать с насельниками монастыря, писал, что «Агния уклонялась от этой почести, жалуясь на свое слабое здоровье, но из опасения назначения в обитель, в случае ее отказа, настоятельницы из чужого монастыря, каковое опасение разделяли все сестры, изъявила согласие и была назначена настоятельницею». По указу Синода от 14 марта того же года она была возведена в сан игуменьи. Не возражая против желания покойной настоятельницы Магдалины и сестер обители видеть во главе монастыря Пелагею Досманову, архиерей дал согласие и на ее постриг в монашество. Постриг был совершен 19 января⁵³⁵, в монашестве Пелагея приняла имя Магдалина и тогда же была назначена казначеей обители.

Игуменьи Агнии было уже 70 лет, когда она была поставлена во главе обители. Н. П. Штейнфельд утверждал, что она по всем делам советовалась с казначеей Магдалиной и «управляла монастырем согласно ее указаниям», а все сделанное в период управления Агнии приписывал стараниям казначеи. Агния недолго стояла во главе обители. В 1895 г. она дважды просила епархиальное начальство об увольнении ее на покой и получила разрешение. 18 декабря она скончалась⁵³⁶.

Еще при жизни игумении Агнии, по распоряжению архиерея и указу Екатеринбургской консистории от 23 октября 1895 г., под наблюдением благочинного монастыря протоиерея Василия Лука-

---

⁵³⁴ Подробнее о ней см. выше, с. 189–190.

⁵³⁵ Штейнфельд Н. П. Указ. соч. С. 29. По другим данным постриг состоялся 20 января (Жития святых... С. 609; Молитву пролию ко Господу... С. 17).

⁵³⁶ Штейнфельд Н. П. Указ. соч. С. 29–30; Епархиальные известия // ЕЕВ. 1895. № 52. Отдел офиц. С. 1433.

нина 26 октября монахини выбрали новой настоятельницей Магдалину. Насельницы сами определили способ голосования за нее — открытым волеизъявлением. После молебна в Скорбященской церкви все прошли в прилегающую к ней трапезную, где и состоялись выборы. О их порядке и итогах сообщил в своем отчете в консисторию протоиерей, отметив, что все проходило чинно и спокойно и никто не выступил против избрания Магдалины настоятельницей, а монахини Хионии казначеей. К отчету Василий Луканин приложил подписанный всеми присутствовавшими акт, в котором сестры подтвердили, что «мы единогласно избрали настоятельницею монастыря казначею монахиню Магдалину, в том убеждении, что она жития благочест[ив]ого, нрава кроткого, знающая нужды и потребности монастыря»⁵³⁷.

Однако через несколько дней 11 монахинь, подписавших этот акт вместе с другими, подали доношение обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву, в котором утверждали, что свободного выбора не было, акт они подписали от страха, игуменья Агния отказалась от настоятельства из-за притеснений со стороны Магдалины, сама Магдалина «не монашеского духа» и от нее они опасаются разорения обители, а в монастыре есть более достойные настоятельства монахини. По распоряжению епископа Екатеринбургского Симеона (Покровского) было начато расследование. Первой высказалась игуменья Агния:

«Никаких притеснений со стороны казначеи монастыря я никогда не испытывала, да и не могла испытывать как потому, что монахиня Магдалина назначена казначею монастыря Предместником Вашего Преосвященства по моему ходатайству, так и потому, что будучи настоятельницей монастыря, я не лишена была права выйти с новым ходатайством к Вашему Преосвященству об увольнении монахини Магдалины от должности казначеи, если бы я встретила со стороны ее по отношению к себе какое-либо неуважение или даже ослушание. Напротив, в казначее монастыря монахине Магдалине, при дряхлости лет и слабости сил своих, я всегда встречала умную, честную, способную и весьма усердную исполнительницу моих распоряжений и спешницу в делах по управлению монастырем. А потому в просьбах своих об увольнении меня от должности настоятельницы указывала на казначею, как способную и достойную себе преемницу.

---

⁵³⁷ Цит. по книге: Жития святых... С. 610.

Во вверенном управлению моему монастыре более способных и достойных, чем казначея монастыря монахиня Магдалина, лиц к замещению должности настоятельницы указать не могу.

Монахиня Магдалина известна мне с одиннадцати лет ее возраста. Проживая с 1859 г. в монастыре и исполняя здесь разные послушания, она всегда отличалась благонравием, кротостью, примерным послушанием и благочестною жизнью. Заявлени[я] некоторых монахинь о том, будто бы она не монашеского духу, вовсе несправедлив[ы]»⁵³⁸.

В ходе расследования выяснилось, что все несогласные с выбором Магдалины насельницы были уже в преклонных годах, но ни одна из них не была на значимых управленческих послушаниях в обители. Вероятно, не всем престарелым монахиням внушал доверие опыт послушницы, совсем недавно принявшей постриг (Магдалине в 1895 г. было 47 или 48 лет). И ни один столь большой коллектив, каким был к тому времени Екатеринбургский монастырь, насчитывающий уже около 1000 послушниц и монахинь, не мог бы обойтись без какого-то количества недовольных членов.

Епархиальное начальство не усмотрело каких-либо оснований к проведению перевыборов, о чем и было сообщено в Синод в ноябре 1895 г. Однако 28 мая 1896 г. обер-прокурору Синода был подан еще один донос, подписанный «искренними доброжелателями святой обители монастыря», в котором содержались упреки в адрес монахини Магдалины относительно недостаточно аскетичного, на их взгляд, ее образа жизни. Однако Синод счел более объективным мнение проводивших расследование и епархиальных властей и в июле 1896 г. назначил Магдалину исполняющей обязанности настоятельницы⁵³⁹.

Новый епископ Екатеринбургский Владимир 13 декабря 1896 г. сделал представление в Синод об утверждении Магдалины в должности настоятельницы с возведением в игуменский сан «во внимание к отлично-усердной службе ее в означенной должности и особым заботам о благоустроении обители». 10 февраля 1897 г. указом Синода монахиня Магдалина была утверждена настоятельницей обители, а 23 февраля возведена в игуменский сан⁵⁴⁰.

Игуменья Магдалина – в миру Пелагея Степановна Досманова, родилась в 1847 г. в крестьянской семье в с. Тихие Горы Елабужского

---

⁵³⁸ Там же. С. 611.

⁵³⁹ Там же. С. 612.

⁵⁴⁰ Штейнфельд Н. П. Указ. соч. С. 29–30, Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода // ЕЕВ. 1897. № 5. Отдел офиц. С. 95–96; Лавринов В. Указ. соч. С. 135, 149, 165; Молитву пролию ко Господу... С. 17.

уезда Вятской губ. В том же году ее отец записался в купечество по г. Елабуге, а в следующем семья переехала в с. Харловское Ирбитского уезда Пермской губ. В 1859 г. отец Пелагеи записался в купечество г. Ирбита⁵⁴¹. 9 мая того же года Пелагея поступила в Ново-Тихвинский монастырь, где продолжила обучение грамоте и рукодельным навыкам. Исполняла послушание при свечном производстве, после чего стала келейницей настоятельницы Магдалины (Неустроевой), исполняла и различные хозяйственные поручения в монастыре, вела хозяйственные дела монастырского училища. Постриг приняла после 33-летнего искуса, в возрасте 45 лет⁵⁴².

Труды тысячи насельниц

При игуменьях Агнии и Магдалине монастырь украсился новыми строениями. В обители была возведена каменная Всехсвятская церковь, в монастыре построены две стены каменной ограды, хозяйственные и жилые помещения, корпуса для иконописной мастерской, больницы и богадельни, церковно-приходской школы, хозяйственные помещения на заимках. Игумении Магдалине удавалось для осуществления построек привлекать благотворителей, среди которых современники особо отмечали екатеринбургских купцов М. Ф. Рожнова и М. И. Иванова, потомственного почетного гражданина Н. А. Злоказова⁵⁴³.

К началу XX в. Ново-Тихвинский монастырь имел впечатляющий комплекс построек в Екатеринбурге, включающий шесть каменных храмов⁵⁴⁴ и органично вписанные в ансамбль жилые и хозяйственные постройки. Планировка монастыря соответствовала традиции деления пространства на три зоны: в центре находился комплекс храмов, жилых и рукодельных мастерских, по сторонам от этого комплекса находилась зона хозяйственных построек (на юге) и зона монастырского кладбища с Александро-Невским собором (на севере). Наиболее открытым для горожан было пространство монастырского кладбища, на котором находили упокоение не только насельницы обители, но

---

⁵⁴¹ Молитву пролию ко Господу... С. 7–8.

⁵⁴² ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 719. Л. 139 об. – 142; Д. 731. Л. 139 об. – 142.

⁵⁴³ Штейнфельд Н. П. Указ. соч. С. 29–30, 36–37; Антонинов А., прот. Ко дню празднования столетия Екатеринбургского Ново-Тихвинского женского монастыря // ЕЕВ. 1910. № 23. Отдел. неофиц. С. 436, 439.

⁵⁴⁴ Успенская церковь (1778 г.), к которой в 1875–1876 гг. было сделано два придела (не сохранилась, в 2024 г. строится вновь), Скорбященская (1823–1832 г.), Введенская надвратная (1823–1865 г.), Феодосиевская (1823–1866 г.), Александро-Невский собор (1838–1854 г.), Всехсвятская (1902 г.) (Лавринов В. Указ. соч. С. 188, 192, 195, 205–207).

и именитые екатеринбуржцы. Парадный восточный фасад монастыря, состоящий из жилых корпусов с встроенными тремя домовыми церквями, выходил на Александровский проспект⁵⁴⁵. Еще по одному храму было на Елизаветинской и Булзинской заимках.

Историк архитектуры М. В. Голобородский высоко оценивает художественные достоинства монастыря: «Ансамбль Ново-Тихвинского монастыря занимает выдающееся место не только среди памятников церковного зодчества Урала, но и является уникальным памятником русского зодчества вообще. Уникальность Ново-Тихвинского монастыря как памятника прежде всего в том, что он был крупнейшим из основанных в начале XIX в. русских монастырей, архитектурный ансамбль которого полностью спроектирован и выстроен в традициях классицизма. При этом в характере архитектуры монастырского комплекса отразились достижения и традиции не только классицизма, но и предшествующих ему периодов»⁵⁴⁶.

К 1913 г. в монастыре проживало 1019 насельниц. Большинство из них (86%) происходили из крестьянских семей, мещанок было 6%, остальные социальные группы были представлены в меньшем количестве, что отражало равную возможность поступления в монастырь для всех групп населения. Монастырь продолжал оставаться скорее «девичьим», чем женским: в нем проживали только 46 вдов (4,5%), остальные были девицами. Обитель отличалась широким распространением грамотности среди своих насельниц: навыками чтения и письма владели 83% сестер, причем 70% из их числа получили образование в самом монастыре⁵⁴⁷.

О широкой известности Ново-Тихвинского монастыря за пределами Екатеринбургской епархии свидетельствуют биографии его насельниц. Так, например, в числе живших в 1913 г. послушниц и монахинь уроженок Пермской губ. было не менее 672 (73%), в том числе Екатеринбургского уезда и Екатеринбурга — 424 (46%), из самого

---

⁵⁴⁵ Основные очертания архитектурный комплекс монастыря сохранил до наших дней, хотя значительная его часть занята недоступными для свободного посещения военным госпиталем (хозяйственная зона и большая часть жилой) и домом-музеем маршала Жукова (часть монастырского кладбища). Кардинально перестроен и комплекс жилых и хозяйственных построек, полностью отделяющий центральную зону от пространства монастырского кладбища с Александро-Невским собором. Восточный фасад отреставрирован частично, но хорошо заметен с ул. Декабристов (бывший Александровский проспект).

⁵⁴⁶ Свод памятников... С. 187.

⁵⁴⁷ Расчеты по данным 1913 г., приведенные здесь и далее, выполнены по материалам ведомости о насельниках: ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 731. При наличии расхождений в сведениях между этим источником и более ранними ведомостями, учитывались только совпадающие показатели.

Екатеринбурга было только 38 человек (4%). Остальные пришли из 22-х губерний Российской империи от Томской на востоке до Петербургской на западе. Из этих отдаленных мест больше всего было уроженок Вятской губ. (172 чел.), Вологодской (17), Тобольской (11), Уфимской (7), Оренбургской губ. (6), Акмолинской области (6). Из других губерний было от одного до трех человек⁵⁴⁸.

В обители кроме игумении жили 1 схимонахиня, 136 монахинь, 800 послушниц, 81 малолетка (девочки в возрасте до 14 лет, находившиеся в монастырском приюте и учившиеся в монастырской церковно-приходской школе).

Возрастной диапазон насельниц был от 2 до 90 лет. Нетрудоспособных насельниц («по старости и болезни послушания не несет») было 76 человек (7,5%). Остальные 862 насельницы были готовы к труду и всем им находили послушания с учетом способностей и потребностей обширного и многопрофильного монастырского хозяйства.

Самой престарелой была монахиня Артемия (в миру Афанасия Гуляева, дочь священника), принявшая постриг в Екатеринбургском монастыре в 1879 г. Согласно ведомостям 1912 и 1913 гг., она жила в обители с 1862 г., хотя в аналогичных документах 1861–1872 гг. не зафиксирована. Послушаний она уже не несла⁵⁴⁹.

Самой юной в 1913 г. была двулетняя крестьянская девочка из Соликамского уезда Пермской губ. Екатерина Романова, в том году принятая в приют⁵⁵⁰.

Насельницы размещались в различных жилых корпусах «по послушаниям». Поскольку от государства содержание отпускалось только на 100 монахинь и настоятельницу, часть времени в монастырских мастерских насельницы работали «на себя» – для приобретения себе одежды и обуви от продажи сделанных ими рукоделий. Трапеза в монастыре была общая.

Заниматься многообразными делами настоятельнице Магдалине помогали монахиня Таисия и три послушницы, состоявшие «при настоятельских кельях». Документацией занималась письмоводительница 62-летняя монахиня Елена (в миру Ольга Новикова), родом из семьи потомственного почетного гражданина, получившая образование еще в доме родителей. В Ново-Тихвинский монастырь она была

---

⁵⁴⁸ В источнике не указаны места жительства 102 насельниц.

⁵⁴⁹ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 719. Л. 156 об. – 157; Д. 731. Л. 156 об. – 157.

⁵⁵⁰ Там же. Д. 731. Л. 256 об.

переведена в 1897 г., прежде проживала в Ново-Иерусалимском монастыре Московской епархии, где и приняла постриг в 1892 г. В 1893 г. она была переведена в Княже-Владимирскую общину Московской епархии и назначена казначей. Вероятно, ее перевели в Екатеринбург в 1897 г. в помощь игуменье Магдалине, чей опыт поначалу казался екатеринбургским архиереям недостаточным. Настоятельница Магдалина отмечала, что Елена «поведения отличного, весьма способна, примерно усердна»⁵⁵¹. При письмоводительнице состояла помощница монахиня Лидия (в миру Мария Новикова, ее сестра, получившая такое же образование)⁵⁵², еще одна семнадцатилетняя послушница Мария Чемезова «приучалась» к письмоводству⁵⁵³.

Хотя письмоводительница — послушание секретарское, но после кончины монахини Елены в 1916 г., только ей, единственной из уральских монахинь (не считая настоятельницы Магдалины Неустроевой), в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях» был посвящен своеобразный, очень прочувствованный некролог, изданный после того, как 29 июля, на 20-й день после ее кончины епископ Екатеринбургский и Верхотурский Серафим лично в сослужении с монастырским духовенством отслужил на ее могиле великую панихиду и сказал добрые слова о почившей:

«Успокоилась залетная птичка, а прежде она так суетилась, так порхала всюду, во все стороны, где только взор ее видел какой-нибудь непорядок.

Двадцатый день сегодня, как не стало рабы Божией монахини Елены, которая привитала здесь как залетная птичка, принесенная попутным ветром из Москвы. Много хлопотала почившая, покою не знала, но только хлопотала она не о себе, а о своей обители и о матушке игуменнии, как ее представительнице. Заботилась, как бы не уронить в чем престижа обители. Ее взор всегда и всюду старался проникнуть и сделать достойную оценку всему, что там увидит. Ее мысль была направлена на то, чтобы высоко всегда стояла честь обители.

Как внимательная оценщица и как человек правдивый, она не могла видеть со всех сторон ласку. Но Господь видит ее любовь к св. обители, видит сердце ее, ныне успокоившееся, видит старания и все хлопоты ее и поведение ее оценит.

Ныне [аба] Божия монахиня Елена просит всех простить ей все ее согрешения, помянуть ее в своих молитвах и не забывать ее особенно

---

⁵⁵¹ Там же. Д. 719. Л. 143 об. – 144; Д. 731. Л. 142 об. – 143.

⁵⁵² Там же. Д. 719. Л. 144 об. – 145; Д. 731. Л. 142 об. – 143.

⁵⁵³ Там же. Д. 719. Л. 264; Д. 731. Л. 257 об.

в эти дни мытарств, коих и мы не минуем с вами. Молит душа почившей, чтобы не забывали ее...»

Вероятно, кто-то из присутствовавших (заметка издана без указания авторства) поделился своим впечатлением от увиденного:

«Их было две сестры: старшая Елена и младшая Лидия.

Монахини. В черном одеянии, в клобуках — как все остальные инокини многолюдной Тихвинской обители.

На Урале они были гости. Приехали из Москвы и... остались здесь.

Две. Умных, интеллигентных, образованных.

Было бы странно, если бы они не оказались в первых рядах монастырских сестер. Особенно старшая, Елена. Это была натура далеко незаурядная, неспособная затеряться в толпе. И она не затерялась. Имя ее знали все в обители. Повторялось оно и далеко за стенами монастырскими: в канцеляриях присутственных мест, в конторах, магазинах и проч. Целых двадцать лет м. Елена работала для обители, не покладая рук, и вот успокоилась... на веки!..

Со вниманием выслушали инокини речь Архипастыря, а особенно та, что осталась теперь одна. Спит ее сестра под могильным крестом, а она стоит возле дорогой могилы, состарившаяся, печальная. И тихо шепчут ее уста слова молитвы. И смотрят сестры обители на эту скромную, согбенную, маленькую монахиню и невольно в их уме проносится печальная мысль:

— Их было две...»⁵⁵⁴.

Казначеей монастыря была монахиня Хиония (в миру крестьянка Черноковинской волости Камышловского уезда Домника Федоровна Беляева), отданная в монастырь в 1861 г. в десятилетнем возрасте, получившая здесь образование, обучившаяся клиросному пению, чтению в храме, золотошвейному рукоделию. Постриг она приняла в 1893 г., а с 1896 г. несла казначейские обязанности. Игуменья Магдалина характеризовала ее так же, как и монахиню Елену. Хиония в 1906 и 1913 гг. получила благословения Синода с выдачей грамот⁵⁵⁵. При казначейской келье состояло 3 послушницы.

Благочинной была 65-летняя монахиня Есфирь (в миру Евдокия Сорокина), поступившая в монастырь в шестнадцатилетнем возрасте, не менее 48 лет работавшая в золотошвейной мастерской обители

---

⁵⁵⁴ Из епархиальной жизни // ЕЕВ. 1916. № 32. Отдел неофиц. С. 267–268.

⁵⁵⁵ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 443. Л. 2 об., 19 об.; Д. 719. Л. 143 об. – 144; Д. 731. Л. 142 об. – 143; ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 115, 126, 364 об. – 365, 456 об. – 457.

и руководившая ею с 1900 г. С 1901 г. она была и благочинной⁵⁵⁶. Помощницей благочинной была назначена монахиня Олимпиадора (в миру крестьянка Евдокия Булычева), также поступившая в обитель шестнадцатилетней девушкой в 1874 г., научившаяся в монастыре грамоте, клиросному пению, иконописанию, а в 1912–1913 гг. руководившая «образной» — иконописной мастерской⁵⁵⁷.

В Ново-Тихвинском монастыре были огромные рукодельные и художественные мастерские. Различными рукоделиями в 1913 г. занимались 212 насельниц, еще 41 послушница обучались им. В художественных мастерских было занято 107 человек, еще 23 обучались.

За всеми рукодельными мастерскими «смотрела» 45-летняя монахиня Еликонида (в миру крестьянка Елена Ширинкина), поступившая в монастырь восемнадцатилетней девушкой, обучившаяся здесь чтению и рукоделиям⁵⁵⁸.

16 насельниц были заняты шитьем риз, церковных облачений, различной одежды на продажу. В мастерских была своя закройщица. Еще трое занимались шитьем одежды и шапок для насельниц самой обители. «Старшей» в мастерской была монахиня Горгония (в миру крестьянка Глафира Карманова).

8 насельниц занимались ткачеством, руководила мастерской монахиня Марионилла (в миру крестьянка Мария Мельникова). Еще четверо пряли и вязали.

Монастырь славился своими вышивальщицами. В белошвейной мастерской трудилось 13 человек, руководила работами монахиня Вриенна (в миру крестьянка Елизавета Скопина), жившая в обители с двенадцатилетнего возраста, обучившаяся здесь грамоте, клиросному пению, чтению псалтири в церкви, различным рукоделиям. Вриенна заведовала и библиотекой обители. В другой мастерской 13 насельниц шили гладью шелком, руководила ими монахиня Персида (в миру крестьянка Екатерина Ежеских), отданная в монастырь десятилетней девочкой в 1867 г. и также обучившаяся грамоте, пению, чтению и рукоделиям в обители. Четверо послушниц крестьянского происхождения занимались золотошвейным рукоделием.

Поскольку монастырь по-прежнему находился возле кладбища, восемь насельниц занимались изготовлением искусственных цветов из ткани. Для продажи различных рукоделий при обители была лавка, в которой можно было сделать и заказ на рукоделия. «При торговле

---

⁵⁵⁶ ГАПК. Ф. 198. Оп.1. Д. 271. Л. 116 об., 126, 370 об., 397 об., 404; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 443. Л. 1 об., 16; Д. 719. Л. 143 об. – 144; Д. 731. Л. 142 об. – 143.

⁵⁵⁷ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 719. Л. 145 об. – 146; Д. 731. Л. 144 об. – 145.

⁵⁵⁸ Там же. Д. 719. Л. 155 об. – 156; Д. 731. Л. 155 об. – 156.

рукоделами» стояла послушница Надежда Щукина, родом из семьи ремесленника, приехавшая в монастырь из Санкт-Петербурга в 1900 г.

Настоятельницы Агния и Магдалина (Досманова), следуя традиции, заложенной их предшественницами, посылали наиболее способных насельниц на обучение в специальные школы рукоделия, существовавшие в Петербурге и Киеве. Круг рукоделий и художеств при них пополнили роспись по фарфору, рисование по полотну и бархату, выжигание по дереву и коже, усовершенствованы были резьба по дереву и изготовление искусственных цветов⁵⁵⁹.

Рукодельными работами занимались во многих женских монастырях, художественные выполнялись лишь в некоторых и были более востребованы. Епископ Екатеринбургский Никанор во время посещения в 1902 г. Колчеданского Покровского монастыря рекомендовал этой обители уделять больше внимания развитию иконописной мастерской, ставя в пример Екатеринбургский и Каменский монастыри⁵⁶⁰.

В Ново-Тихвинском монастыре в 1913 г. было шесть художественных мастерских. 36 насельниц занимались иконописанием, одна — чеканкой икон. К этой же иконописной мастерской были отнесены и две послушницы-иконописки, обучившиеся фотографированию у екатеринбургского фотографа (в чем, по мнению Н. П. Штейнфельда, «весьма преуспели»). Заведовала мастерской монахиня Августина (в миру крестьянка Вера Гребнева), жившая в монастыре с пятнадцатилетнего возраста и обучившаяся здесь грамоте и иконописанию⁵⁶¹.

Кроме иконописной существовала живописная мастерская, в которой трудились 29 насельниц. Руководила ею монахиня Иудифь, в миру Ирина Харитонова, родом из семьи мастера (по другим данным — крестьянина) Березовского завода Екатеринбургского уезда. В монастырь она была отдана в 1862 г. в двенадцатилетнем возрасте, научилась здесь грамоте, иконописанию и живописи. Мастерской руководила с 1901 г.⁵⁶² Одна из воспитанниц монастыря, Анна Ильчу-

---

⁵⁵⁹ Штейнфельд Н. П. Указ. соч. С. 35.

⁵⁶⁰ Обозрение церквей Екатеринбургской епархии преосвященнейшим Никанором // ЕЕВ. 1902. № 13. Отдел неофиц. С. 536.

⁵⁶¹ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 719. Л. 144 об. — 145; Д. 731. Л. 143 об. — 144; Штейнфельд Н. П. Указ. соч. С. 36.

⁵⁶² ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 116, 126, 370, 397 об., 404; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 443. Л. 1 об., 15 об.; Д. 719. Л. 144 об. — 145; Д. 731. Л. 143 об. — 144.

гова, родом из крестьянской семьи Нижне-Исетской волости Екатеринбургского уезда, отданная в обитель в 1900 г. семилетней девочкой, научилась не только живописи, но и писать портреты⁵⁶³.

18 насельниц обучились сложному искусству золочения на полимент, применяемого, главным образом, для выполнения нимбов на иконах. Старшей в мастерской была монахиня Евфимия (в миру крестьянка из Сысерти Елизавета Еремина), жившая в монастыре с 17-летнего возраста⁵⁶⁴.

В мастерской серебрения и золочения металлических предметов могли сделать оклады икон и различные богослужебные предметы. Трудились в ней 7 человек, «старшей» была монахиня Рафаила (в миру Ольга Степина)⁵⁶⁵.

В мастерской, называемой «художественною», 7 насельниц занимались резьбой по дереву, рисованием по материи, росписью фарфора. Эти искусства также были востребованы для изготовления различных элементов церковного убранства, но могли выполняться и другие декоративные предметы. Руководила мастерской монахиня Леонида (в миру Татьяна Братухина, родом из мещанской семьи). В монастырь она поступила в 1879 г. в 19-летнем возрасте, в нем и научилась росписи по фарфору и иконописанию⁵⁶⁶.

Мастерство екатеринбургских насельниц было таково, что их изделия было прилично представить на выставках и преподнести особам Царствующей фамилии. В 1900 г. на Всемирной выставке в Париже Ново-Тихвинский монастырь показал написанную в нем икону Богородицы Тихвинской в шитой золотом ризе, украшенной самоцветными уральскими камнями, а также шитые золотом по бархату воздушные с украшениями из камней. За свои экспонаты монастырь получил диплом высшего разряда и весьма лестный отзыв от русского оргкомитета выставки, состоявшего под покровительством великой княгини Елизаветы Федоровны. В 1904 г. монастырь участвовал в Первой всероссийской выставке монастырских работ и церковной утвари, проходившей в Петербурге. Среди экспонатов участвовавших в выставке 185 монастырей и общин витрина Екатеринбургского монастыря вызвала всеобщее внимание. Насельницы представили вышитую шелком икону св. благоверного князя Александра

---

⁵⁶³ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 719. Л. 163 об. – 164; Д. 731. Л. 162 об. – 163.

⁵⁶⁴ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 366 об. – 367, 458 об. – 459; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 443. Л. 4, 25; Д. 719. Л. 144 об. – 145; Д. 731. Л. 143 об. – 144.

⁵⁶⁵ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 719. Л. 149 об. – 150; Д. 731. Л. 149 об. – 150.

⁵⁶⁶ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 719. Л. 145 об. – 146; Д. 731. Л. 144 об. – 145.

Невского, за основу рукоделия был взят фрагмент росписи Владимирского собора в Киеве, выполненной художником Васнецовым. Кроме этого шедевра было показано много других высокохудожественных изделий новотихвинских сестер: иконы, выполненные с использованием уральских поделочных камней, жемчуга, чеканных, живописных, на фарфоре; церковные воздухи, писанные по белому бархату, кружево разных видов, бытовые текстильные изделия с аппликациями; фотоальбомы и рамочки для фотографий из тисненой кожи; композиции из цветов и фруктов, мастерски сделанных из воска, шелка и бумаги. Ново-Тихвинская обитель получила почетный диплом и Гран-при выставки⁵⁶⁷.

Дарили насельницы свои художества и царской семье. В 1896 г., ко дню коронации императора Николая II монахиня Емилиана (в миру Евдокия Флегонтовна Баталова⁵⁶⁸) по фотографической открытке написала парадный портрет императора в полный рост, на котором он был изображен в мундире полковника лейб-гвардии Гусарского полка. Этот портрет по желанию государя был размещен в Зимнем дворце и ныне находится в экспозиции Государственного музея политической истории в Петербурге. На нем оставлены порезы от штыков, оставленные при штурме Зимнего дворца в октябре 1917 г.⁵⁶⁹

В 1914 г. игуменья Магдалина «имела счастье» получить благодарность от цесаревича Алексея и его матушки за подаренный монастырем на день рождения наследника чепрак и уздечку. Судя по приведенному в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях» описанию, это было настоящее произведение искусства: «Чепрак из синего казачьего сукна. На правой стороне его вышит золотом с украшениями из уральских камней Государственный герб — "Двухглавый Орел"; на той-же стороне гладью шелками — герб Пермской губернии; параллельно, налево, — герб города Екатеринбурга. На этой же стороне помещены вышитые золотом с украшениями из уральских камней инициалы Государя Наследника Цесаревича. Под сукном — войлочный чепрак, подбитый синим атласом. Казачья уздечка украшена белыми и дымчатыми топазами, двумя аметистами и мелкими топазами. Поводья скреплены крупным дымчатым топазом»⁵⁷⁰.

---

⁵⁶⁷ Жития святых... С. 617–618.

⁵⁶⁸ Евдокия Баталова родилась в 1846 г. в семье екатеринбургского рабочего, в 13 лет поступила в Ново-Тихвинский монастырь, где и научилась иконописанию и живописи (ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 114 об., 125 об., 351 об. – 352, 444 об. – 445; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 443. Л. 1 об., 15). Постриг приняла в 1871 г., умерла в 1901 г. (Молитву пролию ко Господу... С. 74).

⁵⁶⁹ Молитву пролию ко Господу... С. 73–74.

⁵⁷⁰ Высочайшая благодарность // ЕЕВ. 1914. № 38. Отдел неофиц. С. 835–836.

О сохранности книг и нот в обители заботилась не только книгохранительница монахиня Вриенна, но и 10 насельниц, трудившихся в переплетной мастерской (еще двое учились переплетному делу). Руководила ею монахиня Потамя (в миру крестьянка Параскева Николаева), поступившая в монастырь в 1886 г. и обучившаяся в нем грамоте⁵⁷¹.

194 насельницы были заняты на различных послушаниях при храмах. 118 из них пели в монастырском хоре (большинство из них сочетали это послушание с различными рукодельными работами). В хоре было две солистки — 20-летняя Анна Кашина и 19-летняя Афанасия Никитина, обе крестьянского происхождения. Анну отдали в монастырь пятилетней девочкой, Афанасию — в 10 лет. Обе окончили монастырскую церковно-приходскую школу, научились клиросному пению и рукоделию⁵⁷². Регентшей хора была послушница Ольга Попова, также крестьянского происхождения, жившая в монастыре с семилетнего возраста. Грамоте, музыке и пению она научилась в монастыре, она же преподавала пение в монастырской церковно-приходской школе⁵⁷³.

20 насельниц были заняты чтением псалтири в восьми монастырских храмах. Звонили в колокола, стояли у продажи свеч в церквях, пеки просфоры тоже насельницы.

Еще в 1903 г. благочинный монастырей Екатеринбургской епархии отмечал, что в Ново-Тихвинском монастыре самое усердное богослужение: «Если не каждый день ранняя обедня бывает, зато каждый день читают акафист; в воскресенье — Спаситель, в понедельник Михаилу Архангелу, во вторник Иоанну Крестителю, в среду [иконе] Тихвинской Божией Матери, в четверг Николаю чудотворцу, [в] пятницу [иконе] Божией Матери Неопалимая купина, в субботу [иконе] Божией Матери Утоли моя печали. Одиннадцать монахинь читают день и ночь с поминовениями о здравии благотворителей живых и о упокоении умерших. В воскресенье, кроме акафиста Спасителю в 4 часа вечером читают акафист Сергию Радонежскому в память столетия обители, бывшего в 1899 году. В ночь на субботу 5 недели и на 26 июня непрерывно читается акафист Божией Матери. Вся служба правится по уставу, без опущения, служба в два голоса не терпится. В великий пост после вечерни читают положенное в день три канона, акафист, затем четочное правило: на каждую четку тридцать

---

⁵⁷¹ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 719. Л. 149 об. — 150; Д. 731. Л. 149 об. — 150.

⁵⁷² ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 719. Л. 234 об. — 237; Д. 731. Л. 235 об. — 238.

⁵⁷³ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 719. Л. 174 об. — 175; Д. 731. Л. 174 об. — 175.

земных поклонов и семьдесят поясных с умною молитвою: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя» и «Пресвятая Богородица, спаси нас». На Пасхальной неделе все сестры поочередно день и ночь поют пасхальный канон»⁵⁷⁴. В будние дни насельницы в 5 часов утра шли по звону колокола к утрени (в праздничные дни — в 4 часа утра), служба заканчивалась в 7:30, а к 8 часам они шли к литургии, которая длилась до 10 часов утра. После богослужения все шли на послушания⁵⁷⁵. В дни церковных праздников на богослужениях присутствовали все насельницы, в остальные дни — старшие сестры и все те насельницы, которые имели свободное от послушаний время⁵⁷⁶.

Бытовые потребности более тысячи насельниц обеспечивало обширное натуральное хозяйство обители. На различных хозяйственных работах в 1913 г. было занято 313 человек. Распределением работ ведала с 1901 г. экономка послушница Мария Андреевна Перетькина, родом из крестьян, жившая в обители с 1879 г. Поскольку Марии в 1913 г. уже исполнилось 62 года, ей была определена 33-летняя помощница послушница Александра Никифоровна Новикова, тоже крестьянского происхождения, отданная в монастырь двенадцатилетней девочкой, научившаяся здесь чтению, работавшая прежде в монастырской оранжерее⁵⁷⁷.

На территории монастыря в самом городе имелся большой коровник (в нем работало 16 насельниц), конный двор (его обслуживали 8 человек), большие оранжереи (в них трудились 17 человек), огород, в котором трудились 5 насельниц, курятник, амбары и погреба, обувная мастерская и баня для насельниц. При пекарне, хлебопекарне и квасной трудились 31 насельница, еще 11 несли послушание при сестринской трапезе. Была своя садовница, две пчеловодки, смотрительницы колодца и плотинки, 6 вратарниц, «почтарка». Для лечения заболевших насельниц в обители была «помощница аптекарши» (19-летняя послушница Татьяна Михайловна Костромина), еще одна молодая послушница 18-летняя Анна Васильевна Булатова «приучалась» к составлению лекарств. Врачевал насельниц монастыря на протяжении ряда лет известный в Екатеринбургe доктор медицины А. А. Миславский⁵⁷⁸.

---

⁵⁷⁴ ГАШ. Ф. 206. Оп. 1. Д. 126. Л. 3 об. — 4.

⁵⁷⁵ Там же. Л. 6 об.

⁵⁷⁶ Иконников В. Указ.соч. С. 88.

⁵⁷⁷ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 719. Л. 180 об. — 181, 211 об. — 212; Д. 731. Л. 179 об. — 180, 209 об. — 210.

⁵⁷⁸ Из епархиальной жизни // ЕЕВ. 1901. № 12. Отдел неофиц. С. 566–568.

За городом у монастыря оставались два «хутора» — Елизаветский (прежняя Елизаветская заимка) и Симеоновский (так после освящение церкви стали называть Булзинскую заимку). Аренду принадлежащей архиерейскому дому Истокской заимки монастырь не переформил. Уже к 1870-м гг. хозяйственные постройки там были ветхие⁵⁷⁹, вероятно, монастырь предпочел тратам на их замену развитие сельскохозяйственных работ на находящихся в его собственности двух хуторах.

На хуторах, особенно после строительства на них церковей, насельники могли проводить жизнь в трудах и молитвах, имели свое, почти автономно организованное хозяйство. На Елизаветском хуторе в 1913 г. постоянно проживали 27 человек. В Спасской церкви также пел монастырский хор. Просфоры пекли на хуторе. Был конный двор, большой коровник, мельница, оранжерея. Бытовые нужды насельниц обеспечивали трапезная, квасная изба, была обувная мастерская. Управляла хутором 65-летняя монахиня Констанция (в миру Ксения Зеленкина, родом из крестьян), жившая в монастыре с 1881 г.⁵⁸⁰ К престольному празднику св. Параскевы (9-я пятница после Пасхи) на хутор приходило много окрестных жителей, в некоторые годы приезжал архиерей, проводил службу в церкви, говорил поучение присутствующим, осматривал хозяйство⁵⁸¹.

На Симеоновском (Булзинском) хуторе в 1913 г. постоянно проживали 15 насельниц. Поскольку храм на хуторе был освящен в честь св. праведного Симеона Верхотурского, очень чтимого на Урале и известного за его пределами, ежегодно 12 сентября, в день памяти святого, на хутор приходило много жителей окрестных селений, в храме, при пении монастырского хора, было торжественное богослужение, читались проповеди, некоторые из них, сочные наиболее выразительными, публиковались в епархиальной прессе⁵⁸². В 1900 г. к храму были пристроены две кельи, в которых могли остановиться и приезжающие паломники, которые «нередко» брали с собой малолетних детей⁵⁸³. На хуторе была конюшня и коровник, небольшое свечное производство и просфорня, обувная мастерская. Имелась небольшая больница для насельниц. К 1910 г. на хуторе было уже 52 строения

---

⁵⁷⁹ Иконников В. Указ.соч. С. IV.

⁵⁸⁰ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 719. Л. 145 об. – 146; Д. 731. Л. 143 об. – 144, 198 об. – 199.

⁵⁸¹ Из епархиальной жизни // ЕЕВ. 1902. № 12. Отдел неофиц. С. 526; 1911. № 25. Отдел неофиц. С. 557.

⁵⁸² Бессонов И., свящ. Слово, сказанное в храме Булзинского хутора Ново-Тихвинского монастыря 12 сентября 1911 года // ЕЕВ. 1913. № 32. Отдел неофиц. С. 747–750; *Он же*. Слово, сказанное в храме Булзинского хутора Ново-Тихвинского монастыря 12 сентября 1912 года // Там же. № 33. Отдел неофиц. С. 769–771.

⁵⁸³ Штейнфельд Н. П. Указ. соч. С. 37.

жилого и хозяйственного назначения⁵⁸⁴. Экономкой на хуторе была 58-летняя монахиня Деввора (в миру Александра Основина, крестьянского происхождения), жившая в монастыре с 1876 г.⁵⁸⁵

Для хозяйственных работ сезонного и временного характера экономки могли направить 159 насельниц, числившихся «в разных послушаниях».

В 1910 г., на праздничных мероприятиях по случаю 100-летия учреждения монастыря, председатель Екатеринбургской земской управы А. М. Симанов отметил, что «земство всегда с уважением относилось к деятельности монастыря, в особенности к его культурным начинаниям в области местного хозяйства. Хутора и монастырские заимки, разбросанные по окрестным селениям, на глазах наших несли в среду простого сельского народа культуру — знание всевозможных ремесел, так развитых в монастырском хозяйстве, и знание усовершенствованных приемов земледелия. Своим примерным трудом старательные сестры обители учили простых сельских обывателей подражать им в трудолюбии»⁵⁸⁶.

Свечное производство в монастыре постепенно сузилось до потребностей самой обители. С 1898 г. все приходы обязаны были покупать свечи только с епархиального склада, а монастырь выделял для епархиального завода 2000 пудов свеч в год. С 1901 г. епархиальный склад уже не закупал монастырские свечи, производство в обители пришлось сократить. Приходское духовенство епархии в лице своих депутатов на епархиальном съезде 1900 г. сочло, что оно достаточно заплатило монастырю за здания епархиального училища свечными доходами прошлых лет и решило, что теперь доходы от свечной продажи должны идти на текущие потребности училища⁵⁸⁷.

Ново-Тихвинский монастырь из всех монастырей Пермской губ. имел самое большое казенное пособие (в 1910 г. оно было повышено с 1431 до 1659 руб. в год) и самые крупные участки пахотной земли (с 1911 г. — 324 десятины). Кроме этого у монастыря были сенокос-

---

⁵⁸⁴ Чернецова А. А. Указ. соч. С. 8.

⁵⁸⁵ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 719. Л. 149 об. – 150; Д. 731. Л. 148 об. – 149.

⁵⁸⁶ Обтемперанский А. Празднование столетнего юбилея Ново-Тихвинского женского монастыря в городе Екатеринбурге // ЕЕВ. 1910. № 27. Отдел неофиц. С. 543.

⁵⁸⁷ К сведению причтов и церковных старост церквей Екатеринбургской епархии // ЕЕВ. 1898. № 1. Отдел офиц. С. 23–24; Постановления экстренного Съезда депутатов от духовенства епархии 1897 года // Там же. № 4. Отдел офиц. С. 86–88; № 7. С. 161–162; № 8–9. С. 188–210; К вопросу об Епархиальном женском училище // Там же. 1900. № 12. Отдел неофиц. С. 371–372; Постановления съездов... С. 558–563; Журналы Епархиального съезда 1900 года // Там же. № 23. Отдел неофиц. С. 566–567.

ные земли (54 десятины с 1911 г.), земля под лесом, который использовался для отопления и построек (336 десятин). Все пахотные и сенокосные угодья насельницы обрабатывали своими силами, ничего не сдавая в аренду⁵⁸⁸.

Плоды трудов насельницы продавали как в самом монастыре, так и на двух подворьях: на Ирбитском (там находилось в 1913 г. 10 насельниц) и на Сысертском (3 человека). Там же можно было заказать какие-либо монастырские рукоделия.

Духовное окормление насельниц

Жизнь насельниц проходила не только в трудах, но прежде всего в молитвах. Увы, эта сторона иноческой жизни слабо отражается в исторических источниках. Из всех церковных служб, ежедневно проходивших в монастырских храмах, на страницах церковной печати отражались лишь те, которые были удостоены визита правящего архиерея. Это происходило не часто, в конце XIX – начале XX в. от одного до трех раз в год. Обычно архиерей приезжал на престольный праздник какой-либо монастырской церкви или на самые крупные церковные праздники. В разные годы архиереи совершали богослужения и произносили проповеди в монастырских храмах в один из предпразднственных дней, на Пасхальной неделе, на Благовещенье Пресвятой Богородицы, в Пятидесятницу, в день поминовения св. Николая Мирликийского. Из престольных праздников упоминаются празднование Тихвинской иконы Богородицы 26 июня, канун Успения Пресвятой Богородицы (14 августа), день перенесения мощей св. Александра Невского (30 августа)⁵⁸⁹.

В 1911 г., когда на Урале стояла засуха, епархиальный съезд духовенства просил архиерея совершить молебен в бездождие в Екатеринбург. Местом проведения молебна епископ Митрофан выбрал монастырский Александро-Невский собор. 19 июня архиерей в сослужении 13 священников депутатов съезда совершил литургию в монастырском храме, пели два хора — архиерейский и слушателей законоучительских курсов. После литургии на молебен в храме вместе с епископом вышли все депутаты съезда (до 30 человек). При пении

---

⁵⁸⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 977. Л. 84–85, 108–109, 134 об. – 135, 167 об. – 168, 189 об. – 190, 203 об. – 204.

⁵⁸⁹ Епархиальные известия // ЕЕВ. 1898. Отдел офиц. № 1. С. 15; № 7. С. 178–179; № 8–9. С. 212; Из епархиальной жизни // Там же. 1900. № 12. Отдел неофиц. С. 389; 1902. Отдел неофиц. № 12. С. 526; № 13. С. 574; 1903. Отдел неофиц. № 10. С. 268–269; 1904. Отдел неофиц. № 1–2. С. 35–37; № 17. С. 479; 1905. Отдел неофиц. № 12. С. 415; 1911. Отдел неофиц. № 25. С. 557; 1913. Отдел неофиц. № 1. С. 27; 1915. Отдел неофиц. С. 262.

канона архиерей, в предшестве духовенства и певчих, с иконами и хоругвями вышли на монастырскую площадь, где и закончили молебен. По традиции, после молебна архиерей и депутаты съезда были приглашены игуменией Магдалиной в сад на чаепитие⁵⁹⁰.

Епархиальные архиереи старались при своих визитах в монастырь говорить поучительные слова насельникам и мирянам, присутствовавшим при богослужении, разъясняя смысл монашеской жизни. Так, 3 июня 1900 г. епископ Ириней посетил древнейшую в обители Успенскую церковь. При входе в храм его встречало все монастырское духовенство и насельницы. Архиерей облачился в мантию и под пение монастырского хора вошел в церковь. После краткой молитвы, благословив присутствующих, владыка обратился к насельникам с поучением, смысл которого был впоследствии воспроизведен на страницах епархиальной газеты: «"Монашество есть цвет христианства", — справедливо утверждают благомыслящие и благонамеренные люди. По обилию монашествующих, особенно инокинь, в небольшой Екатеринбургской епархии, имеется основание заключать о процветании среди православных этого края добрых христианских настроений, благочестивых стремлений и истинно православного направления духовной жизни. Молю Господа, дабы такое цветение сопровождалось обильным плодоприношением в жертву Господу, Владыце всего и всех, и дабы среди православных не было пустоцвета».

Благословив насельниц, архиерей помолился перед чтимой Тихвинской иконой в приделе храма, где в это время пел хор монастырского детского приюта⁵⁹¹.

Значимыми для обители были торжественно совершаемые пострижения в монашество. Они проходили как в монастырских храмах в городе, так и на хуторах (чаще на Симеоновском). Постриги проводились не каждый год. Например, в 1902, 1904–1905, 1908–1909, 1911 гг. их не было. Зато в другие годы начала XX в. принимали постриг ежегодно от 6 до 21 послушницы. Наибольшее количество постригов пришлось на 1910 г. (21) и на 1912 г. (20), что было связано с торжественным празднованием в 1910 г. столетнего юбилея официального учреждения монастыря.

Сохранились описание пострижения в монашество екатеринбургских насельниц только в 1915 г., опубликованные в епархиальной газете, поскольку их проводил епископ Серафим лично. Оба раза чин

---

⁵⁹⁰ Из епархиальной жизни // Там же. 1911. № 26. Отдел неофиц. С. 589–590.

⁵⁹¹ Из епархиальной жизни // Там же. 1900. № 12. Отдел неофиц. С. 389.

пострижения совершался в церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы, вероятно, это была сложившаяся традиция, вполне логичная по смыслу праздника и пострижения: принятие пострига понимается как второе рождение человека для аскетической жизни в следовании заветам Церкви.

Для придания большей торжественности предпочитали проводить пострижения сразу нескольких послушниц. Епископ Серафим в 1915 г. приезжал 27 февраля и 10 марта, каждый раз совершая пострижение четырех послушниц. Архиерей каждой новопостриженной монахине давал индивидуальное напутствие, сообразное выбранному ею монашескому имени, а также говорил поучение всем присутствующим, толкуя совершающееся в монастыре событие как свидетельство победы в духовной борьбе.

27 февраля в присутствии большого числа богомольцев епископ Серафим произнес проповедь: «Гремят в настоящую пору пушки и льется кровь на западной границе нашего отечества. Враги громят крепость Осовец, громят из страшных орудий, но крепко стоят наши воины, защищая грудью своей Родину. Есть у нас надежные крепости на границе и не взять их врагу... Есть и др[угого] рода крепости с высокими стенами, тяжелыми орудиями. На них тоже нападает враг лютей. Крепости эти — св. обители, а враг — диавол. Тяжелые орудия в этих крепостях против врага лютого — сила Честного и Животворящего Креста, пост, молитва, смирение, любовь, послушание... Они охраняют эти крепости. Диавол посылает свои стрелы лютые на св. обители и, случается, ранит иных, иных и в полон берет... Все бывает, особенно когда живущие в крепостях этих не обращают своего взора к Верховному Главнокомандующему Господу Богу. Для пополнения воинских рядов в обителях бывает особый набор. Вот и в этой св. обители сегодня здесь, в храме Введения, вводится четыре новых инокини». Далее архиерей кратко рассказал биографию каждой из них и просил присутствовавших насельниц монастыря «вознести свои горячие молитвы Господу, чтобы Он помог новым сестрам обители покорить врага, угасить стрелы его и сподобил явиться чистыми на страшном суде». Каждой новопостриженной монахине архиерей сделал пожелание: Руфиниане — пламенеть верою, Гераисе — быть готовою, быстрою на послушание, Констанции — твердой в житии, крепкой в обетах послушания, Флориде — цвести добродетелями⁵⁹².

---

⁵⁹² Из епархиальной жизни // Там же. 1915. № 11 Отдел неофиц. С. 223–224.

Проведя 10 марта постриг еще четырех послушниц, епископ Серафим снова обратился к присутствующим: «Только что получено известие, что пал вражеский город Перемышль. Сдалась русскому христороливному воинству сильная крепость, и ныне по этому поводу радуется весь православный русский народ, и несется к Господу Богу благодарственное моление всей Руси православной.

Ликует ныне и сия св. обитель. И у нас пали четыре крепости. К лику инокинь причислены четыре новых инокини. Все они переступили порог св. обители по чувству любви, и в течение 40 лет проходили искус. Каждая из них много перенесла искушений, много стен воздвигал диавол около каждой из них, но в конце концов молитвы сестер осилили все ухищрения врага, и эти четыре сестры сегодня дали обещание навсегда быть в лике инокинь. Взяты, сдались четыре крепости, и ликует ныне сия обитель!».

Далее архиерей тоже сделал напутствие каждой новой монахини, непосредственно связанное с несомым ей послушанием и избранным именем: «Сарре владыка говорил о подражании пустыннолюбной Сарре, посвятившей себя уединению и молитве и о памятовании пра-матери Сарры, Гавдиоизе — с радостию устремляться на служение Богу, Соломии — быть близкою ко всем страждущим и, памятуя Соломию, помазавшую миром тело Христа, с любовью проходить свое послушание — чтение псалтири по умершим; Аммонарии, трудящейся по огородничеству, — вместе с трудами по обработке почвы возделывать и душу свою для царства небесного»⁵⁹³.

Ново-Тихвинский монастырь стал значимым компонентом религиозного ландшафта города, его старались показать и приезжающим в Екатеринбург высоким особам. Епископы Екатеринбургские привозили в обитель посетивших их иноепархиальных архиереев. Как свидетельствует епархиальная хроника, в январе 1907 г. епископ Екатеринбургский Владимир посетил монастырь с двумя гостями — викарным епископом Киотоским (в Японии) Андроником (Никольским, принял мученическую кончину в 1918 г., причислен к лику святых) и епископом Пермским Никанором (Надеждиным). 13 мая 1909 г. екатеринбургский архиерей привез в Ново-Тихвинскую обитель епископа Пермского Палладия (Добронравова)⁵⁹⁴.

Но, конечно, жителям города и насельникам Ново-Тихвинского монастыря больше всего запомнился визит Иоанна Кронштадтского,

---

⁵⁹³ Там же. № 13. Отдел неофиц. С. 262–263.

⁵⁹⁴ Из епархиальной жизни // Там же. 1907. № 5. Отдел неофиц. С. 135–136; 1909. № 21. Отдел неофиц. С. 314.

состоявшийся в 1905 г. Описание этого визита было опубликовано в епархиальной прессе одним из очевидцев:

«22 июня, в 6½ часов утра, с почтово-пассажирским поездом из Перми прибыл в г. Екатеринбург известный всей России и всеми чтимый настоятель кронштадтского Андреевского собора о. протоиерей Иоанн Ильич Сергиев. Встретить о. Иоанна выезжали в г. Пермь ключарь собора о. протоиерей Л. Игноратов по распоряжению преосвященнейшего Владимира, горный инженер А. М. Иванов, староста Свято-Духовской церкви М. Г. Корольков и на станцию Бисер городской голова И. К. Анфиногенов. Ко времени прихода поезда на вокзал железной дороги прибыл Его Преосвященство, преосвященнейший Владимир, все члены духовной консистории, благочинный и священнослужители городских церквей, депутаты от духовенства епархии, собравшиеся на епархиальный съезд, и множество народа из всех сословий, с любовью, искренней радостью и прямо-таки бурным энтузиазмом встретившего Кронштадтского пастыря. С вокзала о. Иоанн вместе с Его Преосвященством отбыл в Крестовую церковь и затем посетил преосвященнейшего владыку в его покоях, откуда в 8 часов отправился для служения утрени и литургии в Ново-Тихвинский женский монастырь. Литургия была совершена о. Иоанном в сослужении 38 протоиереев и священников, протодиакона и 5 диаконов, в присутствии Его Преосвященства, преосвященнейшего Владимира. Пред причащением мирян о. Иоанном было сказано поучение, в котором он говорил о необходимости и спасительности для православных христиан содержать веру Христову и принимать установленные Господом нашим Иисусом Христом св. таинства, в особенности же таинство причащения, очищающее нас от грехов, освящающее и приводящее в самое тесное таинственное общение с нашим Спасителем. “Твердая вера и добрая жизнь, — закончил маститый пастырь, — будут служить для всех нас самым надежным, непоколебимым и непреоборимым оплотом против всех врагов наших как внешних, так и внутренних и соделают нас наследниками обителей Отца Небесного”. По окончании литургии Его Преосвященство и о. Иоанн посетили кельи настоятельницы монастыря, где “дорогому гостю” и сослужившим ему предложен был чай и скромная трапеза.

На другой, день т. е. 23 июня, о. Иоанн совершил утрению и литургию в Крестовой церкви архиерейского дома в сослужении протоиереев Антонинова и Игноратова, двух священников и двух иеромонахов, протодиакона и четырех диаконов, в присутствии преосвященнейшего Владимира. В конце литургии о. Иоанном была произнесена

проповедь, в которой он убеждал слушателей стремиться к приобретению небесных вечных благ, а не земных, скоропреходящих и имеющих только временное значение для здешней жизни человека. Между тем, многие из современных христиан, увлекаясь земными благами и удовольствиями, незаметно теряют самое дорогое и ценное — веру Христову. “Евангелие, — говорил он, — теперь не в каждом доме можно встретить, оно заменено журналами, газетами и альбомами, а между тем для христиан — это книга жизни; она отвечает на все запросы жизни, она та пища, без которой не может быть жива душа христианина”. По окончании литургии о. Иоанн перешел в покои Его Преосвященства, где ему был предложен чай и обед, после которого он отправился для совершения молебных пений в домах пригласивших его лиц.

Несмотря на то, что накануне приезда “дорогого Кронштадтского батюшки” целые сутки шел сильный дождь, несмотря на то, что 22 и 23 июня были рабочими днями, народ целыми массами собирался вблизи тех домов, где находился о. Иоанн, в надежде хотя бы издали только увидеть “родного батюшку”, так как всем желавшим получить от него благословение не представлялось положительно никакой возможности. Чтобы иметь некоторое представление о бывшем стечении народа, достаточно указать на то, что при совершении богослужений о. Иоанном в обширном монастырском храме и Крестовой церкви, оба эти храма были не только переполнены богомольцами, но народ стоял также на всех окнах внутри их и даже на подоконниках снаружи; кроме того вокруг этих храмов стояла еще тысячная толпа. Для поддержания порядка кроме полицейских чинов были командированы еще целые взводы солдат и казаков. И несмотря на все предпринимавшиеся меры все-таки с большим трудом приходилось сдерживать при выходах о. Иоанна надвигающуюся народную массу, из уст которой, при виде его, буквально стоном вырывались возгласы: “благословите...”, “прикоснитесь...” “наложите руку...” и т. п. Около же дома потомственного почетного гражданина М. Ив. Иванова, где о. Иоанн имел свое пребывание, с раннего утра и до поздней ночи стояла беспрерывно громадная народная толпа; такие же толпы народа, узнавши заранее, собирались также на фабрике бр[атев] Макаровых, заводе Гребеньковой, железнодорожных мастерских и около домов тех из горожан, у которых о. Иоанн, по усиленной их просьбе, совершал краткие молебствия, пред началом которых он обыкновенно обращался с словом назидания к присутствующим. Пользуясь пребыванием о. Иоанна, многие горожане приводили и приносили своих больных к “Кронштадтскому батюшке”, пред которым за короткое время его

пребывания в Екатеринбурге прошла целая волна человеческого горя, несчастий и страданий. И каждому несчастному страдальцу у о. Иоанна находилось два–три ласковых слова, задушевное слово утешения и ободрения.

С почтово-пассажирским поездом в 1 ч. 3 м. ночи на 24 июня матитый Кронштадтский пастырь отбыл из Екатеринбурга в Пермь, откуда он проследует на Котлас, Вятку и далее на родину в Архангельскую губернию. Проводить досточтимого о. протоиерея прибыли на вокзал Его Преосвященство, преосвященнейший Владимир, члены духовной консистории, благочинный и многие священнослужители городских церквей, представители городского управления и множество народа»⁵⁹⁵.

Праздники Екатеринбургской обители

Насельницы Ново-Тихвинской обители ощущали себя неотъемлемой частью всего православного российского монашества. Они, да и остальные жители Екатеринбурга, относились с глубокой верой к св. преподобному Сергию Радонежскому, считающемуся основателем русского монашества. Осознав, что в городе ни в одном храме нет чтимых икон преподобного, в 1899 г. игуменья Магдалина заказала в Троице-Сергиевой лавре большую ростовую икону святого с частицей его гроба. Принимать икону в лавре были посланы несколько екатеринбургских монахинь. Они были очень тепло приняты настоятелем архимандритом Павлом. Торжественно встречать икону начали еще в губернском центре — г. Перми, когда она прибыла туда поездом в сопровождении монахинь. Икону встретили крестным ходом и с молебным пением перенесли в поезд на Екатеринбург. На всех крупных остановках богомольцы заходили в вагон, чтобы помолиться перед образом. В Екатеринбург поезд прибыл вечером 24 сентября 1899 г., в канун празднования памяти преподобного Сергия. На вокзале икону встречали насельницы монастыря и многочисленные толпы горожан, которые крестным ходом принесли ее в обитель. В монастыре было отслужено всенощное бдение, а на следующий день праздничную литургию в монастыре отслужил епископ Екатеринбургский Хриstoffор. Всем богомольцам раздавались небольшие круглые образки Сергия Радонежского⁵⁹⁶.

---

⁵⁹⁵ Из епархиальной жизни // Там же. 1905. № 13. С. 447–449. О визите Иоанна Кронштадтского в Екатеринбург см. также: Молитву пролию ко Господу... С. 42–48.

⁵⁹⁶ Молитву пролию ко Господу... С. 37.

Игуменья Магдалина и насельницы обители также, как и многие православные в России, с нетерпением ожидали канонизации (прославления) преподобного Серафима Саровского. Сестры помнили, что первый устав монашеской жизни Екатеринбургский монастырь получил еще при жизни старца в Саровской пустыни. На торжества прославления в 1903 г. игуменья Магдалина поехала с монахинями Валерией (Партиной) и Лидией (Новиковой). В Сарове они увидели и посетившего торжество императора Николая II⁵⁹⁷.

Сохранялась в монастыре и традиция проведения крестных ходов. К началу XX в. они совершались ежегодно в канун праздника Успения Пресвятой Богородицы.

Поскольку кроме монастырской Успенской церкви в Екатеринбурге неподалеку от города на Верх-Исетском заводе существовала приходская Успенская церковь, архиереям приходилось распределять время.

В монастыре с участием архиерея проходила всенощная служба в канун праздника по особому чину, совершаемому ежегодно в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой лавры 17 августа, а в самой лавре 15 августа. Год установления такой традиции в Ново-Тихвинском монастыре не известен, но произошло это после 1844 г. (года учреждения Гефсиманского скита). Согласно описанию 1911 г., празднование проходило следующим порядком: «Всенощная началась в Успенском храме в 6 ч[асов] веч[ера]. Во время литургии совершен крестный ход кругом храма с остановками на каждой стороне. После четвертой остановки крестный ход проследовал к западным дверям Александроневского монастырского собора и после молитвы на литии, прочитанной Архипастырем, при пении стихир на стиховне, вошел в собор, где и последовало дальнейшее продолжение службы. На утрени, во время пения “Бог Господь” священнослужителями чрез царские двери изнесена из алтаря плащаница Успения Богоматери и возложена на приготовленном для сего месте. После каждения, совершенного во время пения тропарей, началось чтение особых стихов, разделенных на три статьи, во время которого все обычно стоят с возженными свечами в руках. Во время прикладывания к плащанице (после евангелия) каждому богомольцу вручается от монастыря по небольшому благословенному хлебцу и букету живых цветов. Служение закончилось в 11 час. ночи. Присутствовала масса народа. Пел хор монастырских певчих на два клироса».

---

⁵⁹⁷ Там же. С. 38.

15 августа прошел крестный ход к храму на Верх-Исетском заводе со святынями из Арамильского, Нижне-Исетского, Уктусского заводских храмов, а также из екатеринбургских Крестовой церкви архиерейского дома, Свято-Духовской церкви, Богоявленского кафедрального собора и Ново-Тихвинского монастыря. Архиерей встречал крестный ход на площади перед Успенским храмом, все входили в церковь, где принесенные иконы устанавливались на солее на специально приготовленных для сего местах. Хоругвеносцы, следившие за благочинием празднества, вставали шпалерами от амвона к западным дверям. Проповедь читал настоятель церкви Верх-Исетского завода священник Евгений Львов, а после литургии архиерей говорил поучение⁵⁹⁸.

В описании 1913 г. приводится такой же порядок служения в всенощной в монастырских храмах, но 15 августа архиерей совершал литургию также в монастырском Александро-Невском соборе, при пении монастырского и архиерейского хоров. Слово за причастным произносил монастырский священник Георгий Шрамков, архиерей говорил слово перед отпуском литургии, после литургии пелся молебен Пресвятой Богородице, сопровождавшийся крестным ходом вокруг собора. При остановках крестного хода на разных сторонах собора архиерей осенял крестом и окроплял святой водой. Обойдя Александро-Невский собор, процессия направилась к Успенской церкви. У западных дверей храма архипастырь прочитал молитву Пресвятой Богородице, после чего прозвучало традиционное многолетие. Крестный ход вошел в Успенскую церковь с пением величания. После окончания шествия гостям была предложена праздничная трапеза в покоях настоятельницы Магдалины⁵⁹⁹.

Публиковавшая на страницах «Екатеринбургских епархиальных ведомостей» хроника епархиальной жизни в начале XX в. содержит описания праздничных богослужений в монастыре 26 июня, в день празднования иконы Богоматери Тихвинской, в которых нередко участвовали и епархиальные архиереи. Наиболее яркое описание приведено в 1913 г.:

«Толпы приезжих и пришедших пешком богомольцев, многие из которых прибыли за несколько сот верст, начали появляться еще за неделю до праздника. Наиболее же многолюдное стечение заметно было 25 июня и в особенности в самый праздник 26 числа, когда все

---

⁵⁹⁸ Из епархиальной жизни // ЕЕВ. 1911. № 34. Отдел неофиц. С. 757–758.

⁵⁹⁹ Там же. 1913. № 33. Отдел неофиц. С. 782–784.

монастырские храмы, кельи монашествующих, весь обширный монастырский двор и вся площадь пред монастырем были в полном смысле запружены народом. Для приюта богомольцев, во дворе монастыря были раскинута палатки, где они ночевали и кормились за счет монастыря.

К монастырскому празднику в г. Екатеринбург обычно приурочивается так называемая Тихвинская ярмарка, часть которой происходит вблизи монастыря. Вся площадь пред последним в это время бывает покрыта балаганами и палатками с разными незатейливыми крестьянскими нарядами, сладями, пряниками и прохладительными напитками. Торговля съестными припасами, пряниками, пирожками, конфетами и т. п. производится и внутри монастыря, но здесь продаются припасы исключительно монастырского приготовления и при том самими насельницами монастыря, здесь же в нескольких местах ими продаются иконы, крестики, книжки, брошюрки и листки религиозно-нравственного содержания.

Торжественное всенощное бдение с крестным ходом вокруг храма и чтением акафиста накануне праздника и торжественная поздняя литургия в самый день праздника были совершены в обширном Александровском соборе, который переполнен был молящимися и вокруг которого народ сплошною стеною стоял на несколько десятков сажен во все стороны. Но окончании литургии собравшимся в кельях игуменнии монастыря гостям предложен был чай и праздничный обед, в конце которого, по предложению кафедрального протоиерея, было пропето “многая лета” Его Преосвященству, Преосвященнейшему Епископу Митрофану, и решено послать ему телеграмму от лица всех присутствовавших с пожеланием ему полного восстановления здоровья и благополучного возвращения в г. Екатеринбург. Были пропеты также “многая лета” настоятельнице монастыря с сестрами последнего и присутствовавшим гостям»⁶⁰⁰.

По оценкам протоиерея Александра Антонинова, данной в 1910 г. (ранее служившего в монастыре), ежегодно ко дню Тихвинской иконы «стекается по несколько тысяч богомольцев, преимущественно из простонародья, которых монастырь кормит на свой счет и всем им дает приют»⁶⁰¹. Паломники, приезжавшие в монастырь, имели возможность остановиться на подворье со странноприимным домом (при нем несли послушания 11 насельниц). Недалеко от монастыря, на перекрестке улиц Уктусской (ныне улица 8 Марта) и Александровской

---

⁶⁰⁰ Там же. 1913. № 26. Отдел неофиц. С. 641–642.

⁶⁰¹ Антонинов А. Ко дню празднования... С. 438.

(ныне улица Декабристов) при небольшом гостевом доме еще с 1820 г. существовала домовая Преображенская часовня, была часовня и у святого источника в монастыре⁶⁰², где горожане тоже могли помолиться и заказать требы. При часовнях в 1913 г. находились 3 престарелые монахини и послушница⁶⁰³, в полном соответствии с указными требованиями давать поручения, связанные с пребыванием среди мирян, только наиболее опытным в иноческой жизни насельникам.

Как показывают приведенные выше описания, к началу XX в. осталась традиция проведения крестного хода только на Успение, и только на территории монастыря. Подготовка к торжествам 100-летия Ново-Тихвинского монастыря проясняет и судьбу других крестных ходов, задуманных основательницей обители игуменьей Таисией в начале XIX в.

Напомним, что указ об учреждении Екатеринбургского монастыря был издан 31 декабря 1809 г., и именно эта дата, строго говоря, должна была считаться точкой отсчета официального существования монастыря. Однако на 31 декабря 1909 г. в обители состоялось только архиерейское служение литургии и благодарственного молебствия, «так как зимнее время не могло благоприятствовать ни посещению обители богомольцами, ни торжественным церковным процессиям, ни торжественным богослужениям при многолюдном стечении молящихся». Также епархиальная хроника начала XX в. не содержит упоминаний о крестных монастырских ходах на 22 июля — день торжеств по случаю учреждения монастыря, состоявшихся в городе в 1811 г. Для празднования столетия Ново-Тихвинского монастыря было выбрано 24–26 июня 1910 г. — дни традиционного проведения Тихвинской ярмарки и празднования Тихвинской иконы Божией Матери. Монастырь ходатайствовал через епархиальное начальство в Синод о проведении торжеств в эти даты по специально разработанному церемониалу, который и был утвержден синодальным указом от 28 мая 1910 г. В «Екатеринбургских епархиальных ведомостях» одновременно было опубликовано известие о предстоящем событии церковно-религиозной жизни города, приведена краткая историческая справка о Ново-Тихвинской обители и ее святынях, напечатан утвержденный церемониал⁶⁰⁴.

---

⁶⁰² Лавринов В. Указ. соч. С. 207; Ворошилин С. И. Указ соч. С. 80, 81.

⁶⁰³ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 719. Л. 152 об. – 159, 195 об. – 196; Д. 731. Л. 152 об. – 153, 193 об. – 194.

⁶⁰⁴ Антонинов А. Ко дню празднования... С. 433–442.

В церемониале были предусмотрены не только богослужения, но и религиозно-просветительные чтения для народа, общегородской крестный ход 25 июня и крестный ход 26 июня на монастырской территории с архиерейским служением. В церемониале нашли свое место и заупокойные службы на могиле основательницы монастыря игумении Таисии, значение которой в истории обители было подчеркнуто и в очерке А. Антонинова, и в поучении священника монастыря Крискента Коровина, произнесенном 25 июня и также опубликованном (но уже после торжеств) в епархиальной прессе⁶⁰⁵.

Церковно-праздничная культура Екатеринбурга остается практически не изученной темой в историографии, поэтому позволим себе процитировать учрежденный церемониал торжеств 24–26 июня 1910 г., который предусматривал и участие городского духовенства:

«Юбилейное торжество продолжается три дня: 24, 25 и 26 июня.

Все три дня совершаются праздничные торжественные службы.

24 июня после поздней литургии, в 12 часов дня, чтение для народа, разделенное на три статьи, прерываемое пением умиленных церковных песнопений. В первой статье — чтение о явлении иконы Божией Матери, о ее чудесах и проч. Во второй — первые насельницы Екатеринбургского монастыря, их стремления, образ жизни; устроители монастыря; его развитие; принесение иконы; устройство храмов и т. п. В третьей — наши монастыри, их значение, нареkania на монастыри и т. д.

В 3 часа звон на собор. Духовенство монастыря и приглашенное из окрестностей совершает в Александровском соборе торжественный водосвятный молебен. При этом все молящиеся стоят с возжженными свечами.

В 5½ часов звон ко всенощной. Всенощная совершается среди ограды монастыря, на особом помосте. Служба заупокойная по основательнице монастыря игумении Таисии и ее сотрудницах. Во время пения 17-й кафизмы священник совершает каждение и на монастырском кладбище. Во время богослужения все предстоящие имеют в руках возжженные свечи.

25 июня, в 6 часов утра, ранняя обычная литургия в одном из храмов монастыря. В 7½ часов литургия заупокойная в Тихвинском храме. После литургии великая панихида на могиле игумении Таисии и краткая лития на монастырском кладбище. В 8 часов звон на собор.

---

⁶⁰⁵ Там же; *Коровин К., прот.* Поучение в день празднования явления иконы Тихвинской Божией Матери // ЕЕВ. 1910. № 27. Отдел неофиц. С. 537–542.

Литургия совершается в Александровском соборе при участии градского духовенства и приезжих по приглашению монастыря. К 10 часам собирается все приходское духовенство с крестным ходом к собору монастыря. После литургии совершается крестный ход вокруг монастырской стены с остановками на всех 4-х сторонах: на северной запевы 3-й песни канона и ектеня сугубая; на западной 3–6 песни и ектеня малая; на южной — евангелие и на восточной, перед святыми воротами, молитва коленопреклоненная Пресвятой Богородице; в храме отпуст и многолетие, с превозглашением и вечной памяти игумении Таисии с сотрудницами.

Порядок сего крестного хода:

1) Свеча в фонаре (несет псаломщик в стихаре или монахиня в мантии).

2) Крест (несет диакон в стихаре).

3) Две хоругви монастыря (несут рядом, в расстоянии одна от другой в 3-х или в 2-х шагах).

4) Запрестольные иконы монастыря (крест с правой стороны и икона Божией Матери с левой); в середине между ними икона Успения Божией Матери, с частию св. мощей, перед которою несется свеча в фонаре.

5) Две хоругви кафедрального собора (несутся рядом в расстоянии 3-х или двух шагов).

6) Запрестольные иконы сего собора (крест с правой стороны и икона Божией Матери — с левой), а в середине между ними храмовая икона Богоявления Господня, перед которой несется свеча в фонаре.

7) Две хоругви Екатерининского собора (несутся рядом, как и предыдущие).

8) Запрестольные иконы сего собора (крест с правой стороны и икона Божией Матери — с левой); в середине между ними храмовая икона Великомученицы Екатерины, перед которой несется свеча в фонаре.

9) Две хоругви Златоустовской церкви (как выше сказано).

10) Запрестольная икона сей церкви (в том же порядке).

11) Две хоругви Вознесенской церкви (в указанном порядке).

12) Запрестольные иконы сей церкви (в том же порядке), а между ними храмовая икона Вознесения Господня, перед которою свеча в фонаре.

13) Икона Тихвинской Божией Матери на носилках.

14) Ковчег со св. мощами (несут два священника и перед ними свеча в фонаре и два диакона с кадилами).

15) Певчие по три в ряд.

- 16) Диаконы с кадилами по два в ряд.
 17) Священники и протоиереи по два в ряд.
 18) Протоиерей с Евангелием.
 19) Жезлоносец и свещеносец.
 20) Иподиаконы с дикирием и трикирием. *Если владыка примет участие в крестном ходе.*
 21) Протодиакон и диакон с кадилами.
 22) Два псаломщика с рипидами.

23) Владыка с крестом или посохом; в последнем случае старейший протоиерей перед ним с крестом на блюде.

При остановках для служения крестный ход располагается так: с востока на середине крест с фонарем, а от него по обе стороны кольцеобразно стенами встают правая сторона по правую и левая по левую; между ними в центре иконы Тихвинской Божией Матери и Успения и ковчег со св. мощами.

За порядком крестного хода и установкою его наблюдают два из способных к тому священника без облачений; т. е. в рясах; в помощь им для посылок прикомандировываются две послушницы.

В 5 часов вечера звон ко всенощной, которую совершает Его Преосвященство с избранным духовенством. Лития с крестным ходом и чтением акафиста на четырех сторонах Александровского собора. При пении "Хвалите имя Господне" все молящиеся возжигают свечи. При елеопомазании раздача благословенного хлеба и листков, а также и образков.

26 июня. Ранние литургии во всех храмах монастыря. В 8½ часов в Александровском соборе поздняя литургия, которую совершает епископ с избранным духовенством; после литургии крестный ход из собора к Тихвинской церкви с остановками на 4-х сторонах ее для служения молебна и возвращение в Александровский собор. При возвращении крестного хода против трапезной освящение монастырской трапезы на улице»⁶⁰⁶.

Весьма яркое описание прошедших торжеств, наполненное живыми зарисовками наблюдаемых им сцен, оставил помощник смотрителя Екатеринбургского духовного училища Александр Иванович Обтемперанский – один из лучших авторов «Екатеринбургских епархиальных ведомостей» 1901–1916 гг. Оно приведено в приложении 7.

⁶⁰⁶ Цит. по публикации: Антоцинов А. Ко дню празднования... С. 439–442.

На торжествах в монастыре присутствовали представители различных ветвей власти, образовательных учреждений и общественных организаций самого Екатеринбурга, духовенства города и других населенных пунктов Екатеринбургской епархии, приехавший из Перми начальник губернии В. А. Лопухин. Поздравительные телеграммы были присланы от приглашенных монастырем на торжество архиереев, прежде возглавлявших Екатеринбургскую епархию, великой княгини Елизаветы Федоровны, членов Государственного совета В. К. Саблера (в следующем 1911 г. ставшего обер-прокурором Синода) и адмирала Д. С. Арсеньева, обер-прокурора Синода С. М. Лукоянова и обер-секретаря Св. Синода П. В. Мудролюбова и других лиц⁶⁰⁷.

Монастырь и после юбилея продолжал оставаться значимым компонентом церковно-религиозной жизни Екатеринбурга. Архиереи не забывали, что община монастыря, насчитывающая более 1000 человек, нуждается в духовном окормлении, религиозном и патриотическом воспитании.

Так, в октябре того же 1910 г. по распоряжению епископа Митрофана было организовано три торжества, посвященные значимому событию религиозной жизни страны в целом — переносу мощей св. Евфросинии Полоцкой из Киева в Полоцк. Один из очевидцев этого события заштатный священник Е. Ландышев составил описание торжества и по волеизъявлению архиерея провел три чтения в Екатеринбурге: в епархиальном женском училище, мужском духовном училище и в Ново-Тихвинском монастыре. Архиерей лично присутствовал на всех трех мероприятиях и произносил назидательные слова, ориентированные на особенности слушателей.

Евфросиниевское чтение состоялось в обители 8 октября в 7 часов вечера. В обширной монастырской трапезной собрались все монахини и послушницы монастыря, монастырский церковный причт, воспитанницы детского приюта и церковно-приходской школы при обители, некоторые миряне и городские священники. С благословения архиерея Е. Ландышев рассказал житие преподобной Евфросинии и описал торжества в Полоцке, сопровождая рассказ популярным в то

---

⁶⁰⁷ Из епархиальной жизни // ЕЕВ. 1910. № 25. Отдел неофиц. С. 509; *Обтемперанский А.* Указ. соч. // Там же. Отдел неофиц. № 26. С. 518–519; № 27. С. 543–554. Празднование столетия монастыря нашло отклик и в уральской нецерковной прессе, и даже в общероссийском журнале «Русский паломник» были напечатаны воспоминания паломника И. Ювачева (см. подробнее: Молитву пролию ко Господу... С. 48–56; Жизнеописание настоятельницы... С. 16–20; Жития святых... С. 624–628).

время показом картин при помощи электрического «волшебного фонаря». Чтение сопровождалось пением монастырского хора. После Е. Ландышева архиерей обратился к насельницам с назиданием, в котором особо убеждал их стараться подражать подвигам Святой, особенно в проявлениях любви к Богу и ближним. Подчеркнул архиерей и преимущества иноческой жизни: «вы, насельницы этой святой обители, — говорил Его Преосвященство, — находитесь сравнительно с живущими в мире в лучших условиях и потому должны дорожить этим. Пользовавшийся [уважением — М. Н.] при жизни за свою благочестивую жизнь и разумные советы покойный иеромонах Оптиной пустыни Амвросий в ответ на слова одного из иноков, намеревавшегося уйти из пустыни, что и в миру можно спастись, сказал: “посмотри, брат, где трава лучше растет — в загородке или вне ее? В загородке ты видишь, что трава вся почти высокая, целая и зеленая, а вне загородки, где ходят постоянно, маленькая, поломанная и даже совсем притоптанная и уничтоженная. В обители ты, как трава в загородке, можешь лучше уцелеть и спастись, а в миру, может легко случиться, что ты погибнешь совсем”. А потому дорожите и вы, сестры, своею жизнью в обители и пользуйтесь ею для достижения спасения. В случае если бы возникли между кем-либо из живущих здесь какие-либо недоразумения, старайтесь препобеждать их своею кротостью и смирением, в чем и да поможет вам своими молитвами пред Отцом Небесным св. преподобная Евфросиния»⁶⁰⁸.

Дела христианского милосердия

Ново-Тихвинский монастырь не отступал и от традиций благотворительности, заложенных еще его основательницей — игуменией Таисией.

Прежде всего, конечно, монастырь старались позаботиться о тех насельницах, которые по возрасту или болезни уже не могли нести послушания. Для них в 1900 г. на средства екатеринбургского купца М. И. Иванова была полностью перестроена каменная Всехсвятская церковь с пристроенными к ней корпусами. Новая однокупольная церковь «весьма красивой архитектуры» была довольно просторна, а из нового корпуса для престарелых и больных внутрь церкви вел теплый коридор. На первом этаже нового корпуса были устроены помещения для богадельни, рассчитанные на 80 престарелых, дряхлых

---

⁶⁰⁸ Антонинов А. Евфросиниевские торжества в городе Екатеринбурге // ЕЕВ. 1910. № 42. Отдел неофиц. С. 943–944.

и неспособных к труду насельниц, а на втором — больница на 20 кроватей. Коридор со второго этажа вел на хоры Всехсвятского храма, откуда больные насельницы, не мешаясь с остальными, могли видеть все богослужение⁶⁰⁹. Позднее помещения богаделенного корпуса были приспособлены для размещения до 120 насельниц⁶¹⁰. В 1913 г. их было 76. Содержалась больница на средства монастыря, в 1902 г., например, было потрачено 2000 руб.⁶¹¹

При больнице несли послушания 10 насельниц, старшей над ними была монахиня Филофея (в миру крестьянка Анастасия Попова), жившая в обители с восемнадцатилетнего возраста. На Симеоновском хуторе при больнице служила одна послушница — Анастасия Львовна Колясникова, родом из крестьян, жившая в монастыре с 11-ти лет⁶¹².

При богадельне служили 14 насельниц под руководством монахини Авиафы (в миру крестьянка Анна Игнатьевна Голендухина). Авиафе в 1913 г. уже было 74 года, из них 41 она прожила в монастыре. Ранее в обители она занималась шитьем золотом, прядением, изготовлением свеч⁶¹³.

Продолжал существовать в монастыре и детский приют, рассчитанный на 10 девочек. в 1913 г. там жили 9 девочек в возрасте от 2 до 7 лет, все крестьянского происхождения. Пятеро из них были из различных волостей Екатеринбургского уезда, по одному ребенку — из Шадринского, Красноуфимского и Соликамского уездов Пермской губ., одна девочка — из Челябинского уезда Оренбургской губ.⁶¹⁴

Воспитывали приютских малышей в 1913 г. девять послушниц в возрасте от 22 до 54 лет, старшей над ними была монахиня Анатолия (в миру Александра Хомутова), сама жившая в монастыре с десятилетнего возраста. Анатолия была родом из мещан, остальные воспитательницы — из крестьян, так же, как и их воспитанницы. Многие воспитательницы сами оказались в монастыре еще в малолетнем возрасте⁶¹⁵.

---

⁶⁰⁹ Штейнфельд Н. П. Указ. соч. С. 37.

⁶¹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 977. Л. 84–85, 108–109, 134 об. – 135, 167 об. – 168, 189 об. – 190, 203 об. – 204.

⁶¹¹ ГАШ. Ф. 206. Оп. 1. Д. 126. Л. 8.

⁶¹² ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 719. Л. 146 об. – 147, 204 об. – 205; Д. 731. Л. 145 об. – 146, 202 об. – 203.

⁶¹³ ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 271. Л. 98 об. – 99, 160 об. – 161, 216 об. – 217, 271 об. – 272, 350 об. – 351, 444 об. – 445; ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 441. Л. 27 об. – 28; Д. 719. Л. 150 об. – 151; Д. 731. Л. 150 об. – 151.

⁶¹⁴ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 719. Л. 258 об. – 259, 265; Д. 731. Л. 256 – 256 об.

⁶¹⁵ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 719. Л. 146 об. – 147, 159 об. – 160, 189 об. – 190, 193 об. – 196, 214 об. – 217, 221 об. – 223; Д. 731. Л. 144 об. – 145, 159 об. – 160, 187 об. – 188, 191 об. – 194, 211 об. – 218, 222 об. – 223.

Девочки постарше (считавшиеся малолетками — до 14 лет) учились в монастырской одноклассной церковно-приходской школе, устроенной в монастыре в 1897 г.⁶¹⁶ Приведенные выше биографические данные о насельницах, исполнявших различного рода управленческие послушания в обители, наглядно свидетельствуют о том, что приют и школа при монастыре были для многих будущих монахинь первым звеном их монастырской жизни. В монастырской школе в начале XX в. училось в разное время до 92 детей: в 1909 г. — 68, в 1910 г. — 65, в 1911 г. — 76, в 1912 г. — 71, в 1913 г. — 72, в 1915 г. — 92⁶¹⁷.

Как и в других школах Екатеринбурга, в монастыре для малолетних девочек устраивали ежегодно в предрождественские дни ёлки и чтения религиозно-патриотического содержания. Частыми гостями таких чтений становились екатеринбургские архиереи, городское духовенство, некоторые именитые граждане города (бывали главный начальник Уральских горных заводов, председатель Екатеринбургского окружного суда, прокурор, полицмейстер, купцы, все они обычно приходили с женами). Чтения сопровождалось пением монастырского хора, «живыми картинами», демонстрацией световых картин с помощью «волшебного фонаря». Воспитанницы читали стихи и басни. Руководила таким чтением в 1913 г., например, упоминавшаяся выше монахиня Елена, которая написала и текст к световым картинам. Возможно, она же была автором чудесного образца применяемых в школе методик обучения — «Стихов о городах», опубликованных в епархиальной газете в 1912 г., с помощью которых дети могли запомнить 74 названия российских и иностранных городов. Чтения заканчивались пением «народного гимна» — «Боже, Царя храни!». «Учащиеся девочки и на этот раз явили себя достойными воспитанницами славной обители. Строгая выдержанность в обращении, энергия и настойчивость в отношении к учебному делу сказывались во все время исполнения программы литературно-вокального вечера», — таков был отзыв в епархиальной прессе на ёлку в монастыре в 1913 г. «Умелый подбор стихотворений, художественное, выразительное чтение их, прекрасные картины на экране волшебного фонаря, строго обдуманые и старательно разученные позы в эффектно поставленных живых картинах, умелое пение хора — все это способствовало

---

⁶¹⁶ ГАСО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 726. Л. 59.

⁶¹⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 977. Л. 84–85, 108–109, 134 об. – 135, 167 об. – 168, 189 об. – 190, 203 об. – 204.

тому, что вечер прошел оживленно и доставил большое удовольствие собравшимся», — таков был отзыв в 1914 г.⁶¹⁸

Участвовал монастырь и в продовольственной помощи бедным. В обители раздавали бесплатные обеды приходившим в обитель паломникам и нуждающимся горожанам, и количество таких обедов росло от года в год: в 1909 г. было дано 350 обедов, в 1910–1911 гг. — по 600, в 1912 г. — 2000, в 1913 г. — 8000, в 1915 г. — 6542. В Екатеринбургской епархии больше Ново-Тихвинского монастыря раздавал бесплатные обеды только Верхотурский Николаевский мужской монастырь (до 90.000 в 1915 г.), однако он был самым крупным паломническим центром на Урале, и обеды в значительной степени получали паломники, приходившие поклониться мощам св. Симеона Верхотурского⁶¹⁹.

С началом Первой мировой войны Ново-Тихвинский монастырь постарался внести свою лепту в помощь раненым. 28 октября 1914 г. при обители был освящен подготовленный лазарет для раненых воинов, о чем было сообщено телеграммой игуменьей Магдалиной и освящавшим лазарет епископом Серафимом великой княгине Елизавете Федоровне: «Сегодня совершенно освящение лазарета для раненых воинов при Ново-Тихвинском монастыре в присутствии администрации и благотворителей; мы вознесли горячие моления о здравии Вашего Высочества — всегдашней печальницы страждущих — и о даровании храброму русскому воинству окончательной победы над врагом, воинам нашим, раненым на поле битвы — здравия и скорого восстановления сил»⁶²⁰.

На освящении лазарета присутствовало много приглашенных гостей, архиерей произнес речь, показывающую общественный настрой уральцев военного времени. На страницах епархиальной хроники было напечатано ее изложение:

«Когда представишь себе поле битвы со всеми его ужасами, сердце невольно сжимается и холодеет. И тем не менее в это ужасное время есть место и чувству радости. Теперь в переживаемом несчастье особенно ярко обнаруживаются все хорошие качества русской души. Глядишь теперь на св. Русь и не налюбишься. Все города и местечки

---

⁶¹⁸ Из епархиальной жизни // ЕЕВ. 1911. № 2. Отдел неофиц. С. 52; 1912. № 2. Отдел неофиц. С. 44; 1913. Отдел неофиц. № 1. С. 29–30; № 2. С. 57; Стихи о городах // Там же. 1912. № 2. Отдел неофиц. С. 37–41; Из церковно-школьной жизни епархии // Там же. 1913. № 2. Отдел неофиц. С. 51.

⁶¹⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 977. Л. 84–85, 108–109, 134 об. – 135, 167 об. – 168, 189 об. – 190, 201 об. – 204.

⁶²⁰ Телеграммы // ЕЕВ. 1914. № 45. Отдел неофиц. С. 991.

заботятся о раненых воинах, всюду для них открываются госпитали и вот это-то христианское чувство любви к ближним приятно сердцу архиепископа. Вот и теперь, говорит владыка, мы присутствуем при освящении лазарета. В устройстве таких лазаретов сколько проглядывает горячей любви к несчастным страдальцам, сколько заботы о них!

Но где же, однако, раненые?

Их ждут, их жаждут приютить у себя все, устроившие такие лазареты, а раненых нет!

О, если бы и совсем их не было! Но, нет, суровая действительность не дает этого счастья. Разверните любую газету, прочитайте о происходящих сражениях, представьте себе современную бойню при помощи усовершенствованных смертоносных орудий и вам ясно станет, как коса смерти косит там тысячи жизней! О, как много там на полях сражений легло наших воинов! О, как много там раненых! Так много, что и перечислить их трудно.

И тем не менее раненых у нас нет...

Почему? Потому, что они до нас не доходят. Все города понастроили лазареты, все с любовью жаждут приютить в них несчастных страдальцев, все зовут их к себе, все хотят их принять. Правда, есть много раненых военнопленных, коих провозят мимо нас дальше в Сибирь. К ним сострадательно наше сердце, но не их оно жаждет принять. Оно горит любовью к своим раненым и им хотело бы послужить. Но их нет и будут ли они — неизвестно. Подождем немного. Если не будет у нас раненых, если др. города будут перехватывать их у нас, мы пошлем свои лазареты туда, где идет война. Может найдутся среди нас или вот среди сестер этой обители такие лица, которые пожелают ехать туда, чтобы там ухаживать за ранеными. Не станет дело за этим, а пока подождем еще и будем готовы принять раненых здесь»⁶²¹.

Санитарный поезд с ранеными прибыл в Екатеринбург через месяц, 28 ноября. Из приехавших 354 воинов в монастырский лазарет было помещено 10. Архиепископ объехал все лазареты, в каждом благодарил воинов, совершал молебны о их здравии. 2 декабря он посетил монастырский лазарет, и при совершении молебна с водосвятием обратился к воинам с речью, пересказанной на страницах епархиальной прессы: «Вы прибыли сюда, и Господь дал вам приют в обители, где все дышит святостью. Там, где вы были, там ужас смерти, там свист пуль, там гром пушек, там вопль умирающих. Там холод в окопах, там голод... И вот после всех этих ужасов вы приехали к нам, поселились здесь. Мы не можем вам заменить родных матушек, дорогих супругов,

---

⁶²¹ Из епархиальной жизни // ЕЕВ. 1914. № 45. Отдел неофиц. С. 1010–1011.

любимых, милых деток, но мы встречаем вас как братья... Мы готовы все сделать, чтобы облегчить ваши страдания. Благодарим вас за службу верную, земно кланяемся вам, лобызаем раны ваши и молим Господа, да исцелит Он раны ваши. Мы принесли вам икону нашего святого праведного Симеона, Верхотурского чудотворца, которого свято чтит наш Государь Император и вся Его Царская Семья, чтит его и наш верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич! Икона эта останется здесь. Молитесь праведному Симеону, да услышит он вас и исцелит болезни ваши!» После молебна епископ Серафим раздал крестики и брошюры, облобызал и обласкал каждого воина⁶²².

20 декабря насельницы монастыря обратились к великой княгине Елизавете Федоровне с просьбой о принятии лазарета под ее августейшее покровительство. Княгине дала свое согласие и 8 января 1915 г. император Николай II изъявил на это свое «благоволение»⁶²³. 26 февраля княгиня поблагодарила игуменью Магдалину за присланный отчет и «за усматриваемое из такового Ваше внимательное отношение к нуждам лазарета и находящимся на излечении в нем раненым воинам»⁶²⁴.

В годы войны насельницы расширили и свою помощь детям, распространив ее на детей воинов. При монастырском приюте было устроено отделение Романовского приюта, которое содержалось на средства созданного в 1914 г. под покровительством императора Романовского комитета, ставящего целью призрение малолетних детей из сельских местностей. В отделение при Ново-Тихвинском монастыре принимали девочек с 6 до 10 лет. На оборудование приюта комитет выделил 5000 руб. при его создании и еще 1000 рублей на содержание девочек в 1915 г., 6000 руб. в 1916 г. На 1 января 1916 г. в нем было 11 детей, хотя рассчитан он был на 100. В этой связи епископ Серафим распорядился оповестить все приходское духовенство епархии о имеющейся возможности отдать девочек-сирот и детей солдат в монастырский приют. Привезти их можно было как в сам монастырь в городе, так и на монастырский хутор. К концу апреля 1916 г.

---

⁶²² Там же. № 49. Отдел неофиц. С. 1098–1099.

⁶²³ Письмо г. обер-прокурора Святейшего Синода, от 9 января 1915 года за № 265, на имя Его Преосвященства, Преосвященнейшего Серафима, епископа Екатеринбургского и Ирбитского // ЕЕВ. 1915. № 6. Отдел офиц. С. 53–54.

⁶²⁴ Благодарность // ЕЕВ. 1915. № 11. Отдел неофиц. С. 203. Ново-Тихвинский монастырь готовился встретить в своих стенах великую княгиню Елизавету Федоровну 20 июля 1914 г., во время ее поездки по Уралу, но визит не состоялся, поскольку тремя днями ранее княгиня получила известие о всеобщей мобилизации и срочно вернулась в Москву (Молитву пролию ко Господу... С. 67–68).

в приюте жили 153 девочки. Это было самое крупное отделение Романовского приюта в Пермской губ.⁶²⁵.

В отчете обер-прокурора Синода за 1911–1912 гг. Ново-Тихвинский монастырь был назван в числе пяти обителей страны с наиболее образцовым ведением хозяйства, причем из женских – единственный⁶²⁶. За свои труды по благоустройству обители игумения Магдалина (Досманова) в 1897–1912 гг. была награждена 5 наперсными крестами и медалями: двумя золотыми крестами от Кабинета Его Императорского Величества, золотым крестом от Синода, золотым крестом от Екатеринбургской консистории, серебряным крестом от Российского общества Красного Креста, светло-бронзовой медалью в память 300-летия Дома Романовых. Игумения была действительным членом Императорского Палестинского общества⁶²⁷.

Таким Ново-Тихвинский монастырь подошел к трагической вехе истории России в целом и монастырей в частности — революционным потрясениям, которые он явственно ощутил уже с марта 1917 г.⁶²⁸, гражданской войне и начавшимся антирелигиозным компаниям. Это был уже другой период истории Екатеринбургской обители — период выживания в резко изменившемся мире. Тысяча насельниц обители, многие из которых провели здесь почти всю жизнь, оказались выброшены в новый мир, где за веру можно было лишиться жизни. Но это сюжет другой книги, которую, надеемся, напишут сестры возрожденного в 1994 г. Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря.

---

⁶²⁵ Распоряжение Его Преосвященства // ЕЕВ. 1916. № 4. Отдел офиц. С. 13–14. Всеподданнейший отчет о деятельности состоящего под Высочайшим Вашим Императорского Величества покровительством Романовского комитета за первую треть 1916 года. Петроград, 1916. С. 49–51.

⁶²⁶ Указаны были мужские Соловецкий, Валаамский, Ново-Афонский и Трифоно-Печенегский монастыри (Жития святых... С. 628; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1911–1912 годы. СПб., 1913. С. 113).

⁶²⁷ *Лавринов В.* Указ. соч. С. 149; Жития святых... С. 628.

⁶²⁸ 2 марта 1917 г., в день отречения императора Николая II от власти, епископ Екатеринбургский Серафим в своей проповеди осудил этот переворот. Его позицию поддерживали насельники Ново-Тихвинского монастыря. За это епископу и монахиням было запрещено представляться новой власти появляться среди населения, а Синодом начато расследование их деятельности. Этим было положено начало репрессиям в отношении новотихвинских насельниц (Молитву пролию ко Господу... С. 58–59).

Заключение

История Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря в синодальный период — это история становления общежительных, трудовых начал иноческой жизни в условиях постепенно секуляризирующегося общества Российской империи конца XVIII – начала XX вв. И это история выбора своего религиозного предназначения многими поколениями его монахинь и послушниц.

Пятнадцатилетний период от появления первых насельниц до торжественного открытия официально учрежденного в Екатеринбурге монастыря был периодом выбора пути существования женской общины, становления ее традиций. Рождение монастыря произошло в переломный для российского православного иночества исторический момент, когда предыдущая традиция существования монашества была практически прекращена секуляризационной политикой императорской власти от Петра I до Екатерины II, а новая еще не сложилась. В этот период, для имевшегося в регионе иночества кризисный, екатеринбурженки обратились к опыту Саровской пустыни, как раз хранившей верность нормам монашеского общежития, и устав этой пустыни стал краеугольным камнем организации монашеского социума Екатеринбурга.

Выбор стоял перед екатеринбургскими насельницами и между богадельней и монастырем: быть ли лицами призываемыми в богадельне или самим стать монастырем, который будет оказывать благотворительную помощь нуждающимся. А это был выбор не только организационной формы, но и способа существования: они могли остаться небольшой богадельней на содержании горожан или должны были сами найти себе источники существования и обеспечить будущее своей общины. Горожане, положительно относившиеся к насельницам кладбищенской общины и в целом не возражавшие против существования монастыря, на практике не смогли собрать той минимальной суммы, которая, согласно представлению властей, могла обеспечить существование даже самого небольшого монастыря. При этом стоит отметить, что именно мастеровые екатеринбургских заводов взяли на себя обязательство вносить регулярные взносы на содержание общины, тогда как более состоятельные лица оказались не готовы стеснить себя таким обязательством, хотя и соглашались выделить средства одновременно. Благотворители, согласные возвести храм, имели целью благоустройство кладбищенской церкви, а вовсе

не обеспечение потребностей новосоздаваемого монастыря. Региональные светские власти интересовались не столько устройством жизни монашеской общины, сколько тем, как монастырские постройки могут украсить городской пейзаж. Старообрядцы Екатеринбургa, имевшие значимые экономические позиции в городе, также не стремились поддержать идею учреждения монастыря. Пермские епархиальные власти достаточно формально отнеслись к идее создания монастыря, поскольку были заняты организационными вопросами формирования собственно епархиальной инфраструктуры, а также видели сложное положение уже имевшихся в регионе мужских монастырей. Весь этот конгломерат противоречивых интересов, помноженный на нерасторопность исполнения предписаний, привел к тому, что все вопросы, связанные с учреждением монастыря, решались весьма долго. И только вера и энергия самих насельниц, и особенно Татьяны Костроминой, смогли преодолеть эти преграды. Этот трудный путь сформировал понимание того, что будущее своей общины они должны обеспечить сами, не надеясь на помощь извне, но добываясь всего, на что могут рассчитывать по закону. Эта установка была адекватна новым условиям модернизирующегося российского общества имперского периода, в котором религиозная жизнь утрачивала роль общественно значимой, признавалась частным делом индивида. В этих условиях монастыри должны были доказывать свою общественную пользу «необременительностью» для местного сообщества и даже благотворительной пользой для него, а также высококравственным строем жизни. Екатеринбургский Ново-Тихвинский женский монастырь первым на Среднем Урале встал на этот путь.

Возведение Ново-Тихвинского монастыря в штатный первого класса стало признанием обители в качестве одной из наиболее благоустроенных и зарекомендовавших себя достойным образом жизни в стране. Игумении Таисии удалось убедить епархиальные и синодальные власти в необходимости особого специально разработанного для монастыря общежительного устава. Этот устав обобщил опыт 26-летнего существования женской монашеской общины в Екатеринбурге и стал основой преемственности традиции монашеской жизни на будущие десятилетия.

Осознание необходимости возведения монастыря в число штатных стало итогом непростого опыта взаимоотношений обители с городским социумом, горнозаводскими и городскими властями. Этот опыт показал, что содействие мирян монастырю носило достаточно ограниченный характер. Поэтому для дальнейшего стабильного и динамичного развития монастыря было актуально получить статус

штатного с полагающимся по законодательству отводом земли под строения и хозяйственные нужды, а также с отпускаемым от государства, а не от городского сообщества, содержанием.

Ново-Тихвинский монастырь, получив положенные по штату средства на содержание, взял на себя и миссию призрения вдов и сирот (особенно из семей духовного сословия), обучения детей, что соответствовало и желанию самих насельниц, и епархиальных властей, и в целом общественным ожиданиям, которые возлагались на монастыри в XIX в.

Впечатляющая картина динамично растущего екатеринбургского монастыря с быстро увеличивающейся численностью насельниц, занятых на различных послушаниях, ведущих трудовой образ жизни, благоуукрашающих обитель храмами и плодами своих рукоделий, живущих по общежительному уставу резко контрастировала с большинством штатных мужских монастырей того времени, имевших малочисленную братию, не стремившуюся обзавестись хоть каким-то хозяйством и благотворительными учреждениями, а довольствующимся штатным жалованием. Ново-Тихвинский монастырь был новым не только по времени своего появления, но и по духу. Его история убедительно показывала, что у женского монашества, особо пострадавшего от реформы 1764 г., имелась возможность возродиться в условиях модернизирующегося российского общества XIX в. и обеспечить свое существование.

Десятилетия существования обители на тех нормах, которые были заложены его основательницей игуменией Таисией и утверждены в уставе монастыря, показали их глубокую взаимосвязь и высокий потенциал для самоорганизующегося монашеского локального социума.

Монастырь был в равной степени открыт для желающих посвятить себя иноческой жизни из любых социальных групп российского общества. В силу численного преобладания крестьянства в России того времени, остававшейся преимущественно аграрной страной, среди насельниц Ново-Тихвинской обители тоже большинство составляли выходцы из крестьянства. Но в отличие от окружавшего монастырь мира, где социальные различия оставались огромными, в обители имели значение трудолюбие и старание принести пользу общине. Приведенные в книге биографические данные насельниц, на которых были возложены различные управленческие послушания, показывают, что зависело это не от социального происхождения, а от многолетнего опыта прохождения рукодельных и сельскохозяйственных

трудов на пользу обители. И это приносило более гармоничные, истинно сестринские отношения при выполнении любых работ в монастыре.

Завет игумении Таисии об обучении грамоте насельниц, к которой стремилась и она сама, воплощался в жизнь всеми ее преемницами. В результате в Екатеринбургском монастыре был очень высок процент грамотных насельниц (к 1913 г. — 83%, из них 70% получили образование в монастыре). Только в стенах монастыря в то время было столько грамотных крестьянок.

Желание обучить насельниц грамоте сочеталось с желанием обучить грамоте и согреть душевно и малолетних сирот, которых принимали в монастырь с первых лет его существования, а с 1865 г. создали приют. Задуманный как проявление истинного христианского милосердия, со временем приют стал и первой ступенькой воспитания в иноческом духе для тех девушек, которые после приюта и монастырской школы выбирали путь послушничества в обители.

Крестьянское происхождение большинства насельниц позволяло органично вводить в жизнь обители большой круг сельскохозяйственных занятий и рукоделий, что дифференцировало повышало устойчивость монастырского хозяйства. Труд насельниц был основой экономического благополучия, хотя монастырь использовал все ресурсы — и положенное государственное содержание, и средства благотворителей, уважение которых монастырю удавалось привлечь трудолюбивой и благотворительной деятельностью насельниц.

Сплочению насельниц в единый социум, следующий традициям монашеской жизни, способствовал общежительный устав, также введенный в первые десятилетия существования общины. Сестры дорожили сложившимися отношениями и особо ревностно относились к еще одной норме устава — избранию настоятельниц из числа монашествующих той обители. Следует признать, что все настоятельницы Ново-Тихвинского монастыря показали себя строгими ревнителями уставных норм и, будучи воспитаны в самом монастыре, продолжали его традиции. Уставные нормы помогли монастырю справиться и с непростой конфликтной ситуацией, проявившейся после кончины игумении Таисии.

Хотя отношения монастыря с окружающим социумом не всегда складывались беспроблемно (особенно с приходским духовенством), монастырь продолжал вносить свой вклад в благотворительность — содержанием богадельни, больницы, детского приюта, школы. В годы Первой мировой войны он откликнулся на новые беды

и стал заботиться о раненых воинах и детях солдат. Христианское милосердие было не обязанностью, но душевным стремлением новотихвинских насельниц.

К началу XX в. Ново-Тихвинский монастырь стал крупнейшим на Урале и одним из крупнейших в стране. Появившаяся позже него в Зауралье плеяда новых женских общин, со временем учреждавшихся в качестве монастырей, имела значимую поддержку от Екатеринбургской обители, посылавшей наиболее опытных своих монахинь для утверждения норм иноческой жизни.

Возрожденный ныне, после десятилетий антирелигиозной политики, Ново-Тихвинский монастырь помнит свою славную историю и стремится следовать традициям, проверенным более чем столетним существованием обители в XIX – начале XX в. Он и сегодня крупнейший на Урале и один из крупнейших — и уважаемых — в стране.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

**Описание крестного хода 1813 года
(из рапорта настоятельницы
Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря
игуменьи Таисии епископу Пермскому Иустину
от 9 декабря 1813 г.)⁶²⁹**

...По архипастырскому Вашего Преосвященства благословению икона Тихвинской Богоматери и ковчег со святыми мощами из обители были препровождены с подобающею процессиею по дороге в Верхотурье. Продолжая из Екатеринбурга путь к названному городу чрез села и деревни, в коих обитают истинно приверженные к христианскому благочестию люди, от каждой церкви святые иконы были встречаемы местными священно-церковнослужителями и их прихожанами и, по внесении в церковь, отправляемы соборные молебствия; по прошению же усердствующих отправлялись и в домах всенощные бдения и молебствия с водоосвящением и, наконец, провождаемы были из селения до селения священно-церковнослужителями и множеством народа, изъявляющего желание, дабы и впредь святые иконы приносимы были таким же образом, как и ныне.

По приближении же к Верхотурью за 7 верст святые иконы сретены⁶³⁰ были всем духовенством, как градским, так и монастырским со множеством народа и находились во оном 10 дней, каждодневно переносы святые иконы при колокольном звоне из церкви в церковь и в дома граждан по прошению.

А по выходе из города в сопровождении духовенства, чиновников и народа святые иконы несены были вышеписанным же образом по уездам Верхотурскому и Ирбитскому; везде видно было одинаковое усердие христиан к принятию икон в дома для молебствий. Каковая же церемония при сретении икон учинена была ирбитским духовенством, городничим Черкасовым с чиновниками и вообще всеми гражданами; и сколько во оном находились времени и как святые иконы

---

⁶²⁹ Цит. по изд.: Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1907. № 5. Отдел неофиц. С. 97–98.

⁶³⁰ Встречены.

провожены были из одного далее, о том я имела уже счастье донести Вашему Преосвященству.

По выходе же из Ирбита святые иконы носимы были по округе одного и Шадринскому уезду немалое время, поелику многие из поселян усердствовали, дабы оные вносимы были в дома их для молебствий, которые и были по их желанию совершаемы, и они особенно ознаменовали усердие свое значительными прикладами.

По достижению же к Шадринску встреча святым иконам учинена была за 8 верст духовенством и гражданами, и находившись во оном довольно времени, в течение коего иконы подобным же образом переносимы были из церкви в церковь при колокольном звоне, по прошению же и в дома усердствующих к тому граждан.

При выходе же были провождаемы с таковою же церемониею, каковая была и при вшествии во оный, продолжая путь по уездам Шадринскому, частью Камышловскому. В каждом же городе [со — М. Н.] святые иконы с духовенством и множеством людей чинено было крестнохождение круг города с обыкновенною процессиею.

И наконец, приближаясь к Екатеринбург, при отличном усердии народа октября в 29 день святые иконы принесены были в Нижне-Исетский завод; во оном остановлены были во ожидании из города церемониальной встречи, которая, по предварительному сношению с Екатеринбургским духовным правлением, а сего — с градским начальством, учинена была следующим образом: в 30 день в 1 часу по полудни из 3 церквей — соборной Екатерининской иереем Иоанном Сильверстовым, из обительной священником Александром Рязановым и из подгородной Уктусского завода протоиереем Вологодским с тамошним духовенством, по предварительному на собор благовесте, при многочисленном стечении народа, учинены крестные ходы на сретение икон. Священник Рязанов встретился, отходя от Уктусского завода к Нижне-Исетскому за 4 вер[сты]; протоиерей Вологодский с Уктусским духовенством за 3 вер[сты], а иерей Сильвестров с отцом Иоанном и вознесенским священником Максимом Перебериным за 2 версты. И оные встретя и остановясь, отправили соборне молебен с коленопреклонением, а потом и шествие учинено было к обители мимо старообрядческой Спасской церкви, при коей в продолжение одного был колокольный звон⁶³¹.

---

⁶³¹ Анонимный историк, опубликовавший документ в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях» в 1907 г., высказал сомнения относительно этого звона: «Сомневаюсь, чтобы на Спасской церкви во время шествия был учинен колокольный звон. В двадцатых годах и тридцатых прошлого столетия (XIX-го) екатеринбургские единоверцы никакого общения с православными не имели. Был такой случай. Единоверцы

У самой же обители всеми сестрами и крылошанками с воженными в руках свечами сретены были святые иконы, и при вратах оными с коленопреклонением чтена была молитва Богоматери; по входе же в церковь всем находившимся тогда духовенством принесен был Господу Богу благодарственный молебен с коленопреклонением же, а по окончании оногo, при колокольном звоне, провозглашено было многолетие Его Императорскому Величеству со всем Августейшим его домом, Святейшему Синоду, Вашему Преосвященству и всем православным христианам. Обитель же на сей раз была иллюменована по причине вечернего сумрака. В 31 число, по отправлении же литургии, принесенные святые кресты и иконы возвращены были из обители в те церкви, из коих они были принесены.

прервали со своим пастырем Павлом Поповым (14 января 1822 года по распоряжению епархиального начальства переведенным к женскому монастырю) всякие сношения, что крайне огорчило Попова и он плакал. К разрыву же послужило следующее обстоятельство: как-то раз, в присутствии некоторых единоверцев, своих прихожан, Попов поликовался [расцеловался – *М. Н.*] со священником Авраамием Оглоблиным, служившим тогда при градо-Златоустовской церкви» (Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря... 1907. № 5. Отдел неофиц. С. 97–98).

**Из рапорта епископа Пермского и Екатеринбургского
Иустина в Синод от 1 июня 1821 г.⁶³²**

III. Сими пособиями, попечением и неутомимостью означенной игуменьи отовсюду собранными произведены в пустыни следующие строения.

А. Церквей:

Первое, к прежней церкви, обращенной из кладбищенской⁶³³, с западной стороны со входу в церковь сделана двухэтажная каменная пристройка, в коей нижний этаж называется притвором или трапезою, а в верхнем две палатки для хранения ризницы, с полуденной же стороны пристроены две схимонахинские кельи.

Второе, часовня каменная⁶³⁴, которая со временем и по надобности может обращена быть в церковь.

Третье, вне пустыни новая каменная двухэтажная кладбищенская церковь, в совершенное устройство еще не приведенная⁶³⁵.

Все сии церковные здания покрыты железом.

Б. Каменных зданий три корпуса и четвертый флигель:

Первый корпус, о два этажа с четырьмя чердаками, заключает в обеих этажах и чердаках, кроме настоятельнициних келий, 20 покоев и посредине коридор. От сего корпуса до церкви сделан деревянный коридор с таковою же крышею.

Второй корпус, двухэтажный же для монахинь с двумя чердаками, покрыт деревянною крышею, в обеих одного этажах и чердаках 11 келий и коридор.

Третий корпус, трехэтажный, покрыт деревом, во всех этажах одного 8 келий.

Четвертый флигель, двухэтажный с деревянною пристройкою, в обеих одного этажах 4 покоя, и при нем службы деревянные, покрыт весь деревом.

В. Деревянных зданий четыре:

Первое, дом двухэтажный с чердаком, на каменном фундаменте, в обеих одного этажах 6 покоев.

Второе, флигель одноэтажный, в нем два покоя.

---

⁶³² РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 976. Л. 40 об. – 45 б.

⁶³³ Успенская церковь.

⁶³⁴ Часовня во имя Всех Святых.

⁶³⁵ Александро-Невская церковь.

Третье, флигель же при вратах пустыни, в нем два покоя и коридор.

Четвертое, службы, заключающие в себе скотную избу и 2 покоя.

Все сии здания – каменные и деревянные – обнесены с двух лицевых сторон каменною⁶³⁶, а с других двух деревянною оградюю.

Г. Вне пустыни каменных одноэтажных домов два:

Первый, в 60 сажнях от пустыни, с 2 чердаками и часовой, которая отделана и покрыта железом, а дом деревом; в нем и в чердаках 8 покоев и коридор; огражден с двух лицевых сторон на каменном фундаменте каменными столбами с деревянными решетками, а с других двух сторон заплотами.

И второй, в 70 сажнях от пустыни, с 2 же чердаками, огражден с двух лицевых сторон каменною оградюю; в нем 6 покоев и при нем деревянный флигель, состоящий из двух покоев со службами.

Сии два каменные дома игуменью устроены для священно- и церковнослужителей.

Во всех же оных корпусах, домах и флигелях, кроме настоятельских келий, 71 покой, в которых свободно может поместиться до 150 человек, каковое количество, как в 1-м пункте прошения игуменьи значит[ся], и помещается.

IV. Кроме сих Екатеринбургской Ново-Тихвинской пустыни зданий, как игуменья поданными мне 1819 года февраля 26 репортом и марта 4 числа прошением объявила, приложа при оных планы и фасады местам и зданиям, отведены к обители главною Екатеринбургских заводов конторюю места:

1-е, для кладбища пространства, занимающее квадратных 24 десятины и 1300 сажен;

2-е, для священно- и церковнослужительских домов, которые уже, как выше видно, выстроены в двух кварталах, под литерою «Д» алою краскою означенное⁶³⁷ и заключающее пространства 10 тысяч квадратных сажен;

и 3-е, для служительских домов в двух же кварталах, показанное под числом 3-м⁶³⁸, без означения пространства или количества земли.

Которые планы и фасады местам, занятым зданиями и вновь отведенным, я, рассмотрев, засвидетельствовал подписанием моим; а начальника города Екатеринбурга и тамошних заводов за покровительство и за усердное его к устрояемой пустыни благорасположение

---

⁶³⁶ С востока и севера.

⁶³⁷ К докладу прилагался план строений монастыря.

⁶³⁸ Имеется в виду обозначение на плане.

письменно благодарил; игуменье же предписал, дабы она вновь отведенные и на плане означенные, особливо к городу примыкающие места немедленно оградил оплотами или каменными оградами, для кладбища отведенное и большую частью из болота состоящее место обнесла бы тыном или плетнем или земляным валом.

А за неусыпную ее деятельность в избрании и исходатайствовании мест как для пустыни, так для церковнических и служительских домов, равным образом за успешное устройство монастырских келий и служб и обнесение оных каменными оградами, и за благоразумную предусмотрительность и скорость в построении вне и близ пустыни двух каменных домов для священно- и церковнослужителей (которым иметь дома внутри пустыни и жить вблизи или, так сказать, вместе с монахинями неприлично и несовместно), объявил мою благодарность, похвалу и полное удовольствие в присутствии консистории при собрании всех членов.

Планы же и фасад, подписанием моим засвидетельствованные, возвращены ей, игуменье, при указе с тем, чтоб она хранила оные от повреждения в архиве или в другом безопасном месте; а таковых же три в копиях представила бы: один — для приобщения в консистории к делу, другой — для представления в Святейший Правительствующий Синод (который от меня того же 1819 года октября от 23 числа чрез помянутую игуменью при доношении и представлен) и третий — для Его Сиятельства господина министра духовных дел и народного просвещения.

Сверх сего предписано ей, игуменье, с сестрами и то, чтоб здания, какие по сие время ею устроены, ни она сама во время жизни своей и управления пустынею, ни другие преемствующие по смерти ее, без ведома и позволения начальства ни под каким предлогом не разрушали и не перестраивали, и чрез то пустыни, на собственном содержании учрежденной и существующей, прихотливыми и ненужными перестройками и зданиями напрасных издержек и ущерба к отягощению и изнурению пустыни не навлекали.

V. К поддержанию означенных зданий, а также к содержанию монашествующих со стороны игуменьи введены в пустыне следующие хозяйственные распоряжения:

А. Заведение рукоделий:

1-е. Пряжа льну, хлопчатой бумаги и шерсти, тканье и беление разных сортов холстов, полотен, салфеток, скатертей, платков, так же

тканье сатрапезов⁶³⁹, канифасов, одеял, сукон и прочих подобных тому рукоделий.

2-е. Шитье по материям и бархату шелками, золотом и⁶⁴⁰ покровцов на потиры и диски и всякой церковной и ризничной утвари и прочих тому подобных для частных людей изделий.

и 3-е. Делание на святые иконы разных узорчатых риз из золотой и серебряной канители, фольги и мишуры.

Б. Хозяйство по экономии:

1-е. Посев всякого здесь растущего хлеба, льну и конопли на коротных землях.

2-е. Сажение всякого рода овощей, служащих как к продовольствию сестр, так и на продажу гражданам.

3-е. Собираение во время лета грибов и ягод.

4-е. Скотоводство и лов рыбы в удобных и близких к обители озерах и реках.

и 5-е. В 1816 году сентября 12 дня по билету Главной Екатеринбургских заводов конторы взято на имя пустыни болотное пустопорожнее место на 12 лет для осушения оногo и сенокoшения с хорошою для пустыни выгодою.

В. Учреждение кладбища подле самой пустыни и построение на оном церкви иждивением пустыни для нижеследующих выгод:

1-е. Заготовление иждивением пустыни для мертвых тел могил с получением за оные деньгами или вкладами в пустынь.

2-е. Чтение сестрами псалмов и канонов и поминовение по умершим по завещаниям их или по просьбе и усердию сродников их с платою от них деньгами же и вкладами или другими какими либо для пустыни пособиями.

и 3-е. Запас воска и свеч для кладбищенской церкви с обращением прибыли оногo в пользу пустыни.

VI. Со стороны екатеринбургских граждан, обязавшихся при начале учреждающей пустыни оказывать оной пособия, состоит таковое пособие в сем токмо одном, что производится от Екатеринбургской градской думы триста рублей на содержание священника с причетниками. Но сие пособие производится от думы с 1 числа апреля 1812 года за внесенные от игуменьи в ту думу в 1807 году 964 рубля

---

⁶³⁹ Вероятно, имеется в виду затрапеза – дешевая грубоватая льняная или пеньковая ткань с полосами, обычно синими. Затрапеза получила название по фамилии ярославского купца Затрапезнова, на мануфактуре которого ее выпускали (*Орленко Л. В. Терминологический словарь одежды. М., 1996*).

⁶⁴⁰ Дефект документа: далее несколько слов прочесть не удается.

и в 1811 году 1036 рублей, а подписанные екатеринбургскими чиновниками и гражданами при начале заведения пустыни 946 рублей внесены от них или не внесены – сведения ни от игуменьи, ни от Екатеринбургской градской думы в консисторию не доставлено. Кроме же означенного трехсотрублевого пособия других никаких нет; ибо подле пустыни и кладбищенская церковь, как выше значит, устроена иждивением пустыни ж, а не купцов Калашникова и Мартынова и мещанина Бронникова.

Равным образом Екатеринбургская градская дума по учиненному во оную в 1811 году от игуменьи на основании 12 пункта моего распоряжения, выше в 11-м отделении прописанного, отношению о определении из градо-Екатеринбургского общества трех человек для охранения той пустыни от злонамеренных людей не сделала по тому ее, игуменьи, отношению никакого удовлетворения. А посему означенная игуменья поданными мне в 1812 февраля 10 и 1819 года мая 28 числ двумя прошениями просила о наклонении показанной градской думы к вышеписанному удовлетворению чрез пермского гражданского губернатора и также чрез пермского берг-инспектора и екатеринбургского горного начальника. Но и при содействии сих начальствующих лиц по неоднократным моим к ним отношениям вышепомянутая Екатеринбургская градская дума двукратно же учинила в одинаковой силе отзывы следующего содержания: что как общество и без того несет в отправлении разных служений весьма значительные обязанности, доходов же с имений получаемых недостает и на само нужнейшие на обществе лежащие расходы, то по всем таковым обстоятельствам и [поскольку] требования пустыни принадлежательно дачи к оной для караула трех человек и одного из них умеющего читать и писать к обязанности общества не относятся, а может игуменья с сестрами иметь таковых из вольнонаемных людей без отягощения общества, да и правительством не возложено сей обязанности на общество.

VII. Означенная же игуменья Таисия поданными в 1819 году прошениями просила меня о принятии ходатайства моего у господ пермского берг-инспектора и у екатеринбургского горного начальника: первым, марта 22-го, о соглашении губернского секретаря Кокovina на уступку из владеемого им болотистого места на пространстве 514 десятин и 1878 сажень осьюмой части в пользу Екатеринбургской женской пустыни; и вторым, мая 17 числ, о освобождении помянутой пустыни от взыскания и платежа попенных за лес и дрова денег и от всех градских повинностей. В следствии чего к помянутым берг-ин-

спектору и горному начальнику и к самому владельцу Коковину отнеся я по первому прошению 23 апреля, а по второму июня 5 числ того ж 1819 года и убедительнейше просил их, дабы ко удовлетворению означенных игуменьи прошений оказали все свое содействие и соучастие в приведении той пустыни, яко богоугодного дела, в совершенное устройство и благосостояние. В следствие чего с предложений оных берг-инспектора и горного начальника уведомили меня:

Во-первых, Главная Екатеринбургских заводов контора на отношения мои от 23 числа апреля, [сообщила], что, по объяснению губернского секретаря Коковина, просимое игуменьею место — не осьмая, а третья часть и то самая лучшая и удачнее других осушенная, прочие же места хотя и показываются обширными, но требуют на удобрение для снятия травы больших трудностей, времени и изживения, при том и не все вообще надежные; а посему он, Коковин, на отдачу во владение пустыни удобренной от него земли согласиться без совершенной себе обиды никак не может, но во уважение изъявленного горным начальником желания и моего к нему отношения долгом почитает уделить с значительным превышением осьмой части владемого им места там, где найдено сколько для пустыни больше полезным, столько же и для него возможным. А на посланный из консистории минувшего мая 3 числа к казначее показанной Екатеринбургской пустыни указ о доставлении сведения [о том], что вышеписанный Коковин уступил ли по обещанию своему для пустыни и какую именно часть из владемого им болотного места или не уступил, того ж мая 20 числа [она] донесла, что на предложение ее, казначеи, помянутый Коковин объявил, что все оное покосное местоположение земли от него отобрано и поступило в горное казенное содержание.

Во-вторых, Пермское горное правление и вышепомянутая же Екатеринбургская контора на отношения мои от 5 числа июня [сообщили], что они, горное правление и контора, за силою положения Горного совета Департамента горных и соляных дел в 31 день мая 1816 года состоявшегося, от взыскания сказанную пустынь попенных за лес и дрова денег избавить никак не могут; а Горное правление сверх того в отношении своем объяснило и то, что обстоятельство о избавлении показанной пустыни от исправления градских повинностей до рассмотрения Горного правления не относится, а принадлежит до Комитета, учрежденного для уравнивания по Пермской губернии градских и земских повинностей.

По посланным же в следствие сего из Пермской духовной консистории в упомянутый комитет от 25 февраля и от 8 апреля прошлого

1820 года сообщением комитет оный того ж апреля 16 числа конси-
сторию уведомил, [что] так как Екатеринбургская женская пустынь
возведена на принадлежащей городу земле по желанию екатеринбург-
ского общества, и обитающие в ней пропитываются только от посиль-
ных своих трудов, а более от подаяний доброхотных дателей, не имея
никаких других выгод, сопряженных со способами нести равную с го-
родскими жителями повинность, а потому, да и [так] как та дорога
лежит в градском выгоне, то исправление той [повинности] и должно
относиться на общей счет городских жителей, о чем и горный екате-
ринбургский начальник тогда же от комитета уведомлен сообщением.

А присланным ко мне 1820 года ноября 18 дня часто упоминаемая
игуменья репортом донесла, что от екатеринбургского горного
начальника получены бумаги в Горный департамент, которые требо-
ваны были министром финансов: 1-я бумага — о освобождении пу-
стыни от взыскания попенных денег за лес, которая уже и решена
в пользу пустыни, и 2-я — о починке дорог, которая якобы также ре-
шена будет в пользу пустыни, ибо Горного проекта⁶⁴¹ в 770-й статье
сказано: дороги, лежащие между заводами и пристанями починивать
непременными работниками. Почему [игуменья] и просила меня о сих
предметах по здешним присутственным местам не беспокоиться.

VIII. В Пермской епархии, кроме означенной Ново-Тихвинской
женской общежительной пустыни, других женских монастырей ни
штатных, ни заштатных не имеется.

---

⁶⁴¹ Т. е. проекта Горного положения (1806 г.).

**Замечания на проект устава Екатеринбургского
Ново-Тихвинского монастыря, 1821 г.**

Замечания епископа Пермского Иустина⁶⁴²

...1-е, о должности настоятельницы и казначеи, так же и о обязанностях священника и причетников, какими они именно должны быть ограничены, ничего не сказано;

2-е, когда пустынь обратится в штатную — тогда сей устав будет не нужен, а должна будет пустынь управляться по примеру штатных монастырей изданными для всех монастырей уставами и государственными узаконениями;

3-е, многие, по моему мнению, есть в оном излишества и ссылки на Священное Писание несправедливые;

4-е, много также помещено таких мелочных правил, которые могут охладить сестр к исполнению оных и вновь желающих отвратить от вступления в обитель;

5-е, келейное правило должно по наименованию своему читаться в келье, а по сему уставу должно читать его в церкви, что по моему мнению составляет противоречие;

6-е, ссылки на святых отцов — из каких книг или уставов взяты и выписаны, именно не показано, а потому и сверить их нельзя;

7-е, сестры при чтении паремий не должны с мест своих сходить и приближаться к слушанию тех паремий, а надлежит им стоять на своих местах, не смешиваясь с народом; а разве тогда сие позволить им можно, когда кроме их одних, ни кого из посторонних людей в обительной церкви не будет;

8-е, занятых трудами и рукоделиями не принуждать, кроме собственной их воли, ко всегдашнему хождению к божественным службам церковным и излишними поклонами не обременять их, а представлять усердной сестре по расположению ея духа и благоговения полагать поклонов столько, сколько она хочет.

---

⁶⁴² Замечания были высказаны в письме епископа к игумении Таисии от 10 марта 1821 г. и воспроизведены в рапорте епископа в Синод от 1 июня 1821 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 102. Д. 702. Л. 2. об. – 3).

*Замечания архимандрита Афанасия и игумена Иннокентия
на проект устава Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря,
27 мая 1821 г.⁶⁴³*

<p>На страниц[е] 9: Правило церковное и келейное настоятельнице и всем сестрам править: и говорить каноны и молитвы и поклоны во едином собрании вообще в церкви, а петь и говорить со вниманием единогласно; а в два голоса ни петь, ни говорить ни единого стиха.</p>	<p>Казалось бы, можно разрешить иногда ради благословных вин исправление правила в кельях – вне общего собрания.</p>
<p>На той же 9 стр[анице]: И кто прежде придет, той прежде и милости сподобиться от Господа Бога; и елико пребывает в соборе, толико благодати от Бога сподобится иметь.</p>	<p>В словах сих приходу в церковь к началу много приписано.</p>
<p>На той же 9 стр[анице]: Ибо к земному царю аще кто приходит прежде и пребывает у палаты, ожидая происхождения царева; тако творяй любим бывает царем. Аще ли же кто последи всех приходит, таковой яко ленивый от лица царева отвержен будет.</p>	<p>Можно бы и оставить сие распространение.</p>
<p>На обор[оте] 9 стран[ицы]: Тако и мы, аще не рачити будем о соборном церковном правиле, после всех приходяще и прежде всех отходяще, яко нерадивии отвержени будем от Бога.</p>	<p>Отвергает Бог неверующих и до конца нераскаянных.</p>
<p>На 13 стран[ицы] (оборот[е]): А когда будет приуготовляться чтение, сестры все, предстоящие в церкви, восставши от мест своих, приходят близ чтущей и окрест ея ставши, престарелые же или немощные чинно седши на седалищах.</p>	<p>Предоставить то можно одним престарелым и немощным.</p>
<p>На 14 стр[анице]: Подобаает же настоятельнице и сестрам сие хранити. Аще будут в сей обители храмы святых, и тем подобаает читати по вся дни тропари и молитвы, идеже настоятельница, по согласию всех сестер, изобразит в благочиние, как прилично.</p>	<p>Довольно ограничиться уставом церковным.</p>

⁶⁴³ Замечания были высказаны в рапорте архимандрита Афанасия и игумена Иннокентия епископу Иустину от 27 мая 1821 г. и воспроизведены в рапорте епископа в Синод от 1 июня 1821 г. (Там же. Л. 5–8).

<p>На той же 14 стр[анице]: Настоятельница и всем сестрам быть в церкви и глаголати три каноны: Иисусу, Богородице акафист с кондаки и икосы, и Ангелу хранителю с молитвами обще во едином собрании.</p>	<p>Можно позволить желающим и в кельях, в случае каких либо неудобств быть на правиле в церкви.</p>
<p>На 18 и на других страницах: Поклон каждой.</p>	<p>Можно предоставить по силе и доброму произволению каждой класть поклоны.</p>
<p>На 25 стр[аницы] обор[оте]: Монастырь же обычай имеет в первую седмицу никого из мирян не впускати.</p>	<p>Кажется, можно дозволить вход в монастырь и мирянам, но как в сие, так и во всякое другое время с надлежащею ограниченностью.</p>
<p>На 26 стран[ице]: Глаголют святии отцы о сем: яко Святой Жертвенник и братская трапеза во время обеда равны.</p>	<p>Нужно бы означить, кто из отцов произнес это.</p>
<p>На той же 26 стр[анице]: Глаголется бо в старчестве: яко инок свят, виде некоторые на трапезе сидящия и мед ядущия. Егда же начаша глаголати и празднословити и брашно похуляти, тогда виде их лайно ядущих. Глаголаше Авва Исаак игумен Скитский: Инок, сидя на трапезе, во уме не моляся, но беседа какво слово, или празднословя, смеяся или брашно похуляя, и сицевый отступ от Бога, и Бог отступи от него, и молитва его не приятна и труды его бесполезны. Се убо слышахом отеческая писания: яко аще кто творит беседы на трапезе, таковый отступи от Бога, и Бог отступи от него, и молитва его неприятна, и труды его бесполезны.</p>	<p>Не означено мест, откуда внесены слова.</p>
<p>На обор[оте] 26 стран[ицы]: Пищи всякой особой настоятельница и сестрам и белицам в кельях не держати и особо не ясти кроме общия трапезы.</p>	<p>Нужно бы пополнить: кроме немощи и других благословных причин.</p>

<p>На обор[оте] 27 стран[ицы]: Аще праздник прилучится быти в постный день, на рыбу не разрешати, ни пред гостей не ставити, кроме тех дней в посте, в которые положено разрешение на рыбу.</p>	<p>Могут открыться случаи, где можно допустить и разрешение, именно: или на случай нарочитых посетителей, или на случай немощи сестр.</p>
<p>Тут же: Пития же пьянственного употреблению не быти никогда же никако же в обители, и не держати оного.</p>	<p>Кажется, можно сию строгость подмерить дозволением держать для употребления под распоряжением игуменьи или казначей, или для гостей, или в случае немощи кого-либо из сестр.</p>
<p>На 28 стран[ице]: Никоей из сестр без благословения настоятельницы отдельно и тайно не ясти ни в кельях, ни в хлебни, или в поварни. Тако ж де никоей из сестр ни под каким видом хлеба и овощей не держать по кельям, кроме кваса.</p>	<p>Кажется, слишком уже строго, и для того нужно сделать некоторое ограничение.</p>
<p>На обор[оте] 29 стран[ицы]: На монастырское каковое дело или службу в монастыре или вне монастыря егда позовут или возвестят, всем вкупе собраться вскоре без замедления, кроме немощных, и их же настоятельница в каково ино дело устроит. Сходящесе же на дело, делать без сvara, прекословия и без роптания.</p>	<p>Нужно бы означить дела и службы в монастыре и вне монастыря, на кои могут быть употребляемы монахини и сестры.</p>
<p>На обор[оте] 30 стр[аницы] в глав[е] 15: Сам бо Владыка наш Господь Иисус Христос глаголет: не ишу воли моя, но воли пославшаго Мя Отца. То кольми паче нам подобает своя воли не имети, но вся творити по благословению настоятельницы и по ея изволению: ибо и в пострижении нашем обещахомся, еже к настоятельнице и ко всем сестрам быти во всем до смерти в послушании.</p>	<p>Приведен текст сей не к месту.</p>

<p>На стр[анице] 31: Имети же коейждо от сестр две или три одежды, и из них едину ветшану и поплачену, а в прочем быти сему по рассуждению настоятельницы; также и обувь имети яже к телесней точию потребе нужна есть, кроме служебниц, яже вне монастыря и клирошанок, тии носят и лучшее, но по произволению настоятельницы, яко же она заблагорассудит.</p>	<p>В распределении одежды при рассуждении и произволении настоятельницы излишно бы было принять в участие казначею и старейших сестр.</p>
<p>На обор[оте] 31 стр[аницы]: Излишняя же стяжания, одежду и обувь и аще иная кая-либо обрящутся у коей либо сестры, вся относити в казну монастырскую. Одеждою и обувью, как и пищею и питием, и прочими вещами и всем нужным во всем довольствоваться от монастырския казны всякой, а собственности своей ни коей ничего не иметь.</p>	<p>Могут из сестр быть одне трудолюбивее других, также заниматься одне пред другими важнейшими рукоделиями, и потому не мешаает дозволить иметь и собственность, приобретенную собственными честными трудами.</p>
<p>Тут же: Казначее же давати одежду и обувь, испытывая, аще будет ей нужно, но аще восхощет излишняя держати, и то ей не давати.</p>	<p>Для казначеи много сделано ограничения, между тем как для самой настоятельницы нет почти никакого ни в чем.</p>
<p>На 32 стран[ице]: Особенного же стяжания, денег, риз и обуви, и кия-либо вещи ни в кельях в монастыре у кого, ни вне монастыря, ни же во ином монастыре, или во граде, или инде где у сродник своих и у другинь не держати ни коей; но потщимся всею силою удаляться сребролюбия и ризного украшения и вещепристрастия.</p>	<p>Слишком ограничено.</p>
<p>На обор[оте] 33 стран[ицы]: Подобаает zde и о сем рещи: яко да никакая же от сестр ничто нигде же возмет без благословения настоятельницы или казначеи, ни в церкви, ни в трапезе, ни же во иных службах, ни в кельях, ни на монастыре, ни же за монастырем, ни монастырскую вещь, ни же сестринскую.</p>	<p>Слишком ограничено.</p>

<p>На обор[оте] 34 стран[ицы]: Також де аще и рукодельным сестрам дается особо что за кое-либо дело сотворенное, того им себе не имати никако же, но отправить вся в монастыре.</p>	<p>Слишком ограниченно же.</p>
<p>На стр[анице] 37: Аще некая сестра от иного монастыря или от мирских приидет, имать же у себя стяжание некое особое, яко то: деньги, или ризы, или иные какие вещи излишние, кроме икон, и книг, и нужные одежды и обуви, и восхочет сожителствовати, о имении же глаголет: оставите мне, донде же поискшуся с вами пожити, и аще подаст Бог мне терпение, тогда сотворю по совету вашему, таковую принимать научиться на лето едино.</p>	<p>Можно, кажется, предоставить на волю, особливо в милостыню, употреблять.</p>
<p>А еже имать стяжание свое особое, вся да покажет настоятельнице и сестрам старшим, что есть и где стоит; и аще будут с нею, и она вся та поставит в монастырской казне за своєю печатью, а в монастыре живущим сестрам ни которой ничего из любви не дает, ниже мирским ни в милостыню странным, ниже покупает кому что.</p>	<p>То же.</p>
<p>На стр[аницах] 42, 43 и 44:</p>	<p>Много повторений и излишнего распространения.</p>
<p>На стр[анице] 46⁶⁴⁴: Казначая не в присутствии настоятельницы не имея благословные вины, аще не приидет с сестрами в церковь, также и в трапезу, и стяжется от настоятельницы. Всякое неисправление в сестрах и вины их взыщутся на ней до единыя.</p>	<p>Очень уже строго сказано относительно казначачей.</p>
<p>На обор[оте] 47 стр[аницы]: Кроме сего положенного устава во всем настоятельнице и сестрам неотложно поступать на основании Слова Божия, соборных правил святых апостол и святых отец, Духовного регламента, указов из Свя</p>	<p>Здесь нужно было допустить в участие казначачю и старейших сестр, и что в делах, превышающих или</p>

⁶⁴⁴ Исправлено в тексте документа: 47 на 46.

<p>тейшего Правительствующего Синода и прочих государственных узаконений под распоряжением епархиального начальства. Нарушение же взыскивается и исправляется властью и благоразумием настоятельницы приватно в обители без всякого к высшему начальству отношения.</p>	<p>власть, или смысл [слов] настоятельницы, следует относиться к начальству епархиальному.</p>
---	--

Кроме сего в уставе примечательны следующие недостатки:

1. Не предположено обязанностей настоятельницы по всем частям управления обители, как-то: к монахиням и сестрам по церкви, по кельям, по трапезе, по благочинию и по экономии обители.
2. При изложении обязанностей монахинь и сестр не наблюдается должного порядка и разделения оных.
3. Ни слова не сказано о бытии в обители духовнику и об обязанности игуменьи и сестр в святые посты исповедываться и, по достоинству, приобщаться святых таин.
4. Не означено, какими именно жительствующие в обители могут заниматься рукоделиями и работами.
Не упомянуто также:
  5. О потребном услужении для игуменьи и казначеи, также для старых и больных.
  6. О нераздавании ничего никому за монастырь без общего согласия старших сестр с ущербом монастырской экономии.
  7. О порядке хранения и распоряжения казною и другими монастырскими доходами.
  8. О введении в обители обучения способных чтению и пению.
  9. О надлежащем заключении монастыря, кроме благословных времен.
  10. О недозволении монахиням жить в мирских домах и обращаться по миру.
  11. О назначении монахиням отдельного в церкви места.
  12. О бытии при обители больницы и о надлежащем услужении при оной.
  13. О нестройке в монастыре ничего излишнего сверх потребности.
  14. О недержании настоятельнице и прочим при себе родственников, кроме случаев или престарелости или болезни.
  15. О том, в каких летах могут быть принимаемы в обитель для искушения, из каких званий и каким порядком.

Описание священной церемонии, происходившей в Екатеринбурге 1822 года декабря в 12 день по случаю внесения в Ново-Тихвинский первоклассный девичий монастырь пожалованной Их Императорскими Величествами ризницы и драгоценной утвари⁶⁴⁵

Тысяча восемьсот двадцать второго года, декабря во второй на десять день в Екатеринбургский Ново-Тихвинский первого класса общежительный девичий монастырь внесена пожалованная от Его Императорского Величества Всемилостивейшего Государя Императора Александра Павловича, Самодержца Всероссийского для церкви монастырской: крестовая зеленого бархату ризница, одежды на престол и жертвенник с покровами и воздухи, полное облачение для протоиерея, двух священников, диакона и двух псаломщиков; палица и набедренник; две одежды для аналогиев и одежда на столик под благословение хлебов, с пеленами; все по приличию обшитое богатым серебряным гасом и таковыми же у воздухов и пелен кистями. От щедрот Их Императорских Величеств Государынь: Императрицы Елисаветы Алексиевны — сребропозлащенные сосуды со всеми принадлежностями к священнодействию, из коих потир украшен драгоценными камнями и бриллиантами, и дородоровые воздухи, обшитые золотым позументом и таковыми же кистями; Императрицы Марии Феодоровны — Священное Евангелие и крест, украшенный драгоценными камнями.

По донесении от настоятельницы монастыря игуменьи Таисии о получении означенной священной утвари от монарших щедрот на благорассмотрение пермского епархиального начальства, оное с благословения преосвященнейшего Иустина, епископа Пермского и Екатеринбургского и кавалера, определило: драгоценную оную утварь, как дар по редкости своей весьма важный, для большего ознаменования уважения к высокомонаршим милостям, внести в Ново-Тихвинский монастырь с подобающим благоговением и священной церемонией.

---

⁶⁴⁵ Текст приводится по одноименной брошюре, вышедшей вторым изданием в 1902 г. в издательстве газеты «Урал» в Екатеринбурге.

Вследствие чего указом Пермской духовной консистории велено Екатеринбургского духовного правления присутствующему Богоявленской церкви протоиерею Николаю Вологодскому, дабы он с согласия настоятельницы монастыря, назначив к тому особенный день, при колокольном звоне пред литургиею со всем духовенством внес пожалованные священные вещи в монастырскую церковь и освятил. Для исполнения сей церемонии назначен был день рождения Его Императорского Величества, второе на десять число декабря, о чем от протоиерея предварительно уведомлен г. горный начальник екатеринбургских заводов и кавалер Осип Самсонович Осипов, гг. чиновники и граждане извещены чрез управу благочиния, а градское и уездное духовенство ближайших к городу церквей оповещено от духовного правления.

В навечерии оногo высокoтoржественнoгo дня драгоценная утварь из монастыря доставлена в Богоявленскую церковь и разложена приличным образом на приуготовленные блюда, которые и поставлены среди церкви на столиках, пристойно украшенных.

В самый же тот радостный для Екатеринбурга день, по всенощном бдении, во всех церквах, кроме соборной, отправлены ранние литургии и молебствия, и потом духовенство с хоругвями от градских церквей собралось в Екатеринбургский собор. В тоже время из монастыря принесен был в Богоявленскую церковь образ Тихвинской Божией Матери и ковчег с частями святых мощей угодников Божиих.

По совершении же в означенной церкви божественной литургии и молебствия, священные дары и принесенные святые иконы с хоругвями из той церкви протоиереем Николаем и прочим духовенством перенесены в собор и также поставлены среди церкви на столиках. По отправлении же благодарственного молебствия началась священная церемония из соборной церкви в обитель следующим порядком:

1-е. Несен был диаконом запрестольный крест и пред ним фонарь с воженными свечами.

2-е. Хоругви всех церквей и святые иконы.

3-е. Затем следовали хор певчих Горного ведомства и с ними причт в стихарях, которые во все шествие до монастыря пели, перемежая псалмы: «Господь воцарися, в лепоту облечеса», «Помяни, Господи, Давида», и «Вознесу тя, Боже мой, Царю мой»; стихири: «Днесь благодать Святаго Духа и сей день Господень, радуйтеся людие».

4-е. Два диакона с кадилами и за ними два причетника несли подсвечники с воженными свечами.

5-е. Два священника несли икону Тихвинской Богоматери.

6-е. За оными два диакона несли блюдо, на коем разложены были аналойные одежды с пеленами.

7-е. Два же диакона несли блюдо со стихарями, орарем и поручами.

8-е. Два священника на блюде несли подризники, епитрахили, поясы, набедренник и палицу.

9-е. Затем шли два диакона с кадилами и за ними два причетника с подсвечниками.

10-е. Два священника несли ковчег с частями святых мощей.

11-е. За ними два священника несли на блюде священнические ризы.

12-е. Два же священника подобно несли одежды: престольную и жертвеничную с покровами, к оным принадлежащими.

13-е. Два священника несли тоже на блюде воздухи и покровцы.

14-е. Два священника несли: один — Священное Евангелие, а другой — копие и лжицу, положенные крестообразно на блюде.

15-е. Затем шли два диакона с кадилами.

16-е. Два священника несли: один — святы́й потир, с положенными на нем тарелочками, а другой — дискос со звездой.

17-е. За оными шли два причетника с подсвечниками.

18-е. Протоиерей Н[иколай] шел с животворящим крестом.

19-е. По сторонам оного два диакона с кадилами.

20-е. Затем шли: игуменья с некоторыми из монашествующих, а за ними гг. чиновники, граждане и множество народа.

Во все время шествия производился во всех церквах колокольный звон. При входе в обитель священниками оной и монашествующими учинена была встреча при колокольном звоне; а из постановленных при монастырских вратах из нескольких артиллерийских орудий по усердию благодарного общества производилась пушечная пальба.

При входе в церковь певчие пели ирмос: «Побеждаются естества уставы», и «Достойное есть». Между тем священная утварь положена среди церкви на столах.

По прочтении готовящимся к священнослужению входа и по возложении на себя епитрахилей и фелоней, началось освящение всей священной утвари по обычному чинопоследованию; причем протоиерей Николай читал положенную на сей случай молитву, в которой он приложил вспомнить и о том, что священные дары сии принесены в обитель Богоматери от Их Императорских Величеств. По освящении им же, протоиереем, произнесена приличная речь, в коей он, кратко изъяснив причину настоящего торжества и ублажив монаршее благочестие к благолепию храма Господня, пригласил сослужителей

своих внести священную утварь во святыи алтарь. По внесении же, святыи престол и жертвенник одеты были одеждами царскими, а также и служащие облачились во все священные облачения, пожалованные от щедрот монарших. В сие время петы были псалмы: «Господь Воцарися», «Коль возлюбленна селения твоя», и «Господь пасет мя».

После сего начались священнодействие: на пожалованных сосудах божественная литургия совершаема была двумя протоиереями, тринадцатью священниками с пятью диаконами, пред окончанием которой один из священников говорил слово о покорности власти государя и о причине особенной радости настоящего торжества.

Потом принесено было Господу Богу благодарственное молебствие о здравии и благоденствии Их Императорских Величеств и Их Императорских Высочеств, с коленопреклонением и целодневным звоном, и при пении: «Тебе Бога хвалим», и возгласении многолетия как Их Величествам и всему Августейшему дому, так и Святейшему Правительствующему Синоду, преосвященнейшему Иустину, епископу Пермскому и Екатеринбургскому, благодетельствующим обители и всем православным христианам; произведена пушечная пальба. После сего при колокольном на всех церквах звоне хоругви из монастыря препровождены были обратно духовенством обыкновенным порядком. Протоиерей же и прочее духовенство и лучшие граждане игуменьей приглашены были к трапезе монастырской, причем одна из монахинь говорила игуменье речь, в коей, прославляя покровительство Богоматери над обителью, приносила от всех сестер благодарность за ея труды и старания на пользу обители.

В вечеру церкви и здания монастырские были освещены.

Таким образом, Ново-Тихвинский монастырь, восприяв с должным благодарением священные дары от монарших щедрот, вечно будет прославлять благочестие Царя и Цариц, возлюбивших благолепие дому Препоблагословенныя Владычицы. Священные же оныя приношения послужат в роды родов памятником усердия по благочестию к месту сему августейших пожертвователей.

**Описание храмов Екатеринбургского
Ново-Тихвинского монастыря, 1875 г.⁶⁴⁶**

1) Церковь Успения Пресвятыя Богородицы⁶⁴⁷

Успенская церковь, во имя Успения Божией Матери, заложенная по благословенной грамоте Варлаама, епископа Тобольского и Сибирского, 26 мая 1778 г., освящена 31 мая 1782 г. при том же епископе, Екатеринбургского духовного правления заказчиком протоиереем Коровицким. Церковь сия каменная двухпрестольная, в один этаж, с колокольнею довольно красивой архитектуры наподобие параллелограмма. Длинною с алтарем и колокольнею 14 саж[ен], а ширина 4 саж. Колокольня в три яруса, из коих каждый верхний уже нижнего. Кровля храма и колокольни утверждена на деревянных стропилах и со всех сторон покрыта листовым железом, окрашенным зеленою малахитовою краскою. На главном храме и алтаре кровли куполообразные, круглые. На фонаре с наружной стороны 16 пилястр ионического ордена и 8 рёпьев; карниз вокруг церкви и осмерика лепной работы довольно правильной архитектуры дорического ордена. На трибуне церкви и на Успенском алтаре кресты и под ними шары, или маковицы, медные, золоченные червонным золотом чрез огонь. Алтарь полукруглый, длиною от горнего места до царских врат 2 саж. 1 арш[ин], а шириною 2 саж. В нем три окна с железными решетками.

Внутри Успенской церкви, от предалтарного иконостаса до западного входа в оную, длина 3½ саж., шир[ина] 3 саж. 10 вершк[ов]. На южной стене в верхнем ярусе три окна, а внизу одно окно; на северной в верхнем ярусе тоже три окна, а внизу одно. В куполе же 8 полуциркульных окон без решеток. Двери внутренние, южные и северные, двойные створчатые, ведущие на северное и южное крыльцо: одне деревянные со стеклами и с внутренними замками; на запад, в трапезу ведут три арки дугообразные, над которыми устроены небольшие хоры, в средней арке двойные створчатые стеклянные двери, а по сторонам двойные же стеклянные двери нестворчатые. На западной стороне каменный притвор или трапеза на 2½ саж. длины и 3 саж. ши-

⁶⁴⁶ Приводится по книге: *Иконников В.* Указ. соч. С. 71–88.

⁶⁴⁷ Успенская церковь не сохранилась, на ее месте строится новая, одноименная (2024 г.).

рины; покрыт по деревянным стропилам листовым железом, окрашенным зеленою малахитовою краскою. В оном три дугообразные открытые арки на север, запад и юг. На северной стороне от притвора, чрез арку, следует продолжение трапезы на 2½ саж. длины и 10 арш. 13 вершк[ов] ширины. Она покрыта по деревянным стропилам железом, окрашенным малахитовою краскою; в оной два окна с решетками на север, а на восток двери створчатые, филейчатые, деревянные с внутренним замком, ведущие в небольшой притвор с одним окном на север же. Далее на восток, двери двойные створчатые, деревянные: одни внутренние с внутренним замком, а другие наружные, ведущие на крыльцо с двухсторонними 10 ступенями. Над этим притвором возвышается фонарь, на котором устроены купол, глава и крест. Глава и крест обиты железом и вызолочены двойным золотом; купол покрыт железом, выкрашенным зеленою краскою, под ним фонарь, обитый железом, выкрашенным белою краскою.

На запад идет арка, внутри которой устроены три створчатые деревянные двери с внутренними замками: одни с северной стороны оной, ведущие на хоры и колокольню по деревянным лестницам, другие — с южной, в придел Тихвинской Божией Матери, а третьи — с западной стороны, ведущие на паперть. Над аркою возвышается вышеозначенная колокольня.

На юг, придел Тихвинской Божией Матери, заложенный по благословенной грамоте того же Варлаама, епископа Тобольского и Сибирского, 19 августа 1783 года⁶⁴⁸. Придел сей каменный, в один этаж, длиною с алтарем 12 саж. 2 арш., шириною на 5 саженьях. Кровля утверждена на деревянных стропилах и со всех сторон покрыта железными листами, окрашенными зеленою краскою. На алтаре этого придела, равно как и на всем приделе, кровля устроена скатом и покрыта тоже железом, окрашенным зеленою краскою. Над алтарем возвышается фонарь, на котором устроены купол, глава и крест. Глава и крест обиты железом и вызолочены листовым двойным золотом, купол покрыт железом, выкрашенным зеленою краскою, под оным фонарь, с небольшими окнами, обит железом, выкрашенным белою краскою. Карниз вокруг церкви простой штукатурной работы. Алтарь при этом приделе трехгранный, длиною от горнего места до царских врат 2 саж. ½ арш., а шириною 2 саж. 2½ арш. В нем два окна, на восток и юг,

---

⁶⁴⁸ Южный Тихвинский придел был освящен 6 декабря 1875 г., 11 октября 1876 г. был освящен северный придел в честь Рождества пророка Иоанна Предтечи, т. о. с 1876 г. Успенская церковь стала трехпрестольной (*Лавринов В.* Указ. соч. С. 207).

с железными решетками. Внутри Тихвинского придела, от предалтарного иконостаса до западного входа в оный, 3 саж. 1 арш. длины и 5 саж. ширины. В нем на южной стене 3 окна с железными решетками. На север идут открытая арка в вышеозначенную Успенскую трапезу и дверь, ведущая под арку, на которой утверждена колокольня. На запад устроена открытая арка, ведущая в притвор, разделенный на три части, которые соединяются между собою арками же. Длинною этот притвор 6 саж., а шириною 5 саж. Окон в нем 6, с решетками: три на юг и три на запад. На южной стороне устроены двери двойные деревянные, филейчатые с внутренними замками, ведущие на трехстороннее каменное крыльцо о 6 ступенях. На север идут две двери: одни железные — во внутренность темной стеной кладовой, а другие деревянные, филейчатые, створные с внутренним замком, ведущие в притвор, разделяющие входы в Успенскую и Тихвинскую церкви. На северной стороне этого притвора устроены двери двойные: одни наружные, деревянные с внутренним замком, другие внутренние, деревянные же, обитые железом. Двери эти ведут в ризницу о три окна с железными решетками на север же; длина ризницы 4 саж. 2¼ арш., а ширина 4 саж. На запад из притвора устроены железные, с висячими замками, двери, ведущие на паперть. Паперть сия длиною 3 саж. 1 арш., шириною 2 саж. 2 арш. На север двери деревянные, створчатые, филейчатые, с внутренними замками, ведущие в жилые комнаты для церковниц. На запад же идут двери двойные, деревянные, створчатые, филейчатые, с внутренними замками, ведущие на крыльцо с двумя чугунными ступенями. Над притвором, папертью и трапезою при Тихвинской церкви и над жилою комнатою церковниц устроен второй этаж, в котором помещаются 4 комнаты. Этаж сей покрыт по деревянным стропилам железом, выкрашенным зеленою краскою. Одна из комнат служит прихожею, в другой помещается библиотека, в третьей — часть ризницы, а в четвертой — архив.

Церковь Успения Божией Матери и Тихвинский придел устроены собственным иждивением екатеринбургского 1-й гильдии купца и фабриканта Ивана Ивановича Хлепетина. До открытия и утверждения монастыря, т. е. до 31 декабря 1809 г., церковь сия именовалась екатеринбургскою кладбищенскою. По ходатайству Иустина, епископа Пермского, и первой настоятельницы сего монастыря игуменьи Таисии, с высочайшего разрешения Государя Императора Александра I, 1809 года декабря 31 дня, учрежден трехклассный заштатный женский общежительный монастырь, в управление и состав которого вошла и сия церковь со всею утварью и принадлежностями. Затем, с разрешения епархиального начальства, игуменьей Таисией

в 1816 году, игуменьей Александрой в 1827 г. и игуменьей Магдалиной в 1862 году, сделаны при сей церкви различные поправки, как внутри, так и снаружи, для распространения и украшения оной.

В Успенской церкви, в кивоте, заменяющем правый клирос, поставлен образ Пресвятыя Богородицы «мерю и подобием самого чудотворного с образа Тихвинския», писанный в 1807 году. Икона сия мерю 5 четвертей в длину и 15 вершк[ов] в ширину; оклад и фон кованный серебряный с цветами. В окладе имеются: 18 больших топазов, из них 12 с подложною красною фольгою, по 50 коп. сер[ебром] за каждый, 4 темных и 2 белых тоже 50 коп., всего топазов на 9 руб. сер. Слова Мр̄ Θοῦ Ισ̄ Χσ̄⁶⁴⁹ высечены из серебряных пластинок и наложены на серебропозлащенные кружки. Риза, шитая золотом, украшена разных пород и величины камнями и правским жемчугом, именно: аметистов в ней 38, из них 12 средней величины по 5 руб. сер. за каждый и 26 мелких по 2 руб. сер., всего на 112 руб. сер.; аквамаринов голубых 18, из них 7 средней величины по 4 руб. за каждый и 11 мелких по 2 руб. сер.; желтых аквамаринов 7, из них 4 средней величины по 4 руб. за каждый и три мелких по 1 руб. сер., всего аквамаринов на 69 руб. сер. Кроме того, риза украшена тремя круглыми звездами с стразовыми лучами, из коих каждая по 20 руб. сер., все же 60 руб. сер.; агатом с аквамариновыми искрами в 5 руб. сер., четырьмя аметистами, осыпанными аквамариновыми и топазовыми искрами по 3 руб. сер. каждый и один стразовыми в 25 руб. сер., всего унизанных аметистов на 37 руб. сер. Оклад и венцы на сей иконе серебряные, последние серебропозлащенные; весу в окладе заключается четыре фунта и сорок девять золотников, а в венцах весу 2 фунта сорок золотников, по 30 коп. за золотник, всего на 58 руб. сер. Венец Богоматери украшен четырнадцатью средними аметистами на 2 руб. 80 коп. сер. Выпуклая корона в венце Богоматери также убрана камнями, в ней: два аквамарина: один круглый в 10 руб. сер. и мелкий в 6 руб., оба шестнадцать руб. сер.; два тяжеловеса на 8 руб. сер. и 18 мелких топазов. Крест, утвержденный над короной, состоит из пяти аквамаринов, ценою в 10 руб. сер.

В венце Спасителя один средний и десять мелких аметистов; первый в 1 руб. 50 коп., вторые по 20 коп. сер. за каждый, всех же на 3 руб. 50 коп. Всего в венцах 51 камень в серебряной оправе. Одежда Спасителя также шита золотом и убрана разной величины камнями; в ней: мелких аметистов семнадцать, по 1 руб. сер. за каждый — на

---

⁶⁴⁹ Матерь Божия Иисус Христос (греч.) – сокращенный вариант написания, принятый в иконописи.

17 руб. сер., тринадцать мелких аквамаринов голубых, по 2 руб. сер. — на 26 руб. сер., один аквамарин желтый небольшой, ценою в 1 руб. сер., три средних белых топаза, на 90 коп. сер. Всех камней на одежде Спасителя тридцать четыре — все в серебряной оправе. На окладе и ризе сей иконы камней всех пород, больших, средних и мелких с композициею 172. Все камни, кроме двух аметистов сердечками на ризе Спасителя и пяти аметистов на ризе Богоматери и одной крупной жемчужины, сверх оправы, обведены мелким правским жемчугом, коего употреблено до 18 золотников, на 150 рублей сер.

В кивоте, заменяющем левый клирос, поставлен образ Тихвинской Божией Матери, на доске длиною 5 четвертей, а шириною 15 вершков. Оклад, риза и венцы шиты разным золотым материалом и украшены разной величины камнями, именно: в ризах Спасителя и Богоматери больших аметистов 2, по 10 руб. сер., на 20 руб. сер., средних аметистов 32, по 3 руб. за каждый, на 96 руб. сер., мелких 41, по 80 коп. за каждый, на 32 руб. 80 коп. Средних аквамаринов 2, по 1 руб. 50 коп., на 3 руб., среднезеленых аквамаринов 14, по 40 коп., на 5 руб. 60 коп., мелких аквамаринов 6, по 25 коп., на 1 руб. 50 коп. сер.; тяжеловесов 22, из них 5 крупных, по 2 руб. за каждый, и 17 мелких, по 1 руб., всех на 27 руб. сер.; белых топазов 10 на 1 руб. 50 коп., один яхонт, осыпанный стразами и три богемских сердолика. Кроме того, риза Богоматери украшена тремя звездами со стразовыми лучами, в середине их по одному крупному небольшому аметисту, по 18 руб. за каждый, на 54 руб., а на ризе Спасителя четыре круглые звезды из тяжеловеса в серебряной оправе. Всех камней на ризах, кроме звезд, 125; все обведены средним правским жемчугом.

В венцах больших аметистов 3 на 30 руб. сер., средних 18 по 3 руб., мелких 21 по 80 коп. сер., всех аметистов на 100 руб. 80 коп., тяжеловесов 10 на 10 руб., мелких топазов 26 на 2 руб. 60 коп. сер. Слова $\text{M}\rho\text{̄}\text{O}\omega\text{̄}$ ⁶⁵⁰ в вышитых золотом венках, — в них по одному небольшому аквамарину. А слова $\text{O}\omega\text{̄}\nu$ ⁶⁵¹ в венках из 16 аметистов средней величины вышиты и обведены мелким правским жемчугом; в середине сих слов три бриллиантовых звездочки, в которых по одному продолговатому зеленому аквамарину. Камней в венках кроме бриллиантовых зерен 101; все сверх оправы обведены мелким правским жемчугом. При сей иконе, кроме звезд и бриллиантовых зерен, разных пород и величины камней 243; жемчугу правскаго 25 золотников

---

⁶⁵⁰ Матерь Божия (греч.) — сокращенный вариант написания, принятый в иконописи.

⁶⁵¹ Сущий (греч.)

2) Александровский собор

Александровский собор, в честь св[ятого] благоверного великого князя Александра Невского, заложенный по благословенной грамоте преосвященного Иустина, епископа Пермского, 22 августа 1814 г., вновь перестроен с самого основания по благословенной грамоте преосвященного Евлампия, епископа Екатеринбургского, 26 июня 1836 г.⁶⁵² Собор сей каменный, трехпрестольный, в один этаж, с колокольнею довольно красивой архитектуры. Длинною с алтарем 26 сажень, а шириною 16 саж. Колокольня состоит из 3 ярусов, имеет вид четвероугольного столба, который, по мере возвышения своего, уменьшается в объеме. Кровля храма и колокольни утверждена на деревянных стропилах и со всех сторон покрыта железными листами, окрашенными зеленою малахитовою краскою.

Кровли на храме и алтаре дугообразные и круглые. Главный трибун или фонарь крестчатый утвержден на четырех шестигранных больших столбах и украшен 12 пилястрами коринфского ордена; а малые четыре фонаря, возвышающиеся на углах сего собора, украшены 32 пилястрами. Все фонари с окнами, у коих перемычки полуциркульные. Кровли на фонарях круглые; утверждены на деревянных стропилах и покрыты железом, окрашенным малахитовою краскою. Карниз церкви и осмерика простой работы; на фонарях, на колокольне и на алтаре кресты четвероконечные и под ними шары или маковицы медные, вызолоченные червонным золотом чрез огонь. Шпиц на колокольне и шейки под всеми крестами из белого железа. Стены собора снаружи оштукатурены и выбелены, обведены простым карнизом и украшены 16 пилястрами с капителями коринфского ордена. С западной, северной и южной сторон устроены входы в церковь. Над двумя последними из них возвышаются зонты⁶⁵³, утвержденные каждый на 6 круглых колоннах, с капителями коринфского ордена, и покрыты железом, окрашенным малахитовою краскою.

Алтарь состоит из полукружия, длиною от горнего места до царских врат четыре сажени один аршин; шириною пять сажень один аршин. В нем всего пять окон в верхнем ярусе и четыре внизу; последнее с железными решетками.

Внутренность Александровского собора устроена в виде четвероконечного креста. От предалтарного иконостаса до западного входа

---

⁶⁵² Закладка перестраиваемого собора состоялась 26 июня 1838 г. Освящение главного престола в честь св. благоверного князя Александра Невского состоялось 21 сентября 1852 г. (*Лавринов В. Указ. соч. С. 188*).

⁶⁵³ Зонт – металлический навес над входом.

в оный длиною 10 саж. 1 арш., ширин[ою] 7 саж. 2 арш. В нем по одному окну на клиросахверху и внизу; а прочие двенадцать в фонаре.

На северной стороне Александровского храма, чрез арку, придел в честь святителя и чудотворца Николая, на южной, чрез подобную же арку, придел в честь Воскресения Христа Спасителя. На западной стороне, чрез три продолговатые небольшие арки, трапеза длиною 4 сажени, шириною семь сажен и два аршина; над нею возвышаются хоры для певчих. Трапеза и хоры покрыты, по деревянным стропилам, листовым железом, окрашенным зеленою малахитовою краскою. В оной на северной и южной сторонах по одному окну, в верхнем ярусе по одной арке, ведущих в трапезы приделов. На западной стороне четыре окна: два в верхнем ярусе и два внизу; последняя с железными решетками. На этой же стороне, в полуциркульной арке, отделяющей трапезу от притвора, устроена деревянная четырехстворчатая, с внутренним железным замком, дверь, над которою полуциркульное большое окно. Притвор храма длиною две сажени и один аршин, шириною три сажени и семь четвертей. В нем на северной и южной сторонах 4 венецианские окна — два в верхнем ярусе и два внизу; последние с железными решетками. На западной — чрез арку следует основанная на четырех сводах паперть, над которою возвышается колокольня.

Паперть длиною $3\frac{1}{2}$ саж., шир[иною] 3 саж. 9 четвертей. В ней на север устроены простые деревянные двери, с внутренним замком, ведущие в библиотеку; на южной стороне тоже простые деревянные двери, ведущие в комнату на три окна с железными решетками, из которой устроен ход на хоры и колокольню. На западной стороне двойные двери, ведущие на каменное, о 9-ти ступенях, крыльцо. Одни из них деревянные с внутренним замком, другие железные, решетчатые, с наружным висячим замком. Окно в паперти одно полуциркульное, устроенное в западной арке над дверями.

На южной стороне придел во имя Воскресения Христова, заложенный по благословенной грамоте преосвященного Иустина, епископа Пермского, 22 августа 1814 года, в одно время с главным храмом; освящен преосвященным Ионою, епископом Екатеринбургским 23 мая 1854 года. Придел сей каменный, в один этаж. Кровля утверждена на деревянных стропилах и со всех сторон покрыта железными листами, окрашенными зеленою малахитовою краскою. Над алтарем этого придела возвышается один из вышеписанных малых осьмиконных фонарей. Алтарь при этом приделе длиною от горнего места до царских врат две саж. и $5\frac{1}{2}$ четвертей, шириною 3 саж. и 7 четвертей. В нем четыре окна на восток и юг — два в верхнем ярусе и два

внизу; последние с железными решетками. На северной стороне две впадины вроде небольших глухих арок.

Внутри Воскресенского придела, от предалтарного иконостаса до западного входа в оный, длины 7 саж., ширины четыре сажени. В нем на север открытая вышеозначенная арка, отделяющая придел главного храма; на юг три окна в верхнем ярусе и три внизу, последние с решетками. На южной же стороне устроены двойные створчатые двойные двери, ведущие на каменное, о девяти ступенях, крыльцо; одни деревянные двери, до половины стеклянные, с внутренним замком, другие — железные, решетчатые, с наружным висячим замком. На запад, чрез открытую арку, следует небольшая трапеzia, длиною в 2½ саж., шириною 4 саж. В ней на юг два окна: одно вверху, другое внизу; последнее с железною решеткою. На север вышеозначенная арка в трапеziu главного храма. Вверху возвышается один из вышеписанных осьмикоконных фонарей. На западной стороне в верхнем ярусе окно, а в нижнем — деревянные филейчатые двери, ведущие в большой, об одном окне с железною решеткою, притвор, из которого на север дверь в комнату церковниц, на юг — двери деревянные, с внутренним замком, на небольшое каменное о 8 ступенях крыльцо.

На северной стороне придел во имя святителя и чудотворца Николая, заложенный в одно время с главным храмом, по благословенной грамоте преосвященного Иустина, епископа Пермского, 22 августа 1814 г., освящен преосвященнейшим Ионою, епископом Екатеринбургским, 8 июня 1853 года. Придел сей каменный, в один этаж. Кровля утверждена на деревянных стропилах и со всех сторон покрыта железными листами, окрашенными зеленою малахитовою краскою. Над алтарем этого придела возвышается один из вышеписанных осьмикоконных фонарей. Алтарь при этом приделе длиною от горнего места до царских врат две сажени и пять с половиною четвертей, шириною три сажени и семь четвертей. В нем четыре окна на восток и север — два в верхнем ярусе и два внизу, последние с железными решетками. На южной стороне две впадины, вроде небольших глухих арок.

Внутри Никольского придела, от предалтарного иконостаса до западного входа в оный, семь сажень длины и четыре сажени ширины. В нем на юг большая открытая арка, отделяющая придел от главного храма. На северной стороне три окна в верхнем ярусе и три внизу, последние с железными решетками. На этой же стороне устроены двойные, створчатые двойные двери, ведущие на каменное, о 9 ступенях, крыльцо; одни из них деревянные, филейчатые, до половины стеклянные,

ные, с внутренним замком, другие железные, решетчатые, с наружным висячим замком. На запад чрез открытую арку следует небольшая трапеза, длиною две с половиною сажени, шириною четыре сажени. Над нею возвышается один из вышеписанных осьмиоконных фонарей. В трапезе на северной стороне два окна: одно вверху, а другое внизу с железною решеткою. На юг вышеписанная арка в трапезу главного храма. На западной стороне в верхнем ярусе окно, а внизу деревянные, филейчатые, створчатые двери, с внутренним замком, ведущие в маленький, об одном окне с железною решеткою, притвор, из которого двойные двери на север и юг. Северные двери ведут на каменное, о 10 ступенях, крыльцо, а южные — в комнату церковниц. Полы, как в главном Александровском храме, так и в приделах, деревянные, окрашенные белилами на масле. Печей в Александровском соборе нет.

В алтаре Александровского храма находятся следующие иконы, пожертвованные разными благотворителями: 1) икона Тихвинской Божией Матери; серебра на ризе и венцах, с камнями, один фунт семьдесят два золотника; икона сия пожертвована чиновником Михаилом Петровичем Морщаковым в 1856 году; 2) икона Божией Матери, стоящей при кресте; пожертвована купцом Михаилом Егоровичем Клоповым; 3) икона святителя Митрофана, Воронежского чудотворца, в серебро-позлащенной чеканной ризе с таковым же венцом — 84 пробы, 1843 г., весом один фунт двадцать восемь золотников; икона сия пожертвована Михаилом Васильевичем Корчемкиным; 4) икона св[ятых] апостолов Петра и Павла, мученицы Софии и трех дочерей ее: Веры, Надежды в Любви, св[ятого] князя Владимира, св[ятого] Николая, мучеников: Вениамина, Валериана, мученицы и царицы Александры, св[ятой] Анны пророчицы и Марии Магдалины, в серебро-позлащенной чеканной ризе, с таковыми же 11 венцами — весу 1 фунт[а] 75 золотн[иков]: икона сия пожертвована детьми генерал-майора П. Е. Ахматова в 1854 году.

3) Церковь Божией Матери Всех скорбящих Радости

Церковь Божией Матери Всех скорбящих Радости, заложенная по благословию преосвященного Дионисия, епископа Пермского, 1823 года, освящена 1832 года, ноября 22 дня, Аркадием, епископом Пермским. Церковь сия каменная, однопрестольная, в два яруса, без колокольни, довольно красивой архитектуры — наподобие параллелограмма, с выдавшимся за лицевую сторону корпуса полукруглым алтарем; высота ее с крестом 12½ саж. Кровля на храме и алтаре

утверждена на деревянных стропилах и со всех сторон покрыта железными листами, окрашенными зеленою малахитовою краскою. На алтаре кровля дугообразная и круглая. Главный фонарь украшен лепною работою и двумя карнизами; кругом фонаря, в осьми полукружиях, написаны красками страсти Христовы и храмовая Богородичная икона. Две главы, возвышающиеся на церкви, шаровидные, с четверокопечными крестами и шейками из белого железа. Алтарь состоит из полукружия, длиною от горнего места до царских врат 2 саж. 10 вершков, шириною 5 саж. В нем три окна с решетками.

Внутри церкви, на южной стене, в верхнем ярусе, одно окно, а внизу также одно окно и две арки, ведущие в небольшой придел; на северной стороне, в верхнем ярусе, пять окон, а внизу одно окно и три арки, ведущие в каменный пристрой, в котором три окна обращены на север и одно на восток. На западной стороне этого пристроя дверь, ведущая в ограду.

На западной стороне церкви три арки, ведущие в квадратную, в пять сажен, трапезу, в которой: на северной стороне два окна, на южной — два и двой створчатые двери: одни ведут на паперть, а другие — на хоры; на западной же стороне двери, ведущие в столовую, из которой в южной стене устроен вход для сестер, как в столовую, так равно и в трапезу.

Потолки, как в храме, так и в алтаре и трапезе, деревянные плоские. Печей в церкви 8: все изразцовые. Церковь сия сооружена иждивением монастыря.

4) Церковь Введения Божией Матери

Церковь Введения Божией Матери, заложенная по благословению Дионисия, епископа Пермского, 1823 года, освящена 1865 года, июня 23 дня, Митрофаном, епископом Екатеринбургским. Церковь сия каменная, однопрестольная, в два яруса, без колокольни, довольно красивой архитектуры, на подобие параллелограмма, с выдавшимся за лицевую сторону корпуса полукруглым алтарем. Длинною с алтарем 10½ сажен., шириною 6½ саж. Кровля храма утверждена на деревянных стропилах и со всех сторон покрыта железными листами, окрашенными зеленою малахитовою краскою. На алтаре кровля дугообразная и круглая. Фонарь с наружной стороны украшен лепною работою, двумя карнизами и восьмью полукружиями. Две главы, возвышающиеся на церкви, шаровидные, с четверокопечными крестами. Главы и кресты медные, позолоченные чрез огонь, а шейки под ними из белого железа.

Алтарь состоит из полукружия, длиною от горнего места до царских врат три с половиною сажени, шириною 5 саж. и 1 аршин. В нем пять окон без решеток. Внутри Введенской церкви, от предалтарного иконостаса до западной стены оной, длины 6 саж., ширины 5½ сажени. В нем на южной стене, в верхнем ярусе, одно окно и двери, ведущие на хоры, а внизу также одно окно. На северной стороне, в верхнем ярусе, одно окно и двери, ведущие с хор в церковную кладовую в пять окон, а внизу также одно окно. На западной стороне в верхнем ярусе, на хорах, одно венецианское окно, а в нижнем три окна, из которых одно венецианское. Все окна в Введенской церкви без решеток. Двери южные и северные двойные створчатые, филейчатые, столярной работы с внутренними замками. Первые ведут на лестницу в комнату настоятельницы, а другие на лестницу, при спуске с которой следуют двери двойные створчатые, столярной работы, ведущие на крыльцо.

Трапезы при этой церкви нет. Церковь сия устроена над самыми монастырскими святыми воротами, собственным иждивением монастыря.

5) Церковь Всех Святых⁶⁵⁴

Всесвятская церковь заложена и сооружена по указу Пермской консистории от 7 августа 1817 г. Первоначально она была часовнею, а с 1822 года обращена в церковь по благословенной грамоте Иустина, епископа Пермского. Церковь сия каменная, однопрестольная, в виде круглоконечного креста. Длинною с алтарем 6 сажени, шириною 4½, а высотой с крестом 6½ сажени. Кровля храма дугообразна, утверждена на деревянных стропилах и со всех сторон покрыта железными листами, окрашенными зеленою малахитовою краскою. Глав на алтаре и церкви две — обе деревянные, шаровидные, обиты белым железом, кресты на них цельные железные, четвероконечные, окрашенные желтым кроном, а шейки под главами выкрашены белою краскою. Церковь сия устроена иждивением монастыря на том самом месте, где погребены блаженные Андрей и Василий, жившие в прошлом столетии⁶⁵⁵. Алтарь состоит из полукружия, длиною от горнего места до царских врат 5½ арш., шириною 5 аршин. В нем три полуциркульные окна без решеток. Внутри Всесвятской церкви, от предалтарного

---

⁶⁵⁴ Описанная В. Иконниковым Всехсвятская церковь по причине ветхости была разобрана около 1898 г. и на ее месте в 1900 г. была заложена новая одноименная однопрестольная каменная церковь в византийском стиле, освященная 1 сентября 1902 г. (*Штейнфельд Н. П.* Указ. соч. С. 36–37; *Лавринов В.* Указ. соч. С. 195).

⁶⁵⁵ В XVIII в.

иконостаса до западного входа в оную, 11 арш. длины и 4 саж. ширины. В ней на южной стене четыре окна, из которых три в полуциркуле и одно у входа в церковь. На северной стене тоже четыре окна, из коих три в полуциркуле и одно у входа. На западной стороне устроены двери, ведущие в полуциркульную, деревянную штукатуренную паперть, и из нее на север идет дверь, ведущая на крыльцо.

б) Церковь св. Феодосия Тотемского

Церковь в честь преподобного Феодосия Тотемского, заложенная еще при игуменьи Таисии, освящена высокопреосвященнейшим Неофитом, архиепископом Пермским и Верхотурским 17 июля 1866 года. Церковь сия каменная, в два яруса, однопрестольная, без колокольни, довольно красивой архитектуры, наподобие параллелограмма, с выдавшимся за лицевую сторону корпуса полукруглым алтарем. Длинною с алтарем восемь сажен, шириною 6 саж. и 1 аршин, вышиною с крестом двенадцать с половиною сажен. Кровля на храме и алтаре утверждена на деревянных стропилах и со всех сторон покрыта железными листами, окрашенными зеленою малахитовою краскою. На алтаре и храме кровли дугообразные и круглые. Главный фонарь украшен лепною работою и двумя карнизами; кругом фонаря восемь полукружий, обведенных тонким карнизом. Две главы, возвышающиеся на храме и алтаре, шаровидные, с четвероконечными железными крестами и шейками, вызолоченными на гульфальбу⁶⁵⁶. Алтарь состоит из полукружия, длиною от горнего места до царских врат семь аршин и семь вершков, шириною пять сажен и две четверти. В нем три окна с железными решетками. Внутри Феодосиевской церкви, от предалтарного иконостаса до западного входа в оную, длины три с половиною саж., ширины шестнадцать аршин. В ней на южной стороне две деревянные, украшенные вызолоченною резьбою, арки, поддерживающие боковые хоры, три окна в верхнем ярусе и три внизу; последние с железными решетками. На северной стороне тоже две деревянные, украшенные вызолоченною резьбою, арки, поддерживающие боковые хоры; одно окно в верхнем ярусе и одно внизу; последнее с железною решеткою. Кроме того, на северной стороне устроены двойные створчатые двери с внутренними замками, столярной работы, разделанные под орех, ведущие в кельи настоятелей. На западной стороне, в верхнем ярусе, три продолговатые арки, за которыми устроены хоры для певчих; а внизу под хорами трой двери

---

⁶⁵⁶ Гульфальба, точнее, гульфарба — специальный состав, наносимый под золочение на дерево, полотно, стекло или металл.

столярной работы, разделанные под орех, ведущие в трапезу. Из трапезы следуют двери на юг и на север арка; первые створчатые, с внутренним замком, окрашенные белилами, ведут в коридор, из которого устроен ход на деревянное крыльцо; другая ведет на паперть. Потолки как в храме, так и в алтаре и трапезе деревянные плоские, выкрашенные, как и стены и колонны арок, голубою краскою. Печей в Феодосиевской церкви 2: обе изразцовые.

Церковь сия сооружена иждивением монастыря при 3-й игуменьи Магдалине⁶⁵⁷.

В Александровском соборе совершается богослужение с 9 мая до сентября и долее; в Успенской церкви тоже с мая до сентября, а в приделе ее Тихвинской Божией Матери совершаются зимою утрени и ранние литургии в воскресные и другие праздничные дни. В церкви Всех скорбящих, в воскресные и праздничные дни совершаются зимою постоянно всенощное бдение с вечера и поздняя литургия, а также и повседневное служение. В церквах Введенской и Феодосиевской совершается богослужение летом и зимою в случающиеся праздники икон местных и прочих, имеющихя на иконостасе. Богослужение совершается в монастыре ежедневно: утреннее, литургия поздняя и вечернее; звон к утрени бывает в 4 часа, к литургии в 9 час[ов] и к вечерне в 4 часа пополудни. Кроме сего, отправляется богослужение всенощное и ранние литургии, в среду и субботу. Бывают заказные сорокоусты и отправляются заупокойные всенощни и ранние литургии. На каждый воскресный день и на табельные торжественные праздники всегда совершается всенощное богослужение, звон к которому бывает в 5 часов вечера, а в самый праздник, утрениа бывает в 4 ч[аса], ранняя литургия в 6 ч[асов] и поздняя в 9 часов.

При богослужениях в праздничные дни, присутствуют все живущие в монастыре, а в простые или будничные дни бывают старшие сестры монастыря и прочие сестры, имеющие довольно свободного времени от монастырских послушаний. Чтение и пением при богослужениях занимаются монахини и послушницы; пение же бывает партесное, придворное и древне-церковное.

---

⁶⁵⁷ При игуменнии Магдалине (Неустроевой).

**Церемония заложения храма во имя праведного
Симеона Верхотурского на Булзинской заимке⁶⁵⁸**

1881 года 12 мая преосвященнейшим Вениамином, епископом Екатеринбургским, было совершено заложение каменной церкви во имя праведного Симеона, Верхотурского чудотворца, на Булзинском хуторе, принадлежащем Екатеринбургскому Ново-Тихвинскому девичьему монастырю.

Хутор этот находится в 90 верстах от г.Екатеринбурга, с левой стороны Челябинского тракта, и занимает пространство в 500 с лишком десятин. Земля пожертвована монастырю в разное время чиновницей Горбуновой и братьями Карповыми. При пожертвовании на этой земле был устроен небольшой балаган, и сестры монастыря, приезжавшие для посева и уборки хлеба и сена, раскладывали около балагана огонь и приготавливали тут пищу, а спали в балагане, где во время дождя промокали, как говорится, до костей. В настоящее время в хорошо устроенных игуменьей Екатеринбургского монастыря домах постоянно живут до 30 сестер и 10 рабочих, а в летнее время это количество увеличивается вдвое. Засевается ежегодно около 100 десятин и собирается сена до 1000 копен при хорошем урожае.

Громадное болото и березовые рощи — вот что представляется при въезде в эту местность. Зимой во время метели местность эта кругом заносится снегом, так что долго не бывает проезда. Дальность расстояния от церквей (самая ближайшая Булзинская находится в 10 верстах) и трудность сообщения не давали возможности проживающему там люду, не говоря о посещении храма, даже исполнять священный христианский долг исповеди и св[ятого] причащения; для исполнения этого долга все должны были приезжать в Екатеринбургский монастырь. Для ежегодного отправляемых молебствий по полям большею частью приезжал туда монастырский священник.

Такое положение людей, вверенных попечению и заботе настоятельницы Екатеринбургского Тихвинского монастыря игуменьи Магдалины, вынудило ее приступить тут к устройству хоть небольшой

---

⁶⁵⁸ Описание церемонии было дано в газете «Пермские епархиальные ведомости» анонимным автором под псевдонимом «Очевидец». В данном приложении текст статьи воспроизводится полностью (С Булзинского хутора // ПЕВ. 1881. № 25. Отдел неофиц. С. 283–286).

церкви. Глина, удобная для кирпича, а также камень и известь оказались в недалеком расстоянии от хутора. Все благоприятствует тут к устройению храма. Жители окрестных сел и деревень сами — по собственному своему усердию — вырыли часть рвов для фундамента церкви и отвезли в указанное место всю вынутую землю. Живущие там сестры монастыря своими руками вынули землю под престол.

Наконец все предварительные работы оканчиваются.

9-го числа приезжает сюда сама настоятельница Екатеринбургского монастыря с певчими, а 10-го — один из священников монастыря с диаконом. В это же 10-е число привезены были из завода 4 небольших колокола, заказанные г. игуменьей предварительно. Как только явились колокола, сейчас же по уставу церкви они были освящены и повешены на предварительно поставленные столбы. Трудно описать восторг жителей и собравшегося народа! С неподдельными слезами радости и коленопреклоненные услышали они первый звук колокола, огласивший дикую пустыню. Да! Действительно лет 70 назад это место было дикую, непроходимую, обитаемую зверями пустынею.

Существующий теперь недалеко от хутора чрез болото и маленькую по нему речку мост носит название Кизилловского. Существующая дорога к хутору и мост устроены в последнее время старанием Екатеринбургского монастыря. По объяснению старожилков, мост получил такое название от жившего некогда тут татарина Кизилла. Жаль, что за краткостью пребывания там мне не удалось разузнать — один ли только этот татарин жил тут, или он более других чем-либо выдавался, и в чем заключалось его занятие. Один из молящихся, седой как лунь, рассказывал, что он помнит, как покойная мать его, проезжая мимо того места, где начали селиться монахи, всегда со слезами на глазах говаривала: «Как Господь прославил это место! Не подвергаясь опасности, раньше нельзя было проезжать тут, а теперь живут тут люди, которые угождают Богу». Опять жаль, что объяснить он не мог, в чем заключалась опасность проезда. Вероятно, болото, звери и татарские набеги на проезжающих служили главною причиною страха. И долго, долго с обнаженными головами стоял около колоколов народ и слушал их звуки!..

11-го числа, в 4 часа пополудни, прибыл преосвященный Вениамин, епископ Екатеринбургский, проездом из Далматовского села, где он освятил три храма, и при звуке четырех колоколов встречен был священником монастыря с диаконом, настоятельницею Екатеринбургского монастыря с сестрами и собравшимся народом. Строго мо-

нашеское и в то же время приятное лицо владыки и его величественный вид произвели сильное впечатление на собравшийся народ, в числе которого немало было и таких, которые совсем не видали ни одного архиерея. Владыку сопровождали: ключарь, протодиакон и иеродиакон. Благословивши встретивший народ, владыка отправился в отведенную для него келью.

В 6 часов вечера того же дня монастырским священником с диаконом и певчими совершено было всенощное бдение святому и праведному Симеону. В пении приняли участие протодиакон и иеродиакон. Моленная комната далеко не могла вместить в себе всех молящихся: на крыльце и улице около дома стоял народ и молился.

12-го числа поутру явились из ближайших сел три священника, а к 8 часам принесены были из Булзинского храма св[ятые] иконы. Иконы сопровождал местный священник с диаконом. Крестный ход был встречен с иконами же из моленной монастырским священником с диаконом и певчими.

Дождь, шедший ночью часа три кряду, не подавал никакой надежды увидеть много народа; но усердию молящихся ничто не препятствовало.

С крестным ходом и с других сторон к 9 часам собралась масса народа. На случай защиты от дождя на месте, приготовленном для совершения богослужения, была на скорую устроена на 4-х столбах палатка, крытая полотном. Но вдруг погода прояснилась. К 9 часам явился на место заложения храма владыка и по обряду церкви, в сослужении 6 священников, совершил самое заложение. После обряда заложения по воле владыки был пропет молебен св[ятому] праведному Симеону с молитвой при коленопреклонении. Чрезвычайно трогательны были минуты при постановке креста, заложении плиты, во время пения «Царю небесный» и за коленопреклонением! Положенные при освящении псалмы и другие песни певчие пели стройно, с чувством и выразительностью. Молитвы читал сам владыка. Все молящиеся составляли как бы одну душу и одно тело. Тишина была невозмутимая...

По окончании освящения и молебна владыка отправился в свою келью. В общей трапезной в 1 час дня владыка удостоил своим присутствием и собеседованием всех собравшихся священников. По усиленной просьбе окружающих владыка решил еще переночевать на хуторе и 13 числа в 7 часов утра, напутствуемый благожеланиями народа, отправился в Екатеринбург.

По отъезде владыки, взявши из моленной св[ятые] иконы Булзинской церкви и принадлежащие хутору, монастырский священник

с диаконом и певчими отправился, в сопровождении настоятельницы Екатеринбургского монастыря, сестер, не разошедшегося еще и вновь явившегося народа для молебствия по полям. Молебствие продолжалось 5 часов кряду с остановками для отправления молебнов в 7 местах. На каждой остановке в конце молебнов была читана молитва с коленопреклонением о ниспослании дождя. В конце всего был отслужен благодарный молебен и пропета лития за упокой жертвователей земли, и иконы Булзинского храма были провожены на свои места.

Так закончилось заложение храма на Булзинском хуторе — и вот впечатления, какие у каждого из присутствующих остаются в памяти навсегда.

**Празднование столетнего юбилея Ново-Тихвинского
женского монастыря в городе Екатеринбурге⁶⁵⁹**

Первый день юбилейных торжеств совпал с престольным праздником в одной из церквей монастыря. По сему случаю все монастырское духовенство соборно еще накануне 24-го совершило всенощное бдение в приделе Тихвинской церкви⁶⁶⁰. Богослужение по случаю массы молящихся совершалось при открытых дверях и окнах. Стройно и гармонично звуки торжественного церковного пения разливались из окон храма и достигали слуха богомольцев, к 5 часам вечера уже наполнивших монастырскую ограду. Все это были простые русские люди, в глубине сердца своего сохранившие еще огонь веры. Современный интеллигент, все более и более теряющий почву веры, попадался лишь изредка. Вот на могилах давно забытых протоиереев Дьяконова и Бенедиктова остановились двое из них, один читает надгробные надписи, а другой укоризненно кому-то кивает главою. «Да, такого умницу, проповедника (Бенедиктова) и такого подвижника-миссионера (Дьяконова) и уже забыли», говорит он. «Ведь это были светила в свое время, а вот и оградки нет на могилах и панихидки никто не отслужит».

Но вот всенощное бдение кончилось. Народ потянулся из церкви, еще более заполняя монастырские двory. Все это утомленные постом и молитвою загорелые лица. По всему видно, что сила веры привела их сюда из далека. После службы многие из них направились к источнику попить холодной ключевой водицы, вытекающей из креста, а другие пошли под монастырские навесы-палатки попить чайку, услужливо предлагаемого богомольцам монахинями бесплатно. Так кончился канун праздника. Скоро за монастырской стеной водворилась тишина, и только с площади, где по случаю праздника открылась уже Тихвинская ярмарка, изредка доносился сюда ярморочный шум.

На другой день, 24 июня, с утра снова торжественные богослужения: ранняя литургия совершалась сразу в трех церквах — Феодосиевской, Скорбященской и Всехсвятской, а поздняя в Тихвинской

⁶⁵⁹ Воспроизводится по изданию: *Обтемперанский А.* Указ. соч. // ЕЕВ. 1910. Отдел неофиц. № 25. С. 500–505; № 26. С. 518–522; № 27. С. 543–544, 551–553. В данном приложении не воспроизведены тексты приветственных телеграмм, имеющиеся в очерке А. Обтемперанского.

⁶⁶⁰ Имеется в виду Тихвинский придел Успенской церкви.

церкви. А затем с крыльца храма начались чтения для народа, привлекая массу слушателей. Чтения были разделены на три отдела и прерывались умильными церковными песнопениями. Читали о явлении иконы Божией Матери, о ее снимках и чудесах, о первых обитательницах и устроительницах Екатеринбургского монастыря, об их образе жизни, о принесении св. иконы, об устройстве храмов, о значении монастырей и прочем]. Толпы народа с умилением слушали чтения.

В три часа дня начался звон «на собор». Массы богомольцев устремились в обширный Александровский собор. Как ни много их было, но тесноты в храме не было заметно. Скоро вышло на водосвятный молебен все монастырское духовенство вкуче и с прибывшими из епархии. Торжественная обстановка, стройное и гармоническое пение и чудная живопись по стенам всего обширного храма производили на простые сердца молящихся глубокое впечатление. На многих лицах можно было видеть искренние слезы умиления.

В 5½ ч[асов] начался звон ко всенощной. Всенощную совершало монастырское духовенство вкуче с прибывшим духовенством во дворе под открытым небом. Около Александровского собора был раскинут большой шатер, украшенный зеленью. В этом шатре поместилось духовенство, певчие и часть молящихся. Главные же массы богомольцев стояли в дворе. Служба совершалась заупокойная по основательнице монастыря игумении Таисии и ее сотрудницам.

Но все эти богомоления были только еще преддверием к настоящему торжеству.

25-го июня с утра началось особенное оживление в монастырском дворе. В церквях совершались литургии одна за другой: сначала ранняя в 6 часов, затем заупокойная в Тихвинской церкви с панихидою после нее на могиле игумении Таисии, а затем в 8 часов началась поздняя литургия в Александровском соборе. Монастырские храмы не вмещали массы молящихся. Большинство богомольцев стояло во дворе. Около десяти часов начало собираться к Александровскому собору приходское духовенство в сопровождении своих крестных ходов. На глазах тысяч молящихся хоругви разных церквей медленно склонялись при встрече друг с другом и стройно становились в ряды. Вот показалась и св. Тихвинская икона Божией Матери, вся украшенная цветами и несомая на носилках. Народ с благоговением осеняет себя крестным знамением и взоры всех устремляются по направлению к иконе. В дверях появляется уже и духовенство со старейшими протоиереями и о[тцом] благочинным во главе. Поднимаются кресты

в руках хоругвеносцев, колеблются хоругви, развеваемые легким движением ветерка и крестный ход направляется к выходу из монастырской ограды. Тысячи богомольцев с верою устремляются во след почитаемой святыне, но в воротах встречают преграду. Ряды городских, пропустив крестный ход, скоро смыкаются, задерживая толпу. Волна богомольцев отливает назад. Многие начинают искать иного выхода, чтобы только как-нибудь попасть за крестным ходом. От кого-то узнают, что в монастырской ограде есть за рощей особые калитки, и многие бегут по монастырской ограде, отыскивая их. Одни не находят дороги и со вздохами возвращаются к храму, укоряя себя: «вот мы деревенщина, чего бежим, все равно не найдем». Другие же попадают во вторую ограду и чрез рощу добираются до противоположного края ограды.

Вот почтенный, убеленный сединою старец, увидев заветную калитку, бежит что есть силы, совершенно забыв и о своей старости. Он уже у калитки, но вход в нее прегражден толпою, а стройное пение доносится уже откуда-то близко. Недолго думая, старец, как и многие другие, спешит взобраться на каменную ограду. Ноги его скользят по камню, он обрывается и падает вниз на поросшую травой землю. Неудача не устрашает верующее сердце, старец поднимается с земли и снова пытается взобраться. На этот раз такая же дряхлая старушка, как и он, оказывает ему помощь. Еще минута — и оба они на каменной стене. Их сердца слились в одном общем чувстве и руки благоговейно поднимаются над их головами для ограждения их крестным знамением. Из-за ограды показались уже хоругви. Крестный ход приближается к столпившимся около отверстия в ограде и разместившимся и на стенах, и на земле. Хоругвеносцы остановились, остановились и певчие, и духовенство, и все, участвовавшие в крестном ходе. Слышится торжественный и умильный припев: «Пресвятая Богородица, спаси нас!» Вся масса богомольцев еще раз поднимает руки над головами своими, еще раз ограждает себя крестным знамением, и торжественное шествие с иконами продолжается, направляясь на Уктусскую улицу, а затем и к святым воротам монастыря. Здесь преклоняются колена тысяч собравшихся на юбилейный праздник, и богомольцы с умилением выслушивают молитву ко Пресвятой Богородице. После этого торжественный ход с крестами, хоругвями и св. иконами расходится по святым храмам. Так кончился второй день юбилейных торжеств.

Апогея своего величия и особенной грандиозности юбилейные торжества достигают к вечеру 25 июня. Вечер этого дня — канун праздника Тихвинской Божией Матери, в честь коей назван и самый

монастырь. В виду ожидавшегося прибытия приезжих гостей и предполагавшегося служения самого преосвященного епископа Митрофана, с первых же дней своего прибытия привлечшего к себе сердца всех слоев населения, стечение богомольцев в стенах монастыря оказалось небывалое. Было тесно не только в громадном храме, но и в самой монастырской ограде. Всем хотелось принять посильное участие в редком религиозном торжестве. В 5 часов начался благовест ко всенощному бдению. Скоро прибыл и преосвященный Митрофан, который и совершил в сослужении с настоятелями монастырей, а также с представителями городского и сельского духовенства поистине всенощное бдение. Служба кончилась около 12-ти часов ночи, но так стройно, так величественно и торжественно она совершалась, что время прошло, как бы и не заметно. Даже теснота и вполне естественная при таком стечении народа духота в храме как-то скрадывались, становились менее чувствительными.

Стройно неслись умирительно-торжественные звуки церковных песнопений, исполняемых двумя хорами — архиерейским и монастырским. Звучно, медленно и внятно раздавался голос монахини-канонарха. А оттуда, из алтаря, где предстоял престолу Господню сам святитель Екатеринбургской Церкви с сослужащими ему избранными пастырями, то и дело доходило до слуха молящихся как бы голоса небожителей!! Чье каменное сердце могло не дрогнуть и не принять участие в общей молитве?! И мы видели, как чистые верующие лица простых богомольцев рвались к этому общению в вере со своим архипастырем. Мы слышали их искренние сожаления, когда им не удавалось за теснотой продвинуться поближе, или принять участие в той или иной религиозной процессии. Крестный ход на литии дал возможность принять участие в общей молитве и тысячам тех богомольцев, простых и интеллигентных, коим за недостатком места пришлось поместиться на папертях храма или во дворе его. Но вот крестный ход окончился, и опять для многих настало томление духа. Каждому хотелось приложиться ко святой иконе Божией Матери, каждому хотелось сподобиться помазания освященным на литии елеем. И толпы богомольцев сменяли одна другую, прикладываясь ко св. иконе и подходя к помазующему архипастырю, при чем каждый из подходивших получал благословенный хлеб, листок и образок. Владыка неутомимо стоял на своем месте и всех помазывал св. елеем. Начавшееся по 6-й песне чтение акафиста Божией Матери на время остановило приток богомольцев, задержало их на своих местах. Но вот кончилось умирительное чтение акафиста — и снова толпы верующих потекли ко

святой иконе и святому помазанию. Благодаря умелой распорядительности полиции, порядок не нарушался. Одни, исполнив святой обряд, выходили или направлялись на более свободные места, а другие входили. Хор чудно уже исполнил «великое славословие», вызвав слезы умиления на многих лицах, а толпы богомольцев все еще притекали. В самую полночь служба окончилась. Владыка, преподав благословение всем, уехал из храма.

На другой день с раннего утра еще большее стечение богомольцев. Уже не заметно было преобладания простого народа. На первый взгляд даже трудно было решить, кого было больше, горожан или иногородних. Ранние литургии совершались во всех храмах монастыря. Позднюю литургию совершил сам преосвященный Митрофан в сослужении кафедрального протоиерея Л. Игноратова, настоятеля Верхотурского монастыря игумена Ксенофонта, протоиерея И. С. Корнилова, протоиерея А. Антонинова, протоиерея Екатеринбургского собора Н. Макушина, настоятеля Ново-Тихвинского монастыря протоиерея К. Коровина, благочинного городских церквей протоиерея Н. Сельменского, члена консистории протоиерея В. Лебедева, члена консистории настоятеля Екатеринбургского собора протоиерея Д. Пономарева, настоятеля Далматовского монастыря, священников: настоятеля Златоустовского собора П. Протопопова, Лузинской церкви Л. Золотавина, Н. Дягилева и др.

К поздней литургии с утренним поездом из Перми прибыл и начальник губернии д. с. с.⁶⁶¹ В. А. Лопухин, с чиновником особых поручений, а из городских обитателей прибыли городской голова А. Е. Обухов с супругою и гласные городской думы, председатель Земской управы А. М. Симанов, председательница Красного Креста⁶⁶² г-жа Дедюхина; супруга главного горного начальника и представители Горного управления д. с. с. Деви и д. с. с. П. И. Пауков, доктор Миславский, врач Упоров, д. с. с. Саломирский, командир местных войск, генерал-майор Буткевич, г. полицеймейстер И. Н. Скорупский, секретарь Духовной консистории н. с.⁶⁶³ П. Сребрянский с супругой, епархиальный наблюдатель школ с. с.⁶⁶⁴ Васильев, помощник смотрителя Духовного училища с. с. А. И. Обтемперанский и другие лица. Литургия была совершена не менее торжественно, чем и всенощное бдение. По окончании литургии был совершен крестный ход кругом Александровского собора с остановками на всех четырех сторонах

---

⁶⁶¹ Действительный статский советник.

⁶⁶² Екатеринбургского комитета Российского общества Красного Креста.

⁶⁶³ Надворный советник.

⁶⁶⁴ Статский советник.

его. Цепь, составленная самими богомольцами, едва сдерживала напор толпы, стремившейся хотя бы подойти поближе к проносимым святыням. На всех четырех сторонах собора владыка кропил народ святою водою. При обратном возвращении в собор у дверей храма был совершен отпуст. Произнесено многолетие Государю Императору и всему Царствующему Дому, Св. Синоду, правительствующему синклиту, начальникам и градоначальникам, честной игумении Магдалине с сестрами обители и всем православным христианам.

Закончилось торжество в покоях настоятельницы монастыря, куда направились во главе с владыкой все совершавшие литургию в преднесении креста и иконы Божией Матери и в сопровождении певчих и множества молящихся. Здесь после пения тропаря, сугубой ектении и отпуста приветствовал обитателей монастыря в лице игумении Магдалины Его Преосвященство, обратившийся к настоятельнице монастыря приблизительно с следующими словами: «Приветствую Вас, матушка игумения, а в лице вашем и всех обительниц монастыря с исполнившимся столетним юбилеем. В обители сей воистину нашли себе осуществление слова Господа: “ищите прежде царствия Божия, а остальная вся приложится вам”. Господь прежде всего заповедывал нам заботиться о спасении души, а все материальные блага обещал даровать в результате этих исканий и забот, но не наоборот. Первые насельницы монастыря, очевидно, твердо помнили эту заповедь Господа. Там, где был лес, необитаемое место, они поселились в уединении и удалении от мира, и не для приобретения благ материальных, а для молитвы о спасении своих собственных душ и для призрения бесприютных. А в результате и Богу угодили и положили начало тому материальному благополучию и благоустройству, о коих свидетельствует настоящий вид обители: ее величественные благоукрашенные храмы, ее громадные здания и все ее обширное хозяйство, ведущееся умелыми руками. Да будет и впредь благословение Божие на обители сей. Да не оскудеет она и на будущее время своими духовными трудами в подражание первым насельницам монастыря. А остальное все приложится вам. Аминь».

После приветствия владыки собравшимся был предложен чай. А затем через ½ часа открылось юбилейное заседание. Монахиней монастыря была прочитана история Ново-Тихвинской женской оби-

тели. В краткой записке обитательница монастыря раскрыла пред слушателями, как в 1772 году⁶⁶⁵ в пустом необитаемом лесу несколько простых женщин, искавших в уединении спасения своей души, впоследствии при руководительстве энергичных настоятельниц положили начало доброму делу благотворительности⁶⁶⁶ неимущим, просвещения жаждущих света учения⁶⁶⁷ и сообщения обитателям и всем желающим всяких культурных ремесленных и сельскохозяйственных знаний⁶⁶⁸.

Первым открыл ряд приветствий начальник губернии В. А. Лопухин. «Глубокоуважаемая и честнейшая матушка, — так начал свое приветствие Его Превосходительство, — Ваша обитель принадлежит к числу тех, коими славится и сильна наша святая Русь. Если вспомнить, сколько мятущихся душ нашли в сей обители успокоение своей совести; сколько больных и нуждающихся в приюте нашли здесь и приют, и утешение, и помощь; сколько жаждущих света и практических знаний нашли здесь и то и другое, — то мы поймем ту силу, которую несет с собою в жизни нашего отечества ваша обитель. Я не хочу украшать ее славу своими словами. Она не нуждается в этом. Я сам хочу вместе с вами приобщиться к источнику той силы, которую несет она с собою. Сегодня на молебне после литургии преосвященнейший владыка молился к Покровительнице обители Матери Господа Нашего, да испросит она нам, правителям, мудрость и силу. И я не предлагаю свою власть и влияние прибыл сюда, а сам прошу вашими молитвами приобщить и меня к источнику той силы, которую сильна ваша святая обитель».

После этого выступил на средину зала кафедральный протоиерей Л. Игноратов. От имени всего городского и монастырского духовенства, с запрестольными иконами, о[тец] протоиерей обратился к настоятельнице монастыря игумении Магдалине приблизительно со следующими словами: «Ваше Высокопреподобие и возлюбленные сестры! Исполнилось 100 лет, и мы снова воочию убеждаемся, как

---

⁶⁶⁵ Фактическая ошибка: в 1772 г. было отведено место для кладбища, на котором в 1796 или 1797 г. обосновались первые насельницы богадельни, положившие начало Екатеринбургскому монастырю.

⁶⁶⁶ Сначала открылся приют для престарелых и неимущих, а впоследствии еще и приют для девочек всякого звания, желавших учиться (примечание А. Обтемперанского).

⁶⁶⁷ Школа для детей впоследствии (1808 г.), согласно желанию духовенства, была преобразована в 6-ти классное женское епархиальное училище (примечание А. Обтемперанского).

⁶⁶⁸ См. Историю Епарх. ведом. 1910 г. № __ (примечание А. Обтемперанского). Имеются в виду «Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря», опубликованные в 1910 г. в №№ 5, 7, 9 «Екатеринбургских епархиальных ведомостей».

сила веры из глубины пустых лесов воздвигла святую обитель, в том виде, какую она существует ныне. Духовенство екатеринбургское от души желало бы, чтобы та же сила веры и энергия, какими обладали первые насельницы обители, была дарована и вам. Пусть цветет святая обитель на славу Церкви и на пользу нашего отечества. Мы же вместе с вами будем молиться об этом. В знак же нашего почитания просим принять от нас сии святую икону и святой крест».

Игуменья приложилась ко св. иконе и ко кресту. На средину вышел городской голова А. Е. Обухов, заступающий его место Г. И. Михайлов и члены городской управы С. И. Козицин и С. И. Ардашев. Городской голова обратился к настоятельнице и прочитал следующий адрес:

“Ваше Высокопреподобие, Всечестная мать игуменья Магдалина Степановна.

Многознаменательные дни переживает ныне управляемая Вами святая обитель. Чествуется столетие ее жизни и деятельности. Столетие — как много времени! Сменилось несколько поколений. А обитель все стоит и, благодаря глубокой вере и неусыпному труду руководительниц и насельниц ее, более и более растет, более и более крепнет. Да, многознаменательные дни — и не только для Вас и инокинь, сотрудниц ваших, но и для города Екатеринбурга и для тяготеющего к нему обширного края. Из маленькой бедной общины при кладбищенской городской церкви вырос богатый первоклассный монастырь. Но не в величине и материальном богатстве была цель обители. То и другое само собой пришло. В течение ста лет обитель, по завету Христа, свято блюла свет и истину. Не чуждаясь, по завету же Христа, и человечества, она распространяла просвещение и давала приют неимущим, обездоленным. Что блюла она свет и истину, тому живое свидетельство — ряд новых на Урале по образцу ее обителей с избранными из среды ее игуменьями. Что распространяла она просвещение и давала приют неимущим, обездоленным — тому живые свидетели учебные заведения, и многочисленные воспитанницы, и содержимые обителью вдовы и сироты. Вера и добрые дела всегда были на знамени управляемой Вами обители. Преклоняясь пред высокой миссией обители, мы, представители екатеринбургского общественного управления, от своего имени и от имени представляемого нами городского общества, приветствуя Вас и обитель с празднованием юбилея столетия обители, считаем нравственным долгом выразить самую сердечную, самую искреннюю благодарность Вам и обители, об-

легчавшим путь в просветительном и благотворительном делах городу, а вместе с тем от души пожелать Вам долгих лет, а святой обители стоять, пока мир стоит.

Екатеринбургский городской голова *Александр Обухов*.

Заступающий место Городского головы и член Управы

Григорий Михайлов.

Член Екатеринбургской городской управы *Сергей Козицын*.

Член Екатеринбургской городской управы

Дим[итрий]. Ардашев".

После представителей от города приветствовал обитель председатель Екатеринбургской земской управы А. М. Симанов. «Екатеринбургское уездное земство, — сказал он, — считает своим долгом приветствовать св. обитель с ее столетним юбилеем. Наше земство всегда с уважением относилось к деятельности монастыря, в особенности к его культурным начинаниям в области местного хозяйства. Хутора и монастырские заимки, разбросанные по окрестным селениям, на глазах наших несли в среду простого сельского народа культуру — знание всевозможных ремесел, так развитых в монастырском хозяйстве, и знание усовершенствованных приемов земледелия. Своим примерным трудом старательные сестры обители учили простых сельских обывателей подражать им в трудолюбии. Посему я позволю пожелать обители плодотворного процветания еще и еще на многие годы».

Тот же г. Симанов совместно с церковным старостой кафедрального собора приветствовал обитель и от прихожан собора, причем в знак памяти о таком знаменательном дне г. Макаров поднес настоятельнице св. икону Божией Матери.

После них приветствовала обитель в лице ее настоятельницы председательница общины Красного Креста г-жа Дедюхина, пожелавшая обители и на будущее время расти и крепнуть на пользу немощных и беспомощных.

Затем следовали приветствия: от настоятеля Верхотурского монастыря игумена Ксенофонта; от настоятельницы Каменского Преображенского монастыря, от настоятельницы Колчеданского Покровского монастыря, благодаривших Ново-Тихвинскую обитель за тот добрый пример, каким она служила для обителей, являясь всегда для них путеводною звездой, причем настоятельница Колчеданского монастыря поднесла в знак доброй памяти святое Евангелие в серебряном окладе.

Настоятельница Московского Вознесенского монастыря прислала письменное приветствие и копию со святой иконы покровительницы монастыря.

Сестры Ново-Тихвинской обители в знак признательности за доброе руководство поднесли своей настоятельнице хлеб и соль на блюде.

После них приветствовал игумению Магдалину помощник главного горного начальника уральских заводов, д. с. с. Деви, высказавший свою радость по поводу того, что св. обитель так разумно и плодотворно использовала на пользу ближних тот участок земли, какой в 1772 году⁶⁶⁹ был отведен ей Горным управлением.

Князе-Владимирский монастырь прислал икону своего покровителя св. князя Владимира.

Далее были прочитаны телеграфные и письменные приветствия...

В заключение юбилейного торжества преосвященный Митрофан еще раз призывал благословение Божие на обитель и молитвенно пожелал, чтобы она и на будущее время была прежде всего светочем веры и благочестия и несла с собою в мир те же заповеди — кротости, плача о грехах, искания правды во Христе, чистоты жизни, милосердия и готовности нести крест свой. «Да будут эти заповеди всегда на сердце сестер обители, — сказал владыка. — Пусть они непрестанно упражняются в исполнении их. Видя их подвиг, им будут подражать и другие. Итак, продолжайте служить и Богу и людям. Благословение Божие на всех вас да будет! Всем насельникам обители, способствовавшим ее благоустройству в последнее время, с матерью игумению во главе, и всем, кто почтил торжество обители своим личным присутствием, а равно и тем, кто приветствовал ее издалика письменно, архипастырям и мирянам, великим по положению и малым — многая лета! (Хор исполнил «многая лета».) А всем прежде бывшим на кафедре Екатеринбургской архипастырям, инокиням и благотворителям, потрудившимся во славу обители сей и в мире скончавшимся — вечная память! (Хор исполнил: «вечная память».) Простому люду, которого хотя и нет здесь, но присутствие которого ощущается нами, который силою своей веры, несомненно, много способствовал и благоуукрашению обители и нынешнему торжеству, ради которого он поднял немалый труд путешествия — многая лета!» (Хор исполнил «многая лета».)

---

⁶⁶⁹ См. выше примечание 665.

После этого хор монастырских певчих исполнил кантату на столетие монастыря:

Радостию полна обитель смиренная,
Празднуя ныне сто лет.

Мира Владычица Дева нетленная
Ее ограждает от бед.

Были напасти, враги, искушения,
Много невзгод претерпела она.

Дева святейшая — мира спасение
Ей помогала одна.

Во время глухое, далекое, дикое,
Она, как цветок, возросла,
И дело свершила для края великое,
Светочем веры была.

Для обездоленных, жизнью обиженных,
Падших под игом Креста,
Была она матерью, в сердце униженных,
Сея заветы Христа.

Любовь ко врагам, всепрощение,
Надежду, терпенье скорбей,
Веру, последнее наше спасение
Она сберегла для людей.

В нее приходили и люди убогие,
В нее и богатые шли,
Она согревала их души, и многие
Ей свои скорби несли.

Сестры обители! Сердцем трепещущим
Мы Богоматерь почтим
И в песнопении — радостью блещущем,
Деве мольбу возгласим.

Дева Заступница! Дева Нетленная!
Избавь нас от зла и от бед!

Пусть процветает обитель смиренная
Многие тысячи лет.

Пусть умножаются сестры в обители,
Пусть процветает она,
Пусть благочестием, духом Спасителя,
Будет на веки полна.

Затем те же певчие исполнили гимн:

Торжествуй наша обитель,
Празднуй радостно сей день:
Наш Господь — людей Спаситель
Озарил святую сень.

Да хранит тебя обитель
Сам Господь на много лет.
Внемли нашему моленью,
Вседержитель и Творец!

Ты прими благодаренье
Наших радостных сердец.
Молим, Господи-Владыко,
Сохрани сестер от бед.

Дай душевную нам радость,
Дай спокойствие и мир,
Дай вкусить блаженства сладость,
Не оставь, кто духом сир.

Много лет живи, обитель,
Да хранит тебя Господь!

В заключение хор исполнил «Боже, Царя храни».

После пения стихов владыка, начальник губернии и все гости по приглашению игумении направились в столовую галерею, где был приготовлен обед. За столом первый тост был провозглашен преосвященным за покровителя православной веры Государя Императора и за весь Царствующий Дом. Последовало громовое «ура». Затем начальником губернии был провозглашен тост за здоровье преосвященного, при чем им было выражено пожелание много лет видеть владыку на Екатеринбургской кафедре. Исполнено было «многая лета». Владыка провозгласил тост за здоровье начальника губернии и снова своды огласились пением «многая лета». Провозглашалось «многая лета» и за отсутствующих, и за настоятельницу монастыря с сестрами, за содействовавших порядку во время торжеств, за всех гостей и за весь простой народ русский, сохранивший в себе веру своих предков. Обед кончился около 6 часов...

Словарь церковных и исторических терминов

Акафист — церковная хвалебная песнь и молитвы Спасителю, Богоматери и святым.

Аналогий (налой) — высокий столик с наклонною столешницею для чтения Библии, для положения иконы. Находится возле центральной части иконостаса.

Архиерейский дом — административные и хозяйственные службы епархиального управления.

Архимандрит — сан настоятеля крупного монастыря.

Архипастырь — общее название высших санов православной иерархии от епископа до патриарха.

Берг-инспектор — заместитель Пермского и Вятского генерал-губернатора, заведовавший управлением дел в горном правлении и присмотром за частной горнозаводской промышленностью.

Благовест — вид церковного звона, при котором ритмично ударяют в один колокол, созывая верующих в храм на богослужение.

Благословенная грамота — грамота, выдаваемая от епископа, благословляющая закладку и освящение церкви.

Благословные вины — уважительные причины.

Благочинный — помощник епископа из числа священнослужителей, осуществляющий надзор за духовенством и церквями района епархии — благочиния, включающего от 10 до 30 церквей. Монастыри, как правило, выделялись в отдельное благочиние.

Великий пяток — пятница на Страстной неделе (последней неделе перед Пасхой), когда поминаются распятие и крестная смерть Иисуса Христа. Самый скорбный день церковного года.

Венецианское окно — широкое окно, проем которого поделен двумя колоннами или переплетом на три пролета; средний пролет шире двух боковых и увенчан полуциркульной аркой.

Вершок — русская мера длина = 4,45 см.

Викарный епископ (викарий) — в уральских епархиях XIX в. епископ, управлявший автономным округом в составе епархии (викариатством). Екатеринбургское викариатство в составе Пермской епархии существовало с 1833 по 1885 гг.

Вклад — пожертвование деньгами, движимым или недвижимым имуществом на церковь, монастырь, богоугодное дело. Как правило, делался с условием поминания в молитвах вкладчика.

Водоосвящение (водосвятие) — освящение воды путем троекратного погружения в нее священником креста. Совершается накануне и в праздник Богоявления (Крещения) Господня.

Воздух — покрывало с изображением креста посередине, которым накрывают во время литургии священные сосуды.

Всенощное бдение (всенощная) — богослужение, совершаемое после заката солнца накануне воскресенья и больших христианских праздников.

Высочайшее разрешение (высочайший указ, именной указ) — указ императора.

Гильдия купеческая — разряд купечества, характеризующийся объемом торговых прав и платимыми за это пошлинами.

Главная контора Екатеринбургских заводов — управление Екатеринбургским горным округом, включавшим государственные (казенные) заводы, существовала в 1807–1886 гг.

Горнее место в алтаре — место за престолом в алтаре православного храма, где на возвышении восседает епископ.

Двунадесятые праздники — 12 наиболее значительных праздников в Православии: Рождество Христово, Сретение, Богоявление (Крещение) Господне, Преображение Господне, Вход Господень в Иерусалим, Вознесение Господне, Троица, Воздвижение Креста Господня, Рождество Богородицы, Введение во храм Богородицы, Успение Богородицы.

День Преполовения (Преполовение Пятидесятницы) — церковный праздник, отмечаемый на 25 день после Пасхи.

День святого Симеона Верхотурского — церковный праздник, отмечаемый 25 сентября (12 сентября по старому стилю) в честь перенесения в этот день в 1704 г. мощей особо почитаемого на Урале святого праведного Симеона из Меркушино в Верхотурье.

Десятина квадратная — русская мера площади, в XVIII–XIX вв. = 1,45 га.

Десятисловие (десять заповедей, декалог) — божественные заповеди, устанавливающие нормы поведения верующего человека, изложенные в книгах Исход и Второзаконие в Библии. Согласно Священному Писанию, были даны Богом пророку Моисею в XIII в. до н. э.

Духовное правление — церковно-административный орган, осуществлявший надзор над церковным округом в составе епархии, включавшим несколько десятков церквей. В XIX в. духовное правление осуществляло административные функции, как правило, над церквями одного уезда.

Единоверие — течение в старообрядчестве, возникшее в результате соглашения умеренного крыла старообрядцев с официальной православной церковью в 1800 г. Единоверцы сохранили своеобразие старообрядческих обрядов, но признали православную церковную иерархию.

Елеосвящение (соборование) — одно из семи православных таинств, совершаемое над больными с целью очищения от грехов.

Епархиальный архиерей — глава епархии, имеющий сан епископа, архиепископа или митрополита.

Епархия — церковно-административный округ.

Епископ, архиепископ — глава церковно-административной области (епархии), возведенный в особый епископский духовный сан.

Завозня — один из видов речных судов.

Заплот — забор, деревянная сплошная ограда из досок или бревен.

Зипун — русская крестьянская верхняя одежда из грубого домотканого сукна, типа кафтана, без воротника, с длинными рукавами или без них, с раскошенными книзу полами.

Золотник — русская мера веса = 4,266 г.

Игуменья — сан настоятельницы монастыря.

Иеродиакон — монах, имеющий сан диакона.

Иеромонах — монах, имеющий сан священника.

Икос — церковное песнопение, содержащее житие святого.

Иночество — монашество.

Ирмос — вступительный стих тропаря.

Искус — испытание твердости намерения принять постриг и способности жить по-монашески. Согласно церковным правилам, срок искуса должен составлять не менее трех лет, хотя для каждого послушника его продолжительность определяется усердием к послушанию и верностью иноческим обетам. По окончании искуса послушник принимает постриг и становится монахом.

Канитель — очень тонкая металлическая (обычно золотая или серебряная) нить для вышивания.

Канифас — плотная хлопчатобумажная ткань, обычно с рельефными полосками.

Канон (как часть богослужения) — песнь в похвалу святого или церковного праздника, исполняемая на заутренях и вечернях.

Канонизация — причисление к лику святых.

Катехизис (кати́хизис) — начальное, основное учение о христианской вере; книга, содержащая это учение.

Кафедральный собор — главный храм епархии, в котором ведет службы епархиальный архиерей. В нем находится символ епископской власти — *кафедра* (кресло) архиерея.

Келейное правило — порядок и число молитв, которые монашествующие должны вычитывать ежедневно в своей келье. Устанавливается для каждого насельника персонально духовником.

Кельи, келейный корпус — жилые комнаты и корпуса насельников монастыря.

Киот (кивот) — украшенная подставка–шкафчик или рама для иконы или частиц мощей святых.

Киновия — общежительный монастырь, в котором насельники живут по единому уставу, имеют общую трапезу, получают все необходимое из монастырской казны по мере надобности.

Клирос — место в церкви для певцов.

Клирошанки (крылошанки) — поющие и читающие на клиросе послушницы и монахини.

Ковчег (с мощами) — ларец для хранения частиц мощей святых, святых даров.

Консистория — епархиальная канцелярия, осуществляющая делопроизводство и церковный суд над духовенством и мирянами.

Кортомные земли — земли, взятые в аренду.

Кошт — материальное содержание.

Крестовая церковь — церковь при архиерейском доме.

Лжица — ложечка для причастия.

Лития — часть всенощного бдения или молитва об усопших.

Литургия (обедня) — главное христианское богослужение, на котором совершается таинство евхаристии (причащения).

Малый выход на литургии (точнее, вход) — вход священника с Евангелием.

Мантя — длинное без рукавов одеяние монахов с застежкой на воротах.

Мастеровые — квалифицированные цеховые работники горных заводов.

Митрополит — высший титул епископа.

Мишура — поддельное швейное и ткацкое золото и серебро; нить из олова или меди и приготовленные из них вещи.

Монастырь (в переводе с греческого, уединенное жилище) — община верующих, живущих по определенному уставу. Члены общины — монахи дают добровольные *обеты*. Монашеский сан принимается через обряд (чин) *пострижения* после прохождения *искуса послушником*.

Монастырские служители — миряне, выполнявшие хозяйственные работы на монастыре в качестве повинности и получавшие за это жалование.

Мухояр — старинная азиатская ткань, хлопчатобумажная с шелком или с шерстью.

Навечерие — день накануне Рождества и Богоявления Господня.

Насельники (насельницы) — все члены монашеской общины (монахи и послушники).

Настоятель (настоятельница) — руководитель монастыря, обычно имеющий игуменский сан.

Фомина неделя — вторая неделя после Пасхи, посвященная апостолу Фоме, первая по Святой.

Непременные работники — постоянные вспомогательные работники на уральских горных заводах XIX в. Были упразднены как категория населения в 1861 г.

Обер-прокурор Синода — государственный чиновник из числа мирян, осуществлявший надзор над деятельностью Синода, посредник между Синодом и императором.

Обеты монашеские — добровольные обещания пред Богом, даваемые членами монашеской общины: обет целомудрия (отказ от плотских отношений), обет нестяжания (отказ от собственности) и обет послушания (полного отречения от проявлений своеволия, полной покорности велениям Бога).

Обитель — монастырь.

Облачение в рясофор — обряд облачения послушника в рясу как первая ступень к монашескому пострижению.

Однопрестольная церковь — церковь с одним алтарем и находящимся в нем престолом (символизирующем гробницу Иисуса Христа).

Оклад — декоративное покрытие на иконе или книжном переплете из тонких листов золота, серебра, золоченой и серебряной меди. Оклады украшали чеканкой, эмалью, жемчугом, камнями.

Осьминник (осьмина) в значении поземельной меры — в разных местностях — от $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{4}$ десятины.

Отпуст — слова священника, завершающие богослужение, благословение молящихся на выход из храма.

Паремия (паримия) — отрывок из Ветхого или Нового Завета, читаемый на вечернем богослужении, обычно накануне церковного праздника. Паремии объясняют смысл праздника.

Подрясник — повседневная одежда священнослужителей и монашествующих, длинная, до пят, рубаха с узкими рукавами и наглухо застегнутым воротом.

Попечительства о бедных духовного звания — спархиальные попечительства, создавались в России с 1823 г., содержались на кружечные сборы и часть церковных доходов, оказывали материальную помощь вдовам и сиротам из семей духовенства.

Послушания — все виды работ, поручаемых настоятелем монастыря монахам и послушникам и выполняемые ими за послушание Богу в качестве исполнения обета.

Послушницы — живущие в обители *насельницы*, проходящие *искус* для принятия монашеского сана.

Пострижение (постриг, последование малой схимы) — обряд (чин) принятия монашеского сана. Проводится в церкви, по решению настоятеля монастыря и с согласия епископа, над *послушниками*, успешно прошедшими ино-

ческий *искус*. Во время совершения обряда настоятель монастыря или иеромонах крестообразно выстригает волосы на голове послушника в знак посвящения его Иисусу Христу. При пострижении монаху дается новое имя в знак отречения от мирской жизни и он облачается в иноческие одежды, имеющие символическое значение.

Престольный праздник — праздник в честь того святого, иконы или события библейской истории, в честь которого освящен престол храма (в честь которого назван храм).

Придел — дополнительный алтарь, расположенный рядом с основным, с прилегающим пространством храма; небольшая встроенная церковь в составе большой.

Приклад — пожертвование драгоценностями или материями, сделанное для украшения какой-либо иконы.

Причт — священнослужители одного храма.

Протоиерей — старший священник, обычно служащий в крупных храмах (соборах). Звание протоиерея нередко жалуются священникам в знак отличия за личные заслуги перед Церковью.

Пустынь — небольшой монастырь в глухой незаселенной местности или уединенная келья отшельника, расположенная в стороне от большого монастыря.

Риза (фелонь) — длинное верхнее церковное облачение священнослужителя без рукавов; металлический или вышитый оклад на иконе, оставляющий открытыми лицо и руки образа.

Ризница — помещение в храмах и монастырях для хранения церковной утвари и священнических облачений, может находиться внутри церкви или представлять отдельное здание.

Ровный холст — грубый, простой холст.

Ряска (ряса) — повседневная верхняя одежда священнослужителей и монашествующих, представляющая собой длинную темную рубаху с широкими длинными рукавами.

Сабан — плуг, имеющий две ручки, нижние концы которых (ноги) оканчиваются лемехами, с прямым круто поставленным отвалом, тянется 2–6 лошадьми или 4–8 волами.

Сажень — русская мера длины = 2,1336 м.

Саккос — широкая прямая одежда епископа с короткими широкими рукавами.

Саржа — шелковая или хлопчатобумажная ткань с наклонными рубчиками на лицевой стороне.

Свитки — простая одежда, надеваемая на рубашку или на тело.

Святые отцы (отцы Церкви) — христианские писатели III–VIII веков, причисленные к лику святых, разработавшие догматику, богослужение, канонический строй церкви.

Священноцерковнослужители — духовенство, включающее высший разряд — *священнослужителей* (епископов, священников, диаконов), имеющих право самостоятельно совершать богослужения и таинства, и низший разряд — *церковнослужителей* (иподьяконов, пономарей, чтецов), помогающих совершать богослужения и таинства.

Секуляризация — процесс выхода различных сфер общественной жизни из сферы влияния религии. В России в 1764 г. произошла секуляризация церковной собственности, выразившаяся в изъятии в государственную казну епархиальных и монастырских земель, переводе в категорию государственных бывших архиерейских и монастырских крестьян.

Сестры — принятое обращение и собирательное наименование всех насельниц монастыря.

Синель — махровая нить.

Синод (Духовная коллегия) — высший коллегиальный орган управления Русской Православной Церковью, установленный императором Петром I после ликвидации патриаршества в 1721 г. Состоял из высших церковных иерархов, возглавлялся *ober-прокурором*. После восстановления патриаршества в 1917 г. — совещательный орган при патриархе.

Служить соборне — церковная служба, проводимая в одном храме совместно несколькими священниками.

Собор — большой храм, в котором некоторые службы могут проводиться совместно несколькими священниками.

Список (иконы) — точное воспроизведение чудотворной иконы.

Старчество — наставничество со стороны монаха, достигшего высокой степени духовного опыта (старца), осуществляемое над иноческой жизнью послушника или более молодого монаха, а также над религиозной жизнью мирян, обращающихся за советом.

Строитель (монастыря) — низшее звание настоятеля монастыря (как правило, небольшого) или монаха, управляющего отдаленным монастырским владением (заимкой).

Трапеза (в церкви) — западная часть христианского храма, примыкающая к входу или колокольне.

Требы — молитвы и священнодействия, совершаемые священнослужителями по просьбам верующих.

Тропарь — краткое песнопение или чтение, в котором раскрывается суть церковного праздника или прославляется святой.

Трудницы — насельницы монастыря, проживающие в нем лишь несколько месяцев, начальная стадия *послушничества*. Обычно им поручались

наиболее тяжелые работы для испытания смирения и верности выраженному стремлению к иноческой жизни.

Тяжеловес (камень) — разновидность топаза.

Управы благочиния — общегородские полицейские учреждения в России, созданные в 1782 г. Существовали до конца XIX в. Приводили в исполнение распоряжения местной администрации и судебные приговоры, заведовали городским благоустройством (до 1870 г.) и торговлей, имели некоторые судебные функции по мелким уголовным и гражданским делам (до 1864 г.).

Фольга — очень тонкие листки латуни или олова (в толщину бумаги), позолоченные, посеребренные или покрытые цветным лаком.

Фонарь (в архитектуре) — венчающая здание открытая или застекленная конструкция, служащая для освещения или вентиляции.

Фунт — единица массы в системе русских мер = 96 золотников = 0,40951241 кг.

Хоругвь — церковное знамя-икона из материи, дерева или металла с изображением Иисуса Христа, Богородицы, святых или событий библейской истории.

Царские врата — центральные двери иконостаса, расположенные напротив находящегося в алтаре престола.

Церемония, каковая бывает при погребении Христа Спасителя в соборах и монастырях — чин погребения плащаницы в Великую Пятницу, символизирующий погребение снятого с креста Иисуса Христа.

Черчение — подготовительный рисунок для написания иконы или для художественной вышивки.

Четверть (мера длины в XIX в.) — $\frac{1}{4}$ аршина (около 18 см).

Шанхайные материи — привезенные из Китая.

Шейка (в храмовой архитектуре) — узкое место между барабаном и главной купола или под купольными крестами.

Штатные и заштатные монастыри — по реформе 1764 г. оставшиеся монастыри были разделены на две категории: штатные — получавшие содержание от государства, и заштатные — на своем содержании.

Шуба нагольная — шуба без тканевого покрытия, кожей наружу.

Ярица — яровая рожь (высеваемая весной и дающая урожай в год посева).

Список источников и литературы

Архивные материалы:

Государственный архив Пермского края (ГАПК):

Ф. 109. Оп. 1. Д. 1, 15, 19, 22, 27, 30, 37.

Ф. 147. Оп. 1. Д. 677.

Ф. 198. Оп. 1. Д. 85, 128, 223, 271.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО):

Ф. 6. Оп. 2. Д. 447, 450, 452, 454; Оп. 4. Д. 165.

Ф. 8. Оп. 1. Д. 82.

Ф. 12. Оп. 1. Д. 157, 2193.

Ф. 25. Оп. 1. Д. 2113, 2193.

Ф. 35. Оп. 1. Д. 39.

Ф. 101. Оп. 1. Д. 534.

Ф. 290. Оп. 1. Д. 12.

Ф. 603. Оп. 1. Д. 80, 234, 243, 441, 443, 444, 454, 460, 476, 493, 719, 731, 734.

Ф. 698. Оп. 1. Д. 346.

Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ):

Ф. 156. Оп. 1. Д. 2777; Оп. 2. Д. 2885; Оп. 3. Д. 440, 2727, 2926; Оп. 4. Д. 167, 347, 2054; Оп. 5. Д. 212; Оп. 26. Д. 765.

Государственный архив города в г. Шадринске (ГАСШ):

Ф. 206. Оп. 1. Д. 126.

Ф. 224. Оп. 1. Д. 167, 520, 533, 555, 609, 653, 687, 1323, 1338, 1370, 1407, 1524, 1594, 1691, 3089.

Российский государственный исторический архив (РГИА):

Ф. 218. Оп. 4. Д. 233.

Ф. 535. Оп. 1. Д. 26.

Ф. 796. Оп. 88. Д. 255; Оп. 100. Д. 976; Оп. 102. Д. 702; Оп. 117. Д. 410; Оп. 440. Д. 977.

Ф. 797. Оп. 1. Д. 3924; Оп. 5. Д. 19272.

Ф. 815. Оп. 16. Д. 881.

Опубликованные источники:

Антонинов А., прот. Евфросиниевские торжества в городе Екатеринбурге // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1910. № 42. Отдел неофиц. С. 937–946.

Антонинов А., прот. Ко дню празднования столетия Екатеринбургского Ново-Тихвинского женского монастыря // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1910. № 23. Отдел неофиц. С. 433–442.

Бессонов И., свящ. Слово, сказанное в храме Булзинского хутора Ново-Тихвинского монастыря 12 сентября 1911 года // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1913. № 32. Отдел неофиц. С. 747–750.

Бессонов И., свящ. Слово, сказанное в храме Булзинского хутора Ново-Тихвинского монастыря 12 сентября 1912 года // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1913. № 33. Отдел неофиц. С. 769–771.

Благодарность // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1915. № 11. Отдел неофиц. С. 203.

Благословение Св. Синода // Пермские епархиальные ведомости. 1868. № 7. Отдел офиц. С. 56–57.

Благотворительность на Урале. Екатеринбург, 2001.

Всеподданнейший отчет о деятельности состоящего под Высочайшим Вашего Императорского Величества покровительством Романовского комитета за первую треть 1916 года. Петроград, 1916.

Высочайшая благодарность // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1914. № 38. Отдел неофиц. С. 835–836.

Епархиальные известия // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1895. № 52. Отдел офиц. С. 1433; 1898. Отдел офиц. № 1. С. 15; № 7. С. 178–179; № 8–9. С. 212.

Журналы Епархиального съезда 1900 года // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1900. № 23. Отдел неофиц. С. 555–582.

Зубарев Ф. О пребывании в городе Екатеринбурге Высокопреосвященнейшего митрополита Московского Иннокентия, во время проезда его из Благовещенска на Амуре в Москву // Пермские епархиальные ведомости. 1868. № 23. Отдел неофиц. С. 400–402.

Из епархиальной жизни // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1900. № 12. Отдел неофиц. С. 389; 1901. № 12. Отдел неофиц. С. 566–568; 1902. Отдел неофиц. № 12. С. 526; № 13. С. 574; 1903. Отдел неофиц. № 10. С. 268–269; 1904. Отдел неофиц. № 1–2. С. 35–37; № 17. С. 479; 1905. Отдел неофиц. № 12. С. 415; № 13. С. 447–449; 1907. № 5. Отдел неофиц. С. 135–136; 1909. № 21. Отдел неофиц. С. 314; 1910. Отдел неофиц. № 25. С. 509; 1911. Отдел неофиц. № 2. С. 52; № 25. С. 557; № 26. С. 589–590; № 34. С. 757–758; 1912. № 2. Отдел неофиц. С. 44; 1913. Отдел неофиц. № 1. С. 27–30; № 2. С. 57; № 26. С. 641–642; № 33. С. 782–784; 1914. Отдел неофиц. № 45. С. 1010–1011; № 49. С. 1098–1099; 1915. Отдел неофиц. № 11. С. 223–224; № 13. С. 262–263; 1916. № 32. Отдел неофиц. С. 267–268.

Из церковно-школьной жизни епархии // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1913. № 2. Отдел неофиц. С. 51–53.

К вопросу об Епархиальном женском училище // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1900. № 12. Отдел неофиц. С. 371–383.

К сведению причтов и церковных старост церквей Екатеринбургской епархии // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1898. № 1. Отдел офиц. С. 23–24.

Коровин К., прот. Поучение в день празднования явления иконы Тихвинской Божией Матери // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1910. № 27. Отдел неофиц. С. 537–542.

Младов Г. Настоятельница Екатеринбургского Новотихвинского девичьего первоклассного монастыря игуменья Магдалина. (Биографический очерк ее, кончина и погребение) // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1893. № 5–6. Отдел неофиц. С. 111–114.

Обозрение церквей Екатеринбургской епархии преосвященнейшим Никанором // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1902. № 13. Отдел неофиц. С. 536.

Обтемперанский А. Празднование столетнего юбилея Ново-Тихвинского женского монастыря в городе Екатеринбурге // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1910. Отдел неофиц. № 25. С. 500–505; № 26. С. 518–522; № 27. С. 543–553.

Объявления // Пермские епархиальные ведомости. 1885. Отдел офиц. № 6. С. 48, № 13. С. 100.

Описание священной церемонии, происходившей в Екатеринбурге 1822 года декабря в 12 день по случаю внесения в Ново-Тихвинский первоклассный девичий монастырь пожалованной Их Императорскими Величествами ризницы и драгоценной утвари. Изд. 2. Екатеринбург, 1902.

Отчет о состоянии Зауральского епархиального женского училища, что при Екатеринбургском женском монастыре, за 1880/81 учебный год // Пермские епархиальные ведомости. 1882. № 4. Отдел офиц. С. 44–50.

Отчет о состоянии Зауральского епархиального женского училища, что при Екатеринбургском женском монастыре, за 1883–84 учебный год // Пермские епархиальные ведомости. 1885. № 5. Отдел офиц. С. 33–40.

Отчет о состоянии училища девиц духовного звания и при нем детского приюта, состоящих при Екатеринбургском Ново-Тихвинском первоклассном девичьем монастыре, за 1876/7 учебный год // Пермские епархиальные ведомости. 1877. Отдел офиц. № 43. С. 494–501, № 44. С. 507–511.

Отчет о состоянии училища девиц духовного звания и при нем детского приюта, состоящих при Екатеринбургском Ново-Тихвинском первоклассном девичьем монастыре, за 1877/8 учебный год // Пермские епархиальные ведомости. 1878. Отдел офиц. № 50. С. 570–578, № 51. С. 586–592.

Очевидец. С Булзинского хутора // Пермские епархиальные ведомости. 1881. № 25. Отдел неофиц. С. 283–286.

Письмо г. обер-прокурора Святейшего Синода, от 9 января 1915 года за № 265, на имя Его Преосвященства, преосвященнейшего Серафима, епископа

Екатеринбургского и Ирбитского // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1915. № 6. Отдел офиц. С. 53–54.

Постановления съездов в историческом порядке относительно устройства Епархиального женского училища в зданиях монастырских и мероприятия к постройке нового здания для училища // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1900. № 18. Отдел неофиц. С. 551–563.

Постановления экстренного Съезда депутатов от духовенства епархии 1897 года // Екатеринбургские епархиальные ведомости. № 4. Отдел офиц. С. 83–89; № 7. С. 158–176; № 8–9. С. 187–210.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830 (ПСЗ-1). Т. VI, VII, XVI, XVII, XIX, XXI, XXII, XXIV, XXX, XXXI, XXXVIII, XXXIX, XLIV.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗ-2). Т. V. СПб., 1831; Т. VII.; Т. XVII. СПб., 1843; Т. XXXIV. СПб., 1861.

Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания. Царствование Государыни Императрицы Елисаветы Петровны. Царствование Государя Императора Петра Феодоровича. Т. IV. 1753–28 июня 1762 гг. СПб., 1912.

Распоряжение Его Преосвященства // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1916. № 4. Отдел офиц. С. 13–14.

Стихи о городах // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1912. № 2. Отдел неофиц. С. 37–41.

Телеграммы // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1914. № 45. Отдел неофиц. С. 991.

Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1897. № 5. Отдел офиц. С. 95–96.

Литература:

Авель [Ванюков]. Общежительная Саровская пустынь и достопамятные иноки, в ней подвизавшиеся. М., 1853.

Баранов В. С. Летопись Верхотурского Николаевского мужского общежительного монастыря (Екатеринбургской епархии) в связи с историческим сказанием о житии св. праведного Симеона Верхотурского чудотворца. Издание Братства Симеона Верхотурского чудотворца, 1991.

Берташ А., прот. Мефодий (Смирнов) // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 45. М., 2017. С. 121–128.

Берташ А., свящ. Ириней (Клементьевский) // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 26. М., 2011. С. 460–463.

Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. Ч. II. М., 1993.

Валаамский монастырь и его святыни в период расцвета и благосостояния обители. Л., 1990.

Ворошилин С. И. Храмы Екатеринбурга. Екатеринбург, 1995.

Голобородский М. В. Архитектура храмов Екатеринбурга (XVIII–XIX вв.) Дисс. ... кандидата архитектуры. Т. 1–2. Екатеринбург, 2004.

Головин П. Туринский Николаевский женский монастырь // Тобольские епархиальные ведомости. 1890. № 9–10. Отдел неофиц. С. 206–216.

Грамматин А., свящ. Иоанно-Введенский третьеклассный женский монастырь // Тобольские епархиальные ведомости. 1889. Отдел неофиц. № 19–20. С. 399–406; № 21–22. С. 432–433.

Дмитриев А. Пребывание Сперанского в Перми // Русский вестник. 1869. № 8. С. 748–749.

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии // Старцы Глинской пустыни. Б./г., б./м. Репринт с издания 1905 г.

Жизнеописание настоятельницы Ново-Тихвинского монастыря схиигуменнии Магдалины (Досмановой). Екатеринбург, 2002.

Жития святых Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 2008.

Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем: в 3 т. СПб., 2007.

Здравомыслов А., прот. Протоиерей Федор Львович Карпинский и современное ему общество города Екатеринбурга с 1807 года по 1831 год. (По дневнику о. Федора Карпинского) // Екатеринбургские епархиальные ведомости. Отдел неофиц. 1915. № 49. С. 829–835; № 51. С. 859–865.

Ивановский В. Русское законодательство XVIII и XIX вв. в своих постановлениях относительно монашесствующих лиц и монастырей. (Опыт историко-канонического исследования). Харьков, 1905.

Из истории реформы 1861 года на Урале. Пермь, 1961.

Иконников В. Историческое описание Екатеринбургского Новотихвинского первоклассного девичьего монастыря. СПб., 1875.

Император Александр Павлович и его двор в 1804 г. (сообщил Шиман Ф. Ф.) // Русская старина. 1880, декабрь. С. 802.

Иоанн (Маслов), схиархим. Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI–XX веках. М., 1994.

Историко-архитектурное наследие Пермского края: каталог-справочник. Пермь, 2011.

Исторический очерк и описание Арзамасской Алексеевской общины. СПб., 1866.

История Пермской семинарии после преобразования ея, бывшего в 1818 году // Пермские епархиальные ведомости. 1870. Отдел неофиц. № 7. С. 85–87; № 15. С. 200; № 40. С. 473; № 44. С. 515; № 45. Отдел неофиц. С. 532–533.

Керский С. Новотихвинский монастырь в городе Екатеринбурге. СПб., 1892.

Комиссаренко А. И. Разработка законодательных актов секуляризационной реформы 1764 г. // Проблемы истории России. Вып. 2: Опыт государственного строительства XV–XX вв. Екатеринбург, 1998. С. 32–45.

Козинец Л. А. Каменная летопись города. Свердловск, 1989.

Курляндский И. А., Зеленина Я. Э., Лопухина Е. В. Иннокентий (Вениамин) // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 22. М., 2009. С. 707–716.

Лавринов В., прот. Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург, 2001.

Маслов Н. В. Православное учение о спасении по трудам глиняных страцев. Москва, 2002.

Материалы для истории Екатеринбургского женского монастыря // Екатеринбургские епархиальные ведомости. Отд. неофиц. 1905. № 4. С. 95–102; № 5. С. 129–133; № 7. С. 193–198; № 10. С. 299–305; № 12. С. 398–405; № 13. С. 434–438; № 14. С. 468–474; № 15. С. 497–501; 1906. № 24. С. 808–814; 1907. № 3. С. 53–59; № 5. С. 95–103; № 7. С. 153–162; № 11. С. 246–252; 1910. № 5. С. 121–136; № 7. С. 163–176; № 9. С. 204–215.

Материалы для истории церквей города Екатеринбурга // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1901. № 5. Отдел неофиц. С. 157; 1910. № 11. Отдел неофиц. С. 235.

Молитву пролию ко Господу. Екатеринбургская старица Магдалина (Досманова). М., 2022.

М. К. Преосвященный Иона, бывший епископ Екатеринбургский // Пермские епархиальные ведомости. 1867. № 4. Отдел неофиц. С. 64–71.

Настольная книга священнослужителя. Т. 3. М., 1979.

Нечаева М. Ю. Грамотность монашества Екатеринбургской епархии в начале XX века // Урал в прошлом и настоящем. Ч. I. Екатеринбург, 1998. С. 304–310.

Нечаева М. Ю. Монашество Среднего Урала синодального периода: принципы формирования и социальный состав. Екатеринбург, 2019.

О судьбе православной церкви русской в царствование императора Александра I-го. (Из записок А. С. Стурдзы) // Русская старина. 1876. Т. XV. С. 267–288.

Овчинников В. Д. Святой адмирал Ушаков (1745–1817). Историческое повествование о земном пути святого праведного воина. М., 2003.

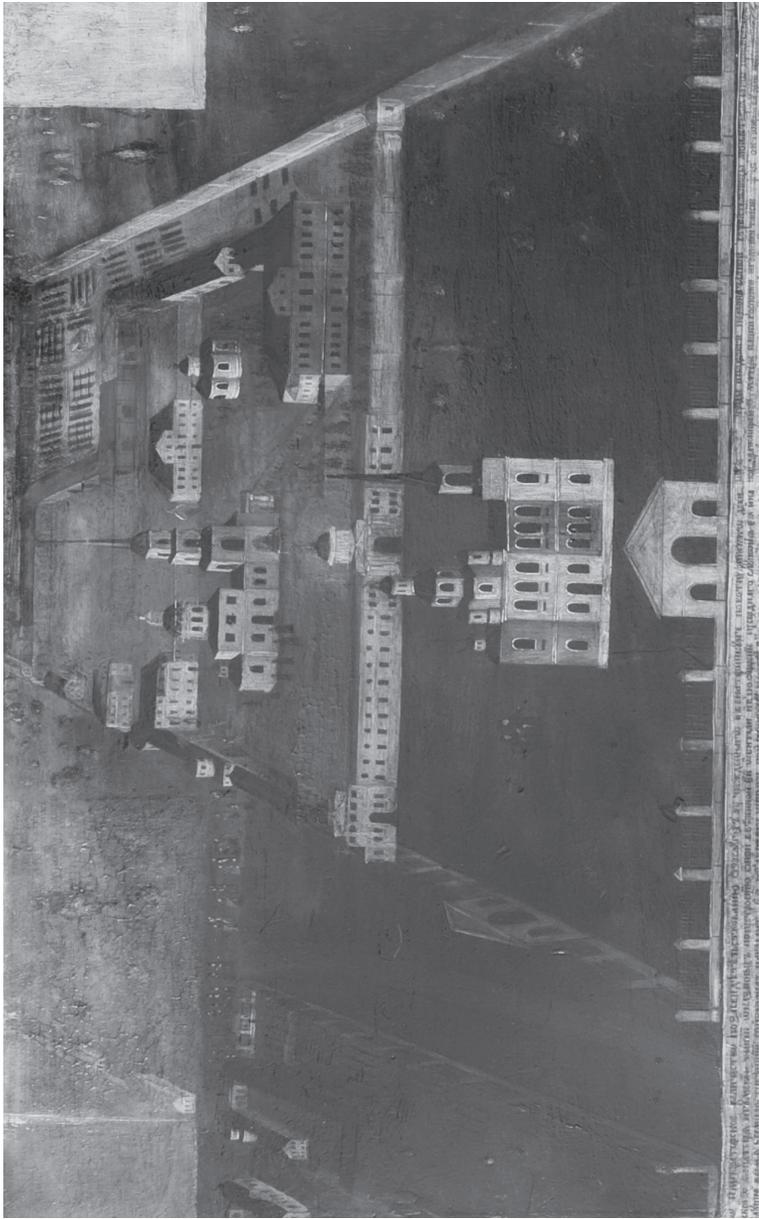
- Орленко Л. В. Терминологический словарь одежды. М., 1996.
- От покаяния к возрождению. Екатеринбург, 2003.
- Очерки истории Санкт-Петербургской епархии (ред.-составитель митрополит Иоанн (Снычев)). Петербург, 1994.
- Плотников Г.* Взгляд на училище при Далматовском монастыре, с 1719 по 1818 г. по актам архивным // Пермские епархиальные ведомости. 1868. № 3. Отдел неофиц. С. 39–42.
- Плотников Г.* Настоятели Далматовского монастыря // Пермские епархиальные ведомости. 1869. № 28. Отдел неофиц. С. 339–345.
- Поселянин Е.* Преподобный Серафим, Саровский чудотворец. (С новыми сведениями о старце). М., 1991 (репринт с издания 1908 г.).
- Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902.
- Раскин А. М.* Архитектура классицизма на Урале. Свердловск, 1989.
- Рункевич С. Г.* Александро-Невская лавра, 1713–1913. СПб., 1997.
- Саровская общежительная пустынь. Подробное описание. М., 1908.
- Сацкий А. Г.* Федор Федорович Ушаков // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 51–78.
- Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Том 1. Екатеринбург. Отв. ред. В. Е. Звагельская. Екатеринбург, 2007.
- Серафим (Чичагов), архимандрит.* Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губ. Ардатовского уезда с жизнеописанием основателей ее: преподобного Серафима Саровского и схимонахини Александры, уржд. А. С. Мельгуновой. Краснодар, 1991 (репринт с издания 1903 г.).
- Скрицкий Н. В.* Самые знаменитые флотоводцы России. М., 2000.
- Словцов И., прот.* Соликамско-Истобенский, Свято-Троицкий, третьеклассный мужеский монастырь // Пермские епархиальные ведомости. 1870. № 3. Отдел неофиц. С. 21–33.
- Слукин В. М.* Тайны уральских подземелий: легенды, реальность, поиск. Изд. 2-е. Екатеринбург, 2005.
- Тобольская епархия. Часть вторая. Отдел второй. Описание церквей и монастырей Тобольской епархии. Выпуск четвертый. Омск. 1892.
- Топорков А.* Березовский завод Екатеринбургского уезда (историческое и этнографическое описание) // Пермские епархиальные ведомости. 1881. № 6. Отдел неофиц. С. 69–75.
- Цытин В., прот.* Амвросий (Подобедов) // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 2. М., 2001. С. 149–150.
- Чернецова А. А.* Реставрация церкви Симеона Верхотурского на Булзинской заимке Каслинского района Челябинской области. Челябинск, 2020.

Четыркин И. Историко-статистическое описание Арзамасской Алексеевской общины // Нижегородские епархиальные ведомости. 1887. Часть неофиц. № 19. С. 1029–1048; № 21. С. 1168.

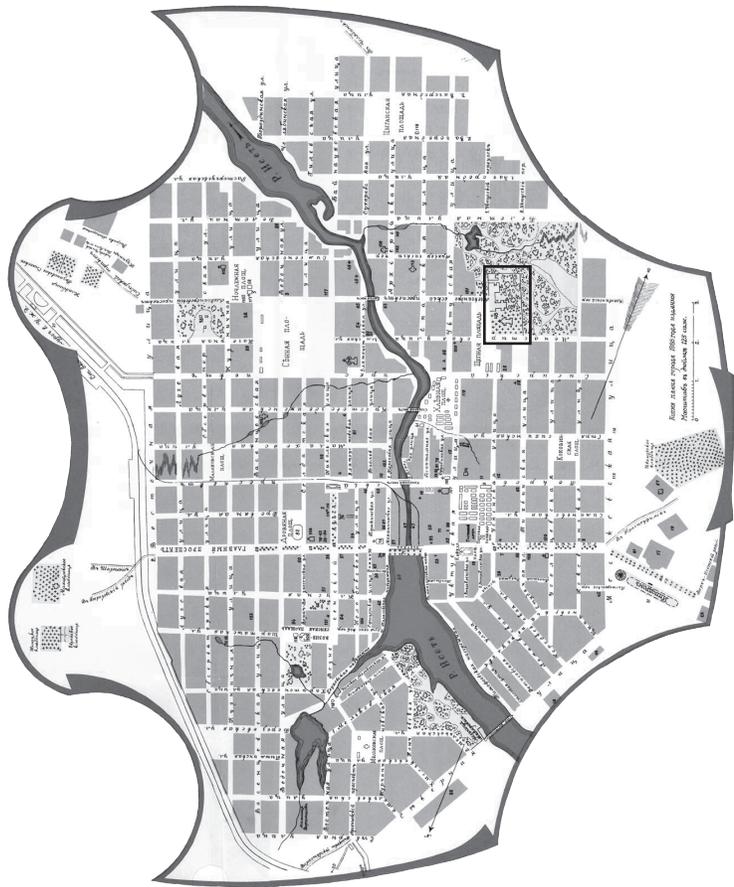
Чудецкий П. И. Опыт исторического исследования о числе монастырей русских, закрытых в XVIII и XIX веках. Киев, 1877.

Штейнфельд Н. П. Исторический очерк столетия Екатеринбургского Новотихвинского первоклассного девичьего монастыря. Екатеринбург, 1901.

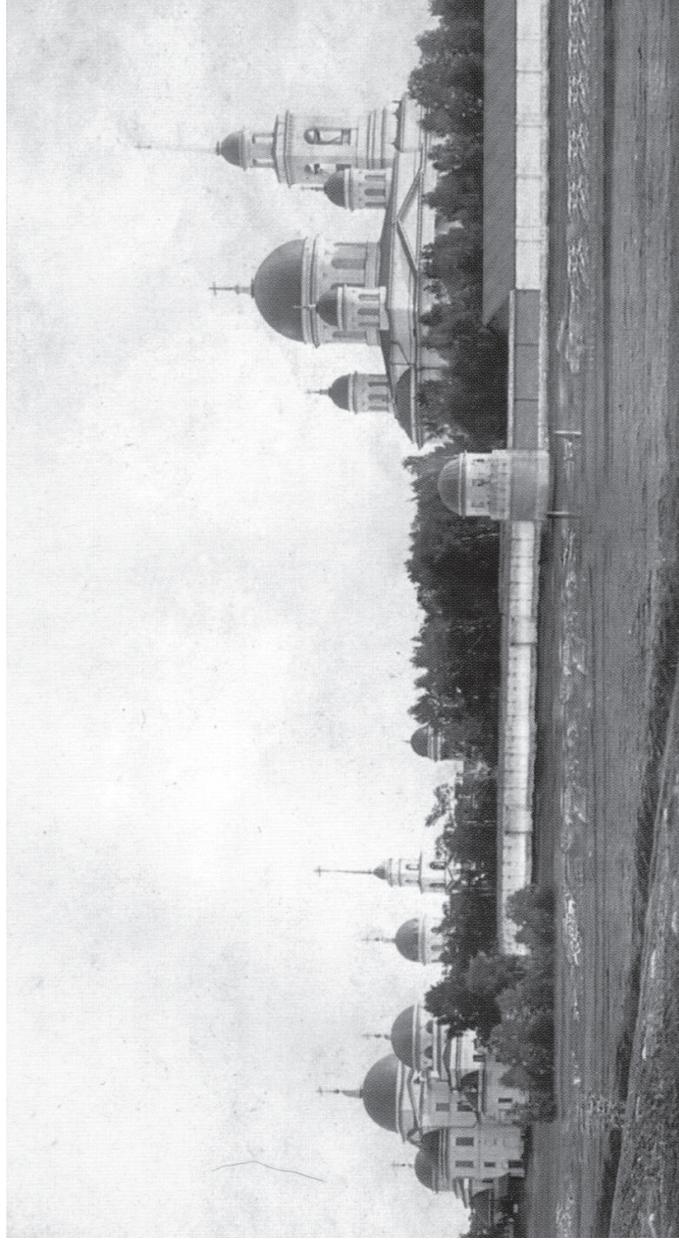
Шторм Г. Страницы морской славы. М., 1954.

Ново-Тихвинский монастырь в 1826 г. Фрагмент духовной картины-эпифагии на смерть исумены Таисии

План Екатеринбурга 1888 г. Ново-Тихвинский монастырь отмечен рамкой в юго-восточной части плана

Ново-Тихвинский монастырь. Начало XX в.

Вид с северо-востока: справа — Александро-Невский собор, слева — восточный фасад монастыря с тремя церквями (слева направо: Феодосиевская, Введенская, Скорбященская), за фасадом — Успенская церковь (с колокольней), Всехсвятская церковь

Успенская церковь. Фотография С. М. Прокудина-Горского. 1909

Александрo-Невский собор. Фотография С. М. Прокудина-Горского. 1909

Игуменя Магдалина (Неустроева). *Последняя четверть XIX в.*

Игуменья Магдалина (Досманова). Начало XX в.

Насельницы Ново-Тихвинского монастыря. Последняя четверть XIX в.
В центре — игуменья *Магдалина (Неустроева)*, в первом ряду — воспитанницы монастырского приюта

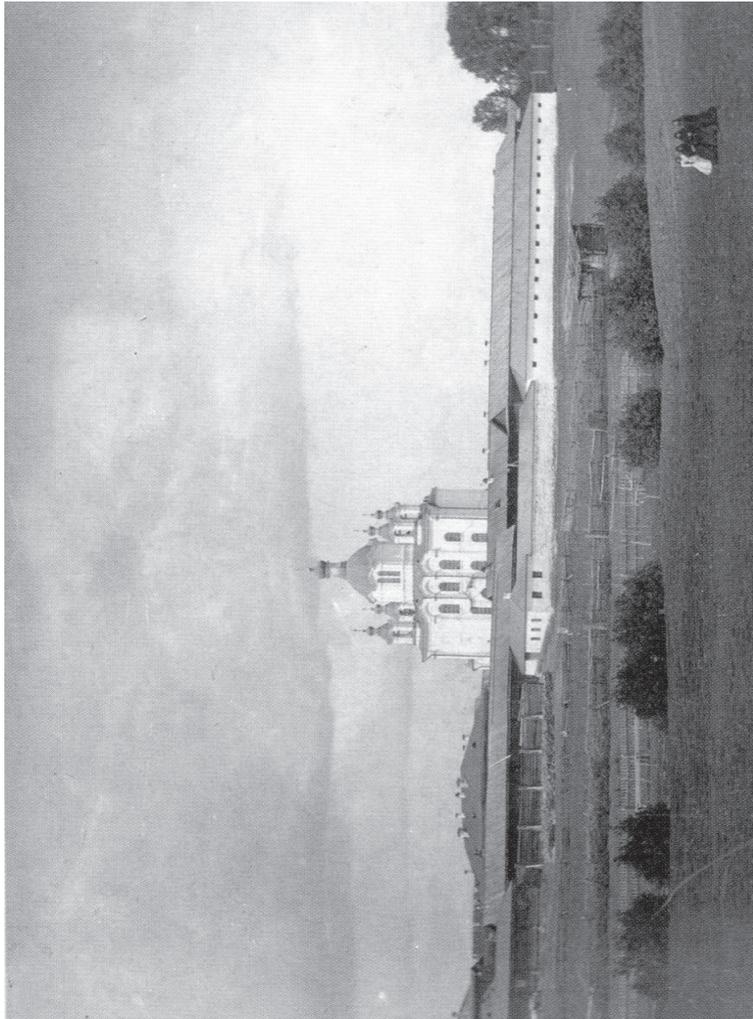
Иконописная мастерская монастыря. Начало XX в.

В ожидании крестного хода. Начало XX в.
Справа — Всехвятская церковь, слева — вход в Успенскую церковь

Монастырские певчие (клирошанки)

Елизаветский хутор монастыря. Начало XX в.

Новотихвинские монахини

Настоятельницы уральских монастырей
на праздновании 100-летия Ново-Тихвинского монастыря. 1910.
Крайняя справа — игуменья Магдалина (Досманова)

Портрет императора Николая II. 1896.

Написан новотихвинской монахиней Емелианой (Баталовой). Штыковые порезы нанесены в 1917 г. при штурме Зимнего дворца.

Государственный центральный музей современной истории России, Москва

Научное издание

Нечаева Марина Юрьевна

**Екатеринбургский Ново-Тихвинский монастырь.
1796–1917 гг.**

Текст публикуется в авторской редакции и верстке
Обложка и верстка иллюстраций *игумен Аркадий (Логинов)*

На 1-й полосе обложки:
Восточный фасад Екатеринбургского Ново-Тихвинского
монастыря. Фотография С. М. Прокудина-Горского, 1909 г.

Подписано в печать: 02.12.2024 г.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,55. Уч.-изд. 19,3.
Тираж 300 экз. Заказ № _____

Отпечатано в типографии ООО «Издательство УМЦ УПИ»
г. Екатеринбург, ул. Гагарина, 35/а, оф. 2.
Тел: (343) 362-91-16, 362-91-17